

Нельдехенъ читалъ на нѣмецкомъ или на французскомъ языкѣ агрономію по руководству Бекмана и естественную исторію въ приложеніи къ агрономіи по руководству Бекштена, а также времени технологію по Бекману и Гербштедту.

Джуиковскій читалъ сельское хозяйство по руководству Бекмана и по собственнымъ запискамъ.

Литровъ читалъ астрономію.

Затеplinскій послѣ него читалъ теоретическую астрономію по руководству Лапласа, Шуберта и Деламбра.

Шагинъ читалъ астрономію по собственнымъ запискамъ и книгѣ Деламбра „Astronomie theorique et pratique“.

На медицинскомъ факультетѣ Шумлянскій читалъ теоретическую и практическую хирургію.

Еллинскій читалъ оперативную и патолого-терапевтическую хирургію по руководству Буша и клиническія хирургическія наставленія, десмургію, науку о хирургическихъ инструментахъ и временно повивальное искусство, женскія болѣзни по сочиненію „Ueber das philosophische und pathologische Leben des Weibes“.

Кригеръ преподавалъ десмургію по запискамъ Еллинскаго, оперативную хирургію и читалъ со студентами медицинскія сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ.

Колумна Вигура читалъ теоретическую и практическую хирургію и дѣлалъ хирургическіе опыты.

Настоящимъ же представителемъ каѳедры послѣ Еллинскаго сдѣлался Бутковскій.

Дрейсигъ читалъ общую и частную патологію, терапію хроническихъ болѣзней и велъ клинику (ежедневно по 1 часу).

Брандейсъ преподавалъ общую и частную патологію и терапію, велъ ежедневно клиническія упражненія, объяснялъ сочиненіе Вельса „De re medica“ и афоризмы Гипократа.

Гнѣдичъ не долго читалъ общую и частную патологію, а также повивальное искусство.

Рейпольскій излагалъ ученіе о хроническихъ болѣзняхъ, а потомъ общую и частную патологію и терапію.

Цильгеръ преподавалъ ветеринарную медицину.

Экебладъ читалъ общее обозрѣніе ветеринарной науки относительно ея различныхъ вѣтвей, пользы и исторіи, зоотомію главнѣйшихъ животныхъ, сравнительную фізіологію и патологію и повивальныя болѣзни домашнихъ животныхъ.

Книгинъ читаль курсы анатоміи по сокращенію Загорскаго, физиологіи по сокращенію Кронсбруха, медицинской полиціи и судебной медицины по собственнымъ запискамъ и временно вмѣсто Дрейсига патологию, терапію и клиническіе опыты.

Прозекторъ Лукинъ излагаль 1-ю часть анатоміи по сочиненію Загорскаго.

Венедиктовъ преподаваль анатомію по руководству Загорскаго уиражняль слушателей въ „трупоразъятіи“ и приготавлиль трупы для анатомическихъ лекцій; читаль физиологію, судебную медицину и медицинскую полицію.

Леоновъ преподаваль анатомію (1-ю часть).

Каменскій читаль курсъ повивальнаго искусства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней по сочиненію Мартенса и Амбодика, съ прибавленіемъ собственныхъ примѣчаній.

Богородицкій преподаваль теоретическое и практическое акушерство по сочиненію Капюрона „Cours theoretique et pratique d'accouchemens, 1816“, женскія и дѣтскія болѣзни.

Блументаль читаль теоретическое и практическое акушерство по руководству Іерга и Озіандера, а когда представлялся случай, посѣщаль со слушателями клинику для практическихъ занятій, т. е. лѣченія роженицъ и младенцевъ, излагаль дѣтскія болѣзни по руководству Генке и Гартаннера, велъ практическія упражненія на фантазмѣ, читаль объ острыхъ болѣзняхъ, ложныхъ воспаленіяхъ и чахоткѣ. Его преемникомъ былъ Гавъ, также читавшій акушерство.

Ванноти преподаваль фармакологию и рецептуру, руководствуясь для приготовленія лекарствъ русской гражданской и военной фармакопеей, а также практическую фармацію и исторію медицины.

Громовъ читаль фармакологию по сочиненію Геккера, руководствуясь въ фармакологической практикѣ сокращеніемъ Бухгольца „Theorie und Praxis der pharmaceutisch-chemischen Arbeiten. Leipzig, 1818“, а для приготовленія лекарствъ—сочиненіемъ Нелюбина и русской полевой фармакопеей; кромѣ того онъ дѣлаль обзорѣніе медицинскихъ системъ по руководству Удена и Геккера.

Болгаревскій читаль практическую фармацію по руководству химика и фармацевта Буильона Лагранжа.

Гордѣенко преподаваль фармацію по Тримсдорфу и рецептуру по Фохту.

Каленниченко преподаваль врачебную естественную исторію по руководству Ришара.

Чтобы дать болѣе полное понятіе о характерѣ преподаванія того времени, мы приведемъ нѣкоторыя болѣе подробныя (сравнительно съ приведенными выше) свѣдѣнія о курсахъ, читанныхъ профессорами и адъюнктами въ 1834 году. Не преподавались вовсе—толкованіе священнаго писанія и церковная исторія, сельское домоводство и коммерція, по неимѣнію профессоровъ; прекратилось также, за выходомъ изъ университета Чанова и Гренберга, преподаваніе философіи и нѣмецкаго языка (Чанова долженъ былъ замѣнить Протопоповъ), за выходомъ Экеблада—преподаваніе ветеринаріи, за увольненіемъ Криворотова—римскаго права и за перемѣщеніемъ въ Кіевъ адъюнкта Циха—преподаваніе всеобщей исторіи. Введено же было на медицинскомъ факультетѣ преподаваніе психіатріи, системъ медицины и медицинской естественной исторіи. По преподаваемымъ курсамъ дѣлались репетиціи—по тремъ года и по прочтеніи cadaго отдѣла. Курсъ проф. Степанова состоялъ въ критическомъ изложеніи мнѣній важнѣйшихъ представителей политической экономіи—Ад. Смита, Сес, Рикардо, Мальтуса, Маккьюлака, Гавиля, Сисмонди и нѣкоторыхъ другихъ. Криворотовъ по римскому праву кромѣ конспекта Пауловича опирался на сочиненія Нибура, Гуго и Савиньи. Русское публичное право проф. Г. Гордѣенко читалъ по своду законовъ российской имперіи, заимствуя объясненія изъ полнаго собранія законовъ. Способъ изложенія у него былъ историческій: онъ обозрѣвалъ статьи законовъ въ постепенномъ ихъ развитіи и объяснялъ при этомъ ихъ приложеніе въ частныхъ случаяхъ. Студенты обязаны были составлять для упражненія подробный журналъ всякой прочитанной лекціи. Русское гражданское судопроизводство онъ излагалъ такимъ же образомъ, руководствуясь сводомъ законовъ и объясняя, какъ исторически вырабатывались современныя нормы. Студенты упражнялись въ составленіи конспектовъ лекцій, дѣловыхъ бумагъ и производствъ дѣлъ, заимствуя матеріалъ для нихъ изъ печатныхъ сенатскихъ записокъ. Русское уголовное право читалъ тотъ же Г. Гордѣенко. При изложеніи общей части, онъ руководствовался преимущественно Фейербахомъ и Генке, вторую спеціальную часть излагалъ по своду законовъ. При изложеніи подвергались разсмотрѣнію усовершенствованныя европейскія законодательства Баваріи, Пруссіи, Австріи и Франціи и мнѣнія извѣстнѣйшихъ криминалистовъ—Грольмана, Клейшрода, Клейна, Беккариа, Митермайера и другихъ. Прикладную физику читалъ Комлишинскій по руководству проф. Мунке, а Правикскій общую физику—по запискамъ Комлишинскаго. Дьяченко читалъ высшую алгебру, тригонометрію и коническихъ сѣченія по сочиненіямъ Коши, Бурдона, Лежандра и Осиповскаго. Для упражненія студентовъ имъ предлагались матема-

тическія задачи. Проф. Осиповскій преподавалъ высшую математику— общую теорію функцій и ихъ преобразованіе (введеніе въ анализъ безконечно малыхъ), дифференціальное исчисленіе, алгебраическую часть приложенія анализа къ геометріи, по сочиненіямъ Эйлера, Лагранжа и Монжа. Студентамъ предлагались математическія задачи. Оптику преподавалъ Дьяченко по Гершелю, Пулье и Біоту. Архангельскій излагалъ механику по сочиненію Франкера и собственнымъ запискамъ и предлагалъ студентамъ разбирать нѣкоторые примѣры, помѣщенные въ книгѣ. Затеplinскій преподавалъ астрономію по своимъ запискамъ, Шуберту и Делямбра. Его преемникъ Шагинъ читалъ свой курсъ по книгѣ Делямбра и предлагалъ студентамъ астрономическія задачи для рѣшенія ихъ посредствомъ логарифмовъ. Сухомлиновъ излагалъ химію по своимъ запискамъ, придерживаясь также сочиненій Гмелина и Гесса съ дополненіями изъ періодическихъ изданій; особыхъ упражненій не было. Зоологію преподавалъ Криницкій по Кювье и Яроцкому, при чемъ специально излагалъ систему Кювье. Онъ же читалъ и минералогію по Щеглову. Ботанику читалъ Черняевъ, обращая особенное вниманіе на практическія упражненія, которые лѣтомъ производились въ ботаническомъ саду и полѣ надъ живыми, а зимою надъ высушенными образцами. Технологию читалъ Сухомлиновъ по своимъ запискамъ и Денисову. Венедиктовъ читалъ анатомію, по сочиненіямъ Меккеля „Handbuch der menschlicher Anatomie. Halle, 1812—1815“ и „Bayle et Holland. Manuel d'anatomie descriptive“ и „Manuel d'anatomie générale“; студенты же пользовались руководствомъ Загорскаго. Тотъ же Венедиктовъ излагалъ и физиологію по руководству Ленгосека „Institutiones physiologiae organismi humani“ и сочиненіямъ Гидеманна, Бертольда, Бленвиля и другихъ. Онъ же читалъ судебную медицину по руководству академика Громова „Краткое изложеніе судебной медицины“, и медицинскую полицію по руководству Вельцина „Начертаніе врачебнаго благоустройства“ и сочиненіямъ Béné „Elementa politiae medicae“, Франка, Шмидтмиллера и другихъ. При изложеніи судебной медицины происходили вскрытія умершихъ. Студенты 3 и 4-го курса дѣлали по очереди анатомио-физиологическія демонстраціи, а студенты 4-го курса упражнялись въ судебно-медицинскомъ изслѣдованіи мертвыхъ и составленіи судебно-медицинскихъ актовъ; казеннокоштные студенты 2-го курса упражнялись въ практической анатоміи. Помощникомъ у Венедиктова по части анатоміи былъ Леоновъ. Но все-таки Венедиктову было очень трудно вести такіе обширные и самостоятельные курсы— и самъ университетъ ходатайствовалъ о порученіи ихъ нѣсколькимъ преподавателямъ. Курсы общей патологіи и терапіи читалъ Рейпольскій

по собственнымъ запискамъ и сочиненіямъ Шпренгеля, Гартмана, Геккера и Гуфелаанда. Онъ же преподавалъ отдѣлъ частной терапіи о хроническихъ болѣзняхъ по своимъ запискамъ и сочиненіямъ Газе, Рихтера и П. Франка. Отдѣлъ объ острыхъ заболѣваніяхъ излагалъ Блументаль, по свему конспекту и придерживаясь Рихтера. Фармакологию читалъ Громовъ по собственному конспекту, фармацію—Е. С. Гордѣнко по своимъ запискамъ, извлеченнымъ изъ сочиненій Громсдорфа и Геккера, рецептуру—онъ же по руководству Фохта. Проф. Ганъ читалъ акушерство по конспекту Блументали, а дѣтскія болѣзни по системѣ Гекке. Бутковскій читалъ теоретическую хирургию, пользуясь сочиненіемъ М. Хеліуса, а Кригеръ — оперативную хирургию и десмургию по запискамъ Еллинскаго. Тотъ же Бутковскій преподавалъ психіатрію по собственному своему сочиненію — о душевныхъ болѣзняхъ, сообразно съ теоретическими соображеніями Грасса и Гейнрота и практическими наставленіями Ескироля.

Якимовъ читалъ курсы пѣтики и исторіи русской словесности и предложилъ студентамъ для практическихъ занятій слѣдующія темы. 1) Взглядъ на „Слово о полку Игоревѣ“; 2) О вліяніи христіанства на родъ человѣческой въ умственномъ, нравственномъ и политическомъ отношеніи; 3) Человѣкъ ли существуетъ для науки или наука для человѣка? 4) Какую пользу принесла схоластическая философія при возрожденіи наукъ въ Европѣ? 5) Историческое похвальное слово Димитрію Ивановичу Донскому; 6) О гибельныхъ слѣдствіяхъ превратнаго воспитанія; 7) О возможности всеобщаго вкуса; 8) О необходимости зла физическаго и нравственнаго; 9) Объ отношеніяхъ міра физическаго къ идеальному; 10) *Какую пользу можетъ принести преподаваніе истинной философіи?* 11) Нужно ли въ XIX ст. изучать языки и литературу древнихъ народовъ? 12) Опытъ о жизни и твореніяхъ Карамзина; 13) Взглядъ на исторію Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго; 14) Греція и Римъ въ эстетическомъ отношеніи; 15) Нужно ли въ литературѣ отличать языкъ книжный отъ языка собственно народнаго? 16) Идеалъ истиннаго критика; 17) Взглядъ на духовное краснорѣчіе въ Россіи; 18) О классицизмѣ и романтизмѣ; 19) Какія услуги русской словесности оказала „Вѣстникъ Европы“; 20) Можетъ ли драма Шекспирова быть образцомъ для подражанія въ XIX ст. и въ особенности въ Россіи? 21) О космополитизмѣ и патріотизмѣ въ отношеніи къ общему и частному благу народовъ; 22) О границахъ познавательной способности человѣка; 23) Могутъ ли общества человѣческія существовать безъ религіи? 24) О духѣ поэзіи Хераскова; 25) Можетъ ли безнравственный человѣкъ приносить истинную пользу литературными талантами?

Кромѣ этого Якимовъ предложилъ еще цѣлый рядъ темъ для стихотворныхъ упражненій студентовъ: 1) Послѣдній день Помпеи, 2) Петръ Великій, 3) Множество міровъ, 4) Мореплаватель, 5) Послѣдній день міра, 6) Эдиъ, 7) Колумбъ, 8) Ораторъ, 9) Развалины Пальмиры, 10) Паденіе Рима, 11) Спаситель міра, 12) Слава и величіе Россіи, 13) Потопъ, 14) Москва, 15) Музыка, 16) Разлука съ родиной, 17) Пустыня, 18) Весна жизни, 19) Адъ, 20) Восторгъ пророка, 21) Подражаніе 17 псалму, 22) Гомеръ, 23) Пирамиды, 24) Герой, 25) Флоръ.

Мауреръ преподавалъ на латинскомъ языкѣ греческую грамматику и объяснялъ Ксенофонта, Одиссею и Теокрита. Сокальскій читалъ римскія древности на латинскомъ языкѣ по конспекту ректора Кроеберга. Онъ же объяснялъ римскихъ авторовъ. Для студентовъ онъ назначалъ слѣдующія темы: 1) *Saepe fallit imago*; 2) *Fortuna paratur moribus*; 3) *Honos alit artes*; 4) *Obedientia felicitatis mater*; 5) *De praecipuis causis interitus imperii Romani*; 6) *Alexander Macaedonum an Julius Caesar dignior est nomine magni*? На эти темы поданы были сочиненія на латинскомъ языкѣ, но среди нихъ отличнаго не оказалось. Паки де Совиньи и Кроебергъ вели преподаваніе по латинскому языку, по собственнымъ запискамъ. Всеобщую исторію читалъ временно, подъ руководствомъ проф. Степанова, Клобуцкій по Кайданову. Статистику читалъ Гулакъ-Артемовскій, предложившій студентамъ слѣдующія темы: 1) Определить, до какой степени географическое положеніе Европейскихъ государствъ и степень развитія ихъ производительныхъ силъ способствуютъ выгоднымъ отношеніямъ ихъ къ прочимъ частямъ Свѣта, собственно въ отношеніи торговомъ? 2) Определить мѣстныя удобства и неудобства Европейскихъ государствъ касательно взаимнаго ихъ между собою сообщенія въ смыслѣ политическомъ и торговомъ; 3) Такъ какъ статистика разсматриваетъ четвероюкія силы государства—физическія, нравственныя, экономическія и политическія, то показать, какое изъ Европейскихъ государствъ достигло высшей степени развитія сихъ силъ и какимъ способомъ. На эти темы не представлено было ни одного сочиненія. Съ декабря 1834 года науку эту сталъ преподавать кандидатъ Клобуцкій. Русскую исторію преподавалъ Гулакъ-Артемовскій, предложившій слѣдующія темы: 1) Определить происхожденіе словенъ и вѣроятнѣйшую эпоху появленія ихъ въ Европѣ, обозначить причины, путь и слѣдствія движенія ихъ туда, ихъ смѣшеніе съ народами другого происхожденія, указать на остатки словенъ въ Европѣ независимо отъ словенъ российскихъ; 2) Изъ какихъ народныхъ элементовъ составилось Россійское государство, какой существенный характеръ этихъ элементовъ въ физическомъ и нравственно-политическомъ отношеніи и какіе полезные ре-

результаты можно вывести из рѣшенія этихъ двухъ вопросовъ? 3) Оцѣнить историко-критическимъ образомъ картину правленія великаго князя Владиміра Мономаха, представленную историографомъ Карамзинымъ въ его безсмертномъ твореніи „Исторія Государства Россійскаго“ и въ „Исторіи Русскаго Народа“, сочиненной Полевымъ. Для удобнѣйшаго рѣшенія этихъ вопросовъ указаны важнѣйшіе источники и пособія. На эти темы было представлено четыре сочиненія, но ни одного изъ нихъ нельзя было назвать отличнымъ. Дорнъ преподавалъ персидскій и турецкій языки и объяснял отрывки, помѣщенные въ соответственныхъ хрестоматіяхъ. Новые иностранные языки читались—Паки де Совиньи (французскій), Гренбергомъ (нѣмецкій) и Дорномъ (англійскій). Рисованіе преподавалъ Рѣпинъ, музыку—Лозинскій и танцы—Строцкій ¹⁾.

Приведенныя нами данныя имѣютъ важное значеніе: они отличаются документальнымъ характеромъ и даютъ наглядное понятіе обо *всѣхъ курсахъ*, читанныхъ профессорами и преподавателями за изучаемый нами двадцатилѣтній періодъ исторіи Харьковскаго университета. Но у нихъ есть одинъ коренной недостатокъ—они ничего не говорятъ *качественной* сторонѣ преподаванія, о его содержаніи и формѣ. Недостатокъ этотъ пополняется отзывами о преподавательской дѣятельности профессоровъ Харьковскаго университета тогдашнихъ студентовъ. Конечно, отзывы эти не отличаются исчерпывающею полнотою содержанія, касаются далеко не всѣхъ преподавателей и не въ одинаковой степени cadaго изъ нихъ, наконецъ, отличаются подѣ часть субъективнымъ характеромъ и даютъ скорѣе впечатлѣніе отъ лекцій, чѣмъ строгую и всестороннюю ихъ оцѣнку. Но въ общемъ они все-таки имѣютъ значеніе какъ живое слово современниковъ, ярко рисующее содержаніе изложеніе профессорскихъ курсовъ.

Къ счастью мы имѣемъ отзывы трехъ студентовъ Харьковскаго университета—г. Н. ²⁾, Д. П. Хрущова ³⁾ и Н. И. Костомарова; 1-й поступилъ въ студенты въ 1828 г., 2-й повидимому въ 1832 г. и третій въ августѣ 1833 года и оставался въ немъ до августа 1836 года—такимъ образомъ они дополняютъ и какъ бы провѣряютъ другъ друга. При томъ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Рук. отчетъ университета съ 18-го ноября 1833 г. по 2 января 1835 года.

²⁾ Помѣщены въ газетѣ „Южный Край“ за 1883 годъ, №№ 711, 712, 718, 722.

³⁾ Еще не напечатаны; рукопись ихъ сообщена мнѣ сыномъ автора—известнымъникомъ П. Д. Хрущовымъ, за что мы и приносимъ ему глубокую благодарность; содержаніе „жизнеописаніе“ его отъ рожденія до назначенія директоромъ департамента юнкеровъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій (т. е. съ 1816 по 1855 годъ). Я сдѣлалъ выписку только изъ той части ихъ, которая посвящена студенческимъ годамъ.

къ отзывамъ этимъ можно относиться съ довѣріемъ: они ничѣмъ не возбуждаютъ нашего сомнѣнія. Воспоминанія Костомарова дышатъ правдивостью; личность студента *Н.* правда намъ неизвѣстна — знаемъ однако, что онъ былъ учителемъ исторіи, — но его разсказъ отличается фактическимъ характеромъ и производитъ впечатлѣніе безпристрастнаго повѣствованія; рѣзкія характеристики хотя и имѣются, но относятся къ дѣятелямъ, ихъ заслужившимъ. Дмитрій Петровичъ Хрущовъ впоследствии занималъ высокое служебное положеніе, былъ передовымъ дѣятелемъ и отличался свѣтлымъ выдающимся умомъ. Хотя всѣ эти воспоминанія написаны были долгое время спустя послѣ студенческой жизни ихъ авторовъ, но въ нихъ ярко отразились впечатлѣнія юности и самая оцѣнка пріобрѣла болѣе законченный, такъ сказать, характеръ — это былъ ретроспективный болѣе уравновѣшенный взглядъ на прошлое. Впрочемъ записки Д. П. Хрущова написаны въ болѣе рѣзкомъ тонѣ, чѣмъ воспоминанія бывшаго студента г. *Н.* и это объясняется, по всей вѣроятности, болѣе экспансивнымъ характеромъ автора и болѣе прогрессивнымъ складомъ его общественныхъ воззрѣній. Г-нъ *Н.* былъ студентомъ этико-политическаго факультета и потому, естественно, лучше зналъ профессоровъ этого именно факультета. О профессорахъ другихъ факультетовъ онъ пишетъ только отчасти по своимъ собственнымъ впечатлѣніямъ (именно о тѣхъ, коихъ лекціи посѣщалъ)¹⁾, болѣею же частью, какъ самъ говоритъ, по разсказамъ товарищей. Д. П. Хрущовъ описываетъ преподаваніе только профессоровъ своего словеснаго факультета, слѣдовательно говорить какъ прямой непосредственный свидѣтель. Н. И. Костомаровъ, бывший на филологическомъ факультетѣ, описываетъ профессоровъ этого послѣдняго.

Начнемъ свой обзоръ съ лекцій профессоровъ словеснаго факультета, такъ какъ о нихъ сохранились свидѣтельства всѣхъ авторовъ. Для студентовъ этико-политическаго факультета было обязательно слушаніе курсовъ по исторіи — эти курсы посѣщалъ поэтому и *Н.*

„Ординарный профессоръ Петръ Петровичъ Артемовскій-Гулакъ, по словамъ *Н.*, обыкновенно распредѣлялъ свои четыре лекціи такъ, что одинъ годъ преподавалъ русскую исторію, а на другой статистику. Студентамъ приходилось слушать каждый изъ этихъ предметовъ то въ первомъ, то во второмъ курсѣ, смотря по времени ихъ вступленія въ

¹⁾ „Немноготрудныя мои занятія по юридическому факультету и немногочисленность его предметовъ, говорить онъ, позволяли мнѣ посѣщать нерѣдко лекціи и по другимъ факультетамъ, особенно же по филологическому, называвшемуся тогда словеснымъ. Болѣе или менѣе я знаю подробности о каждомъ изъ его профессоровъ и вкратцѣ поразскажу о нихъ“.

университетъ. Артемовскій-Гулакъ былъ не глубокой ученый, но весьма даровитый профессоръ. Въ то время русскую исторію разрабатывали уже Каченовскій, Погодинъ, Полевой и другіе ученые, послѣдователи новой исторической школы. Если нашъ профессоръ и былъ знакомъ съ ихъ трудами, за то собственные лекціи его не шли далѣе Карамзина и оканчивались обыкновенно на той же эпохѣ, на которой остановился нашъ исторіографъ. Домъ Романовыхъ составлялъ въ нихъ весьма важный пробѣлъ. Всю новѣйшую исторію этого дома профессоръ пробѣгалъ только вкратцѣ по руководству Константинова, а иногда, не читая ее вовсе, выдавалъ только студентамъ вопросы или программу для приготовленія къ экзамену. Статистику Россіи профессоръ читалъ по руководству Арсеньева, лучшему изъ тогдашнихъ изданій, пополняя его изъ года въ годъ новыми данными. Много интереса статистикѣ придавало то, что въ изложеніи ея профессоръ, вмѣстѣ съ историческими свѣдѣніями по каждому отдѣлу, касался рѣшенія многихъ политико-экономическихъ вопросовъ, примѣняя ихъ къ современному быту и положенію Россіи. Вообще онъ читалъ тотъ и другой предметъ не съ книги или тетради, но живою, звучною рѣчью. Не только студенты любили его лекціи, но ихъ посѣщали часто и посторонніе посѣтители. Онъ увлекалъ своихъ слушателей даромъ слова, цвѣтистыми оборотами рѣчи и вообще умѣніемъ и находчивостію вызвать и оживить вниманіе своей аудиторіи. Кромѣ историческихъ лекцій, Артемовскій-Гулакъ преподавалъ для желающихъ польскій языкъ 2 раза въ недѣлю. Одна изъ этихъ лекцій назначалась имъ для начинающихъ, а другая для болѣе успѣвшихъ. Съ первыми занимался онъ переводами польскихъ басенъ и другихъ легкихъ стихотвореній, а съ другими переводилъ Мицкевича и другихъ польскихъ поэтовъ“.

Д. П. Хрущовъ иначе отзывался объ Артемовскомъ-Гулакѣ. „Былъ у насъ профессоръ отечественной исторіи и всеобщей статистики Петръ Петровичъ Артемовскій-Гулакъ, родомъ еврей (?), съ курчавыми какъ у барана черными волосами, длиннымъ, горбатымъ носомъ, съ большимъ всегда полуоткрытымъ ртомъ, желтыми зубами и т. п. Говорилъ всегда съ нѣкоторою торжественностью голоса и слога, какъ трагическій актеръ на сценѣ, но краснорѣчіе его было ни что иное, какъ пустозвонъ и пустоцвѣтъ. У него была слѣдующая любимая фраза: отъ гроба Іоавна и до колыбели Петра Россія и пр.“

Спрашивается: какому же изъ этихъ двухъ отзывовъ мы должны отдать предпочтеніе? Мы думаемъ, что истина лежитъ посерединѣ: большинству слушателей лекціи Артемовскаго-Гулака нравились, но были и такіе, которымъ не по сердцу былъ ихъ риторическій характеръ. Въ числу

такихъ лицъ принадлежали Д. П. Хрущовъ и Н. И. Костомаровъ. Но отзывъ *Н.* отличается такою обстоятельностью и мотивированностью, что долженъ быть признанъ заслуживающимъ полного вниманія и требующимъ только нѣкотораго ограниченія—вмѣсто „студенты любили лекціи Артемовскаго-Гулака“ нужно сказать: многіе или большинство студентовъ любили лекціи Артемовскаго-Гулака за живость изложенія и краснорѣчіе лектора. Д. П. Хрущовъ не отрицаетъ краснорѣчія у Артемовскаго-Гулака, и *Н.* не считаетъ его глубокимъ ученымъ; слѣдовательно, въ этомъ основномъ пунктѣ они сходятся другъ съ другомъ. Еще рѣзче могъ подчеркнуть ученую скудость Артемовскаго-Гулака Н. И. Костомаровъ, писавшій свои воспоминанія уже тогда, когда сдѣлался знаменитымъ историкомъ.

„Профессоръ Евграфъ Матвѣевичъ Филомафитскій, говоритъ *Н.*, преподавалъ послѣдовательно студентамъ всѣхъ трехъ курсовъ юридическаго и филологическаго факультетовъ всеобщую исторію и статистику. Лекціи его, состоявшія изъ простыхъ безыскусственныхъ разсказовъ, въ которыхъ профессоръ не слѣдовалъ ни одному изъ изданныхъ руководствъ, записывались обыкновенно студентами, которые по нимъ же и готовились къ своимъ экзаменамъ. Историческія свѣдѣнія Филомафитскаго или же по крайней мѣрѣ его лекціи не шли далѣе Миллота, Роллена и другихъ застарѣлыхъ французскихъ писателей, труды которыхъ переведены были въ свое время на русскій языкъ; не знаю даже, читалъ ли профессоръ въ подлинникѣ сочиненія названныхъ авторовъ. Въ изложеніи всеобщей статистики онъ слѣдовалъ изданному руководству Зябловскаго. Преподаваніе Филомафитскаго, ограничиваясь только фактической частью исторіи и тѣсными рамками учебнаго руководства по статистикѣ, бывъ иногда занимательно, вообще представлялось крайне неудовлетворительнымъ для его слушателей. Изъ его аудиторіи мы не вынесли основательнаго знанія ни того, ни другого предмета. Пополняя подробности о профессорѣ Филомафитскомъ, не могу умолчать о томъ, что онъ, еще до поступленія моего въ университетъ вмѣстѣ съ покойнымъ адъюнктомъ Разумникомъ Гонорскимъ (котораго я уже не засталъ) былъ редакторомъ и издателемъ „Украинскаго Вѣстника“, въ которомъ печаталъ и свои собственные статьи. Филомафитскій умеръ въ бытность мою въ университетѣ.

Преемникъ покойнаго профессора адъюнктъ Владиміръ Францовичъ *Цыхъ*, по выдержаніи имъ экзамена на степень магистра, продолжалъ чтеніе исторіи юристамъ и филологамъ, обязательное для тѣхъ и другихъ. Только со вступленіемъ на кафедру *Цыха*, поняли мы истинное, научное значеніе исторіи. Даровитый профессоръ, увлекаая слуша-

телей своими лекціями, знакомил насъ съ трудами и изслѣдованіями современныхъ писателей—Геерена, Гердера, Нибура, Галлама, Тьерри, Гизо и другихъ. Съ ясностью и отчетливостью, хотя кратко и сжато, излагалъ онъ фактическую часть исторіи; но въ тоже время со всею полнотою и подробностью слѣдилъ за развитіемъ внутренней жизни народовъ, ихъ общественнаго быта и цивилизаціи. Преподаваніе Цыха вызывало восторженные отзывы о немъ студентовъ, а обширность свѣдѣній, при его громадной памяти и неутомимомъ трудѣ, предвѣщала въ немъ замѣчательнаго представителя науки, которымъ вправѣ будетъ гордиться Харьковскій университетъ. Къ сожалѣнію, не болѣе года слушалъ я профессора Цыха; но за то и послѣ, бывши самъ уже преподавателемъ исторіи, я пользовался его лекціями, доставая ихъ у студентовъ, которые весьма тщательно ихъ записывали и потомъ исправляли, подѣ руководствомъ самого профессора. Не долго, однако же Владиміръ Францовичъ Цыхъ оставался въ Харьковскомъ университетѣ. Скоро потомъ онъ переведенъ былъ въ Кіевъ, гдѣ въ молодыхъ еще лѣтахъ окончилъ жизнь свою въ званіи ординарнаго профессора и ректора университета. И тамъ у всѣхъ сохранились о немъ сердечныя воспоминанія и глубокая признательность“.

Съ отзывомъ Н. вполне совпадаетъ и характеристика Цыха у П. Хрущева.

„Изъ профессоровъ любимецъ нашъ былъ преподаватель всемірной исторіи Владиміръ Ивановичъ Цыхъ, родомъ сербъ, который впослѣдствіи былъ ректоромъ въ Кіевѣ Владимірскаго университета и тамъ меръ отъ чухотки въ двѣтъ лѣтъ и всѣми уважаемый и любимый. Онъ былъ человѣкъ вполне современный и ученый. Онъ тепло любилъ одежду, которая ему платила тѣмъ же. Приходя въ аудиторію, онъ никогда не сходилъ на кафедру, а говорилъ лекціи вѣзду, ходя взадъ и впередъ и безпрестанно нюхая табакъ, коимъ къ концу лекціи была пылена вся передняя часть его панталонъ. Слушая его краснорѣчивые рассказы о всемірныхъ событіяхъ, и восплалился воображеніемъ и казалъ ключъ къ вопросамъ о человѣчествѣ, тѣсвившимся въ моемъ голодомъ пытливымъ умѣ. Этотъ умственный трудъ, это бореіе съ неизвестными, не находившими себѣ исхода вопросами, до того меня волновали, что я иногда приходилъ въ родъ лихорадочнаго состоянія. Чтобы выйти изъ этого мрака, я обратился къ Владиміру Ивановичу съ просьбой указать мнѣ свѣтъ, котораго жаждалъ мой умъ, но не могъ найти одними своими силами. Почтенный Цыхъ далъ мнѣ недавно въ то время вышедшую изъ печати книгу знаменитаго въ то время Паризской Сорбонны профессора, а потомъ великаго государственнаго че-

ловѣка Франціи и министра Людовика Филиппа Фр. Гизо подъ заглавіемъ „De la civilisation en Europe“. Въ этой книгѣ разсказывается, какъ на развалинахъ римскаго міра созданъ и выросъ новый германолатинскій міръ, при содѣйствіи Христовой церкви. Книгу эту и прочелъ съ величайшею жадностью въ одинъ день и предо мною какъ бы поднялась завѣса, за которою открылось величественное зданіе новой Европы. Съ тѣхъ поръ въ исторіи человѣчества для меня все сдѣлалось ясно и въ моемъ дальнѣйшемъ ученіи и образованіи я пошелъ по ровному, твердому, вѣрному пути“.

У Костомарова о Дыхѣ мы находимъ болѣе сдержанный, но едва ли болѣе вѣрный отзывъ: „онъ читалъ, говоритъ авторъ, древнюю исторію по Геерену и почти не прибавлялъ къ ней ничего своего“ ¹⁾.

Русскую словесность преподавали тогда въ университетѣ, говоритъ Н., ординарный профессоръ Дмитрій Семеновичъ Борзенко и адъюнкты Ив. Як. Золотаревъ, изъ которыхъ первый читалъ въ разные годы и въ разныхъ курсахъ эстетику, исторію русской литературы и славянскую филологію, а второй—риторику и піитику. Профессоръ Борзенко, ученикъ перваго ректора университета Рижскаго, не умѣлъ поддержать извѣстности и достоинства своего наставника и предметника. Онъ имѣлъ самыя поверхностныя свѣдѣнія о своемъ предметѣ и никогда не относился къ нему добросовѣстно. Его лекція никогда не выходила изъ рамокъ чужого печатнаго руководства, которому онъ слѣдовалъ. Такія лекціи разбавлялись обыкновенно шутками и остротами профессора и забавными анекдотами, которые передавалъ онъ весьма юмористически. Все это смѣшило студентовъ, иногда до неприличія, но не приносило имъ никакой пользы. Вообще Борзенко, не чувствуя никакого призванія къ наукѣ, не утомлялъ себя учеными трудами и велъ жизнь безпечнаго сибарита: любилъ поспать, покушать, а часто и выпить безъ мѣры. Никогда не отказывался онъ отъ веселой компаніи, отъ игры въ карты и другихъ удовольствій. Вездѣ онъ былъ пріятнымъ гостемъ и всегда умѣлъ занять общество своими каламбурами и разсказами. Таковъ онъ былъ и въ университетскомъ кругу, и едва ли не этимъ только можно объяснить, что въ послѣдніе годы своей службы онъ избранъ былъ въ деканы словеснаго факультета. При мпѣ еще Борзенко вышелъ въ отставку. Его адъюнкты, Золотаревъ, читалъ лекціи довольно порядочно, хотя и не пользовался большимъ расположеніемъ студентовъ. Происходя изъ казаковъ, онъ воспитывался въ университетѣ на счетъ Войска Донскаго, куда скоро и вызванъ былъ войсковымъ начальствомъ.

¹⁾ Литературное наслѣдіе. СПБ., 1890, стр. 20.

Ему предстояла обязательная служба въ казачьихъ полкахъ и только по ходатайству попечителя Харьковскаго учебнаго округа онъ опредѣленъ былъ директоромъ въ Новочеркасскую областную гимназію; но, несмотря на такое назначеніе, онъ носилъ съ тѣхъ поръ военный мундиръ и производился во всѣ военные чины до полковника.

Мѣсто Борзенка и Золотарева по кафедрѣ русской словесности занялъ въ университетѣ молодой адъюнктъ Василій Алексѣевичъ Якимовъ. Это было за нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія моего курса и я не могъ слѣдить за лекціями Якимова, готовясь тогда къ послѣднему, окончательному экзамену по всѣмъ предметамъ своего факультета. Но я живо помню дидактическое стихотвореніе, которое вмѣсто рѣчи профессоръ прочелъ на торжественномъ актѣ университета. Якимовъ, который еще до своего профессорства былъ преподавателемъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ славился искусствомъ своей декламации. Стихотвореніе его, прочтенное съ кафедры, носило названіе „Даръ слова“. Не столько, быть можетъ, самое содержаніе его, сколько живая, отчетливая и выразительная рѣчь оратора произвела самое пріятное впечатлѣніе на слушателей и вызвала одобрительныя отзывы всей публики. Стихотвореніе Якимова было напечатано впоследствии — и вотъ его вступленіе, которое сохранилось въ моей памяти:

Да будетъ! Сый изрекъ—и словомъ міръ
Предъ нимъ изъ хаоса нестройнаго явился;
Звѣздами заблесталъ алмазными эфиръ,
Свѣтъ солнца золотой разлился
Въ пространствахъ суши, по волнамъ морскимъ,
Вездѣ его премудрость возсіяла;
Все славу Вѣчнаго вѣщало,
Красуясь бытія прекрасною зарей.
И въ центрахъ всѣхъ существъ и сферъ Творецъ,
Разумное поставивши творенье—
Прекрасныхъ дѣлъ своихъ вѣнецъ,
Свершилъ предвѣчнаго совѣта выраженъе.
Явился Красота—и въ немъ царя
Природа своего торжественно признала;
Въ немъ образъ видимый Невидимаго зря,
Она чело предъ нимъ съ почтеньемъ преклоняла.
Величественъ прекрасенъ видъ!
Онъ святостью, какъ серафимъ, сіяетъ;
Взоръ къ небу устремивъ, какъ пальма онъ стоитъ

И цвѣтъ всѣхъ совершенствъ въ себѣ соединяетъ;
 Объемлетъ мыслію пространства всѣхъ міровъ;
 Безсмертный духъ его—свѣтъ славы безконечной;
 Онъ измѣряетъ вдругъ и твердь, и поясъ млечный,
 И стройный ходъ протекшихъ зрѣть вѣковъ.
 Но гдѣ же сей парщій, свѣтлый геній,
 Въ какой стихіи тайну онъ открылъ
 Передавать намъ образы видѣній,
 И безконечное въ конечномъ заключилъ?
 Гдѣ печатлѣтся ума безсмертный слѣдъ?
 Гдѣ отражается лучъ пламеннаго чувства,
 Хранятся красоты искусства,
 Въ которыхъ естество себя не узнаетъ?
 Внемлите! Онъ отверзъ уста.....
 Ихъ легкое, свободное движеніе
 Плѣняетъ слухъ, воображеніе.
 Какъ стройная игра мелодіи неизяснимой,
 Таинственный, непостижимый,
 Изъ нихъ стремится звуковъ токъ,
 Какъ органъ Божества, восторженный пророкъ,
 Вѣщаетъ онъ—и вслѣдъ потоку слова
 Символы ясныя небеснаго, земнаго,
 Являются преемственной чредой,
 И какъ бы кистью геніальной,
 Рисуется предъ нимъ міръ новый, идеальный,
 И оставляетъ въ немъ эфирный образъ свой и т. д.

Но и Якимовъ не оправдалъ надеждъ, которыми встрѣтили его при вступленіи на университетскую кафедру. Первоначальное воспитаніе его въ одной изъ нашихъ духовныхъ семинарій (Бѣлгородской) наложило на него неизгладимый типъ своеобразныхъ воззрѣній на жизнь и науку. Впослѣдствіи нерѣдко доходили до меня отъ бывшихъ сверстниковъ и сотоварищей моихъ весьма цѣстные отзывы о профессорѣ. Онъ разлюбилъ нашу новѣйшую беллетристику и даже такихъ поэтовъ, какъ Жуковский и Пушкинъ, которыхъ прежде самъ былъ поклонникомъ. Лекціи Якимова по исторіи русской литературы не шли далѣе Карамзина и всего долѣе съ наибольшими подробностями оставался онъ на произведеніяхъ донетровскаго періода. Даже для своей ученой диссертациі на степень доктора избралъ онъ творенія настырей и другихъ сподвижниковъ нашей церкви, имѣвшихъ безспор-

вое вліяніе на свой вѣкъ и общество, но утратившихъ для настоящихъ современниковъ всякое другое значеніе, кромѣ историческаго. Отъ Якова, изучившаго не только древніе, но и нѣкоторые изъ новѣйшихъ языковъ, и знакомаго съ ихъ литературами, можно было ожидать гораздо большаго. Я долженъ сказать однако же, что онъ издалъ нѣсколько переводовъ Шекспира, вѣрно передающихъ мысль автора и текстъ подлинника, хотя и уступающихъ въ легкости и ясности стихосложенію Полевому, молодому Кронебергу (сыну бывшаго ректора) и другимъ переводчикамъ поэта, скоро затѣмъ явившимся, не говоря уже о дальнѣйшихъ ихъ продолжателяхъ. Въ послѣднее время своей жизни и дружбы Якимовъ приобрѣлъ собственный домъ въ г. Харьковѣ, въ которомъ и открылъ коммерческое училище для дѣтей купеческаго сословія. Въ его частномъ учебномъ заведеніи, кромѣ коммерческихъ наукъ, преподавались и всѣ другіе предметы гимназическаго курса, кромѣ еврейскихъ языковъ. Педагогическая дѣятельность Якова, при его не вѣсѣмъ трезвой жизни, еще болѣе отвлекла его отъ ученыхъ профессорскихъ занятій. Онъ умеръ въ концѣ сороковыхъ годовъ въ пожилыхъ лѣтахъ, но еще далеко не въ старости“.

Д. П. Хрущовъ о Якимовѣ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія.

„Профессоръ русской словесности былъ у насъ Василій Алексѣевичъ Якимовъ, сынъ священника, довольно образованный, но читалъ словесность вяло, безъ цвѣта, голосомъ медоточивымъ, часто вытиралъ то двумя пальцами правой руки, то носовымъ платкомъ, который во время лекціи обыкновенно лежалъ у него на каѳедѣ съ правой стороны. Онъ былъ, что называется, ума твердаго, но простого, любилъ критиковать нектати и тупоумно и самъ хохотать о цущевномъ словцѣ съ большимъ самодовольствомъ. Впрочемъ онъ былъ добрый человѣкъ и его любили“.

Въ общемъ отзывы обоихъ авторовъ сходны другъ съ другомъ. Костомаровъ рѣзко отзываясь о переводахъ Якова изъ Шекспира, Якимовъ, говоритъ онъ, прославился въ свое время бездарнѣйшимъ переводомъ Шекспира, изъ котораго студенты приводили мѣста въ прирѣзъ безсмыслицы“.

„Ординарный профессоръ Иванъ Яковлевичъ Кронебергъ, по слову Н., занималъ каѳедру латинской словесности и преподавалъ студентамъ 3-го курса исторію римской литературы и римскія древности. На лекціяхъ онъ знакомилъ ихъ также съ произведеніями образцовыхъ латинскихъ писателей преимущественно поэтовъ: Горация, Виргилія и другихъ. Передавая каждый стихъ и каждый текстъ авторовъ въ собственномъ изящномъ переводѣ, преподаватель сопровождалъ его всѣми

необходимыми комментаріями—историческими и филологическими. Вообще, Кронебергъ былъ образцовый профессоръ своего времени и глубокій знатокъ древней классической словесности, латинской и греческой. Слушатели цѣнили его по достоинству и съ полнымъ сочувствіемъ относились къ его лекціямъ. Иванъ Яковлевичъ Кронебергъ извѣстенъ былъ и своими учеными трудами, которыхъ было не мало, по тогдашнему скудному запасу нашей сціентифической литературы. Его латинская грамматика и латинскій лексиконъ, полнѣйшій по своему времени и снабженный объясненіями многознаменательныхъ оборотовъ рѣчи римскихъ писателей, распространены были во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ высшихъ и среднихъ. Въ повременномъ изданіи своемъ, подъ заглавіемъ „Амалтея“, выходившемъ періодическими выпусками, Кронебергъ печаталъ свои ученые трактаты о разныхъ предметахъ, болѣе или менѣе относившихся къ изученію классической словесности, ея представителей, и вообще, географіи, исторіи и общественнаго быта древнихъ грековъ и римлянъ. Знакомый со многими новѣйшими языками и ихъ литературою, профессоръ имѣлъ громадный запасъ свѣдѣній не только для лекцій, которыми легко было удовлетворить тогдашнюю студенческую аудиторію, но также для ученыхъ и для всей вообще публики, увлекаая читателей сколько основательностью своихъ изслѣдованій, столько же и занимательностію ихъ содержанія, легкимъ и общедоступнымъ способомъ ихъ изложенія. Въ одинъ изъ учебныхъ курсовъ профессору—къ общему удовольствію его слушателей—захотѣлось познакомить ихъ съ произведеніями современной европейской литературы—съ твореніями Шиллера, Гете, Жанъ-Поль Рихтера, Гофмана и другихъ нѣмецкихъ писателей, а также и Шекспира. Эти лекціи до того были увлекательны для студентовъ, что аудиторія профессора едва могла вмѣщать въ себѣ всѣхъ слушателей разныхъ факультетовъ, при множествѣ постороннихъ лицъ. Впослѣдствіи Кронебергъ напечаталъ эти лекціи свои въ особомъ изданіи, которое выходило періодическими брошюрами. Почтенный профессоръ былъ долгое время деканомъ филологическаго факультета и не одинъ разъ избираемъ былъ ректоромъ университета (въ этой должности онъ былъ предшественникомъ Дудровича). Пріятная и выразительная фізіономія Кронеберга, его сановитая осанка и какъ-то величавая грація во всѣхъ пріемахъ какъ нельзя болѣе шли къ представителю университетскаго сословія. Не только студенты, но также профессора университета и другіе сослуживцы относились къ нему съ особеннымъ уваженіемъ. Во время изготавленія новаго устава университетовъ и среднихъ учебныхъ заведеній, Кронебергъ вызванъ былъ въ Петербургъ, какъ одинъ изъ экспертовъ, приглашенныхъ министрами

Уваровымъ для обсужденія разныхъ вопросовъ, относящихся къ предположенному преобразованію университетовъ и гимназій“.

Д. П. Хрущовъ также высоко ставитъ Кронеберга, называя его любимцемъ студентовъ, весьма ученымъ и умнымъ германцемъ. Костомаровъ считаетъ его талантливымъ, но лѣнливымъ профессоромъ.

„Два второстепенныхъ преподавателя, говоритъ И., готовили студентовъ къ слушанію высшаго курса латинской словесности. Оба они избрали для своихъ лекцій одного и того же писателя — Цицерона. Адъюнктъ Сокальскій упражнялъ студентовъ 1-го курса въ переводахъ лучшихъ знаменитаго римскаго оратора, по изданной университетомъ книгѣ *Cicironis. Orationes selectae*“, весьма распространенной въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Желая пополнить мои ограниченные свѣдѣнія въ латинскомъ языкѣ, я, почти не пропуская, посѣщалъ лекціи Сокальскаго. Они остались не безъ пользы для меня, какъ и для многихъ студентовъ, моихъ сотоварищей. Другой преподаватель экстраординарный профессоръ Н. Н. Паки де Совиньи переводилъ со студентами 2 курса книгу Цицерона „*De officiis*“. Ничего не могу я сказать объ этихъ лекціяхъ, потому что никогда не бывалъ на нихъ. Кромѣ латинской словесности профессоръ Паки де Совиньи преподавалъ также французскій языкъ, для котораго собственно онъ и былъ приглашенъ въ университетъ. Онъ напечаталъ два руководства для студентовъ: „Теоретическую и практическую грамматику французскаго языка“ и „Исторію французской литературы“. Оба эти руководства изданы были на французскомъ языкѣ, но первое изъ нихъ въ русскомъ переводѣ, который ядовалъ за каждую страницу подлинника. Въ грамматику де Совиньи къ правиламъ языка присоединены были статьи разнаго содержанія: историческіе рассказы, повѣсти, анекдоты, описанія, письма и т. п. произведенія беллетристики; но все это были труды или, лучше сказать, цѣлія самого автора. Для перваго курса лекціи его ограничивались тѣмъ, что онъ заставлялъ студентовъ переводить всѣ эти статьи, хотя полный переводъ ихъ былъ тутъ же въ книгѣ, на слѣдующей страницѣ; такъ же точно и студенты 2-го курса переводили другое короткое руководство профессора — изданную имъ исторію французской литературы. Я часто посѣщалъ эти послѣднія лекціи. Владѣя довольно вѣроятно французскимъ языкомъ, я не столько интересовался студенческими упражненіями, сколько собственными рассказами профессора, которыхъ и передамъ теперь нѣсколько словъ. По преданіямъ студентовъ — за справедливость которыхъ я не ручаюсь — профессоръ Паки де Совиньи былъ эмигрантъ, покинувшій Францію во время революціи. Говорили даже, что вмѣстѣ онъ отрекся отъ какого-то духовнаго сана.

Вѣрно только то, что Совиньи не вынесъ съ собою изъ отечества никакихъ религіозныхъ убѣжденій. Онъ былъ пропитанъ идеями и учениями Гольбаха, Гельвеція, Дидро, Руссо, Вольтера, д'Аламбера и другихъ французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка. О нихъ и вообще о писателяхъ своего времени, слѣдовавшихъ тому же направленію, всего болѣе распространялся де Совиньи въ своихъ лекціяхъ. Вотъ эти-то рассказы его и нравились такъ студентамъ. Профессоръ кощунствовалъ надъ всѣми религіозными вѣрованіями и обрядами, надъ святыми, ихъ мощами, иконами и т. п. Не скажу, чтобы студенты раздѣляли всѣ убѣжденія профессора или же сочувствовали его нелѣпымъ выходкамъ и пошлостямъ; но они рады были случаю посмѣяться, подтрунить и позабавиться надъ преподавателемъ. Если все это допускалось въ то время, то благодаря только молчанію студентовъ и ихъ обычаю не выносить сора изъ избы. Никто изъ постороннихъ не заглядывалъ въ аудиторію Совиньи, а если и зашелъ бы когда-нибудь, то, конечно, при чужомъ профессоръ не позволилъ бы себѣ такъ либеральничать. Много забавныхъ преданій и анекдотовъ сохранилось о профессорѣ между харьковскими студентами. Рассказывали, напр., о томъ, какъ однажды студенты наложили хлопущекъ въ подушку, прикрывавшую стулъ на кафедрѣ—и какъ профессоръ, только что присѣвшій на него, вскочилъ и выбѣжалъ изъ аудиторіи, запуганный раздавшимися выстрѣлами. Въ другой разъ профессоръ, войдя въ аудиторію, нашелъ на кафедрѣ своей вырѣзанное изъ картона и раскрашенное изображеніе свиньи почти во всю величину ея. Вотъ и еще забавный анекдотъ въ томъ же родѣ: послѣ одной изъ вечернихъ лекцій Совиньи, студенты провожали его черезъ весь городъ до квартиры съ зажженными смоляными факелами, увѣряя, что этимъ желаютъ они почтить своего любимого профессора. Но всѣ эти рассказы относятся къ тому періоду, когда я не былъ еще въ университетѣ. Въ мое время, при существовавшей тогда строгой дисциплинѣ въ университетѣ, студентамъ нельзя уже было позволять себѣ такихъ скандаловъ“.

Д. П. Хрущовъ о Паки де Совиньи говоритъ, что это былъ родъ идіота и горохового шута, помѣшаннаго на сочиненной имъ глупой грамматикѣ, и предметъ всѣхъ возможныхъ шутокъ нѣсколькихъ поколѣній студентовъ Харьковскаго университета. Тоже самое подтверждаетъ и Н. И. Костомаровъ. „Французскій языкъ, говоритъ онъ, читалъ Паки де Совиньи, бывший недавно передъ тѣмъ профессоромъ латинскаго языка. Это былъ шутъ въ полномъ смыслѣ слова; на лекціяхъ онъ либеральничалъ въ вольтеріанскомъ духѣ, но у него нельзя было научиться ни его языку, ни литературѣ; студенты ходили на его лекціи только для

потѣхи. Онъ представлялъ, какъ въ праздникъ Богоявленія архіерей святить воду и „сுவѣры“ бросаются къ рѣкѣ съ кувшинами, а „philosophe“ думаетъ себѣ иное; вооружался противъ крѣпостнаго права и копировалъ разговоры съ помѣщикомъ такимъ образомъ: „Пожалуйте, за што ви вьѣтъ вашъ мальшикъ?“ „О! онъ мой холѣпъ!“ „Queseque c'est холѣпъ?“ Помѣщикъ отвѣчаетъ: „Ми при Государиня Катерина Алексѣевна шили и били свой шелювѣкъ“. „Ah, monsieur! При Катерина Алексѣевна биль одно время, тецерь — другое!“ Начинались сто разъ повторяемые анекдоты о Вольтерѣ, о достоинствахъ его произведеній, цитировались стихи изъ какой-нибудь Альзире, потомъ снова слѣдовало обращеніе къ Россіи съ указаніемъ разныхъ недостатковъ ея; впрочемъ доставалось на долю и нѣмцамъ. Паки де Совиньи, какъ истый французъ, считалъ французскій народъ самымъ образованнымъ въ свѣтѣ и говорилъ, что хотя у нѣмцевъ есть стихотворцы, какъ Шиллеръ и Гете, но куда имъ до Расина, Кребиллона и Вольтера. Ему извѣстна была только старая французская литература; о новой, современной онъ не имѣлъ никакого понятія да и знать о ней не хотѣлъ¹⁾.

Всѣ три автора, какъ видимъ, совершенно сходятся другъ съ другомъ въ своихъ взглядахъ на Паки де Совиньи, какъ преподавателя.

„Профессоръ Мауреръ, говоритъ Н., преподавалъ студентамъ филологамъ греческую словесность. Менѣе всего могу я сказать объ этомъ профессорѣ, лекціями котораго не могъ я пользоваться потому, что никогда не учился греческому языку. Но я живо помню то впечатлѣніе, которое произвела на меня первая рѣчь профессора на латинскомъ языкѣ, произнесенная имъ при торжественномъ университетскомъ актѣ. Это было такое чтеніе косноязычнаго оратора, въ которомъ едва можно было различить членораздѣльные человѣческіе звуки; во всѣхъ отбѣнкахъ его голоса слышались чуть ли не звукоподражанія тому или другому изъ безсловесныхъ животныхъ. Публика едва сдерживала себя отъ смѣха. Еще труднѣе это было для студентовъ, стоявшихъ стройными рядами по обѣимъ сторонамъ университетской каѳедры“.

Д. П. Хрущовъ о Маурерѣ выражается такъ.

„Греческій языкъ преподавалъ намъ нѣмецъ профессоръ Мауреръ, въ рыжемъ парикѣ и съ носомъ, разбитымъ параличемъ, вслѣдствіе чего онъ говорилъ въ носъ. На каѳедру онъ тоже не садился, а занимался съ нами переводами стоя надъ нами у нашихъ пульнитрокъ, такая пальцами въ пульнитры и дрыгая ногами, какъ индѣйскій плѣнникъ на раскаленной плитѣ, при чемъ отъ спряженія глаголовъ при-

¹⁾ Литературное наслажденіе. СПБ., 1890, стр. 20.

ходилъ въ настоящій азартъ. При этомъ онъ былъ такъ смѣшенъ, что покойный мой братъ разъ не выдержалъ и разсмѣялся. Мауреръ взбѣсился и страшно завопилъ въ носъ: „Quid rides; non amo ridentes, exneas, si ridere vis“.

Н. И. Костомаровъ о Маурерѣ говоритъ: „греческій языкъ читать какой-то нѣмецъ Мауреръ, знавшій свой предметъ въ совершенствѣ, но плохо владѣвшій русскимъ языкомъ и даромъ изложенія на какомъ бы то не было языкѣ“¹⁾.

„Адъюнктъ П. А. Куницкій, читаемъ мы въ воспоминаніяхъ Н., готовя слушателей къ лекціямъ Маурера, преподавалъ греческій языкъ студентамъ 1-го курса. Во всемъ учебномъ округѣ едва ли не въ одной только Харьковской гимназіи введено было тогда преподаваніе греческаго языка и знаніе его не требовалось при вступительномъ экзаменѣ даже отъ предназначавшихъ себя къ филологическому факультету. Поневоѣ адъюнкту приходилось начинать занятія со студентами съ азбуки и чтенія, за которыми слѣдовали въ 1-мъ курсѣ греческая грамматика и упражненія въ самыхъ легкихъ переводахъ. Куницкій зналъ хорошо не только древніе, но и нѣкоторые изъ новѣйшихъ языковъ и былъ знакомъ съ ихъ литературами; но онъ всегда отличался крайнею лѣнностью и весьма небрежно относился къ предмету своего преподаванія. Куницкій позже другихъ профессоровъ начиналъ лекціи свои въ университетѣ и ранѣе всѣхъ оканчивалъ ихъ. Также точно сокращалась почти каждая изъ лекцій, то запаздываніемъ профессора, то преждевременнымъ выходомъ его изъ аудиторіи. Нерѣдко случалось и въ теченіе учебнаго года, что Куницкій прекращалъ свои лекціи подъ разными предлогами: то по случаю ненастной погоды, то ради гризи, которою изобиловали тогда немощенныя харьковскія улицы, особенно въ весеннюю и осеннюю распутицу. Всегда заранѣе профессоръ объявлялъ студентамъ о такихъ интервалахъ своего преподаванія. Куницкій велъ самую нетрезвую жизнь и большую часть времени проводилъ въ трактирахъ и гостиницахъ съ такими же друзьями—собутыльниками. Въ послѣдніе годы службы Куницкій дошелъ до такого нищенства, что ходилъ въ оборванномъ и истасканномъ костюмѣ и чуть не каждый день занималъ по мелочамъ то у одного, то у другого изъ своихъ знакомыхъ.

Въ 1830 году, когда я былъ уже въ послѣднемъ курсѣ, открылась въ Харьковскомъ университетѣ и кафедре восточныхъ языковъ, на которую прибылъ къ намъ откуда-то молодой профессоръ Дорнъ. Кромѣ

¹⁾ Литературное наследіе. СПб., 1890, стр. 20.

своей специальности онъ звалъ древніе классическіе языки и многіе изъ новѣйшихъ, но не могъ тогда еще объясняться по-русски. Поневоля профессоръ долженъ былъ избрать для своего преподаванія латинскій языкъ, знаніе котораго болѣе или менѣе обязательно было для студентовъ всѣхъ факультетовъ. Понятно отсюда, какъ легко было для слушателей усвоить себѣ изученіе восточныхъ языковъ. Съ одной стороны недостаточное знаніе латинскаго языка и неумѣнье владѣть имъ представляли неодолимыя затрудненія для студентовъ; съ другой—роскошныя вымыслы фантазіи и своеобразныя произведенія Востока, носившія на себѣ особый, имъ только свойственный характеръ, не легко поддавались тяжелымъ формамъ римской рѣчи, выработавшейся при иныхъ условіяхъ народной жизни. Сколько ни увлекался профессоръ своимъ предметомъ, но на первый годъ число слушателей его было весьма невелико. Кромѣ другихъ причинъ, это немало зависѣло и отъ того, что на лекціи Дорна, посѣщаемыхъ студентами разныхъ курсовъ и факультетовъ, назначено было самое раннее время дня—отъ 6 до 7 ч. утра. Обавляю здѣсь еще одну странность, которую, быть можетъ, нужно отнести къ скупости профессора: на первое время онъ поселился въ университетскомъ саду, занявъ квартиру въ помѣщеніи главнаго садовника. Оттуда нашъ оріенталистъ, еще до разсвѣта и иногда въ ненастные сѣнные ночи отправлялся пѣшкомъ въ университетъ, не обращая вниманія ни на грязь, ни на погоду. Спусти нѣсколько лѣтъ Дорнъ перенесенъ былъ въ Петербургъ, гдѣ и занялъ мѣсто въ академіи наукъ. Обладавъ необыкновенною способностью къ изученію языковъ, Дорнъ, заставаясь съ Харьковымъ, уже свободно говорилъ по-русски“.

Д. П. Хрущовъ говоритъ о Дорнѣ: „въ заключеніе назову еще профессора восточныхъ языковъ Дорна, который нынѣ состоитъ здѣсь въ Петербургѣ при публичной библіотекѣ. У него мы слушали языки—арабскій и персидскій, которые онъ намъ преподавалъ на языкѣ латинскомъ. Слушателей у него было всего четверо: насъ двое, да Красовскій да Каменскій“.

Переходимъ теперь къ отзывамъ о преподавательской дѣятельности профессоровъ другихъ факультетовъ.

„О. Аванасій Могилевскій, протоіерей кафедральнаго собора, преподавалъ намъ, рассказываетъ Н., четыре часа въ недѣлю догматическое богословіе. Все содержаніе этого предмета заключалось въ тощій градь, которой ставало едва на четыре мѣсяца перваго полугодія. Преподаваніе профессора ограничивалось тѣмъ, что каждый прочитанный имъ параграфъ онъ повторялъ обыкновенно изустно, но почти тѣми же словами, не прибавляя къ нимъ ничего новаго, не развивая ни

одной мысли. Такое безжизненное преподаваніе предмета, съ его сухою и неизбежною діалектикою, не могло ни привлечь студентовъ къ изученію богословія, ни пробудить въ нихъ религіозное чувство и освѣтить христіанскія истины разумнымъ ихъ сознаніемъ. Чго же дѣлалъ профессоръ во второй семестръ, оканчивая свой предметъ еще въ первое полугодіе учебнаго курса? Все это время—съ января мѣсяца до новаго года—затрачивалось на совершенно бесполезныя репетиціи, для которыхъ придуманы были преподавателемъ два самые курьезные способа. Первый изъ нихъ состоялъ въ томъ, что профессоръ вызывалъ студентовъ по алфавитному списку и каждому изъ нихъ предлагалъ въ послѣдовательномъ порядкѣ одинъ изъ вопросовъ, на которые предварительно подраздѣленъ былъ весь курсъ богословія. Слѣдовавшая затѣмъ вторая репетиція предмета отличалась отъ первой только тѣмъ, что студенты вызывались уже не по списку, а по произвольному выбору экзаменатора, но вопросы предлагались каждому изъ нихъ въ томъ же послѣдовательномъ порядкѣ учебнаго руководства. Такое школярство, не приводя ни къ какимъ серьезнымъ результатамъ, давало только поводъ студентамъ относиться съ полнымъ неуваженіемъ къ самому предмету преподаванія. При первой репетиціи студентъ заранее зналъ вопросъ, на который придется отвѣчать ему; при второй же товарищи заранее улаживались между собою, кому приходить на лекціи, подготавливая на каждую изъ нихъ нѣсколько вопросовъ, остававшихся на очереди. Несмотря на то, что богословіе считалось обязательнымъ предметомъ для всѣхъ факультетовъ, въ первый годъ учебнаго курса, во аудиторіи профессора, не отличавшаяся и въ первое полугодіе многочисленностію своихъ слушателей, на второй семестръ едва вмѣстала въ себѣ два или три десятка студентовъ. Раннее время дня, назначенное для богословскихъ лекцій—отъ 7 до 8-ми час. утра—еще болѣе усиливало лѣнь студентовъ, любившихъ поспать или же, вмѣсто скучной лекціи, пролежать въ постели, слѣдя за страницами какого-нибудь журнала или же занимательнаго романа. Несмотря на обязательность богословія для всѣхъ факультетовъ, преподаватель этого предмета численъ былъ, по тогдашнему уставу, къ числу ординарныхъ профессоровъ юридическаго или этико-политическаго факультета, въ которомъ онъ избранъ былъ даже деканомъ на одно изъ трехлѣтій, а потому, за продолжительнымъ отсутствіемъ ректора, вызваннаго въ Петербургъ по дѣламъ службы, исправлялъ и эту послѣднюю должность. Немного отрадныхъ воспоминаній осталось у насъ о профессорѣ Могилевскомъ: но къ чести его нужно сказать, что онъ не безызвѣстенъ былъ въ свое время и нѣкоторыми литературными трудами, весьма впрочемъ немно-

гимн; его риторика принята была за руководство во многихъ духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ; въ разныхъ университетскихъ изданіяхъ отпечатаны были его рѣчи, произнесенныя при торжественныхъ актахъ или годовыхъ собраніяхъ университета. Говорили также, что онъ отличался въ былое время своими краснорѣчивыми проповѣдями въ кафедральномъ соборѣ, которыя, однако же много теряли отъ вялаго и монотоннаго произношенія ихъ по тетрадкѣ.

Профессоръ Андрей Ивановичъ Дудровичъ преподавалъ философію 4 часа въ недѣлю для перваго курса студентовъ всѣхъ факультетовъ, кромѣ медицинскаго, и естественное право два раза въ недѣлю исключительно для юристовъ. Жалкій былъ объемъ философіи, который допускался тогда въ нашемъ университетѣ, а быть можетъ и во всѣхъ другихъ: онъ ограничивался только логикою и методологіею на первый семестръ и нравственною философіею или этикою—на второе полугодіе. Естественное право подраздѣлялось на частное, государственное и международное. Всѣ эти отдѣлы вошли въ настоящее время въ содержаніе разныхъ юридическихъ наукъ—энциклопедіи, законовѣдѣнія и международного права. Мы любили профессора Дудровича за его безукоризненное преподаваніе, за его добрыя отношенія къ студентамъ и вообще честную добросовѣстную дѣятельность. Его лекціи были образцовыя по своему времени. (Несмотря на сербскій выговоръ и неправильные иногда обороты языка, профессоръ увлекалъ своихъ слушателей богатствомъ мыслей, простотою и ясностію ихъ изложенія. И онъ давалъ записки студентамъ, которыя служили имъ руководствомъ къ изученію философіи и естественнаго права; но записки эти далеко не обнимали всего того, что слышали мы съ кафедры и часто одинъ параграфъ руководства, включавшій въ себѣ немного строкъ, составлялъ содержаніе цѣлой лекціи профессора. Въ своемъ введеніи въ философію, а иногда и въ отдѣльныхъ эпизодахъ въ продолженіе всего курса, онъ знакомилъ насъ съ системами и началами современныхъ корифеевъ философіи—Лейбница, Вольфа, Шеллинга и Гегеля. Аудиторія его всегда полна была слушателями всѣхъ курсовъ и факультетовъ, не исключая и медиковъ.

Профессоръ Константинъ Павловичъ Пауловичъ въ шести еже-недѣльныхъ лекціяхъ своихъ преподавалъ юристамъ: первому курсу исторію римскаго права 1 разъ въ недѣлю; второму курсу—римское право 3 раза и 3-му курсу—политическую экономію и дипломатію два раза въ недѣлю. Римское право и его исторія составляли, по запискамъ профессора, довольно толстую и объемистую тетрадь, заключавшую въ себѣ сокращенный переводъ Гейнекція. Но это и все, чѣмъ могли мы пользоваться при изученіи предмета. Лекціи профессора не прибав-

ляли ничего новаго и не заключали въ себѣ ничего другого, какъ только повтореніе текста записокъ; а если иногда онъ вдавался въ разъясненіе какого-либо параграфа, то еще болѣе затемнялъ смыслъ его нескладными не точными и неясными оборотами своей полу-русской, полусербской рѣчи. Еще менѣе онъ приносилъ пользы для студентовъ 3-го курса, которымъ преподавалъ политическую экономію и дипломатію, оканчивая одну изъ нихъ въ первое, а другую во второе полугодіе. Тощая тетрадка политической экономіи давала слушателямъ небольшое понятіе о наукѣ, какъ издаваемые въ настоящее время брошюры для народнаго чтенія, напр. о томъ „Какъ жить, чтобы добро нажать“ и т. п. Это была какая-то иронія надъ университетскимъ преподаваніемъ, чуждая всѣмъ современнымъ требованіямъ науки и вызывавшая только полнѣйшую апатію студентовъ. Но что же такое была дипломатія, преподаваемая профессоромъ? Хотя содержаніе ея нисколько не сохранилось въ моей памяти, но помнится, что онъ читалъ ее по печатному руководству какого-то автора. Здѣсь излагалось все, что относится къ обрядовой или формальной части дипломатическихъ сношеній между государствами, какъ-то: о послахъ, ихъ вѣрительныхъ грамотахъ, нотахъ, о правахъ и обязанностяхъ дипломатическихъ агентовъ и т. п., словомъ, это была наука, потерявшая въ настоящее время всякое самостоятельное значеніе. Не только студенты, но и профессора университета отзывались о Пауловичѣ, какъ о бездарнѣйшей личности. Профессорствомъ своимъ онъ обязанъ былъ покровительству одного изъ попечителей округа, Каріѣва, на родственницѣ котораго онъ былъ женатъ или лучше сказать, его женили“.

„Профессоръ Игнатій Николаевичъ *Даниловичъ*, говоритъ *Н.*, преподавалъ студентамъ 3-го курса юридическаго (этико-политическаго) факультета русское право—гражданское и уголовное, каждое изъ нихъ 2 раза въ недѣлю. Общее мнѣніе университета отзывалось объ этомъ профессорѣ, какъ о человѣкѣ весьма ученомъ, вполне усвоившемъ себѣ глубокія и обширныя свѣдѣнія въ теоріи права, въ положительномъ законодательствѣ и вообще въ юридической литературѣ. Студенты съ восторженными похвалами отзывались о его лекціяхъ и весьма охотно посѣщали ихъ. Но, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось воспользоваться преподаваніемъ почтеннаго И. Н. Даниловича. Еще до перехода моего на 3-й курсъ юридическаго факультета, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ получилъ какое-то назначеніе въ комиссіи составленія законовъ, изъ которыхъ образовалось въ послѣдствіи IV отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

Около того же времени явились въ числѣ преподавателей университета два молодые адъюнкта, выдержавшіе экзаменъ и защитившіе диссертациі на степень магистра правъ—Гавр. Ст. *Гордѣнко* и Алекс. Гр. *Криворотовъ*. Первый изъ нихъ, Гавр. Ст. Гордѣнко, преподавалъ намъ, юристамъ, уже по переходѣ моемъ въ 3-й курсъ, русское право, гражданское и уголовное—то и другое по двѣ лекціи въ недѣлю, по примѣру своего предшественника. Усвоивъ себѣ основательныя свѣдѣнія въ наукѣ, подъ руководствомъ ученаго и опытнаго наставника своего Даниловича, нашъ молодой профессоръ съ любовью и неутомимымъ трудомъ продолжалъ изученіе своего предмета. На первыхъ порахъ его лекціи были, конечно, отголоскомъ мнѣній и взглядовъ его предшественника, отчасти знакомыхъ намъ по запискамъ, сохранившимся у студентовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ преподаваніе Гордѣнка носило на себѣ слѣды тщательной подготовки и обработки и уже заранѣе предвѣщало въ молодомъ преподавателѣ даровитаго и замѣчательнаго представителя науки. Неутомимо преслѣдуя свое призваніе, честно и добросовѣстно выполняя свои обязанности, Гавр. Ст. Гордѣнко не отличался и особенною снисходительностью къ студентамъ: онъ требовалъ отъ нихъ отчетливаго знанія предмета и недаромъ ставилъ имъ ту или другую одобрительную отмѣтку при экзаменахъ. Изученіе русскаго права всего болѣе затруднялось тѣмъ, что въ то время не былъ изданъ сводъ законовъ. Въ нашихъ руководствахъ и запискахъ приводимы были обыкновенно не только статьи разныхъ уставовъ и учреждений, но также и всѣ сепаратные указы, изъ которыхъ извлечено было содержаніе каждаго параграфа. За изложеніемъ каждой статьи законовѣднія слѣдовали указанія всѣхъ относящихся къ ней узаконеній, съ обозначеніемъ ихъ года, мѣсяца и числа. Свѣдѣнія эти требовались отъ студентовъ и составляли для нихъ такую работу, которую не всякая память въ состояніи была вынести. Если не безъ труда пріобрѣтается знаніе исторической хронологіи, то изученіе ея облегчается, по крайней мѣрѣ, самую послѣдовательностью историческихъ событій; тамъ одно помогаетъ другому и исторія идетъ рука объ руку съ хронологіей. Но исторія русскаго права намъ не преподавалась, а систематическое изложеніе теоріи права и положительнаго законодательства не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что помогало бы припоминать разрозненные указы разныхъ эпохъ и временъ, относящіеся къ каждой статьѣ или къ каждому тезису науки. Обращаясь затѣмъ къ преподаванію Гавр. Ст. Гордѣнка, скажу, что же первый годъ его ученой дѣятельности предвѣщалъ въ немъ трудолюбиваго, добросовѣстнаго и даровитаго профессора. Впослѣдствіи, когда въ преобразованіи университета увеличилось число предметовъ и пре-

подавателей въ юридическомъ факультетѣ, Гавр. Ст. Гордѣенко занялъ кафедру русскаго уголовного права. Съ честью и достоинствомъ онъ продолжалъ свою дальнѣйшую службу въ университетѣ уже со степенью доктора и въ званіи ординарнаго профессора; но умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, не успѣвши довершить многого, что было имъ начато. Смерть его оплакивали всѣ его сотоварищи и студенты университета, какъ потерю ученаго, подававшаго большія надежды и обѣщавшаго большія пріобрѣтенія для науки. Далеко не такъ себя выказалъ другой сотрудникъ Гордѣенка, Криворотовъ, вмѣстѣ съ нимъ выступившій на университетское поприще. Онъ предназначался къ кафедрѣ римскаго права; но по смерти профессора Дудровича и до увольненія еще Пауловича, Криворотову поручено было, на первое время, преподаваніе естественнаго права. Уже первая, вступительная лекція молодого адъюнкта показала, какъ мало можно было ожидать отъ его преподаванія. На этой лекціи, которую почтили своимъ присутствіемъ и многіе изъ профессоровъ университета, мы услышали слово въ слово записки покойнаго профессора Дудровича и, въ продолженіе одного часа, Криворотовъ прочелъ намъ почти всю первую часть этихъ записокъ, заключающую въ себѣ частное естественное право, т. е. то, что предшественникъ его читалъ обыкновенно не менѣе двухъ или трехъ мѣсяцевъ. Вѣроятно, однако же, адъюнктъ самъ созналъ свою недобросовѣстность и не прежде рѣшился возобновить свое преподаваніе, какъ послѣ довольно продолжительнаго перерыва. Съ тѣхъ поръ онъ началъ уже готовиться къ каждой лекціи и читалъ ихъ довольно сносно; но въ продолженіе цѣлаго курса намъ слышалось что-то, не вполне сознательное и усвоенное преподавателемъ, откуда-то имъ заимствованное и вообще повторяемое съ чужого голоса. Къ чести Криворотова нужно сказать, что онъ свободно владѣлъ новыми языками — французскимъ и нѣмецкимъ, зналъ, кажется, и англійскій, и могъ пользоваться ихъ богатою литературою; но едва ли онъ чувствовалъ призваніе къ ученой дѣятельности и еще менѣе замѣчалось въ немъ наклонности къ усидчивому труду. Впослѣдствіи знаніе языковъ доставило Криворотову и другую службу. Онъ занялъ должность инспектора классовъ въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ послѣ выбывшаго оттуда предмѣстника своего Влад. Фр. Цыха. Эта новая обязанность еще болѣе отвлекла молодого преподавателя отъ его ученыхъ занятій. Скоро и въ одно и то же время Криворотовъ разстался съ университетомъ и институтомъ и уѣхалъ въ Петербургъ, кажется, по вызову брата, служившаго при какомъ-то министерствѣ. Получилъ ли Криворотовъ какое назначеніе въ Петербургѣ и въ чемъ состояла его дальнѣйшая дѣятельность —

объ этомъ я не имѣю никакихъ свѣдѣній, но, кажется, онъ жилъ недолго.

Съ прїѣздомъ Филатьева въ Харьковъ многое измѣнилось къ худшему въ нашемъ университетѣ. Къ числу такихъ перемѣнъ нельзя не отнести и назначеніе Филатьевымъ трехъ новыхъ преподавателей, — профессора Чанова и адъюнктовъ Гринберга и Бабичева, не имѣвшихъ никакого права на занятіе университетскихъ кафедръ. Чановъ, сколько мнѣ извѣстно, окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента; потому онъ служилъ тамъ же, въ Москвѣ, по полицейской части и въ послѣднее время занималъ должность частнаго пристава ¹⁾. Немало всѣ были поражены, когда Филатьевъ, по какимъ-то прежнимъ связямъ своимъ съ Чановымъ, опредѣлилъ его директоромъ Харьковской гимназіи (тогда, соименно съ губерніею, называвшейся Слободско-украинскою); но еще большее негодованіе вызвало у всѣхъ назначеніе Чанова, по смерти Дудровича, ординарнымъ профессоромъ философіи съ оставленіемъ и при прежней должности директора“.

Н. И. Костомаровъ о Чановѣ говоритъ: „философію преподавалъ нѣкто Чановъ, бывшій прежде того частнымъ приставомъ“.

„Подобною же милостью попечителя воспользовался, говоритъ Н., и бывшій до того времени лекторъ нѣмецкаго языка Гринбергъ. Филатьевъ возвелъ его въ адъюнкты по кафедрѣ философіи, для чего не потребовалось отъ него ничего болѣе, какъ только защищенія представленной имъ диссертациі на степень магистра. Я былъ на этомъ ученomъ диспутѣ, который почтилъ своимъ присутствіемъ и Филатьевъ. Хотя, въ тожденіе ему, оппоненты не слишкомъ нападали на Гринберга, но защита послѣдняго состояла въ томъ, что онъ повторялъ только наизусть заученныя мѣста своей диссертациі, часто неимѣвшія никакого отношенія къ сдѣланнымъ ему возраженіямъ. Нужно замѣтить, что тогдашній уставъ университета предъявлялъ большія требованія къ лицамъ, ищущимъ ученыхъ степеней магистра и доктора. Кромѣ диссертациі, отъ нихъ требовалось еще предварительное изустное и письменное испытаніе по всѣмъ предметамъ факультета. Гринбергу не удалось и выдержать такого экзамена. Хотя онъ и хвалился тѣмъ, что получилъ образованіе въ Дерптскомъ университетѣ, по богословскому факультету, но едва ли имѣлъ онъ степень кандидата, а быть можетъ, и не окончилъ даже курса. Профессоръ и его адъюнкты подѣлили между собою преподаваніе философіи въ университетѣ на первый годъ: изъ нихъ Гринбергъ избралъ для себя логику, а Чановъ этику. Я не могу

¹⁾ Эти свѣдѣнія, какъ мы знаемъ, не точны.

Перейду теперь къ профессорамъ двухъ остальныхъ факультетовъ, физико-математическаго и медицинскаго. О нихъ, какъ о менѣ извѣстныхъ мнѣ, сообщу я самыя краткія свѣдѣнія. Ординарный профессоръ А. И. Павловскій преподавалъ высшія части математики, или, какъ называли тогда студенты, аналитику. Это былъ ученикъ и преемникъ по кафедрѣ знаменитаго въ свое время ученаго и профессора Т. Ф. Осиповскаго, издавашаго полный курсъ алгебры и геометріи, которымъ пользовались тогда едва ли не всѣ учебныя заведенія. Проф. Павловскій умѣлъ поддержать честь своего наставника, и хотя неизвѣстенъ учеными трудами, но былъ большой знатокъ своего дѣла, всецѣло преданный своей наукѣ. Студенты отзывались о немъ, какъ о лучшемъ изъ числа преподавателей физико-математическаго факультета. Съ ловкостію артиста владѣлъ Павловскій математическими формулами и вычисленіями и съ неуловимою быстротою исписывалъ ими то ту, то другую доску въ своей аудиторіи. Студенты едва успѣвали слѣдить за нимъ. Экстраординарный профессоръ М. А. Байковъ читалъ алгебру и геометрію, въ предѣлахъ гимназическаго курса, но въ болѣе полномъ объемѣ, подготавливая слушателей къ высшимъ частямъ математики. Н. М. Архангельскій, профессоръ прикладной математики, ограничивался только преподаваніемъ механики; но и въ этомъ предметѣ свѣдѣнія профессора были такъ недалеки, что ими не похвалился бы теперь никто изъ преподавателей нашихъ реальныхъ училищъ. Къ лекціямъ Архангельскаго студенты относились съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ, какъ бесполезнымъ для нихъ, сколько въ научномъ отношеніи, столько же и въ практическомъ ихъ примѣненіи. Проф. Затеplinскій читалъ астрономію. О немъ рассказывали, что въ молодости, по свѣдѣніямъ и талантамъ своимъ, онъ былъ однимъ изъ выдающихся студентовъ физико-математическаго факультета, вслѣдствіе чего и отправленъ былъ за-границу для приготовленія себя къ университетской кафедрѣ. Но Затеplinскій возвратился въ Харьковъ какимъ-то душевно-больнымъ, до того страдающимъ меланхоліею или гипохондриею, что онъ постоянно чуждался людей и нигдѣ не показывался въ обществѣ. Такой же отпечатокъ душевнаго разстройства носили на себѣ и лекціи профессора. Нерѣдко онъ забывался до того, что прекращалъ чтеніе и въ продолженіе долгихъ минутъ ходилъ молча и задумавшись въ аудиторіи; иногда, остановясь на какомъ-нибудь предметѣ, онъ вдругъ объявлялъ студентамъ, что читалъ не то и не такъ, и что ту же самую лекцію прочтетъ онъ въ другой разъ. Ординарный профессоръ В. С. Комлишинскій читалъ физику для студентовъ математическаго факультета. Быть можетъ, мнѣ не повѣрятъ теперь, если я скажу, что все препода-

подаваніе этого предмета ограничивалось десятью или двадцатью лекціями въ годъ. Профессоръ былъ занятъ не столько ученою, сколько административною дѣятельностью. Онъ былъ членомъ правленія, училищнаго комитета и секретаремъ совѣта. Совмѣщая въ себѣ столько должностей, онъ заправлялъ университетскими дѣлами и едва ли не безъ собственной наживы; легко понять это, если вспомнить, что тогда назначеніе на всѣ мѣста по учебному округу, въ томъ числѣ и на должности директоровъ гимназій—зависѣло отъ училищнаго комитета. Адъюнктъ Ф. М. Правицкій преподавалъ физику собственно для медиковъ 1-го курса; но его лекціи посѣщали также и математики, чтобы исполнить тѣ отрывочныя свѣдѣнія, которыя выносили они изъ лекцій Сухомлиинскаго. Физика преподавалась тогда въ университетѣ въ объемѣ гимназическаго курса и студентамъ легко было готовиться къ экзамену по запискамъ того или другого профессора, повторяя предметъ, уже знакомый имъ прежде. Адъюнктъ Ф. М. Правицкій привлекалъ къ себѣ слушателей особенно тѣмъ, что каждую почти лекцію свою онъ проводилъ физическими опытами. Ординарный профессоръ И. И. Сухомлиновъ читалъ химію (неорганическую и органическую) и пользовался общимъ уваженіемъ, какъ ученый, основательно изучившій предметъ своей спеціальности и другія науки, относящіяся къ естествознанію. Но преподаваніе Сухомлинова мало приносило пользы студентамъ. Никогда не упражнялъ онъ ихъ на практикѣ въ химическомъ анализѣ и въ продолженіе всего курса слушатели не видѣли ни одного химическаго опыта. Не знали даже—была ли лабораторія въ университетѣ; но если она и существовала, то въ ней работалъ одинъ только профессоръ и никто изъ студентовъ туда не заглядывалъ. Профессоръ А. Кривницкій преподавалъ зоологію и минералогію. Онъ пользовался громкою и заслуженною извѣстностью, какъ ученый, обладавшій глубокими и обширными свѣдѣніями по всѣмъ отраслямъ естествознанія. Чрезвычайно редко профессоръ печаталъ свои изслѣдованія и монографіи въ разнѣхъ повременихъ изданіяхъ, русскихъ и иностранныхъ. Кривницкій извѣстенъ и многими научными открытіями въ области естествознанія. Но къ сожалѣнію, преподаваніе профессора не представляло ничего интереснаго для слушателей; лекціи его до того были сухи и вялы въ своемъ содержаніи, а чтеніе ихъ такъ монотонно и тихо, что все это едва ли не усыпляло студентовъ. Профессоръ Василій Матвѣевичъ Губняевъ преподавалъ ботанику. Онъ никогда не излагалъ своей науки въ систематическомъ порядкѣ, а обращалъ особенное и почти исключительное вниманіе на практическое изученіе мѣстной флоры, харьковской и всего южнаго края Россіи. Представлялъ студентамъ экземпляры

разныхъ произведеній растительнаго царства, то живые, то засушенные, профессоръ, послѣ надлежащей классификаціи каждаго изъ растений, объяснялъ его признаки, свойства, мѣсто нахожденія и, наконецъ, его примѣненіе въ сельскомъ хозяйствѣ, въ заводской и фабричной промышленности и особенно въ медицинѣ. Въ зимнее время богатымъ пособіемъ для профессора служили собранные имъ гербаріи мѣстной флоры, въ остальное время года онъ занималъ своихъ слушателей ботаническими экскурсіями или гербаризаціями; садъ, поле и лѣсъ заступали тогда для профессора и студентовъ мѣсто ихъ университетской аудиторіи. Въ молодости своей В. М. Черняевъ путешествовалъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Затеplinскимъ, заграницей и преимущественно въ Парижѣ изучалъ ботанику. Весьма немногіе изъ ученыхъ трудовъ Черняева были напечатаны, а большая часть ихъ сохранилась въ рукописяхъ. Вообще онъ оставилъ по себѣ добрую память въ университетѣ.

Студентамъ физико-математическаго факультета преподавались въ Харьковскомъ университетѣ и нѣкоторые прикладные предметы. Экстраординарный профессоръ М. К. Робушъ читалъ военныя науки, артиллерию и фортификацію. Но не столько профессоръ извѣстенъ былъ преподаваніемъ, сколько своею педагогическою дѣятельностью. Михайло Козьмичъ Робушъ былъ содержателемъ одного изъ лучшихъ тогда учебныхъ заведеній въ Харьковѣ—частнаго мужскаго пансіона, пользовавшагося правами гимназій. Другой экстраординарный профессоръ Вас. Ал. Васильевъ читалъ архитектуру, хотя все преподаваніе его ограничивалось упражненіемъ студентовъ въ черченіи плановъ и ихъ деталей, причемъ профессоръ вмѣсто всякихъ объясненій, относящихся къ предмету преподаванія, занималъ своихъ слушателей забавными анекдотами, рассказывая ихъ съ большимъ юморомъ и мѣткими остротами. Но Васильевъ, хотя и плохой преподаватель, пользовался, какъ практикъ, извѣстностью замѣчательнаго архитектора. Многія изъ лучшихъ построекъ г. Харькова, въ томъ числѣ громадная соборная колокольня и домъ дворянскаго собранія, остались памятниками его искусства. Въ университетскомъ кругу Васильевъ пользовался общимъ расположеніемъ, какъ остроумный рассказчикъ и веселый собесѣдникъ, умѣвшій занять и оживить компанію и въ тоже время радушно относившійся къ каждому. Лекторъ И. И. Дьячковъ преподавалъ студентамъ также одну изъ прикладныхъ наукъ—технологію.

Менѣе всего извѣстно мнѣ о профессорахъ медицинскаго факультета, но и о нихъ скажу я нѣсколько словъ. Обыкновенный профессоръ и деканъ факультета Ив. Дм. Книгинъ читалъ физиологію и судебную медицину. Онъ пользовался общимъ уваженіемъ и ученою извѣстностью.

Нѣкоторые изъ трудовъ его были напечатаны. Профессоръ А. С. Венедиктовъ занималъ кафедрѣ анатоміи и въ зимнее время сопровождалъ свои лекціи трупоразсѣченіемъ въ анатомическомъ театрѣ. Добросовѣстно относясь къ своему дѣлу, профессоръ требовалъ отчетливыхъ свѣдѣній и отъ студентовъ, которые особенно побаивались его экзаменовъ. Ординарный профессоръ Николай Ивановичъ Еллинскій (медико-хирургъ) и его адъюнктъ Кригеръ преподавали разныя части хирургіи. Профессоръ завѣдывалъ также и хирургическимъ отдѣленіемъ университетской клиники, гдѣ и отличался онъ своими искусными и удачными операціями. Студенты отзывались о Еллинскомъ, какъ объ отличномъ анатомѣ своего дѣла, и увлекались его лекціями. Молодой профессоръ, отличавшійся рѣдкимъ даромъ слова, читалъ ясно, отчетливо и умѣлъ придать особенный интересъ своему предмету. Подъ конецъ своей службы Еллинскій былъ ректоромъ университета (послѣ Дудровича), но скоро тѣмъ разстался съ университетомъ по какимъ-то непріятностямъ съ Рилатьевымъ. Профессоръ Еллинскій и его адъюнктъ Кригеръ умерли въ молодыхъ еще лѣтахъ, но первый изъ нихъ пережилъ второго. Профессоръ Блюменталь преподавалъ акушерство и завѣдывалъ специальнымъ по этому предмету отдѣленіемъ клиники. Впослѣдствіи онъ приглашенъ былъ въ Москву, гдѣ и получилъ мѣсто директора въ одномъ изъ казенныхъ акушерскихъ заведеній. Профессоръ Я. Н. Громовъ занималъ кафедрѣ фармакологіи. Преемникомъ его впослѣдствіи былъ извѣстный теперь земскій дѣятель Ег. Ст. Гордѣенко, мой современникъ въ числѣ студентовъ университета. Всѣ названные мною профессора, особенно Еллинскій, имѣли громадную практику въ городѣ и пользовались громаднымъ довѣріемъ своихъ паціентовъ.

Остается сказать еще о двухъ преподавателяхъ медицинскаго факультета, выходящихъ изъ ряда другихъ, по нѣкоторымъ своимъ особенностямъ. Проф. Экебладъ читалъ медикамъ ветеринарную науку,—тогда еще въ Харьковѣ не было специального заведенія по этому предмету, какимъ явился впослѣдствіи нашъ ветеринарный институтъ. Зная, что ни одинъ изъ студентовъ не готовилъ себя къ званію и обязанностямъ ветеринара, тѣмъ болѣе, что такая специальность потребовала бы изученія разныхъ особыхъ отраслей науки, несовмѣстимыхъ въ лицѣ одного и того же преподавателя, профессоръ Экебладъ ограничивался только краткимъ изложеніемъ своего предмета—болѣе ex officio, чѣмъ по сознанію, что преподаваемые имъ свѣдѣнія будутъ примѣнены къ какому дѣлу. Но лекціи Экеблада были такъ интересны для слушателей, что привлекали къ себѣ не только медиковъ, но и студентовъ физико-математическаго факультета. Чѣмъ же объяснить это? Вся раз-

гадка въ томъ, что ученый профессоръ, повидимому, самъ не любившій ветеринарной науки, замѣнилъ ее другою, болѣе важною, имѣвшею тѣсное отношеніе ко всѣмъ отраслямъ медицины и естествовѣдѣнія. Онъ читалъ біологію, т. е. сравнительную анатомію и фізіологію животныхъ и растений — науку, надъ изслѣдованіями которой только начали трудиться тогда европейскіе ученые и съ которою впервые познакомилъ русскую публику профессоръ Веланскій, послѣдователь знаменитаго естествоиспытателя и философа Окена. Впослѣдствіи профессоръ Экебладъ получилъ иное назначеніе; онъ былъ опредѣленъ директоромъ Нѣжинскаго лицей, гдѣ спустя долгое время и окончилъ свою ученую службу.

Въ исчисленіи предметовъ медицинскаго факультета читатели не могли не замѣтить весьма важнаго пробѣла. Я ничего не упоминалъ о двухъ важнѣйшихъ отрасляхъ медицины — патологій и терапіи. Преподаваніе обоихъ этихъ предметовъ, весьма многосложныхъ и разностороннихъ, возложено было на экстраординарнаго профессора Ив. Ник. Рейпольскаго. Я съ намѣреніемъ умолчалъ объ этомъ преподавателѣ, чтобы поговорить о немъ особо, какъ о личности, отличавшейся своею необыкновенною оригинальностью. Образование свое Рейпольскій получилъ сперва въ одной изъ нашихъ духовныхъ семинарій, а потомъ въ медико-хирургической академіи. Въ званіи лѣкаря служилъ онъ долгое время въ армейскихъ полкахъ и оттуда перемѣщенъ былъ въ Харьковъ на университетскую кафедру. Какъ и вслѣдствіе чего случилось это — я не знаю. Нельзя отказать Рейпольскому въ обширности и многосторонности свѣдѣній, которыя обнимали не только разныя отрасли медицины, но также многіе изъ предметовъ естествовѣдѣнія. По общимъ отзывамъ профессоровъ и студентовъ, въ головѣ Рейпольскаго помѣщался цѣлый архивъ свѣдѣній; но запасъ этотъ оставался неразработаннымъ, не приведеннымъ въ порядокъ и систему, и самъ профессоръ не умѣлъ имъ пользоваться надлежащимъ образомъ. На лекціяхъ своихъ онъ безпрестанно переходилъ отъ одного предмета къ другому, изъ патологій бросался терапію, отсюда въ фармацію и т. д.; словомъ, начиналъ говорить о многомъ и не оканчивалъ ничего. Къ этому нужно добавить еще, что профессоръ былъ большой поклонникъ старины и не любилъ новѣйшихъ методовъ и изслѣдованій въ медицинѣ, да едва ли и изучалъ ихъ, какъ бы слѣдовало.

Спросить, быть можетъ, читатели: кто же завѣдывалъ тогда терапевтическимъ отдѣленіемъ университетской клиники? Признаюсь, я самъ не хотѣлъ обойти этотъ вопросъ, но не могъ отвѣчать на него, потому что память измѣнила мнѣ на этотъ разъ. Судя, однакожъ, по

предметамъ преподаванія Рейпольскаго, надо полагать, что терапевтическая клиника находилась въ его распоряженіи. Это тѣмъ болѣе, вѣроятно, что новый профессоръ патологіи и терапіи Брандейсъ, еще въ мое время смѣнившій своего предшественника, былъ дѣйствительно директоромъ терапевтической клиники. Этому послѣднему профессору клиника обязана лучшимъ своимъ порядкомъ и устройствомъ. Онъ не щадила для нея значительныхъ суммъ и не останавливался ни передъ какими сверхсѣмѣтными расходами. Со любовью преданный своей наукѣ, профессоръ основательно изучилъ медицину и настолько же былъ полезенъ для слушателей своими теоретическими лекціями, сколько и практическими объясненіями въ клиникѣ. Но Брандейсъ не отличался ни челоуѣколюбіемъ, ни сердечнымъ сочувствіемъ къ больнымъ. Для какихъ-нибудь научныхъ опытовъ онъ готовъ былъ жертвовать не только терпѣніемъ, но часто и самымъ здоровьемъ своихъ паціентовъ. При необыкновенной раздражительности, Брандейсъ вообще отличался сварливымъ и неуживчивымъ характеромъ. Не умѣя сдерживать себя ни въ чемъ и мало уважая другихъ, онъ перессорился со многими профессорами и скоро потомъ разстался съ университетомъ. Дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна“.

Къ приведеннымъ даннымъ, позаимствованнымъ изъ воспоминаній, присоединимъ еще автобіографическую записку Н. И. Еллипскаго, содержаніе которой совпадаетъ съ краткимъ отзывомъ о немъ *Н.*

„Болѣе 13 лѣтъ нахожусь я, писалъ онъ въ своей запискѣ, профессоромъ въ Харьковскомъ университетѣ. Съ самаго вступленія моего въ должность, была поручена мнѣ полная кафедра хирургіи и я исполнялъ возложенную на меня обязанность одинъ. Въ медицинскихъ академіяхъ и въ большей части университетовъ преподають хирургию два и даже три чиновника; но я одинъ несъ на себѣ это тяжелое бремя и, если не ошибаюсь, не безъ пользы для заведенія, ибо только со времени моего вступленія стали выходить изъ Харьковскаго университета врачи съ полнымъ медицинскимъ образованіемъ. До меня хирургія преподавалась въ университетѣ невольно, единственно теоретически и въ клиникѣ никто не дѣлалъ операцій надъ живыми. Какъ воспитанникъ Харьковскаго университета, я могу завѣрить, что кровокиданіе считалось тогда между студентами высшимъ дѣломъ, далѣе коего никто не смѣливался идти. Но теперь, если не обманываетъ меня общій голосъ, хирургія находится въ Харьковскомъ университетѣ на той степені, на коей стоитъ въ лучшихъ отечественныхъ заведеніяхъ. Не хочу обременять изложеніемъ всѣхъ трудностей, кои должно было мнѣ побѣдить, прежде нежели успѣхъ увѣнчалъ мои усилія. Мнѣ нужно было

творить все, даже до морали между моими слушателями, въ коихъ надлежало поселять любовь къ наукѣ, прежде находившейся у нихъ въ пренебреженіи. Въ Петербургской медико-хирургической академіи еще не такъ давно правительство для поощренія студентовъ назначало награды тѣмъ изъ нихъ, кои особенно занимались хирургіею. Но я, лишенный другихъ способовъ, долженъ былъ электризовать своихъ слушателей тѣмъ энтузіазмомъ, коимъ исполненъ былъ къ преподаваемому мною предмету. При началѣ моего профессорскаго поприща хирургическій музей состоялъ изъ одного почти такъ называемаго корпуснаго инструментнаго ящика; но теперь я передалъ наслѣднику моей катедры нарядъ инструментовъ, конечно, не роскошный, но отборный и весьма наставительный. Все приращеніе сдѣлано моими трудами, кои не ограничивались однимъ представленіемъ о необходимости того или другого инструмента, но состояли въ постоянномъ ходатайствѣ у высшаго начальства. Желая съ честью занимать профессорское мѣсто, я прилагалъ всѣ усилія, чтобы не отставать отъ своей науки при быстромъ ходѣ ея къ усовершенствованію. Университетъ и тутъ не доставилъ мнѣ той помощи, которую имѣлъ я право требовать. Библіотека его, особенно по части медицинской была и находится въ самомъ жалкомъ состояніи. По этой причинѣ, страшась быть анахронизмомъ по своему предмету и думая единственно о пользѣ слушателей моихъ, я не щадилъ издержекъ на составленіе собственной библіотеки. Многія тысячи употребилъ я на это, имѣя постоянно въ виду единственно то, чтобы слушатели мои, оставивъ учебическую скамью, могли вступить на поприще практической жизни съ честью и пользою. Безъ всякаго преувеличиванія могу сказать, что я оставилъ все, что не касалось моей службы и всего себя посвятилъ заведенію. Непосредственно по окончаніи курса наукъ сдѣлавшись преподавателемъ хирургіи и не бывши ни въ одномъ изъ иностранныхъ университетовъ, гдѣ такъ легко и скоро научаются всему по обилію средствъ, тамъ находящихся, я могъ только чрезъ неустанную дѣятельность оставаться нечуждымъ учености Европы, но всего долженъ былъ достигать двойными трудами и собственными опытами. Клиника университетская по малому количеству штатныхъ больныхъ не могла быть достаточною для пракческаго образованія студентовъ, посему я завелъ такъ называемую амбулаторную клинику, до меня не существовавшую, и слушателей моихъ дѣлалъ участниками въ моей частной практикѣ. Открылась холера, по причинѣ коей два медицинскихъ профессора посланы были правительствомъ въ мѣста, ею зараженныя. Изъ оставшихся членовъ факультета никто не хотѣлъ взять на себя преподаванія наукъ отсутствовавшихъ профессоровъ; но я не-

смотря на другія обременительныя должности мои, не отказался привести новую жертву заведенію, меня воспитавшему, и принял кафедру анатоміи и акушерства, равно какъ и прежде того, вида, что въ университетѣ за недостаткомъ профессора не преподавалось акушерство нѣсколько лѣтъ, безвозмездно давалъ я лекціи изъ этой науки 1½ года“.

Наконецъ, приведемъ еще данныя о преподавательской дѣятельности проф. Венедиктова. „Какъ лекторъ, говоритъ о немъ проф. М. А. Поповъ, Венедиктовъ считался, по отзывамъ его слушателей, однимъ изъ хорошихъ профессоровъ. Программа лекцій анатоміи была полная и обширная. Лекціи сопровождались демонстраціями на препаратахъ. Практическія занятія по анатоміи на препаратахъ велись со студентами какъ самимъ Венедиктовымъ, такъ равно и его прозекторомъ. Самостоятельныя работы студентовъ на трупахъ, хотя и бывали, но не часто и не обязательно, такъ какъ препятствіемъ являлось помѣщеніе анатомическаго театра, а также и недостатокъ въ трупномъ матеріалѣ (22 ноября 1823 года Венедиктовъ рапортомъ доносилъ правленію университета, что „въ осеннемъ семестрѣ до сего времени не было ни одного трупа, а потому лекціи по анатоміи прекратились“). Лекціи по анатоміи Венедиктовъ читалъ на русскомъ языкѣ по 3 часа въ недѣлю въ теченіе двухъ курсовъ, перваго и второго. При чтеніи лекцій по анатоміи придерживался руководства академика Загорскаго, но также пользовался сочиненіями Bayle, Меккели и Галларда. Физиологію также преподавалъ по 3 часа въ недѣлю студентамъ второго курса по руководству Ленгозена. Судебную медицину 4-му курсу преподавалъ по 3 часа въ недѣлю по руководству Громова и, наконецъ, медицинскую полицію 4-му курсу по 3 часа въ недѣлю по руководствамъ Вельвуста и Бене. Съ 3-го января 1823 года, со времени утвержденія адъюнктомъ, Венедиктовъ производилъ экзамены по анатоміи, а также и другимъ наукамъ (физиологіи, судебной медицинѣ и медицинской полиціи) причисленнымъ къ кафедрѣ анатоміи, не только студентамъ, но и постороннимъ лицамъ, державшимъ экзаменъ на званіе лекаря, доктора медицины и инспектора врачебной управы при медицинскомъ факультетѣ въ Харьковскомъ университетѣ... За все время службы Венедиктова при университетѣ, т. е. съ 1821 по 1835 г. включительно было произведено имъ 186 судебно-медицинскихъ вскрытій“¹⁾.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что среди преподавателей изучаемаго нами періода въ исторіи Харьковскаго университета были и выдающіеся, и средніе, и нигуда не годише. Изъ первой группы нѣ-

¹⁾ „Проф. А. С. Венедиктовъ“. Проф. М. А. Попова. Харьковъ, 1899, стр. 35 — 37.

которые выдѣлялись даромъ ораторскаго изложенія, а не внутреннимъ содержаніемъ ихъ лекцій; таковъ былъ, на примѣръ, Гулакъ-Артемовскій; другіе наоборотъ интересовывали слушателей скорѣе содержаніемъ, чѣмъ формой; у третьихъ форма и содержаніе находились въ соотвѣстствіи другъ съ другомъ (Кронебергъ). Выдающееся положеніе въ качествѣ лекторовъ заняли нѣкоторые изъ молодыхъ профессоровъ, вступившихъ въ университетъ въ началѣ 30 годовъ (Степановъ, Гордѣнки). Талантливые преподаватели, конечно, поддерживали славу Харьковскаго университета, хотя они уступали повидимому такимъ же выдающимся лекторамъ предшествующаго и послѣдующаго періода исторіи университета. Что касается плохихъ преподавателей, то они создали себѣ анекдотическую славу уже у своихъ современниковъ, а изслѣдователь настоящаго времени долженъ сказать по совѣсти, что они ее дѣйствительно заслужили. Таковы были Чановъ, Гренбергъ, Паки де Совиньи. Иные до того опустились, что не читали даже лекцій, напр., Нельдехенъ. Изъ столповъ прежняго времени оставался—звѣзда математическаго факультета—Осиповскій, съ которымъ, конечно, не могъ равняться его достойнѣйшій однако ученикъ Павловскій. Недолго пробылъ также яркое свѣтило этико-политическаго факультета Шадъ, котораго замѣнилъ его ученикъ Дудровичъ, повидимому, превратившійся постепенно въ очень хорошаго лектора—такимъ рисуется его по крайней мѣрѣ Н. Третьимъ столпомъ, оставшимся еще отъ перваго періода, былъ Успенскій, котораго также не могъ замѣнить Гулакъ-Артемовскій, по крайней мѣрѣ въ области познанія своего предмета. Даже и Дегурова не могли замѣнить его преемники въ дѣлѣ преподаванія всеобщей исторіи. Чувствителенъ былъ также уходъ Швейкарта. Лангъ, Рейтъ, Делявинъ, Нельдехенъ, Дрейсигъ не принадлежали къ числу выдающихся преподавателей и притомъ читали лекціи на иностранныхъ языкахъ, сравнительно мало извѣстныхъ ихъ слушателямъ; это обстоятельство, конечно, было по отношенію къ нимъ значительнымъ минусомъ. Изъ новыхъ профессоровъ вели преподаваніе на иностранныхъ языкахъ только Мауреръ и Дорнъ. Братья-славяне—Дудровичъ и Пауловичъ—приспособились къ новому отечеству и стали читать лекціи по-русски, хотя съ неправильными оборотами рѣчи и акцентомъ. Интересною чертою въ преподавательской дѣятельности тогдашнихъ профессоровъ является то, что нѣкоторые изъ начинавшихъ свою карьеру молодыхъ преподавателей читали прямо по запискамъ своихъ предшественниковъ учителей, а иногда подъ ихъ непосредственнымъ руководствомъ. Иные сначала читали по извѣстнымъ учебникамъ, а съ теченіемъ времени замѣняли ихъ собственными записками.

Изъ воспоминаній Н., Костомарова и Хрущева мы видимъ, что студенты дѣлали оцѣнку преподавательскихъ способностей своихъ профессоровъ, дѣлились другъ съ другомъ своими впечатлѣніями. Но дальше этого дѣло не шло. Былъ однако одинъ случай, когда студенты подали официальную жалобу на своего преподавателя за крайне неудовлетворительное, по ихъ мнѣнію, веденіе практическаго преподаванія — это была жалоба 15 студентовъ 4-го курса медицинскаго факультета на завѣдывавшаго хирургической клиникой лектора Кригера. Это очень характерный, хотя нѣсколько темный эпизодъ — и мы расскажемъ о немъ подлинными словами официальныхъ документовъ.

По выходѣ изъ университета выдающагося хирурга проф. Н. И. Еллинскаго, преемникомъ его долженъ былъ сдѣлаться, по его рекомендаціи, ординаторъ его В. Х. Кригеръ, которому дѣйствительно поручено было чтеніе лекцій и веденіе клиники, бывшей передъ тѣмъ временно въ завѣдываніи профессора ветеринаріи Экеблада. Кригеръ хотѣлъ по видимому отдѣлаться отъ Экеблада и достигъ этого — Экебладъ ушелъ и Кригеръ остался одинъ. Но студенты не могли не почувствовать разницы между Еллинскимъ и его ученикомъ Кригеромъ — переходъ отъ одного къ другому былъ слишкомъ рѣзокъ. Съ другой стороны и Экебладъ, вѣроятно, выражалъ на медицинскомъ факультетѣ свое неудовольствіе по адресу Кригера. Вотъ на этой-то почвѣ, думается намъ, и возникли натянутыя отношенія студентовъ медиковъ съ Кригеромъ, побудившія ихъ подать декану факультета слѣдующую письменную жалобу, подписанную всѣмъ курсомъ.

„Чувствуя, сколько правительство всѣми мѣрами старается устроить благо общественной жизни и преимущественно нашего отечества, съ другой же стороны постигая въ полной мѣрѣ нашу обязанность, содѣйствуя благимъ намѣреніямъ, пользоваться этими мѣрами и, наконецъ, представить собою исполненную цѣль ихъ, честь имѣемъ вышеупомянутый факультетъ просить о слѣдующемъ. Посвящая себя уже три года занятіямъ по медицинской части въ здѣшнемъ университетѣ и пользуясь неусыпными трудами и наставленіями нашихъ достойнѣйшихъ наставниковъ — профессоровъ нашего университета, мы по мѣрѣ возможности успѣли во всемъ томъ, что только теорія, не требуя въ ту же самую минуту приложенія практики, доставить можетъ. Четвертый курсъ составляетъ для насъ тотъ узелъ, который связываетъ воедино труды прежнихъ трехъ лѣтъ и дѣлаетъ одно цѣлое; здѣсь, имѣя больныхъ передъ глазами, мы удостоверяемся въ точности намъ прежде сказаннаго и кромѣ того замѣчаемъ тѣ отклоненія отъ природы, которыя по разнообразію не могутъ помѣщаться на страницахъ систематической

книги; съ такимъ намѣреніемъ мы въ началѣ нынѣшняго года стали посѣщать клинику. Начальство университета, желая намъ замѣнить достойнѣшаго Н. И. Еллинскаго, ввѣрило кафедру хирургіи г. Экебладу— профессору, который нѣсколько лѣтъ уже занимаетъ другую кафедру и въ прежнихъ еще курсахъ содѣйствовалъ трудамъ гг. профессоровъ нашего университета. Адольфъ Христіановичъ Экебладъ, посѣщая клинику по обязанности, снабжалъ насъ нужными свѣдѣніями и показывалъ при всякомъ случаѣ приложеніе теоріи къ практикѣ. Веніаминъ Христіановичъ Кригеръ, который, будучи ординаторомъ клиники, два или три года занимался производствомъ операцій подъ присмотромъ Николая Ивановича Еллинскаго, нимало не заботясь о теоретической и терапевтической хирургіи, ибо все это излагалъ Николай Ивановичъ, а Веніаминъ Христіановичъ участвовалъ только какъ пассивное орудіе въ операціяхъ. Считая для себя непріятнымъ присутствіе Экеבלада, онъ вздумалъ заставить его удалиться изъ клиники. Съ этою цѣлью при всякомъ публичномъ посѣщеніи клиники этимъ профессоромъ, онъ всегда, становясь съ боку его или за плечами, дѣлалъ различныя качанья головою, кривляніе лица и прочіе знаки, удивляясь какъ будто бы незнацію наставника, и это дѣлалъ въ виду подчиненныхъ, научая и ихъ быть неблагодарными, научая вмѣстѣ съ тѣмъ забывать святѣйшій долгъ повиновенія и уваженія начальству. Когда профессоръ Экебладъ, вѣроятно, замѣтивши это и удалившись, увѣчалъ намѣренія Кригера, то онъ, общая студентамъ возвышенную для нихъ пользу, старался заглушить надеждою будущаго настоящую потерю; во какъ человекъ, который, кончивши курсъ, сейчасъ же предался механическимъ занятіямъ, кои всегда его отвлекали отъ чтенія книгъ, и который по этой же причинѣ не пріобрѣлъ или изуродовалъ пріобрѣтенныя теоретическія свѣдѣнія, занявшись кликою, гдѣ непремѣнно теорія объясняетъ практику, вскорѣ самъ почувствовалъ свои недостатки для занимаемаго имъ мѣста, ибо, во-первыхъ, не могъ во многихъ случаяхъ сдѣлать надлежащее распознаваніе болѣзней, въ чемъ кромѣ многихъ примѣровъ самымъ лучшимъ доказательствомъ служить умершая больная, имѣвшая кураторомъ Крылова; у нея съ самаго начала была болѣзнь, такъ называемая *Coxarthrocace*, съ которою она пришла въ клинику въ цвѣтущемъ состояніи общаго здоровья; всѣ признаки, кураторомъ замѣченные, такъ были ясны, что кураторъ, человекъ еще учащійся, называлъ болѣзнь, какъ слѣдуетъ. Названіе это Кригеръ опровергъ безъ всякой причины и употребилъ, слѣдовательно, неприличныя средства, а болѣзнь между тѣмъ перешла въ тотъ періодъ, когда оказать помощь было невозможно, ибо больная, претерпѣвши уже поздно прижиганіе

раскаленнымъ желѣзомъ и жестокой разрѣзъ кожи, въ ужасныхъ мученіяхъ скончалась. Незнавши такимъ образомъ связи причинъ съ дѣйствіемъ и не сдѣлавши поэтому надлежащаго распознаванія болѣзни, Кригеръ не можетъ сдѣлать должнаго назначенія средствъ противъ нея, вслѣдствіе чего часто представлялъ такія причины назначенія, которыя вовсе для насъ были непонятны; это заставило студентовъ спрашивать его, но такъ какъ онъ не былъ въ состояніи сказать настоящей причины, или даже выдумать правдоподобной, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ говорилъ все противное физиологій, какъ напримѣръ, ревень (*Rheum*) у него въ одно и то же время, въ одномъ и томъ же приѣмѣ дѣйствуетъ на кожу и кишечный каналъ одинаковымъ образомъ; въ иныхъ случаяхъ онъ ссылался на авторитетъ писателей, говоря: „какъ это дѣйствуетъ, не знаю, но вѣрно *Langenbeck*, такой умный человѣкъ, не употреблялъ бы напрасно“; наконецъ теперь запретилъ совершенно студентамъ спрашивать, говоря, что они должны довольствоваться только тѣмъ, что видятъ, а не спрашивать, угрожая въ противномъ случаѣ не пустить въ клинику. Такимъ образомъ, не могли назначить средствъ, онъ не можетъ опредѣлить приѣмовъ и соблюдать ту осторожность, которая требуется при ихъ употребленіи. Это лучше всего видно изъ лѣченія больной, кураторомъ у которой былъ студентъ *Паковский*; ей сдѣланы были, можетъ быть, и по надобности, многіе обширные разрѣзы кожи; такія гноящіяся раненія предполагали надобность въ долговременномъ употребленіи хины; и приемы ея надобно было раздѣлять такимъ образомъ, чтобы до выздоровленія не лишиться пользы такого спасительнаго средства; однако эта предосторожность не была сдѣлана и явились боли въ животѣ больной, и когда кураторъ сказалъ, что это отъ хины, то вмѣсто того, чтобы остановить приемы ея, Кригеръ съ непріятнымъ видомъ отвергъ мнѣніе куратора и продолжалъ употребленіе хины, пока не явилась, наконецъ, водяная болѣзнь; тогда назначены были слабительныя разрѣшающія средства, а больной дѣлалось время отъ времени хуже; кураторъ говорилъ, что хуже, но Кригеръ съ угрозами на лицѣ заставлялъ молчать куратора, говоря, что больной не хуже, а лучше, и наконецъ, сталъ назначать такія уже сложные лѣкарства, что ихъ дѣйствія и цѣли предполагать было невозможно, а спрашивать запрещено. Въ послѣдній разъ—именно позавчера—когда Кригеръ увидалъ, что больной очень дурно, а не лучше, то, не зная, что дѣлать, сказалъ, что для нея надо такихъ средствъ, которыхъ, видно въ аптекѣ нѣтъ (*Syrup. Colchici Autumn*) и оставилъ больную безъ лѣкарства, стараясь заглушить ея гнилой вкусъ *acido acetico*, давая время отъ времени по три капли на сахарѣ. Больная эта лежитъ

теперь въ самомъ жалкомъ положеніи. Изъ всего здѣсь сказаннаго и многихъ примѣровъ, которые по недостатку мѣста приведены быть не могутъ, видно только, что Кригеръ не можетъ преподавать намъ хирургіи при кроватяхъ больныхъ, такъ какъ она находится въ связи съ теоріею. Нѣсколько дней тому назадъ мы убѣдились, что онъ даже тамъ, гдѣ всякій почти можетъ найти возможность обойтись безъ операціи, производить таковую. Когда еще профессоръ Экебладъ завѣдывалъ клинкою, то одинъ больной принять былъ въ клинику для излѣченія отмороженнаго большого на ногѣ пальца. По мнѣнію профессора не нужно было дѣлать операціи, что и подтвердилось лѣченіемъ, ибо больному было лучше. Когда Кригеръ занялъ мѣсто профессора Экеבלада, то и отправилъ больного домой безъ полного излѣченія, послѣ чего больной, какъ простой человѣкъ, занятый работами, безпрестанно палецъ раздражая, при благопріятствующей тому трудно-лѣчимости подобныхъ поврежденій, ожесточилъ язву и пришелъ въ клинику просить пособія. Кригеръ, предполагая порчу кости, сдѣлалъ операцію и, разрѣзавъ составъ отнятаго пальца, здоровую кость выдавалъ за испорченную, говоря студентамъ: „смотрите, господа, какое ужасное поврежденіе и убѣдитесь, что несправедливы тѣ, кои говорятъ, что мы безъ надобности предпринимаемъ операціи“. Но студенты въ этомъ пальцѣ зашли здоровую кость, сберегли ее и могутъ представить; это послѣднее доказываетъ, какъ то, что для занятій хирургическихъ непременно нужно знать анатомію фізіологическую и паталогическую, такъ и то, что Кригеръ не можетъ быть въ этомъ нашимъ руководителемъ. Притомъ же начальство поручило ему кафедрѣ оперативной хирургіи, а онъ до сихъ поръ не читалъ ни одной лекціи и объявилъ, что и не будетъ читать; механическою же частью оперативной хирургіи занимался только 3 раза въ продолженіи цѣлой трети года. Честь имѣя все это представить медицинскому факультету Императорскаго Харьковскаго университета, всепокорнѣйше просимъ удостоить насъ своимъ милостивымъ благоразсмотрѣніемъ. Къ этому прошенію руку приложили студенты медицинскаго факультета IV-го курса:

*Дмитрій Голубкинъ, Василій Сохраничевъ, Александръ Иванниевъ, Иванъ Сиротинъ, Зиновій Паковскій, Стефанъ Курдюмовъ, Осдоръ Какарекинъ, Иванъ Щербина, Афанасій Ильинскій, Димитрій Полуликовъ, Левъ Крыжановскій, Иванъ Косоротовъ, Александръ Покотиловъ, Францъ Гуревичъ, Алексій Волошиновъ*¹⁾.

¹⁾ Архивъ мин. народн. просв., № 52938/1895.

Исправлявшій тогда должность ректора проф. Иванъ Ивановичъ Сухомлиновъ представилъ эту жалобу не медицинскому факультету, въ который она была адресована, а помощнику попечителя графу Панину, сдѣлавъ предварительно запросъ по поводу ея содержанія специалисту—бывшему профессору хирургіи Н. И. Еллинскому. Этотъ послѣдній далъ Н. И. Сухомлинову о ней очень рѣзкій, негодующій отзывъ.

„Въ письмѣ вашемъ отъ 16 генваря вы изволите требовать, чтобы я изложилъ свое мнѣніе на счетъ предметовъ, заключающихся въ просьбѣ студентовъ, поданной въ медицинскій факультетъ, особенно относительно обвиненія Кригера въ незнаніи своего дѣла. Не могу описать вамъ, милостивый государь, того прискорбнаго чувства, которое возбудило во мнѣ чтеніе этой просьбы! Студенты, еще не кончившіе курса, еще не видавшіе больныхъ, студенты, не знающіе правилъ грамматики русскаго языка, не умѣвшіе складно изложить своихъ мыслей—эти студенты подали просьбу, въ которой дерзаютъ судить о достоинствахъ преподавателя, избраннаго факультетомъ, разбираютъ самыя запутанныя болѣзни и судятъ о врачебныхъ средствахъ, кои противъ этихъ болѣзней были предложены! Такая дерзость, такое отсутствіе всякой морали—превышаетъ все, что могъ я вообразить. Но позвольте мнѣ прервать изслѣдованіе нравственнаго значенія поступка студентовъ. Вамъ угодно знать преимущественно мнѣніе мое, какъ профессора хирургіи, о предметахъ, изложенныхъ въ просьбѣ. Съ охотою исполняю ваше желаніе, тѣмъ болѣе, что многіе изъ случаевъ, выставляемыхъ студентами, мнѣ вполне извѣстны, ибо Кригеръ имѣлъ обыкновеніе представлять мнѣ интересныхъ въ научномъ отношеніи больныхъ, когда я по дѣламъ своимъ пріѣзжалъ въ Харьковъ. Такимъ образомъ, я видѣлъ больную, у которой, по словамъ студентовъ, не узнана была Coxarthrosace, равно какъ и ту, которой нужно было дѣлать глубокія сѣченія по причинѣ такъ называемой pseudo-erysipelas. У первой больной не было совсѣмъ сначала того поврежденія, которое называется coxarthrosace, а открылась эта болѣзнь впоследствии, метастатически. Какъ первоначальная болѣзнь, такъ и послѣдственная были Кригеромъ лѣчimy по всѣмъ правиламъ хирургіи: ни одинъ хирургъ, знающій дѣло, не можетъ не согласиться съ тѣмъ лѣченіемъ, которое было испытано. Что же касается до другой больной, то студенты обвиняютъ Кригера, что у нея якобы произошла водяная болѣзнь отъ неправильнаго употребленія хины. На это обвиненіе стыжусь и отвѣчать, ибо это совершенная бессмыслица. У больной сначала было омертвленіе кѣтчатки нижней конечности, потомъ, какъ продолженіе дѣйствія одной и той же причины, открылась весьма рѣдкая болѣзнь Hydrops purulentus

subcutaneus. Хина не только не произвела этой послѣдней болѣзни, но еще составляет одно изъ тѣхъ средствъ, кои употребляются противъ нея, хотя еще незнаю я примѣра, чтобы эта болѣзнь была когда-либо вылѣчена, если достигнетъ такихъ размѣровъ, какія наблюдались въ разбираемомъ нами случаѣ. Третье обвиненіе студентовъ состоитъ въ томъ, что Кригеръ яко бы вырѣзалъ на ногѣ большой палецъ, въ коемъ кость была здорова. Этого больного я не видалъ; вырѣзанной кости также мнѣ не представили. Слѣдовательно, я не могу сказать, въ какомъ состояніи находилась кость; но могу сказать рѣшительно, что молодые люди, дезнувнувшіе выставить сказанное обстоятельство, поступили совершенно безразсудно. Члены отнимаются не только по причинѣ разстройства костей, но иногда и по болѣзни мягкихъ частей. Скажу вамъ коротко. Больной, коему сдѣлана была поминутая операція, находится теперь въ клиникѣ. Разобравши исторію его болѣзни, доложу вамъ, что если бы у него кость пальца и была здорова, то я бы отрѣзалъ ему палецъ, ибо этотъ членъ мучилъ больного съ давняго времени, поправился на короткое время, но не вылѣчивался отъ фармацевтическихъ средствъ, лишалъ человѣка возможности зарабатывать насущный хлѣбъ, и самъ больной желалъ отъ пальца своего освободиться. Наука наша при такихъ обстоятельствахъ допускаетъ отнятіе пальца, хотя бы и существовала надежда на сбереженіе члена. Но и увѣренъ, что и кость была повреждена, ибо для чего же скрыли палецъ и мнѣ не показываютъ? Если Кригера обвиняютъ въ невѣдѣніи анатомической паталогіи, то, кажется, мнѣ нельзя отказать въ познаніи, относящемся къ хирургіи. Студенты обвиняютъ сверхъ того Кригера въ незнаніи дѣйствія лѣкарства и въ томъ, что онъ ссылагается иногда при названіи средствъ на разныхъ писателей, напр., Лангенбека. Не бывши свидѣтелемъ того, что Кригеромъ было говорено о ревмѣ и въ какихъ случаяхъ ссылагался онъ на Лангенбека, я поэтому не могу и дать своего заключенія объ этомъ обстоятельствѣ; но вообще сказать долженъ, что дѣйствія многихъ лѣкарствъ не только студенты Харьковскаго университета, но и никто изъ врачей не знаетъ и что ссылка на Лангенбека, одного изъ первыхъ профессоровъ хирургіи въ Европѣ, не можетъ быть никогда предосудительной для Кригера. Какъ было бы хорошо, если бы и студенты-обвинители питали уваженіе къ такимъ наставникамъ, какъ Лангенбекъ и изучали бы ихъ какъ слѣдуетъ! Тогда не выставили бы они такихъ безсмысленныхъ обвиненій, какими наполнена ихъ просьба. Милостивый государь! Кригеръ сдѣлавъ медико-хирургомъ въ здѣшнемъ университетѣ. Это достаточно показываетъ степень его познаній; природныя дарованія его также всѣмъ извѣстны. Но къ этому позвольте

присовокупить, что я, чувствуя съ давняго времени упадокъ моего здоровья и имѣя за нѣсколько предъ этимъ лѣтъ намѣреніе выйти въ отставку, готовилъ Кригера по всѣмъ частямъ хирургіи для занятія того мѣста, которое занималъ самъ. Съ этою цѣлью онъ ѣздилъ на свой счетъ въ Берлинъ для слушанія лучшихъ, тамъ находящихся, профессоровъ; для того же въ послѣдніе два года онъ всегда присутствовалъ во время моихъ лекцій, преимущественно во время чтенія оперативной хирургіи; для того же каждую мою лекцію онъ повторялъ студентамъ при мнѣ; для того же, въ послѣднее время, всѣ операціи, случавшіяся въ клиникѣ, производились имъ; для того же я снабжалъ его лучшими книгами изъ моей довольно богатой хирургической библіотеки; для того же я дѣлалъ его, такъ сказать, участникомъ въ своихъ ученыхъ занятіяхъ. Всѣ эти труды мои оправданы совершенно Кригеромъ: онъ весьма хорошій хирургъ и дѣлаетъ честь заведенію, его воспитавшему. Студенты въ своей просьбѣ говорятъ, что онъ, занявшись клипикой, гдѣ я былъ профессоромъ и гдѣ, по ихъ словамъ, теорія объясняетъ практику, не приобрѣлъ или изуродовалъ приобрѣтенныя теоретическія свѣдѣнія. Это верхъ безсмыслицы. Сами эти студенты благоволили назвать меня въ своей просьбѣ достойнѣйшимъ, а тутъ утверждаютъ, что Кригеръ, которымъ я такъ занимался и который часто въ клиникѣ замѣнялъ меня, не приобрѣлъ отъ моихъ наставленій теоретическихъ свѣдѣній и что онъ, дѣйствовавшій въ клиникѣ совершенно по моимъ правиламъ, исказилъ приобрѣтенныя познанія! Но, Бога ради, избавьте меня, милостивый государь, отъ дальнѣйшаго изслѣдованія безразсудныхъ обвиненій студентовъ: я стыжусь употреблять мое перо, доселѣ наукѣ посвященное, на разборъ вздоровъ, порожденныхъ головою безправственныхъ мальчиковъ. Съ истиннымъ уваженіемъ и проч.“

Помощникъ попечителя графъ Панинъ по разслѣдованіи дѣла нашель, что прошеніе студентовъ оказалось „неосновательнымъ и ложнымъ“ и потому „предписалъ Харьковскому университету студентовъ Паковского, Голубкина и Сохраничева, какъ болѣе виновныхъ въ этомъ дерзкомъ поступкѣ, вовсе выгнать изъ университета и распубликовать объ этомъ по всѣмъ прочимъ русскимъ университетамъ, а остальныхъ сочинителей этого неосновательнаго извѣта посадить на недѣлю по очереди въ карцеръ на хлѣбъ и воду“. Объ этомъ рѣшеніи своимъ графъ Панинъ увѣдомилъ и министра, который однако приказалъ все дѣло это, съ отобранными отъ студентовъ показаніями, представить ему.

Въ свою очередь и три студента, „выгнанные“ изъ университета, подали министру народнаго просвѣщенія объясненіе—жалобу, въ которой писали.

„Вступивъ для оковчательнаго образованія нашего въ Императорскій Харьковскій университетъ, мы посвятили себя изученію медицины: наконецъ, будучи удостоеваемы по экзаменамъ перевода изъ курса въ курсъ, вступили въ прошломъ 1833 году на 4 курсъ. Въ числѣ наукъ, входящихъ въ общую массу познаній медика, важнѣйшее мѣсто между прочими науками должна занимать оперативная хирургія и въ особенности для медика, посвящающаго себя на службу отечеству по военной части, къ которой каждый изъ насъ притотавлилъ себя, ибо въ частной практикѣ медикъ, въ случаѣ необходимости операціи, можетъ замѣнить себя операторомъ или другимъ лучше его знающимъ это медикомъ, въ то время какъ военный медикъ, и по долгу своему, и по долгу человечества, долженъ производить ихъ безъ всякихъ отговорокъ. Преподаваніе этой важной вѣтви медицинскихъ наукъ поручено было начальствомъ ординатору клиники Императорскаго Харьковского университета, медико-хирургу и лектору Кригеру, а вмѣстѣ съ тѣмъ и приложеніе всей вообще хирургіи къ практикѣ въ клиническихъ занятіяхъ, теоретическія правила которой преподаются экстраординарнымъ профессоромъ Экебладомъ вмѣсто занимавшагося всѣми частями хирургіи ординарнаго профессора и медико-хирурга Еллинскаго. Какъ ни важны теоретическія свѣдѣнія для медика, но приложеніе ихъ къ практикѣ тѣмъ важнѣе, что въ систематическомъ изложеніи науки невозможно исчислить всѣхъ видоизмѣненій болѣзней съ ихъ оттѣнками, могущими происходить отъ самого субъекта и отъ обстоятельствъ, въ коихъ онъ находится. Мы же, не приобрѣвъ никакихъ практическихъ познаній въ оперативной хирургіи, ибо въ продолженіе полугода не было читано преподавателемъ ея ни одной лекціи по этой наукѣ,—находили практическія примѣненія всей вообще хирургіи въ клиникѣ несообразными съ теоріею потому, во-1-хъ, что преподаватель часто дѣлалъ ложныя опредѣленія тѣхъ болѣзней, кои съ перваго взгляда истинно опредѣлялись учащимися, что внослѣдствіи оправдывалось ходомъ болѣзни и его собственнымъ, часто поздновременнымъ, согласіемъ и наконецъ трупоразсѣченіемъ по смерти субъектовъ; во-2-хъ потому, что преподаватель назначалъ средства, приписывая имъ дѣйствія совершенно несообразныя съ правилами фармакологіи, которая нами была уже выслушана, отвѣчая бездоказательно на вопросы наши, предлагаемые ему нами по долгу учащихся, что это должно быть *такъ*, или ссылаясь бездоказательно же на авторитетъ; въ 3-хъ потому, что, ошибаясь самъ во мнѣніяхъ относительно преподаваемаго имъ предмета и не желая показать своего незнанія, старался убѣдить насъ въ истинѣ того, что можетъ быть и самъ признавалъ за ложное, лучшимъ доказательствомъ чего можетъ

служить палецъ, отнятый имъ у одного больного, находившагося въ клиникѣ; послѣ операціи, желая оправдать поступокъ свой въ глазахъ слушателей, онъ утверждалъ, что кость повреждена, тогда какъ этого поврежденія вовсе не существовало, въ чемъ удостовѣрилъ насъ и ординарный профессоръ анатоміи Венедиктовъ, которому поднесли мы отнятый палецъ, для выведенія насъ изъ сомнѣнія, по совѣту самого же Кригера. Потерявъ, такимъ образомъ, довѣріе къ преподавателю, дорожа краткимъ оставшимся до окончанія курса нашего временемъ и желая отвратить отъ себя отвѣтственность, при будущемъ служеніи отечеству, а равнымъ образомъ понималъ великое назначеніе медика, пользу, которую свѣдущій врачъ можетъ привести отечеству, и вредъ, могущій проистекать отъ врача несвѣдущаго, рѣшили объ этомъ довести до свѣдѣнія начальства, что и исполнили поданнымъ объ этомъ прошеніемъ 19 декабря 1833 года въ медицинскій факультетъ Императорскаго Харьковского университета, какъ ближайшее для насъ мѣсто, могущее одно судить о справедливости нашихъ показаній, и въ этомъ прошеніи изложили нѣкоторые случаи, подтверждающіе вышесказанное и подробнымъ образомъ описанные въ исторіяхъ больныхъ, обыкновенно ведущихся въ клиникѣ. Прошеніе это подписали 15 человекъ оканчивающихъ курсъ медицины студентовъ и подали его г-ну декану медицинскаго факультета и директору клиники ординарному профессору Блументалю. Причины, заставившія насъ подать прошеніе письменно и не жаловаться словесно, были слѣдующія: деканъ и директоръ клиники ординарный профессоръ Блументаль, бывая по должности своей всякій день въ клиникѣ, не могъ не замѣтить всего нами вышеизложеннаго, но оставляя все это безъ вниманія, подалъ тѣмъ мысль о пристрастіи къ Кригеру, а слѣдовательно, мы и считали всякую свою словесную жалобу не только не могущею принести намъ пользы, но даже и вредною для насъ, каковое подозрѣніе въ пристрастіи и оправдалось впоследствии, что можно будетъ видѣть изъ дальнѣйшаго изложенія хода нашего дѣла: другая же причина, заставившая при томъ насъ подписаться всѣхъ, была та, что бы факультетъ при принятіи этого прошенія не приписалъ его личности одного или двухъ человекъ, въ какомъ случаѣ онъ могъ бы оставить это прошеніе безъ вниманія, а Кригеръ впоследствии представилъ бы подавшихъ это прошеніе въ худомъ видѣ начальству. Послѣ подачи прошенія были взяты съ насъ показанія—какъ? кѣмъ? и по чьему побужденію написано было прошеніе? Мы, считая эти показанія, какъ мѣры правительства для удостовѣренія себя, точноли это написано всѣми подписавшимися по чувству собственнаго убѣжденія, оставались совершенно спокойными, ожидая,

что за этимъ послѣдуетъ изслѣдованіе справедливости всего нами показаннаго въ прошеніи; но вмѣсто такого изслѣдованія 3-го февраля сего года объявлено намъ словесно отъ исправляющаго должность ректора ординарнаго профессора Сухомлинова рѣшеніе помощника попечителя учебнаго округа Императорскаго Харьковскаго университета, его сіятельства графа Панина, по коему трое изъ насъ, нижеподписавшіеся, исключены за дерзкій поступокъ изъ числа студентовъ съ опубликованіемъ по всѣмъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, а остальные наказаны семидневнымъ заключеніемъ подъ стражу. Наказаніе это, лишшающее насъ въ будущемъ плодовъ долговременнаго ученія, пятнающее чести нашу, пресѣкающее ближайшій путь къ служенію отечеству и позволяющее вкоренятся злоупотребленію, заставило насъ, по возможности, проникнуть въ ходъ дѣла и искать причины такового рѣшенія, которая, сколько возможно было открыть ее, была слѣдующая: г. деканъ Блументаль, принявъ отъ насъ прошеніе, не представилъ его въ медицинскій факультетъ, куда оно долженствовало поступить на разсмотрѣніе, и даже, скрывъ его отъ прочихъ членовъ этого факультета, передалъ помощнику попечителя учебнаго округа Императорскаго Харьковскаго университета, который, утверждаясь на мнѣніи профессора Блументалья, пристрастнаго потому уже, что онъ директоръ клиники, а слѣдовательно и отвѣчающій за всѣ непорядки въ ней, и на мнѣніи профессора Еллинскаго, приготовлявшаго Кригера въ качествѣ своего преемника, счелъ написанное нами въ прошеніи за ложь и клевету, какъ самъ онъ объявилъ намъ это словесно и назначилъ намъ вышеупомянутое наказаніе. Изъ всего вышеизложеннаго ясно видѣть можно, что подача нашего прошенія не имѣла цѣлю нарушенія распоряженій начальства, а напротивъ довести до свѣдѣнія его о томъ, что могло, производя настоящій ущербъ нашимъ познаніямъ, впослѣдствіи быть вреднымъ и для отечества. Видѣть можно также и то, что наказаніе наше, далеко превосходящее наказаніе прочихъ подписавшихся на вышесказанномъ прошеніи, присуждено безъ всякаго законнаго слѣдствія пристрастно и односторонне, ибо все, что заключается въ кругѣ долга вѣрноподданнаго, никакъ не можетъ назваться дерзостью и этотъ самый долгъ обизываетъ его доводить до свѣдѣнія начальства обо всемъ, что можетъ нанести вредъ отечеству, тѣмъ болѣе, что вредъ, отвращеніе котораго мы имѣли въ виду въ этомъ случаѣ, могъ съ каждымъ годомъ умножаться, ибо что можетъ быть гибельнѣе, какъ дипломъ на достоинство лѣкари въ рукахъ человѣка несвѣдущаго? Изложивъ все это, мы осмѣливаемся обратиться со всепокорнѣйшею просьбою къ вашему высокопревосходительству въ полной увѣренности, что вы не оставите

трехъ невинно-угнетенныхъ, готовившихся и готовыхъ теперь принести на алтарь отечества труды свои, и, обративъ вниманіе ваше на это дѣло, озарите лучемъ истины все, что закрыто въ немъ чернымъ покровомъ пристрастія и несправедливости^а.

Министръ народнаго просвѣщенія передалъ это дѣло на разсмотрѣніе попечителя Харьковскаго учебнаго округа гр. Ю. А. Головкина. Этотъ послѣдній нашелъ, что его помощникъ поступилъ правильно въ этомъ дѣлѣ—студенты вполнѣ заслужили наложенное на нихъ наказаніе—но, снисходя къ ихъ молодости и просьбамъ несчастныхъ отцовъ, простилъ ихъ, предоставивъ имъ право окончить курсъ, но только не въ Харьковскомъ университетѣ¹⁾.

Таковы были перепетія этого эпизода, надѣлавшаго въ свое время много шума. Трудно въ настоящее время, на основаніи представленныхъ данныхъ, дѣлать заключеніе по существу, т. е. рѣшить вопросъ—дѣйствительно ли Кригеръ былъ такъ несвѣдущъ, какъ это изображали студенты. Всѣ матеріалы—и прошеніе студентовъ, и отзывъ профессора Еллинскаго, и приговоръ помощника попечителя графа Цанива—отличаются слишкомъ страстнымъ характеромъ. Тонъ, которымъ написано было коллективное заявленіе студентовъ, крайне несдержанный, а главное слишкомъ категорическій и самоувѣренный; оно могло вызвать негодованіе Еллинскаго. Негодованіе Еллинскаго было искреннее и вполнѣ справедливое, ибо не могли же студенты быть компетентными судьями въ научно-преподавательской дѣятельности профессоровъ, дѣятельности, опѣнка которой должна принадлежать исключительно факультетамъ. Но и въ письмѣ Еллинскаго есть рѣзкія мѣста, также какъ и въ сообщеніи помощника попечителя объ этомъ событіи министру („выгнать“). Получается впечатлѣніе, что здѣсь была закулисная сторона; въ этомъ убѣждаетъ насъ и самый характеръ жалобы студентовъ: тамъ есть такіе указанія (польза государства), которые едва ли могли быть написаны студенческою рукою. На столкновеніе съ Кригеромъ профессора Экеблада указываютъ сами студенты; они же обращались къ профессору Венедиктову, какъ эксперту анатому въ эпизодѣ съ отрѣзаннымъ пальцемъ; они же, наконецъ, указывали на пристрастіе и несправедливость своего декана проф. Блументаля. Такимъ образомъ, очевидно, что за студентами здѣсь стояли профессора. И дѣйствительно, мы знаемъ, что къ этому именно времени относятся ожесточенныя распри и столкновенія между профессорами медицинскаго факультета: у Еллинскаго было крупное столкновеніе съ Брандейсомъ; у Венедиктова и Экеблада,

¹⁾ Ibidem.

принадлежавших повидимому къ одной партіи, — съ Блаументалемъ, Кронебергомъ, Панинымъ и Головкинымъ; студенты также, какъ мы знаемъ изъ доноса Венедиктова, въ то время сильно волновались. Вообще состояніе умовъ было напряженное и это отразилось на самомъ ходѣ разсматриваемаго нами инцидента; жалоба студентовъ по существу въ факультетѣ не была разсмотрѣна; въ ней увидѣли только коллективный, недозволенный протестъ; разслѣдованіе дѣла и приговоръ постановленъ помимо университета исключительно помощникомъ попечителя гр. Панинымъ. Въ основу приговора правда былъ положенъ отзывъ профессора Еллинскаго, но этотъ послѣдній въ этомъ дѣлѣ былъ заинтересованной стороной: онъ всячески проводилъ Кригера. Кригеръ же повидимому дѣйствительно не вполне подходилъ для той отвѣтственной роли, къ которой его готовилъ Еллинскій — по крайней мѣрѣ онъ профессоромъ хирургіи не сдѣлался. Что графъ Панинъ здѣсь нѣсколько погорячился, видно и изъ того, что министръ народнаго просвѣщенія счелъ необходимымъ передать дѣло на пересмотръ гр. Головкина, а этотъ послѣдній, хотя и призналъ рѣшеніе своего помощника правильнымъ, но все-таки отмѣнилъ его, и простилъ студентовъ.

Любопытно и другое столкновеніе студентовъ съ профессоромъ на почвѣ его преподавательской дѣятельности — я имѣю въ виду пропуски лекцій проф. Архангельскимъ, причемъ этотъ послѣдній объяснялъ эти пропуски отсутствіемъ студентовъ, а сами студенты — отсутствіемъ профессора. Проф. Архангельскій въ отвѣтъ на обращенный къ нему по этому поводу запросъ далъ слѣдующій отвѣтъ. „Университетскому начальству извѣстно, что я съ самаго поступленія моего въ вѣдомство университета, никогда не былъ замѣченъ въ небреженіи своимъ долгомъ; напротивъ того всегда находился въ числѣ отличавшихся прилежаніемъ къ своей должности, строгимъ поведеніемъ и сопряженными съ нимъ успѣхами въ наукахъ. Единственно этими средствами я обратилъ на себя вниманіе университетскаго начальства и расположилъ его къ выбору меня изъ числа моихъ сверстниковъ для университетской службы. Этими же средствами достигъ я ученыхъ степеней и званій. Какія ни возлагались на меня обязанности, я исполнялъ ихъ съ точностью. Определенно ли было мнѣ въ званіи кандидата преподавать студентамъ начальныя математическія науки — преподаваніемъ моимъ были довольны и студенты и начальство, со стороны коего я получалъ за то денежное награжденіе. Поручена ли мнѣ была должность учителя философскихъ и словесныхъ наукъ въ здѣшней гимназіи — я исправлялъ ее со всѣмъ раченіемъ, за что получилъ также денежное награжденіе.

Откомандированъ ли былъ я къ должности учителя физико-математическихъ наукъ въ Черноморскую гимназію—я заслужилъ отъ директора ея похвальное свидѣтельство. Былъ ли, послѣ оставленія этой должности, отправленъ въ Императорскую академію наукъ для усовершенствованія въ прикладной математикѣ—университетъ получилъ отъ бывшаго тогда министра народнаго просвѣщенія одобряющую меня рекомендацію академика Гурьева, подъ руководствомъ коего проходилъ я математическія науки. Только благодаря такимъ же средствамъ удостоился я вниманія академіи наукъ, которая желала принять меня въ свое сословіе и обращалась по этому поводу къ министру, сдѣлавшему запросъ Харьковскому университету: согласенъ ли онъ уволить меня изъ своего вѣдомства, чтобы поступить мнѣ въ академію? На это университетъ отвѣчалъ, что я нуженъ для него. Да не поставлено мнѣ будетъ въ вину самохвальства то, что я только въ доказательство всегдашней ревности моей въ исполненіи своихъ обязанностей представляю. И такъ, когда ни пылкость молодости, ни соблазны столицы совратить меня съ предписаннаго мнѣ пути, ни отдаленность отъ непосредственного начальства и совершенная свобода располагать собою ослабить моего прилежанія къ должности не могли, то теперь ли, когда я достигъ возмужалыхъ лѣтъ и сдѣлался отцомъ семейства, когда ничто соблазняющее не отвлекаетъ меня отъ любимыхъ моихъ занятій, когда сверхъ того нахожусь въ глазахъ бдительнаго начальства, теперь ли вздумалъ бы я отстать отъ вкоренившейся во мнѣ съ малолѣтства привычки къ трудамъ и къ точности въ исполненіи долга? Въ то ли время сдѣлался бы я небрежнымъ въ должности, когда мнѣ наиболѣе нужно показать всю ревность къ ней, чтобы не отстать отъ своихъ сверстниковъ, которые занесли уже ногу на высшую ступень? Поведеніе ли мое и образъ жизни перемѣнились сравнительно съ прежнимъ? Но я на всѣхъ знающихъ меня ссылаюсь, что хмельныхъ напитковъ почти не употребляю, ни къ какимъ забавамъ не охотникъ, разбѣянности не другъ, люблю заниматься своимъ дѣломъ. Поэтому не небреженіе мое было причиною, что я не читалъ лекцій въ прошедшемъ октябрѣ мѣсяцѣ, но головная болѣзнь, не позволявшая мнѣ заниматься никакими умственными работами, и неявка въ классъ самихъ слушателей, хотя я приходилъ всегда въ надлежащее время, что могу доказать несомнѣнными данными. Причиной же такого небреженія со стороны моихъ слушателей нельзя признать то, что бы они не были довольны моими объясненіями, ибо при самомъ преподаваніи я всегда спрашивалъ ихъ: ясно ли для нихъ то, что я показываю, на что они всегда отвѣчали утвердительно. Да и передъ ректоромъ, при мнѣ и безъ меня, они признались, что моими

объясненіями всегда были довольны. Сверхъ того въ доказательство, что мои объясненія очень понятны для моихъ слушателей представляю и то, что къ прежнимъ моимъ слушателямъ недавно присоединился новый, который на вопросъ мой: понимаетъ ли онъ объясняемое мною, при всѣхъ отвѣчалъ, что все хорошо понимаетъ, несмотря на то, что почти вся общая статика пройдена безъ него и что онъ въ первый разъ слушаетъ механику. При всемъ томъ мои слушатели остаются при одинаковомъ небреженіи и всегда почти уходятъ изъ класса вслѣдъ за г. ректоромъ ¹⁾ (послѣ котораго слѣдуетъ мнѣ преподавать въ томъ же классѣ тѣмъ же студентамъ), когда только не успѣю встрѣтиться съ нимъ въ дверяхъ аудиторіи. Свидѣтелемъ этого случилось быть третьяго дня экзекутору: я стоялъ съ нимъ подлѣ дверей аудиторіи, когда ректоръ преподавалъ; не прошло двухъ минутъ по выходѣ изъ класса ректора, какъ студенты двинулись было изъ дверей, но я успѣлъ ихъ остановить, прервавъ рѣчь съ экзекуторомъ и поспѣшавши къ нимъ на встрѣчу; они покраснѣвъ воротились за мною. По средамъ же и субботахъ, когда имъ должно нарочно приходить на мои лекціи къ 8 часамъ по утру, совсѣмъ не приходятъ. Когда я спросилъ у нихъ о причинѣ этого, то они отвѣчали, что если имъ и по этимъ днямъ читаво будетъ изъ механики, то много будетъ пройдено и потому трудно будетъ имъ приготовляться къ экзамену. Не въ первый разъ объявляю и о такомъ нерадѣніи студентовъ: жаловался я на него ректору словесно, доносилъ о немъ правленію и совѣту письменно. И не одинъ я жалуясь на нерадѣніе своихъ слушателей. Весь физико-математическій факультетъ въ засѣданіи своемъ іюля 4 дня прошлаго 1818 года сдѣлалъ общее замѣчаніе, что *студенты весьма лѣниво ходятъ на лекціи, вслѣдствіе чего весьма многіе изъ нихъ не являются на экзамены, такъ, напримѣръ, на экзаменъ изъ физики вмѣсто 40 записанныхъ явилось только 20; изъ механики вмѣсто 6 только 2; изъ астрономіи вмѣсто 20 только 2; изъ алгебры, геометріи и тригонометріи вмѣсто 76 вышло на экзаменъ только 5. О такомъ нерадѣніи студентовъ факультетъ опредѣлилъ донести совѣту. Такого рода донесеніе въ совѣтъ было и отъ словеснаго факультета въ 1817 году по окончаніи экзаменовъ, сколько то мнѣ извѣстно по выпискѣ изъ журнала совѣта, сообщенной по этому поводу физико-математическому факультету. Послѣдніе экзамены показали такое же нерадѣніе студентовъ, какъ и въ предыдущіе годы: на примѣръ, изъ многихъ слушавшихъ теорію функцій—держалъ экзаменъ только одинъ; изъ многихъ записавшихся слушать прикладную физику*

¹⁾ Ректоромъ былъ тогда блестящій математикъ Т. Ѳ. Осиповскій.

остался для экзамена только одинъ; изъ пяти, которымъ бы должно было экзаменоваться по механикѣ, экзаменовался также одинъ. Да и теперь многіе профессора жалуются на небрежное ходженіе въ классъ ихъ слушателей, что, думаю, не безызвѣстно правленію или совѣту^а 1).

Правленіе вызвало слушателей проф. Архангельскаго и допросило ихъ о причинѣ небрежнаго отношенія къ его лекціямъ. Они дали слѣдующія объясненія. Ник. Баженовъ заявилъ, что приходилъ 3 раза, но лекціи не было; Ив. Жекулинъ—что приходилъ на лекціи, но ихъ не было; Н. Кирдановскій—то же самое; Ермолай Лобачевскій—что не былъ на лекціяхъ по болѣзни; Ник. Зиновьевъ—что онъ одинъ былъ въ классѣ съ профессоромъ Архангельскимъ, котораго иногда студенты не могли дожидаться. Впрочемъ, всѣ они прибавили, что теперь преподаваніемъ его довольны. Правленіе, основываясь на этомъ, пришло къ заключенію, что виновными въ этомъ дѣлѣ нужно признать студентовъ. Попечитель приказалъ университету принять надлежащія мѣры къ отвращенію подобнаго неустройства, а правленіе поручило экзекутору объявить слушателямъ проф. Архангельскаго, чтобы они неукоснительно посѣщали его курсы. Въ февралѣ слѣдующаго 1820 года проф. Архангельскій подалъ въ правленіе новое заявленіе, въ которомъ снова жаловался на нерадѣніе своихъ слушателей. „Студенты—Баженовъ, Жекулинъ и Лобачевскій,—писалъ онъ тамъ, въ теченіе прошедшаго января мѣсяца и по сіе время вовсе не являлись въ мой классъ; студенты же *Остроградскій*, *Лукашевичъ* и *Кирдановскій* хотя и показывались на моихъ лекціяхъ, но очень рѣдко, а по средамъ и субботамъ, кромѣ *С. Зиновьева* ни одинъ изъ нихъ не приходилъ, какъ и прежде. Это да послужить новымъ доказательствомъ нерадѣнія этихъ студентовъ, равно какъ справедливости моего объясненія, представленнаго правленію въ декабрѣ мѣсяцѣ, и совершенной несправедливости отвѣтовъ, поданныхъ моими слушателями въ правленіе вслѣдствіе этого объясненія. Если правленію нужны доказательства этому донесенію, да благоволятъ потребовать ихъ отъ меня, а не отъ моихъ слушателей; буде же правленіе повѣритъ мнѣ въ томъ безъ доказательствъ, то покорно прошу взыскать съ виновныхъ за опущеніе ихъ долга и, буде возможно, довести ихъ до того, чтобы они впредь не смѣли своевольно опускать лекціи и тѣмъ принуждать меня беспокоить правленіе моими донесеніями объ ихъ нерадѣніи“. Будучи призваны въ правленіе, студенты объяснили: Баженовъ, что онъ пропустилъ нѣкоторыя лекціи по бо-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1596/76.

лѣзни; Остроградскій и Лукашевичъ—что не считаютъ нужнымъ слушать лекціи проф. Архангельскаго, потому что слушали ихъ въ прошломъ году и хотя тогда не держали экзамена, но будутъ держать его въ этомъ году; Кирдановскій—что не бывалъ иногда на лекціяхъ профессора Архангельскаго по случаю угара въ аудиторіи. Дѣло, повидимому, не кончилось ничѣмъ,—по крайней мѣрѣ, изъ документа не видно, чтобы проф. Архангельскій давалъ свой отзывъ на эти объясненія. Изъ представленныхъ данныхъ видно, какъ трудно было виѣшними принудительными мѣрами заставить студентовъ посѣщать неукоснительно лекціи тѣхъ профессоровъ, которые не могли привлечь къ нимъ слушателей внутренними достоинствами своихъ чтеній. Оказывается, что лекціи Осиповскаго студенты посѣщали охотно, а отъ непосредственно слѣдовавшихъ за ними лекцій Архангельскаго бѣгали—и онъ долженъ былъ буквально сторожить ихъ при выходѣ изъ аудиторіи. Конечно, такая роль не соотвѣтствовала достоинству профессора и при томъ не достигала цѣли, ибо они подъ всякими формальными предлогами уклонялись отъ ихъ посѣщенія. Мы не сомнѣваемся, что многое въ объясненіяхъ проф. Архангельскаго справедливо. Нѣкоторые студенты не были достаточно усердны въ посѣщеніи лекцій и въ усвоеніи прочтаемаго. Но среди этихъ „неусердныхъ“ посѣтителей курсовъ Архангельскаго былъ студентъ Остроградскій, увлекавшійся математическими курсами Осиповскаго, имѣвшій призваніе къ математикѣ и сдѣлавшійся впоследствии знаменитымъ русскимъ математикомъ. Спрашивается—можно ли его заподозрить въ „небреженіи“ къ одному изъ основныхъ предметовъ его факультета? Быть можетъ, дѣло объясняется тѣмъ, что Архангельскій читалъ свой курсъ, не отступая ни въ чемъ отъ имъ же изданнаго переводнаго руководства Франкера. Что же касается манкированія лекціями со стороны самого профессора, то на него сдѣлано было указаніе въ объясненіяхъ студентовъ; изъ отзывовъ же помощника попечителя графа Панина мы узнаемъ, что Архангельскій (правда уже въ тридцатыхъ годахъ) отличался лѣнностью. Быть можетъ, эта черта Архангельскаго была хорошо извѣстна и его товарищамъ, засѣдавшимъ въ правленіи, и потому это послѣднее отнеслось къ виновнымъ студентамъ въ сущности очень мягко и гуманно. Быть можетъ, здѣсь оказали вліяніе взаимныя отношенія ректора Осиповскаго и проф. Архангельскаго: первый, всегда отличаясь строгостью къ самому себѣ, не могъ по долгу службы и обязанности своей, скрыть отъ попечителя, что второй цѣлый мѣсяцъ не читалъ лекцій по неизвѣстнымъ причинамъ (такія вѣдомости о пропущенныхъ профессорами лекціяхъ съ обозначеніемъ причины пропуска подавались попечителю черезъ

известные промежутки времени); Архангельскій же могъ увидѣть въ этомъ личности и во всякомъ случаѣ долженъ былъ выгородить и обѣлить себя; выгораживая же себя, онъ затронулъ студентовъ. Нужно замѣтить, что нѣкоторые профессора университета тогда дѣйствительно неаккуратно читали лекціи; сюда, напримѣръ, нужно причислить—Колумну-Вигуру ¹⁾, Нельдехена, Пильгера. Такимъ же свойствомъ отличались и нѣкоторые преподаватели искусствъ, напримѣръ, учитель танцевъ Штейнъ, который долженъ былъ даже вслѣдствіе этого выйти въ отставку ²⁾. Ледюкъ—учитель фехтованія—мотивировалъ пропускъ лекцій тѣснотою университетскихъ помѣщеній ³⁾.

Вотъ біографическія данныя о нѣкоторыхъ учителяхъ „пріятныхъ искусствъ, принадлежавшихъ къ преподавательскому персоналу университета.

Учитель рисованія Флоръ Филипповичъ *Рыпкинъ*—изъ донскихъ казаковъ; обучался въ Петербургской академіи художествъ, затѣмъ получилъ мѣсто учителя рисованія въ бывшемъ Екатеринославскомъ главномъ народномъ училищѣ, переименованномъ въ 1805 г. въ гимназію, въ которой состоялъ преподавателемъ до 1814 года. Въ 1815 году опредѣленъ учителемъ рисованія въ Харьковскій университетъ.

Учитель музыки Иванъ Александровичъ *Лозинскій*, изъ дворянъ. Первоначально преподавалъ безъ жалованья музыку въ Звенигородскомъ уѣздномъ училищѣ (съ 1799 по 1801 годъ); въ 1812 году поступилъ учителемъ музыки въ Курскую гимназію (также безъ жалованья); въ 1815 году былъ назначенъ преподавателемъ музыки въ Харьковскій университетъ.

Учитель музыки Яковъ Даниловичъ *Зенькевичъ*. Служилъ въ католической духовной коллегіи канцеляристомъ; въ 1830 году назначенъ былъ учителемъ музыки въ Харьковскій университетъ.

Учитель танцевъ Григорій Григорьевичъ *Беккеръ*. Былъ первоначально танцоромъ въ Петербургскомъ Императорскомъ театрѣ. Въ 1812 году поступилъ въ ополченіе, въ коемъ занялъ должность урядника. За храбрость, оказанную въ сраженіяхъ, получилъ чинъ прапорщика и Георгія 5-й степени. Въ 1817 году ему поручено было временно преподаваніе танцевальнаго искусства, а въ 1820 г. онъ былъ утвержденъ въ своей должности совѣтомъ.

Учитель танцевъ Павелъ Владиславовичъ *Строцкій*. Служилъ въ военной службѣ, которую оставилъ въ чинѣ поручика. Былъ затѣмъ

¹⁾ См. объ этомъ особое дѣло (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 1595/76).

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 1223/57.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1816 г. № 79.

учителемъ танцевъ въ Межирецкой и Немировской гимназіяхъ и Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ; въ 1829 году назначенъ преподавателемъ этого предмета въ Харьковскій университетъ ¹⁾.

Сдѣлавъ характеристику тогдашняго преподаванія, мы сообщимъ теперь данныя объ одномъ проектѣ, касавшемся математическаго факультета—именно о раздѣленіи этого послѣдняго на 2 отдѣленія: математическое и естественное. Мы познакомили уже читателей съ проектами касательно этого попечителя гр. Головкина и его помощника гр. Панина (266, 283, 289—298); теперь же только прибавимъ, что ходатайство о раздѣленіи математическаго факультета на два отдѣленія было возбуждено еще при попечителѣ Е. В. Карнѣевѣ, какъ видно изъ слѣдующаго его представленія министерству. „Совѣтъ Харьковского университета въ представленіи своемъ ко мнѣ изъясняетъ, что физико-математическій факультетъ подалъ представленіе, въ которомъ прописываетъ, что по замѣчанію факультета студенты его на публичныхъ экзаменахъ въ нѣкоторыхъ наукахъ оказываютъ весьма слабыя успѣхи. Причину этого факультетъ приписываетъ множеству и разнообразію наукъ, его составляющихъ, и замѣчаетъ, что если оставить нынѣ существующее число наукъ этого факультета, кои студенты должны выслушать въ теченіе трехъ лѣтъ, то они никакъ не могутъ во всѣхъ равно успѣвать, такъ что успѣвающіе въ естественныхъ наукахъ, отстаютъ въ математическихъ и наоборотъ, а по сему и не могутъ образоваться изъ числа студентовъ свѣдущіе учителя по части естественныхъ наукъ для гимназій Харьковскаго учебнаго округа, тѣмъ болѣе, что нынѣ въ гимназіяхъ причислена къ нимъ и физика. Для отмѣны этого великаго *неудобства совѣтъ предлагаетъ раздѣлить этотъ факультетъ на два отдѣленія, съ тѣмъ, чтобы по каждому отдѣленію особо можно было производить въ дѣйствительные студенты и выдавать полные аттестаты, а именно: по отдѣленію физико-математическихъ и по отдѣленію естественныхъ наукъ. Къ первому будутъ принадлежать — Богопознаніе, логика, первая часть математики, высшая геометрія, дифференціальное и интегральное исчисленіе, механика, оптика, астрономія, физика общая и прикладная, химія, полевая фортификація и долговременная, артиллерія, гражданская архитектура, геодезія. Второе отдѣленіе составлять будутъ—Богопознаніе, логика, ботаника, зоологія, минералогія, общая физика и прикладная, химія, агрономія, технологія и торговля. Совѣтъ, согласуясь съ этимъ мнѣніемъ факультета и находя необходимо нужнымъ для большей пользы студентовъ, раздѣлить этотъ факультетъ на*

¹⁾ Формулярные списки за 1825 и 1832 годы (Харьк. унив. архивъ).

вышеупомянутыя два отдѣленія, съ тѣмъ только, чтобы къ обоимъ отдѣленіямъ сверхъ логики принадлежала и нравственная философія, представляетъ мнѣ объ исходатайствованіи у высшаго начальства на это утвержденія, тѣмъ болѣе, что въ новомъ уставѣ Дерптскаго университета сдѣлано подобное раздѣленіе. Уваживъ такое представленіе совѣта Харьковскаго университета, честь имѣю предать его на благоусмотрѣніе вашего сіятельства“.

Ходатайство это было передано министерствомъ на заключеніе ученаго комитета главнаго управленія училищъ, который въ общемъ его одобрилъ, какъ это видно изъ слѣдующаго протокола. „Слушали мнѣніе графа Н. С. Лавала, въ коемъ пишетъ, что предположеніе попечителя Харьковскаго учебнаго округа о раздѣленіи физико-математическаго факультета тамошняго университета на 2 отдѣленія: 1) физико-математическихъ наукъ и 2) естественныхъ, заслуживаетъ одобренія. Ибо дѣйствительно невозможно, чтобы трехъ-годичное время, изъ коего еще надлежитъ исключить 9 мѣсяцевъ вакантныхъ, достаточно было на изученіе 12 разныхъ наукъ, изъ которыхъ для каждой отдѣльно потребны многіе годы. Парижскій университетъ призналъ помянутое раздѣленіе также необходимымъ, но онъ, соразмѣряя число предметовъ со временемъ, для нихъ назначеннымъ, старался каждое отдѣленіе составить изъ такихъ только наукъ, кои между собою однородны, такъ что въ математическое входятъ 3 курса слѣдующихъ предметовъ: а) дифференціального и интегрального исчисленія; б) механики (высшей); в) астрономіи. А отдѣленіе физическое состоитъ изъ 4 курсовъ: а) химіи, б) минералогіи и геологіи; в) ботаники и физики растительныхъ веществъ (*physique végétale*) и г) зоологіи и физиологіи. Сверхъ того, какъ въ то, такъ и въ другое отдѣленіе входитъ курсъ общей и опытной физики. Попечитель же Харьковскаго учебнаго округа напротивъ того включилъ въ оба эти отдѣленія такъ много предметовъ, что самъ себѣ противорѣчитъ, забывъ, какъ кажется, во 2-й части своего представленія то великое неудобство, на которое жалуется въ 1-й. Такъ, во-1-хъ, онъ помѣстилъ въ 1-е отдѣленіе логику, которая принадлежитъ къ философіи; во-2-хъ, Богопознаніе, изученіе коего не можетъ быть новымъ предметомъ для учениковъ такихъ лѣтъ, съ какими поступаютъ въ университетъ; въ-3-хъ, первую часть математики, которую бы должно выучить еще въ гимназій; въ-4-хъ, военныя науки необходимы только для готовящихся къ этого рода службѣ, и наконецъ, въ-5-хъ, гражданскую архитектуру и геодезію, кои вовсе не нужны для этого факультета. Итакъ, одобряя предлагаемую г. попечителемъ мѣру раздѣленія означеннаго факультета, не бесполезно было бы сдѣ-

латъ это по примѣру Парижскаго университета, какъ выше объяснено. Ученый комитетъ постановилъ: представить министру, что комитетъ, по уваженію выше объясненныхъ въ мнѣніи члена его графа Лавала причинъ, полагаетъ полезнымъ физико-математическій факультетъ Харьковскаго университета раздѣлить на 2 отдѣленія—физико-математическое и отдѣленіе естественныхъ наукъ; но для истинной пользы слушающихъ въ числѣ наукъ каждаго изъ этихъ отдѣленій ограничиться только тѣми, кои предлагаетъ гр. Лаваль, придерживаясь притомъ и предложеннаго имъ расиределенія ихъ⁴.

И просьбу Карнѣева, и мнѣніе ученаго комитета министръ отправилъ на заключеніе новому попечителю Перовскому (9 октября 1825 г.), который 15 июня 1826 г. отвѣтилъ. „Такъ какъ вынѣ дѣла, до подобныхъ предметовъ касающіяся, подлежатъ сужденію и разбирательству Высочайше утвержденнаго комитета устройства учебныхъ заведеній, то я, по этому комитету, въ свое время не премину представить вамъ, милостивый государь, и вышеозначенное заключеніе мое“¹⁾. Такъ

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 22541/497.

этотъ вопросъ и не получилъ разрѣшенія ни въ 1826 году, ни позже при Головкинѣ и только уставъ 1835 года внесъ измѣненія въ программы факультетскаго преподаванія.

Занималъ въ это время всѣхъ также вопросъ о преподаваніи общихъ пропедевтическихъ курсовъ въ университетѣ. Въ 1818 г. совѣтъ замѣтилъ, что многіе студенты не занимались съ должнымъ усердіемъ науками, а въ особенности общими подготовительными курсами, объявляемыми согласно 109 § университетскаго устава. Всѣ способы, употребившіеся до тѣхъ поръ къ отвращенію этого зла, не приводили ни къ чему. Въ виду этого сдѣлано было постановленіе, чтобы съ 1818 года всѣ студенты обязательно экзаменовались изъ общихъ наукъ. Курсъ этихъ подготовительныхъ наукъ былъ двухлѣтній и притомъ для студентовъ всѣхъ факультетовъ. Въ первомъ году читались—психологія и логика, алгебра, геометрія и тригонометрія, естественная исторія, всемірная древняя географія и исторія, географія и статистика Россіи, 1-я часть русской, латинской, нѣмецкой или французской словесности; кромѣ того, студенты, желавшіе поступить на словесный или медицинскій факультетъ, должны были прослужать еще 1-ю часть греческой словесности. Во второмъ году слушали—нравственную философію, физику, всемірную исторію, русскую исторію и вторую часть русской, латинской, французской или нѣмецкой словесности; кромѣ того, избравшіе словесный или медицинскій факультетъ, обязаны были еще прослужать 2-ю часть греческой словесности, избравшіе физико-мате-

матическій факультетъ—теорію анатомическихъ функцій. Факультетскія же науки должны были быть изучены только въ теченіе третьяго года. Министерство народнаго просвѣщенія однако рѣшительно отвергло этотъ проектъ—и было, конечно, совершенно право. Оно указало, что приготовительныя науки слѣдуетъ изучать въ гимназіяхъ, и принимать въ студенты университета только такихъ лицъ, кои прошли ихъ съ надлежащимъ успѣхомъ въ гимназіяхъ. Въ университетѣ же, какъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, должны проходить только факультетскіе предметы. Совѣтъ университета представилъ по этому поводу объясненіе, въ которомъ прямо сослался на 109 § университетскаго устава, требовавшій такихъ приготовительныхъ курсовъ. „Между науками, въ университетѣ преподаваемыми, говорилось въ уставѣ, находятся такія, которымъ необходимо должны учиться всѣ желающіе быть полезными себѣ и отечеству, каковой бы родъ жизни и какую бы службу они ни избрали и для того тотъ только можетъ перейти въ главное отдѣленіе наукъ, соответствующихъ будущему состоянію, кто прослушалъ науки приготовительныя“. Исполненіе этого параграфа устава вызывалось притомъ, по мнѣнію совѣта, самою пользою дѣла, потому что 1) въ гимназіяхъ приготовительныя науки или совсѣмъ не преподавались, или излагались въ сокращенномъ видѣ; 2) въ университетъ попадали лица, не бывшія въ гимназіи. Попечитель однако не далъ хода этому объясненію совѣта (кстати замѣтимъ, что оно было подписано Т. Ѳ. Осиповскимъ), такъ какъ министр не требовалъ его отъ университета. Такимъ образомъ, ссылка на нарушеніе устава не могла быть, благодаря попечителю З. Я. Карябеву, доведена до свѣдѣнія министерства, которое, очевидно, упустило изъ виду этотъ параграфъ.

Въ изучаемый нами періодъ времени института гражданскихъ чиновниковъ, службою обязанныхъ, какъ кажется, уже не существовало, а лица, желавшія получить чины 8 и 5 классовъ и не имѣвшія должнаго образовательнаго ценза, держали экзаменъ при университетѣ,—при особомъ комитетѣ, выдававшемъ имъ аттестаты. Экзаменовались на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 6 августа 1809 года, изъ слѣдующихъ предметовъ: богопознанія и христіанскаго ученія, русской грамматики и словесности, естественнаго, публичнаго и народнаго права, римскаго и гражданскаго права, съ приложеніемъ этого послѣдняго къ русскому законодательству, уголовнаго права, политической экономіи, русской исторіи, географіи и статистики, всеобщей исторіи и хронологіи, всеобщей географіи и статистики, ариметики, геометріи и

1) Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 551/28.

физики; сверхъ того требовались: русское сочиненіе и переводъ съ французскаго языка. По разъясненіямъ министерства народнаго просвѣщенія къ испытанію въ комитетѣ можно было допускать только лицъ, состоявшихъ уже на службѣ, но притомъ не только гражданской, а и военной. Наконецъ, особымъ распоряженіемъ чиновникамъ, состоявшимъ на службѣ, разрѣшено было посѣщать университетъ въ качествѣ вольнослушателей и затѣмъ прямо держать экзаменъ на кандидатскую степень. По поводу этого распоряженія тогдашній ректоръ Дудровичъ вошелъ къ попечителю съ особымъ представленіемъ, въ которомъ доказывалъ, что отъ подобныхъ лицъ необходимо требовать доказательствъ ихъ школьной подготовки къ слушанію университетскихъ лекцій—иначе учащаяся молодежь не будетъ оканчивать гимназій, а, поступивъ на службу, запишется въ вольнослушатели и будетъ прямо держать кандидатскій экзаменъ безъ годичныхъ испытаний, коимъ подвергаются студенты университета. Такимъ образомъ, они будутъ находиться въ привилегированномъ положеніи сравнительно съ этими послѣдними. И дѣйствительно, основываясь на этомъ разрѣшеніи недавно передъ тѣмъ подалъ прошеніе о допущеніи его къ слушанію лекцій въ университетѣ канцеляристъ Слободскоукраинскаго губернскаго правленія Ив. Якименковъ, прошедшій только низшіе классы Полтавской гимназіи и находившійся на службѣ 3 мѣсяца. Попечитель Перовскій однако не далъ хода этому заявленію ¹⁾.

Раньше существовавшаго при университетѣ *педагогическаго института* также въ это время уже не было и окладъ, предназначавшійся для директора его, одно время рѣшено было выдать проф. Мауреру за преподаваніе лекцій педагогіи ²⁾.

Другой—экзаменаціонный комитетъ для испытанія лицъ, ищущихъ званія учителя гимназіи, былъ учрежденъ въ 1827 году (до тѣхъ поръ экзамены производилъ училищный комитетъ). Въ составъ его первоначально вошли профессора—Борзенковъ, Павловскій, Филомаѳитскій и адъюнктъ Черняевъ. Онъ дѣйствовалъ на основаніи правилъ, имъ самимъ составленныхъ и одобренныхъ попечителемъ ¹⁾.

Представимъ теперь фактическія данныя объ ученыхъ промоціяхъ въ Харьковскомъ университетѣ съ 1815 по 1819-й годъ, чтобы составить себѣ понятіе о требованіяхъ ученой коллегіи и отчасти о личности самихъ аспирантовъ.

Авксентій Гевличъ—студентъ Харьковскаго университета въ 1811 году получилъ степень кандидата, въ 1813 г.—магистра, а въ 1815 году

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 895/49.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1339/76.

доктора словесныхъ наукъ. Испытаніе его на это послѣднее званіе производимо было такъ. 3-го января 1815 года, онъ былъ подвергнутъ предварительному испытанію проф. Осиповскимъ, Дегуровымъ и Шадомъ—и факультетъ на основаніи его допустилъ къ докторскому экзамену. 20-го февраля Гевличъ держалъ устный экзамень, взявши по жребію четыре вопроса изъ числа тѣхъ, кои были приготовлены по всѣмъ предметамъ; а именно—1) О состояніи Русской церкви со времени введенія христіанства до учрежденія Святѣйшаго Синода—отвѣчалъ довольно хорошо; 2) Исторія Россійской поэзіи, 3) Идеаль изящныхъ наукъ и свободныхъ искусствъ; 4) О причинахъ, способствовавшихъ распространенію рабства въ Европѣ и его уничтоженію; на эти три вопроса отвѣчалъ хорошо. Потомъ слѣдовали устные отвѣты изъ другихъ предметовъ по вопросамъ, предлагаемымъ экзаменаторами: проф. Шадъ спросилъ изъ латинской словесности о разныхъ родахъ поэзіи и предложилъ объяснить 12-ю оду Горация изъ 2-й книги. Отвѣтъ былъ признанъ удовлетворительнымъ. Экзамень продолжался 3-го марта. Вопросы были предложены проф. Срезневскимъ изъ русской словесности (отвѣчалъ удовлетворительно); изъ русской исторіи, географіи и статистики (отвѣчалъ хорошо), изъ всеобщей исторіи (отвѣчалъ удовлетворительно), изъ французскаго языка и словесности (хорошо). По окончаніи устнаго испытанія Гевличъ вытянулъ по жребію четыре билета изъ числа заранѣе приготовленныхъ и относящихся ко всѣмъ предметамъ факультета—и на квартирѣ секретаря подъ его наблюденіемъ далъ на нихъ письменные отвѣты. Вопросы были таковы: 1) О вліяніи вѣры на нравы римлянъ въ разныя времена (на латинскомъ языкѣ); 2) Показать главнѣйшее раздѣленіе стихотворныхъ сочиненій (на русскомъ языкѣ); 3) Указать на важнѣйшихъ писателей по русской исторіи и присовокупить свое сужденіе о достоинствѣ каждаго изъ нихъ (на русскомъ языкѣ); 4) О причинахъ происхожденія политической системы Европейскихъ государствъ (на латинскомъ языкѣ). Въ засѣданіи 31-го марта, по большинству голосовъ, отвѣты его были признаны удовлетворительными и ему были предложены слѣдующія темы для лекцій: 1) О состояніи руссійской торговли со времени основанія государства до нашихъ дней (на русскомъ языкѣ); 2) Определить качества изищнаго (pulchri) и описать всѣ роды его, въ томъ числѣ и идеаль (на русскомъ языкѣ); 3) Объяснить, что гораздо труднѣе писать исторію новыхъ временъ, нежели древнихъ (на латинскомъ языкѣ). Въ засѣданіи 21 мая факультетъ призналъ лекціи весьма удовлетворительными и постановилъ допустить его къ публичной защитѣ докторской диссертациі. Въ засѣданіи 15 іюня факультетъ одобрилъ представленную Гевличемъ

докторскую диссертацию, постановилъ просить Совѣтъ о назначеніи оппонентовъ и передалъ диссертацию для напечатанія въ Правленіе. 26 іюня факультетъ назначилъ день диспута. 30 іюня Гевличъ читалъ свою диссертацию, а возраженія ему дѣлали проф. Дегуровъ, Срезневскій, Успенскій, Рейтъ, Борзенковъ, Громовъ и пр. Факультетъ призналъ диспутъ удовлетворительнымъ и предложилъ Совѣту утвердить его въ степени доктора ¹⁾.

Учитель Екатеринославской гимназіи Карлъ Фридрихъ Герцъ ходатайствовалъ въ 1815 году о допущеніи его къ экзамену на степень доктора по словесному факультету. Факультетъ, въ виду того что онъ окончилъ Лейпцигскій университетъ и потомъ занимался науками, удовлетворилъ его просьбу. Сначала ему было произведено предварительное испытаніе (Шадомъ изъ философіи и Осиповскимъ изъ математики). Затѣмъ онъ вытянулъ четыре вопроса для устнаго испытанія; 1) Существовала ли у древнихъ эстетика; 2) Каково было происхожденіе римскаго сената, сколько было сенаторовъ и какъ они избирались; 3) Что извѣстно о нравахъ египтянъ, ихъ богослуженіи, наукахъ, искусствахъ, образованіи; 4) Что должно думать о царствованіи и дѣлахъ Ивана Васильевича Грознаго—отвѣчалъ на 1-й, 3-й и 4 вопросы хорошо,—на 2-й—превосходно. Изъ остальныхъ предметовъ (уже безъ билетовъ) онъ отвѣчалъ по нѣмцки хорошо, по всеобщей и русской исторіи—хорошо, по русскому языку и словесности превосходно, по французскому языку и словесности довольно хорошо. Четыре письменныхъ отвѣта, написанныхъ имъ въ библіотекѣ подъ наблюденіемъ Борзенкова, на четырехъ языкахъ, факультетъ также одобрилъ. Для трехъ пробныхъ лекцій ему назначены были слѣдующія темы: 1) О римскихъ играхъ въ циркахъ и театрахъ; 2) О свойствахъ и цѣли Ликурговыхъ законовъ; 3) Имѣтъ-ли преимущества поэзія передъ прочими искусствами? Лекціи были одобрены и за мысли, и за слогъ. Послѣ защиты одобренной факультетомъ диссертации (О раздѣленіи поэзіи) и тезисовъ, Герцъ былъ признанъ достойнымъ искомой степени.

Василій Масловичъ получилъ кандидатскую степень по словесному факультету въ 1813 году, а въ 1815 году былъ допущенъ къ экзамену на степень доктора. На предварительномъ испытаніи его спрашивали—Шадъ изъ философіи (отвѣчалъ хорошо), Осиповскій изъ математики (отвѣчалъ довольно хорошо), Срезневскій изъ русской словесности (очень хорошо). Вопросы, выбранные имъ по жребію, были таковы—изъ эстетики и русской словесности: 1) Что должно разумѣть

¹⁾ Харьк. Унив. архивъ. Дѣло поп. № 1256/71.

подъ именемъ граціи (отвѣчалъ по-русски очень хорошо); 2) Что такое вкусъ вообще (отвѣчалъ по-русски очень хорошо); изъ латинской словесности: 3) Что должно замѣтить о сатирической поэзіи и римской эниграммѣ (отвѣчалъ по-латыни хорошо); 4) Что должно замѣтить о дидактической поэзіи римлянъ (отвѣчалъ хорошо). По латинскому языку онъ объяснялъ 2-ю оду Горация къ Августу (удовлетворительно), по французскому языку и словесности отвѣчалъ удовлетворительно, по нѣмецкому языку и словесности—хорошо, по всеобщей и русской исторіи, географіи и статистикѣ—хорошо. Изъ четырехъ письменныхъ отвѣтовъ три онъ написалъ на русскомъ языкѣ и одинъ на латинскомъ. Пробныя лекціи онъ читалъ на слѣдующія предложенныя ему темы: 1) О важнѣйшихъ баснописцахъ на русскомъ языкѣ; 2) Главнѣйшія причины упадка словесности на латинскомъ языкѣ; 3) Сравнить причины паденія Римской имперіи съ причинами паденія Константинопольской имперіи на русскомъ языкѣ. Признавъ эти лекціи удовлетворительными, факультетъ разрѣшилъ Масловичу защищать свою диссертацию на русскомъ языкѣ. Оппонентами у него были Успенскій, Срезневскій, Совины и др. Въ силу всего изложеннаго, а также принявъ во вниманіе изданныя Масловичемъ сочиненія, факультетъ призналъ его достойнымъ степени доктора изящныхъ наукъ.

Домогался докторской степени, какъ мы говорили уже объ этомъ въ 1-мъ томѣ своего труда, и директоръ Екатеринославской гимназіи Мизко. Дѣло объ этомъ началось въ 1813 году. Онъ хотѣлъ получить эту степень такъ, какъ получили ее профессора Харьковского университета Успенскій, Срезневскій и Паки де Совины, т.е. безъ экзамена, а только по сочиненію. Представилъ онъ сочиненіе на латинскомъ языкѣ „О превосходствѣ древнихъ языковъ, въ особенности латинскаго“. Факультетъ потребовалъ, чтобы Мизко предварительно выдержалъ устное испытаніе; но совѣтъ университета поручилъ факультету дать отзывъ о разсужденіи Мизка—и факультетъ, большинствомъ голосовъ, основываясь на отзывѣ декана Роммеля и принявъ во вниманіе 3 печатныя рѣчи Мизка и его плодотворную дѣятельность на пользу училищъ, постановилъ удостоить его докторской степени. Сильныя и основательныя возраженія выставили—Шадъ, Успенскій и Совины, ссылавшіеся на прямое нарушеніе въ данномъ случаѣ устава. Совѣтъ постановилъ выдать Мизку дипломъ на степень доктора изящныхъ наукъ за его заслуги на полѣ просвѣщенія—и факультетъ уже въ 1815 году, основываясь на этомъ опредѣленіи, постановилъ выдать ему дипломъ за то заслуги въ дѣлѣ распространенія образованія и за рукописныя и печатныя сочиненія, свидѣтельствующія о познаніяхъ его въ наукахъ.

Успенскій однако остался и тогда при особомъ мѣнѣи, которое состояло въ слѣдующемъ. Ищущіе ученыхъ степеней непременно должны удовлетворить 93, 97, 98 и 99 §§ устава — и никто не имѣетъ права производить въ ученые степени безъ устнаго экзамена, а тѣмъ болѣе отсутствующаго. Давая возможность своимъ производствомъ Мизку достигнуть высшей ступени чиновпроизводства, университетъ долженъ будетъ это допустить и для другихъ училищныхъ чиновниковъ. За услуги, оказанныя училищамъ, можно вознаградить Мизку иначе, а не дипломомъ на ученое званіе. Чѣмъ окончилось это дѣло, неизвѣстно ¹⁾).

Въ 1816 году выдержалъ экзаменъ на степень магистра изящныхъ наукъ студентъ Алексѣй Левшинъ, пробывшій въ университетѣ три года и не получившій еще повидимому и степени кандидата. Допущенъ же онъ былъ къ экзамену потому, что прекрасно учился и написалъ сочиненіе, отданное въ печать „Письма изъ Малороссіи“. Онъ выдержалъ предварительное испытаніе, причемъ экзаменаторами его были проф. Успенскій, испытывавшій его изъ факультетскихъ и вспомогательныхъ предметовъ, проф. Шадъ — изъ прикладной логики и проф. Архангельскій — изъ алгебры. Выдержалъ онъ это испытаніе превосходно. Устно онъ отвѣчалъ на слѣдующіе вопросы: 1) по латинской словесности — Какіе успѣхи сдѣлали римляне въ лирической поэзіи? (отвѣчалъ весьма хорошо), а также весьма хорошо объяснилъ оду Горация; 2) изъ эстетики — О предѣлахъ этой науки (весьма хорошо); 3) изъ всеобщей исторіи — О причинахъ величія и упадка Карогагена (хорошо). Послѣ того ему предлагались еще вопросы — изъ латинской словесности (отвѣчалъ весьма хорошо), изъ русской исторіи, географіи и статистики (хорошо), изъ русской риторики и французскаго языка (весьма хорошо). Письменные отвѣты онъ написалъ (подъ наблюденіемъ Борзенкова) на слѣдующую тему: 1) *Quid praestiterunt Romani in philosophia*; Для пробной лекціи ему была задана слѣдующая тема: *In quo Graeci Romanis et Romani Graecis respectu scientiarum et artium praestiterunt*? Затѣмъ Левшинъ защитилъ диссертацию и былъ признанъ магистромъ изящныхъ наукъ ²⁾).

На физико-математическомъ факультетѣ кромѣ Громова и Комлишинскаго степень доктора (химіи) получилъ еще магистръ Шуманъ. Въ 1815 году онъ подвергся въ факультетѣ предварительному испытанію — экзаменовали его деканъ Нелъдехенъ и проф. Шадъ. Устные отвѣты Шуманъ давалъ — по химіи (*De acido sulphurico ejusque diver-*

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1817 г., № 41.

²⁾ Харьк. унив. архивъ 1818 г., № 1.

sitate и De ferro ejusque diversitate) — очень хорошо, и по технологii. Затѣмъ Шуману предлагались вопросы изъ естественной исторii, минералогii, физики и математики — и онъ отвѣчалъ на нихъ хорошо. Для письменнаго отвѣта ему достались слѣдующіе вопросы: 1) по химii — *Expositio theoriae affinitatis veteris et novae*; 2) Изложеніе общихъ свойствъ металловъ; 3) изъ технической химii — *Salis culinaris partes constitutivae, modus diversus illud obtinendi, producta quae chemiae arte ex residuis sulinuriis possunt obtineri*. Письменные отвѣты были признаны удовлетворительными и Шуману были предложены слѣдующія темы для его лекцій: 1) *De mallisatione kaliorum, corporum calinorum ferrarumque*; 2) Объ измѣненіяхъ, каковыя претерпѣваютъ послѣ смерти различные тѣла прозябаемаго и животнаго царства; 3) *Von den Seiffen*. Кромѣ того, факультетъ поручилъ Шуману произвести химическое изложеніе базальта и представить данныя, какъ о его составныхъ частяхъ, такъ и о процессахъ, для полученія ихъ употребленныхъ. Диссертацию Шумана „*De acidi muriatici natura*“ рѣшено было напечатать ¹⁾.

Магистерскую степень получилъ еще и *Колядингъ* ²⁾.

Наконецъ, были еще двѣ докторскія промоціи на этико-политическомъ факультетѣ, которыя не были утверждены министерствомъ и послужили однимъ изъ поводовъ для высылки изъ Харькова проф. Шада и измѣненія самихъ правилъ объ испытаніяхъ на ученые степени. Я имѣю въ виду промоціи кандидата Гриневича и магистра Ковалевскаго. Оба они выдержали устные и письменныя испытанія и даже защитили диссертации; но проф. Дегуровъ подалъ въ совѣтъ заявленіе, въ которомъ доказывалъ, что диссертация Гриневича списана съ лекцій профессора Шада, читанныхъ студентамъ, а диссертация Ковалевскаго (*De libertate mentis humanae*) — списана съ печатнаго сочиненія Шада на ту же тему. Дѣло дошло до министерства. Совѣтъ назначилъ спеціальную комиссію (въ составѣ 4-хъ профессоровъ), которая установила фактъ буквального заимствованія многихъ параграфовъ, отмѣченныхъ Дегуровымъ, изъ сочиненій Шада. Шадъ и Ковалевскій дали съ своей стороны объясненія, которыя по отношенію къ диссертации Ковалевскаго заслуживаютъ полнаго вниманія. Оказывается, что Шадъ, принявъ диссертацию Ковалевскаго, вошелъ въ факультетъ съ предложеніемъ переработать и дополнить ее, такъ какъ тема, затронутая докторантомъ, заслуживала этого по ея важности — и *факультетъ согласился на это*.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1817 г., № 58.

²⁾ Ibidem, 1818 г., № 21.

Напечатаны были оба сочиненія—краткое Ковалевскаго и обширное—Шада, причемъ, съ разрѣшенія факультета, Ковалевскій защищалъ сочиненіе Шада. Конечно, съ современной намъ точки зрѣнія такого рода пріемъ представляется страннымъ и необычнымъ; но онъ находилъ себѣ, по словамъ Шада, оправданіе въ практикѣ западно-европейскихъ университетовъ, не связывавшей непременно тезисовъ съ содержаніемъ диссертациі. А если это такъ, то Ковалевскій дѣйствительно могъ принять на себя защиту тезисовъ, сходныхъ въ основѣ съ его собственными, но только болѣе подробно развитыхъ въ книгѣ Шада. Конечно, въ такомъ случаѣ Ковалевскій долженъ былъ опираться *in verba magistri*, т. е. своего учителя Шада, но и этотъ послѣдній не скрываетъ того, что его ученики въ качествѣ первоисточниковъ для своихъ работъ пользовались главнымъ образомъ его лекціями и сочиненіями. „Студенты философіи, писалъ онъ министру, не имѣютъ другихъ источниковъ и пособій, кромѣ моихъ манускриптовъ и моихъ книгъ. Нельзя отъ нихъ требовать, чтобы они составляли собственные системы; довольно, если они искуснымъ образомъ успѣютъ пользоваться моими манускриптами и книгами и публично защищать съ похвалою основанія моей философіи. Въ нѣмецкихъ университетахъ диссертациі пишутся большею частью самими профессорами, а отъ студентовъ требуется только, чтобы они умѣли ихъ на публичныхъ диспутахъ надлежащимъ образомъ защищать. Что же касается до диссертациі Гриневича, то хотя онъ и многое заимствовалъ изъ моихъ манускриптовъ, продиктованныхъ мною въ теченіе шести лѣтъ студентамъ, однако много также присовокупилъ и изъ собственныхъ своихъ идей и познаній, особенно что касается до разрѣшенія главнаго предложенія; слѣдовательно, доношу проф. Дегурова и противъ Гриневича неоснователенъ, ложенъ и вовсе несправедливъ. Гриневичъ одинъ изъ ученѣйшихъ студентовъ, какого мы когда-либо въ университетѣ имѣли, и онъ можетъ съ честью выдержать экзаменъ на докторское званіе во всякомъ университетѣ“¹⁾.

Дѣлая общее заключеніе объ этомъ эпизодѣ въ статьѣ о высылкѣ Шада, я говорю: „что касается обвиненій Шада по дѣлу о докторскихъ диссертацияхъ Ковалевскаго и Гриневича, то здѣсь константированъ только фактъ плагіата, но не доказано самаго важнаго—чтобы Шадъ руководился тутъ корыстными побужденіями, по крайней мѣрѣ самъ онъ даетъ этому факту, имъ не отвергаемому, иное объясненіе. Можетъ быть, что Шадъ не былъ совершенно чистъ въ этомъ дѣлѣ—взятки въ

¹⁾ См. объ этомъ подробности въ моей книгѣ „Удаленіе проф. Шада“ X. 1899, стр. 3—18.

то время, какъ это указано мною въ другомъ мѣстѣ, составляли къ сожалѣнію довольно распространенное явленіе въ Харьковскомъ университетѣ и къ нему относились довольно снисходительно; но Шадъ не былъ изобличенъ во взяточничествѣ ни въ данномъ дѣлѣ, ни въ другихъ случаяхъ и максимумъ, на что давали право факты, это оставить его „подъ подозрѣніемъ въ этомъ обвиненіи“. ¹⁾

Но Министерство, конечно, могло прямо заподозрить здѣсь корыстные побужденія и во всякомъ случаѣ попустительство со стороны профессора по отношенію къ молодымъ людямъ, желавшимъ пріобрѣсти докторскій дипломъ исключительно для того, что бы облегчить себѣ служебную карьеру. Извѣстно, что докторскій дипломъ давалъ права на чинъ 8-го класса; извѣстно также, что значительная часть лицъ, поступившихъ въ это время ученые степени въ Харьковскомъ университетѣ, не думала объ ученой дѣятельности, а мечтала только о службѣ. Наконецъ, въ Дерптскомъ университетѣ произошелъ изъ ряда вонъ выходящій случай злоупотребленія при полученіи степени доктора правовѣдѣнія со стороны Вальтера и Вебера. Они подверглись испытанію на степень доктора, не имѣя степени магистра; самый экзаменъ производился съ отступленіемъ отъ формъ, указанныхъ въ уставѣ. Вальтеръ былъ раньше театральнымъ портнымъ въ Ревелѣ, пріобрѣлъ потомъ въ Петербургѣ себѣ большое состояніе, получилъ отъ нѣмецкаго Эрлангенскаго университета докторскую степень, а, истративъ до 30000 руб., получилъ въ 1816 г. степень доктора правовѣдѣнія отъ юридическаго факультета Дерптскаго университета, затѣмъ по диплому добился чина коллежскаго ассесора и былъ даже назначенъ членомъ комиссіи по составленію законовъ. Императоръ Александръ I-й велѣлъ произвести строгое слѣдствіе надъ юридическимъ факультетомъ, которое окончилось удаленіемъ изъ университета ректора (профессора юридическаго факультета) и декана, безъ права поступленія на государственную службу, отнятіемъ диплома у Вальтера и Вебера и требованіемъ новаго испытанія отовсѣхъ получившихъ прежде дипломы. ²⁾ Въ Министерствѣ связали Харьковскія событія съ Дерптскими, какъ это видно изъ сообщенія тогдашняго попечителя округа гр. С. О. Потоцкаго совету Харьковскаго университета. Въ немъ онъ между прочимъ писалъ: „по извѣстному дѣлу магистра Ковалевскаго получено Министерствомъ изъ Харькова донесеніе, содержаніе коего побудило его отнести ко мнѣ съ предложеніемъ о пріостановкѣ выдачи Ковалевскому диплома; вслѣдъ

¹⁾ Ibidem, стр. 147.

²⁾ Харьк. Унив. архивъ. Дѣло Поп. № 413/20.

за симъ Дерптскій университетъ несомнительнымъ производствомъ двухъ студентовъ въ докторскую степень подвергъ себя неудовольствію начальства и публики, такъ что теперь обращено общее вниманіе на предполагаемыя въ нашихъ университетахъ злоупотребленія по части производствъ въ ученые степени. Это послѣднее обстоятельство налагаетъ на меня обязанность приступить для скорѣйшаго окончанія производящагося о Ковалевскомъ дѣлѣ къ такимъ мѣрамъ, которыя, соотвѣтствуя законамъ и чести университета, не лишали бы и просителя средствъ къ достиженію желаемой имъ цѣли¹⁾. Гр. Потоцкій приостанавливалъ выдачу Ковалевскому диплома въ виду сомнительности его диссертации, но представлялъ ему право подвергнуться черезъ извѣстный срокъ новому испытанію. ¹⁾ Въ доносахъ проф. Дегурова на Шада указывается не только на плагиатъ въ диссертацияхъ Гриневича и Ковалевскаго, но и на неблагонадежный образъ мыслей перваго изъ нихъ, проявившійся въ его тезисахъ ²⁾, это, конечно, должно было безповоротно рѣшить судьбу обѣихъ диссертаций. Съ другой стороны административная высылка Шада, поставленная въ связь съ дѣломъ о промоціяхъ Ковалевскаго и Гриневича, должна была подѣйствовать удручающимъ образомъ на харьковскихъ профессоровъ и вызвать среди нихъ реакцію противъ легкости производствъ въ ученые степени, тѣмъ болѣе, что и въ Харьковѣ, какъ это можно видѣть на примѣрѣ промоціи Мизка, дѣлались при этомъ значительныя отступленія отъ существующихъ правилъ. Впрочемъ, и самыя правила, регулировавшія эти производства и помѣщенные въ уставѣ, не отличались опредѣленностью и, какъ мы знаемъ уже, не разъ вызывали и въ практикѣ Харьковскаго университета значительныя затрудненія и недоумѣнія. Между прочимъ, въ нихъ не было указанія на необходимость постепенности въ полученіи степеней и потому нѣкоторые лица держали прямо докторскій экзамень, минуя магистерскій; не было опредѣлено сроковъ для испытанія на высшія ученые степени лицами, окончившими университетъ; не было даже сказано, что для допущенія къ магистерскому или докторскому экзамену необходимо предварительно получить степень кандидата ³⁾. При такихъ условіяхъ оставлять дѣло въ прежнемъ положеніи было невозможно.

Вопросъ о производствѣ въ ученые степени магистра и доктора сдѣлался послѣ изложенныхъ нами инцидентовъ предметомъ особеннаго

¹⁾ Харьк. унив. архив. Дѣло сов. 1816 г. № 12.

²⁾ Удаленіе Шада, стр. 22.

³⁾ См. Сборн. постанов. I, стр. 283—285.

вниманія министерства народнаго просвѣщенія. Степени эти, какъ мы знаемъ, давали важныя права на чины и, слѣдовательно, ихъ могли добиваться не изъ научныхъ, а практическихъ, служебныхъ соображеній и это то приводило къ злоупотребленіямъ. Министерство народнаго просвѣщенія поэтому обратило серьезное вниманіе на это дѣло. Въ 1816 г. запрещено было производить прямо въ доктора лицъ, не имѣвшихъ магистерской степени ¹⁾. Въ томъ же году департаментъ потребовалъ отъ Харьковскаго университета подробныхъ свѣдѣній о порядкѣ производства въ ученые степени—студентовъ, кандидатовъ, магистровъ и докторовъ съ указаніемъ, къ кому выдаются свидѣтельства на эти званія, утверждаетъ-ли въ нихъ совѣтъ ²⁾ и т. п. Тогда-же попечитель округа потребовалъ отъ университета для представленія министерству его соображеній о томъ, какъ слѣдуетъ обставить это производство, ибо Государь Императоръ повелѣлъ изготovitъ по этому поводу докладъ и внести его на обсужденіе комитета министровъ ³⁾. Комитетъ министровъ въ 1816 году поручилъ главному правленію училищъ выработать особое положеніе о производствѣ въ ученые степени. Таковое было выработано и Высочайше утверждено 20 января 1819 года. Вотъ его главныя основанія.

Всѣ науки, по которымъ нужно было держать испытанія для полученія ученыхъ степеней, были распределены на 4 факультета—богословскій, философскій, юридическій и медицинскій; факультеты эти однако не упраздняли университетскихъ факультетовъ. Богословскій факультетъ не касался православныхъ духовныхъ академій, а имѣлъ въ виду католическія богословскія отдѣленія при Виленскомъ университетѣ и Полоцкой академіи и евангелическое при Дерптскомъ университетѣ. Философскій факультетъ, по разнородности входившихъ въ него предметовъ, раздѣлялся на физико-математическое и этико-филологическое отдѣленія. Теоретическая и практическая философія входила въ составъ обоихъ отдѣленій. Затѣмъ къ физико-математическому отдѣленію относились слѣдующіе предметы—чистая и прикладная математика, физика и химія, естественная исторія; къ этико-филологическому—историческія науки, древняя классическая словесность (греческая или римская по выбору аспиранта), восточная словесность (т. е. одинъ изъ восточныхъ языковъ, если аспирантъ имъ занимался), одинъ изъ новыхъ языковъ и русская словесность. Въ составъ юридическаго

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1816 г. № 72.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1816 г. № 26.

³⁾ Ibidem, 1816 г., №№ 18 и 73.

факультета входили право естественное, частное, публичное и народное, дипломатика, римское право, русское публичное право, гражданское и уголовное право съ частными правами присоединенныхъ областей, судопроизводство, политическая экономія, политическая исторія и статистика главнѣйшихъ государствъ, особенно русскаго. По этимъ факультетскимъ предметамъ однако нельзя было требовать одинаковыхъ познаній; самъ испытуемый могъ указать на главный предметъ своихъ занятій. Всѣхъ ученыхъ степеней было 4: 1) дѣйствительнаго студента; 2) кандидата, 3) магистра и 4) доктора. Степени эти можно было получать только въ порядкѣ ихъ старшинства, т. е. нельзя было напримѣръ сдѣлаться докторомъ, не имѣя степеней магистра, кандидата и дѣйствительнаго студента. Для полученія званія дѣйствительнаго студента нужно было пройти полный курсъ наукъ по одному изъ университетскихъ факультетовъ и выдержать соответственное испытаніе; лучшіе изъ окончившихъ курсъ наукъ или выдержавшіе внослѣдствіи экзаменъ и обнаружившіе способности къ одному изъ предметовъ, а также представившіе письменное сочиненіе получали званіе кандидата; для полученія званія магистра нужно было доказать полныя свѣдѣнія въ системѣ наукъ въ ея цѣломъ и частяхъ и связи; отъ доктора требовались основательныя и глубокія свѣдѣнія въ наукахъ въ существенныхъ ихъ основаніяхъ, въ ихъ развитіи и направленіи, такъ чтобы онъ могъ не только слѣдовать той или иной системѣ, но и судить о ней и дѣятельностью собственнаго ума дѣлать въ ней открытія и исправлять слабыя ея стороны, совершенствовать связь и порядокъ, очищать и укрѣплять основанія. Правила испытаній на степень магистра и доктора остались прежнія. Требовалась также публичная защита диссертациі—отъ магистра на латинскомъ, другомъ какомъ либо иностранномъ или русскомъ языкѣ, а отъ доктора на латинскомъ. Иностранцевъ, пріобрѣвшихъ почетную извѣстность своею ученостію, можно было по особымъ ходатайствамъ съ разрѣшенія министра допускать къ испытанію прямо на одну изъ высшихъ ученыхъ степеней, минуя низшія. На общихъ-же основаніяхъ можно было допускать къ испытаніямъ всѣхъ желающихъ, гдѣ-бы они ни воспитывались. Между полученіемъ ученыхъ степеней полагались извѣстные сроки: между первою и второю степенью годичный, между второю и третьею—двухъ-годичный, между третьею и четвертою—трехъ-годичный. Не выдержавшіе испытанія могли повторять его еще два раза, но только для полученія кандидатской или магистерской степени черезъ годъ послѣ него, а для полученія докторской—черезъ два. Лица податнаго состоянія не могли допускаться къ испытаніямъ на ученые степени. Лица, удостоенныя

одной из четырех ученых степеней, не должны были держать особого экзамена на чин коллежского ассесора и статского советника. Действительный студент получал право на чин 14-го класса, кандидат 12, магистр 9 и доктор 8, но только в том случае, если воспитывался в казенном учебном заведении. Звание почетного доктора не допускалось. Из лиц, не воспитывавшихся в казенных учебных заведениях, только доктора освобождались от экзамена на чин ассесора и статского советника. Докторская степень не касалась медицинского факультета ¹⁾. Новые правила вызвали однако на практик недоразумения, которые пришлось разрешать главному правлению училищ. Харьковский университет спрашивал: 1) может ли философия быть главным предметом испытания на философском факультете и из каких наук нужно в таком случае производить экзамен — относящихся к одному или обоим отделениям? 2) нужно ли требовать при испытании на степень действительного студента и кандидата знания приготовительных или факультетских предметов? 3) при выдаче аттестатов на степень действительного студента и кандидата, какие факультеты имелись в виду — созданные новыми правилами или университетские?

Ученый комитет высказал такие мнения. По первому вопросу, что экзаменующийся должен предварительно объявить, по какому из двух отделений он желает подвергнуться испытанию и в таком случае может выбрать главным предметом любую науку; по второму вопросу, что речь идет не о приготовительных науках, кои должны преподаваться в гимназиях, а о факультетских; по третьему вопросу — что в деле преподавания должно остаться без изменения деление на факультеты согласно университетским уставам, а новое деление на факультеты будет применяться только при получении ученых степеней. Главное правление училищ согласилось с ответами на 2-й и 3-й вопросы, а относительно 1-го сделало прибавку, что и философия может быть главным предметом испытания ²⁾. В 1827 г. совет университета, по предложению министерства народного просвещения, подверг пересмотру правила о даровании докторской степени и выработал следующий проект.

По юридическому факультету основными предметами для получения степени доктора признаны следующие: 1) римское право, 2) рус-

¹⁾ Сборник постановл. по мин. нар. просв. I, стр. 1134—1145. Харьк. унив. архив. Дело сов. 1819 г. № 12.

²⁾ Харьк. унив. архив. Дело поуч. № 812/44.

ское право, 3) естественное, частное, публичное и народное право. Вспомогательныя науки, а) политическая экономія б) дипломатія, в) политическая исторія и статистика. По этико-филологическому факультету основными предметами для полученія степени доктора философіи, были признаны: 1) древняя классическая словесность (греческая или римская, по выбору экзаменующагося) и русская словесность; при немъ вспомогательныя науки: а) исторія и одинъ изъ новыхъ языковъ. 2) Историческія науки; при нихъ вспомогательные предметы—древніе и одинъ изъ новыхъ языковъ. 3) Восточная словесность; при ней вспомогательные предметы—древніе языки, исторія и одинъ изъ новыхъ языковъ. Философія должна быть существеннымъ предметомъ испытанія по всѣмъ этимъ группамъ. По физико-математическому факультету основными предметами для докторской степени были признаны: 1) чистая и прикладная математика; при ней вспомогательными предметами—физика, химія, естественная исторія; 2) физика и химія; при нихъ вспомогательными предметами—начала математики и естественная исторія; 3) естественная исторія; при ней вспомогательные предметы—химія, физика, начала математики. Отъ желавшаго получить докторскую степень нужно было требовать основательныхъ и глубокихъ свѣдѣній по главному предмету. Порядокъ испытаній предполагали оставить прежній. Но диспутъ, какъ ничего не доказывавшій, проэктировали отмѣнить; а вмѣсто него требовать прочтенія одной пробной лекціи на латинскомъ языкѣ на заданную факультетомъ тему. Экзаменаторами могли быть всѣ представители кафедръ, хотя бы они сами и не имѣли докторской степени—преподаватели университета, имѣвшіе степень магистра, для полученія докторской степени, должны были представить только диссертацию на латинскомъ языкѣ, а отъ устнаго испытанія освобождались ¹⁾).

Настоящій проэктъ былъ вызванъ, очевидно, затрудненіями, къ которымъ приводили на практикѣ правила, изданные въ 1819 году. А что затрудненія эти существовали, видно и изъ самаго признанія министерства и изъ того, что съ 1819 по 1827 годъ Харьковскимъ университетомъ не было даровано ни одной докторской степени ²⁾. Въ магистры же былъ произведенъ между прочимъ Гриневичъ въ 1819 году повидимому уже послѣ изданія новыхъ правилъ. Гриневичъ держалъ экзаменъ на магистра римской словесности. Изъ философіи проф. Дудровичъ спрашивалъ его—о метафизикѣ, о понятіи и раз-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1256/71.

²⁾ Ibidem.

дѣленіи ея, о мѣніяхъ, какое имѣли о стихіяхъ послѣдователи Вольфа, о томъ, какъ думали Платонъ и другіе философы о матеріи; изъ нравственной философіи ему предложенъ былъ вопросъ о началахъ нравственности. Отвѣчалъ онъ очень хорошо. Изъ всеобщей исторіи, географіи и статистики на разные вопросы, предложенные адъюнктомъ Филомафитскимъ, отвѣчалъ очень хорошо. По французскому языку отвѣчалъ превосходно. По русской словесности адъюнктъ Борзенковъ предложилъ ему вопросы: а) кто первый сочинилъ русскую грамматику? б) какіе ему извѣстны баснописцы и каковъ ихъ отличительный характеръ? Отвѣчалъ очень хорошо. По русской исторіи географіи и статистикѣ проф. Успенскій предложилъ ему вопросы о путешествіи апостола Андрея первозванного, о началѣ Россійской монархіи, ея раздѣленіи, порабоженіи татарами и освобожденіи. Отвѣчалъ посредственно, Паки де Совиньи спрашивалъ его о формѣ римскаго управленія, о началѣ римскаго сената, о консулахъ, о различіи между консулами и проконсулами, о преторахъ и дуумвирахъ и о раздѣленіи римскаго народа. Отвѣчалъ превосходно. Изъ латинскаго языка о свойствѣ лирической поэзіи. Отвѣчалъ превосходно; также объяснялъ 2-ю оду 1-й книги Горация. Адъюнктомъ Кронебергомъ были ему предложены слѣдующіе вопросы—понятіе о филологіи и ея частяхъ и объ исторіи филологическаго ученія; отвѣчалъ посредственно. Письменные отвѣты Гриневича Успенскій, Кронебергъ и Филомафитскій считали также посредственными; Джунковскій, Борзенковъ и Куницкій—хорошими, а Паки де Совиньи—очень хорошими. Допустить къ дальнѣйшему экзамену согласились всѣ, а Успенскій сдѣлалъ оговорку, что Гриневичъ долженъ пополнить недостатки экзамена хорошей диссертацией. Для диссертации была дана тема „De optimo methodo docendi discendique philologiam“.

Диссертацию Успенскій, Филомафитскій признали посредственною, Джунковскій заявилъ, что хотя диссертацию онъ также считаетъ посредственною, но въ виду выдержаннаго имъ экзамена и его ученыхъ трудовъ считаетъ справедливымъ дать ему магистерскую степень. Паки де Совиньи далъ о диссертации Гриневича такой отзывъ: „я съ величайшимъ вниманіемъ прочиталъ латинскую диссертацию Гриневича и на тѣмъ болѣе показалась мнѣ достойною всякаго одобренія, что Гриневичъ изложилъ въ ней все, чего долженъ былъ коснуться и, занимаясь подъ моимъ руководствомъ, какъ въ испытаніяхъ, такъ и въ мнѣніяхъ своихъ, относящихся къ главному его предмету—латинской филологіи—всегда выдавался своимъ усердіемъ; и потому я, будучи чуждъ всякаго пристрастія, считаю его достойнымъ допущенія къ за-

читѣ его диссертациі. Кронебергъ также высказалъ мнѣніе, что диссертациа относительно мыслей и слога можетъ быть одобрена и Гриневичъ заслуживаетъ степени магистра. Къ этому мнѣнію присоединился и Куницкій. Затѣмъ факультетъ постановилъ передать это дѣло на рѣшеніе совѣта. Ректоръ поставилъ вопросъ: можно ли допустить Гриневича къ защитѣ его диссертациі. Проф. Дудровичъ, Пауловичъ, Джунковскій, Рейтъ, Книгинъ и Делявинъ высказались въ положительномъ смыслѣ, такъ какъ за это стояло и большинство членовъ факультета. Но ректоръ (одинъ) былъ противоположнаго мнѣнія, исходя изъ того положенія, что письменные отвѣты, признанные посредственными, важнѣе устныхъ и диссертациі, ибо на первые дается скорый отвѣтъ безъ подготовки, диссертациа же пишется дома. Совѣтъ однако не согласился съ этими доводами, такъ какъ Гриневичъ нѣсколько лѣтъ занимался науками этико-филологическаго отдѣленія и доказалъ успѣхи въ нихъ и другими трудами. Рѣшено было допустить Гриневича къ диспуту и назначить официальными оппонентами Совина и Куницкаго; неофициальными оппонентами выступили Дудровичъ и Громовъ. Факультетъ послѣ диспута по большинству голосовъ призналъ его достойнымъ магистерской степени, и по ходатайству совѣта министерство утвердило его въ ней¹⁾. Впослѣдствіи магистерскій экзаменъ держали—Байковъ (въ 1821 г.) Николай Корсунъ (въ 1824 г.) Павелъ Андріевскій (тогда же), Шкляревичъ (тогда же), Степановъ²⁾, Майстеренко³⁾, докторскій—Громовъ, Комлининскій, Грибовскій, Яхимовичъ (на степень доктора медицины) и нѣк. другіе. Кто изъ профессоровъ Харьковскаго университета имѣлъ ученую степень, объ этомъ мы уже говорили раньше. О диссертациахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ скажемъ ниже.

Теперь же сообщимъ краткія свѣдѣнія объ ученыхъ командировкахъ. Этому вопроса мы уже приходилось касаться раньше, когда рѣчь шла о подготовкѣ молодыхъ ученыхъ къ профессурѣ—въ настоящее время представимъ объ этомъ дополнительныя свѣдѣнія, имѣя въ виду и ученые путешествія профессоровъ.

Окончившій медицинскій факультетъ Харьковскаго университета А. Венедиктовъ былъ командированъ для усовершенствованія въ медицинѣ вообще и анатоміи въ частности въ Петербургскую медико-

¹⁾ Арх. мин. нар. проsv. № 22099/493.

²⁾ Устный экзаменъ Т. Ѳ. Степановъ выдержалъ блистательно; диссертациа его была посвящена вопросу „О политическомъ равновѣсіи Европейскихъ государствъ“.

³⁾ Онъ представилъ диссертациу „Объ основаніи наслѣдованія по замѣчанію вообще и въ особенности по русскійскимъ законамъ“.

хирургическую академію. При отправленіи туда онъ получилъ слѣдующую инструкцію. „По пріѣздѣ въ Петербургъ явиться вамъ въ медико-хирургическую академію и нанять близъ нея квартиру. Завиматься всѣми частями анатоміи, въ особенности замѣтить, какъ наилучше выбѣливать кости и разбирать черепъ, готовить связки, мышцы, нервы и кровеносные сосуды, дѣлать инъекціи артерій, венъ и лимфатическихъ сосудовъ, узнать лучшіе составы массъ для наливаіи кровеносныхъ сосудовъ, стараться замѣтить, какъ дѣлать препараты каждаго органа въ особенности, какъ напримѣръ, органа слуха, зрѣнія, дыханія, *testiculorum et cet.* и способъ ихъ сохраненія. Такъ какъ тамъ находятся препараты лучшихъ анатомовъ, какъ-то: Либеркина и друг., то обязаны вы каждый изъ нихъ порознь внимательно разсматривать и замѣтить для подражанія. Обращать вниманіе на болѣзненно измѣненные части или органическія поврежденія, зависящія отъ измѣненнаго ростопроизводства, приготовляя ихъ анатомически, какъ-то: опухоли разнаго рода, спирры, отвердѣнія, засоренія. Такъ какъ тамъ скотолѣчебная наука преподается во всей своей полнотѣ, въ томъ числѣ и анатомія домашнихъ животныхъ, то рекомендуется вамъ посѣщать эти анатомическія лекціи. Въ лѣтнее время посѣщать естественно-историческій кабинетъ академіи наукъ или кунтскамеру, дабы обогатить познаніе различными классами животныхъ, ибо для фізіологіи познаніе всѣхъ натуральныхъ тѣлъ необходимо. Посѣщать лекціи другихъ профессоровъ и въ особенности клиническіе институты. Каждую треть года доносить совѣту о своихъ занятіяхъ и если будутъ нужны какія либо пособія, то обращаться за этимъ въ факультетъ“ ¹⁾ (1819 г.).

Инструкція эта была выполнена Венедиктовымъ весьма добросовѣстно и изъ него вышелъ очень дѣльный преподаватель анатоміи. Не совсѣмъ удачной оказалась командировка въ Московскій университетъ кандидата Харьковскаго университета Николая Спасскаго для подготовки по русскому праву. Годичная командировка Спасскаго была предложена въ 1823 году проф. Пауловичемъ въ виду его способностей и усердія. При отправленіи ему была дана инструкція, возложившая на него слѣдующія обязанности. „Обратить особенное вниманіе на предметъ, преподаваніе коего въ Харьковскомъ университетѣ предназначается ему, т. е. на руссійское правовѣдѣніе. Кромѣ теоретическаго познанія руссійскихъ узаконеній по всѣмъ частямъ, онъ обязанъ употребить всѣ средства къ познанію и практическаго производства разнаго рода дѣлъ. Онъ не долженъ ограничиваться упражненіемъ въ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1819 г., № 42.

одномъ вышеозначенномъ предметѣ; но чтобы пріобрѣсти знанія, отличающія просвѣщеннаго законовѣда отъ обыкновеннаго, по навыку пріобрѣтшаго свѣдѣнія въ этомъ предметѣ, онъ обязанъ вникнуть въ полный курсъ наукъ юридико-политическихъ. Онъ обязанъ пріобрѣсти основательныя и точныя свѣдѣнія о всѣхъ сочиненіяхъ, относящихся къ русскому законовѣдѣнію, писанныхъ какъ на нашемъ отечественномъ языкѣ, такъ и на иностранныхъ, и имѣть ясное понятіе объ ихъ достоинствахъ. Онъ обязанъ отдавать мѣсту, удостоившему его этого назначенія подробный отчетъ. Наконецъ, факультету желательно, чтобы кандидатъ Спасскій подвергся на законномъ основаніи испытанію для полученія степени магистра въ Московскомъ университетѣ. По прошенію Спасскаго, время пребыванія его въ Московскомъ университетѣ было продолжено на одинъ годъ. Когда Спасскій вернулся въ Харьковъ, то совѣтъ не призналъ удовлетворительной его командировку, во 1-хъ, потому что за все время пребыванія своего въ Москвѣ онъ прислалъ оттуда только одинъ и при томъ общій отчетъ, по которому нельзя было составить понятіе объ его занятіяхъ, во 2-хъ, потому что не только не выдержалъ полного магистерскаго экзамена, но даже не представилъ и диссертации, которая-бы послужила доказательствомъ его познаній, въ 3-хъ, въ письмѣ проф. Сандунова говорилось, что для преподаванія судопроизводства онъ еще молодъ. Въ виду этого постановлено было обратиться за разъясненіями о занятіяхъ Спасскаго къ его руководителю проф. Сандунову. Отъ Московскаго университета въ отвѣтъ на это была получена справка, что Спасскій приступилъ къ магистерскому экзамену, но на словесномъ испытаніи признанъ былъ слабымъ. Тогда совѣтъ Харьковскаго университета постановилъ предписать Спасскому подвергнуться этому испытанію въ Харьковѣ. Любопытно обширное объясненіе, доставленное самимъ Спасскимъ. Вначалѣ онъ онъ указываетъ на то, что совѣтъ поручилъ ему, по смерти адъюкта Михайловскаго, чтеніе лекцій по русскому правовѣдѣнію, которыя онъ и преподавалъ въ теченіе цѣлаго академическаго года. Что онъ удовлетворилъ требованіямъ инструкціи, доказываютъ отзывы о его занятіяхъ въ Москвѣ проф. Сандунова (послѣдній дѣйствительно хорошо отзывался о его занятіяхъ и поведеніи). Затѣмъ онъ переходитъ къ подробному изложенію своихъ занятій въ Москвѣ. Они не могли ограничиваться однимъ посѣщеніемъ лекцій—въ этомъ, по его словамъ, онъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ. „Я заботился, пишетъ онъ, болѣе о томъ, чтобы заслужить личное къ себѣ вниманіе тѣхъ профессоровъ, которыхъ наставленія открывали мнѣ тайну истины или разрѣшали сомнѣнія, на которыхъ останавливалась моя неопытность, не

говоря уже о проф. Сандуновѣ, свѣдѣнія коего во всякомъ случаѣ были для меня свѣтильникомъ, я съ равною признательностью могу сослаться на профессоровъ—Шлецера, Цвѣтаева и Каченовскаго, расположенію которыхъ ко мнѣ обязанъ я также весьма многимъ въ успѣшномъ теченіи моихъ занятій. Дѣйствуя такимъ образомъ, я не упускалъ изъ виду ничего, что могло способствовать распространенію свѣдѣній моихъ, какъ-то: ежедневнаго посѣщенія лекцій, на которые употреблялъ отъ 4 до 6 час. въ сутки, классное чтеніе извѣстныхъ авторовъ и преимущественно по части правовѣдѣнія и наконецъ постоянное и сколько возможно систематическое изученіе отечественнаго законовѣдѣнія, состоявшее а) въ хронологическомъ разсмотрѣніи первоначальныхъ и послѣдующихъ источниковъ его и всѣхъ измѣненій, произведенныхъ временемъ, случайными обстоятельствами и политическими переворотами, и въ соображеніи взаимнаго вліянія этихъ измѣненій на политическое, гражданское и нравственное бытіе государства, б) въ критическомъ разсмотрѣніи литературы права, с) отдѣльномъ разсмотрѣніи всѣхъ частей его по теоріи права въ примѣненіи къ узаконеніямъ, имѣющимъ теперь силу и дѣйствіе и въ соединеніи ихъ въ цѣломъ для приведенія въ возможный методическій порядокъ, d) въ непрерывномъ упражненіи въ практической части права во всей его обширности. Все это составляло обыкновенный предметъ моихъ занятій, сообразно чему располагалъ я и временемъ, мнѣ опредѣленнымъ. Не естественно было-бы, если-бы я сказалъ, что въ теченіе одного года, мнѣ опредѣленнаго, вышеизложенныя занятія могли быть приведены къ концу и потому въ донесеніи моемъ совѣту отъ 15 іюня 1825 г., представивъ подробный отчетъ за 1-й годъ пребыванія моего въ Москвѣ, я просилъ продолжить мнѣ время по крайней мѣрѣ на 2 года. Почтеннѣйшему начальству угодно было уважить причины, указанныя въ этомъ отчетѣ, и дать мнѣ для занятій еще одинъ годъ“. Далѣе Спасскій говоритъ о томъ, что совѣтъ одобрилъ его первый отчетъ, а второго онъ не представилъ потому, что отзывъ объ его занятіяхъ сообщилъ совѣту университета его руководитель-наставникъ проф. Сандуновъ. Отзывъ этотъ былъ для него Спасскаго вполнѣ благопріятный. Справка-же, полученная отъ совѣта Московскаго университета о ходѣ его занятій, не отличается полнотою: тамъ нѣтъ данныхъ о посѣщеніи имъ профессорскихъ лекцій въ первый годъ пребыванія его въ Москвѣ. Спасскій подробно останавливается на вопросѣ о посѣщеніи имъ разныхъ курсовъ, но при этомъ прибавляетъ, что къ систематическому слушанію лекцій, предназначавшихся для студентовъ, онъ и не стремился. О магистерскомъ экзаменѣ онъ говоритъ, что онъ приступилъ

къ нему, но не выдержалъ его по недостатку времени для достаточной подготовки; слѣдовательно, и здѣсь не было ни его вины, ни отступленія отъ данной ему инструкции, тѣмъ болѣе, что пріобрѣтеніе магистерской степени совѣтъ не поставилъ для него обязательнымъ требованіемъ. Въ заключеніи Спасскій останавливается на томъ, что, по возвращеніи его изъ Москвы, этико-политическій факультетъ Харьковскаго университета постановилъ допустить его къ чтенію лекцій въ качествѣ адъюнкта по русскому уголовному праву и практическому судопроизводству уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Это постановленіе факультета, состоящаго изъ профессоровъ, бывшихъ его наставниками на студенческой скамьѣ, является лучшимъ доказательствомъ пригодности его къ той должности, о которой онъ ходатайствуетъ, т. е. адъюнкта російскаго правовѣдѣнія, тѣмъ болѣе, что совѣтъ еще до поѣздки въ Москву, когда познанія его были гораздо болѣе ограничены, довѣрилъ ему преподаваніе этого-же предмета ¹⁾. Совѣтъ, очевидно, принялъ, во вниманіе объяснительную записку Спасскаго и ходатайствовалъ передъ министромъ о допущеніи его къ преподаванію русскаго права. Министръ свесся по этому поводу съ попечителемъ, который, основываясь на благопріятномъ отзывѣ спеціалиста—проф. Даниловича, высказался въ благопріятномъ для Спасскаго смыслѣ.

Долженъ былъ получить заграничную командировку и кандидатъ Якимовъ, но попечитель Перовскій не призналъ ее нужной и считалъ возможнымъ отправить его только въ Петербургъ и Москву. Вотъ его отвѣтъ на ходатайство совѣта. „На представленіе совѣта нужнымъ считаю отвѣтствовать, что отправленіе молодыхъ людей съ отличными дарованіями въ чужіе края, для усовершенствованія по нѣкоторымъ наукамъ, особенно требующимъ опытовъ и самыхъ близкихъ наблюденій, какіе у насъ, за недостаткомъ всѣхъ надлежащихъ пособій, не всегда имѣть возможно, я нахожу весьма полезнымъ и даже необходимымъ для университета; но по части словесности не предполагаю въ томъ особенной надобности. Охота и любовь къ внимательному и разсудительному чтенію лучшихъ иностранныхъ писателей и современныхъ періодическихъ изданій достаточны для того, чтобы пріобрѣсти понятіе о состояніи и ходѣ заграничной словесности; а таковое же чтеніе извѣстнѣйшихъ писателей отечественныхъ, при безпрерывномъ упражненіи въ искусствѣ сочиненія, съ повѣркою при томъ своего слога, силы и значенія словъ и выраженій въ извѣстныхъ случаяхъ со способомъ выраженій въ подобныхъ же случаяхъ этими же писателями употреб-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 946/51.

ллемымъ, безъ сомнѣнія доставить занимающемуся такимъ образомъ то, что нужно имѣть для хорошаго наставника и писателя, особенно если онъ заблаговременно столько уже приготовленъ, сколько, по свидѣтельству университетскаго совѣта, кандидатъ Якимовъ, и имѣть при томъ отличный природный дарованіе. Но какъ при всемъ томъ личное знакомство и изустныя бесѣды съ таковыми писателями могутъ быть въ нѣкоторомъ отношеніи для молодаго человѣка наставительны, то посему отправленіе кандидата Якова въ Москву и Петербургъ можно дозволить. Что же касается до отправленія его за границу, то рѣшеніе этого вопроса я предоставляю себѣ на будущее время и вслѣдствіе того, возвращая при этомъ подписку, данную Якимовымъ совѣту, какъ содержащую условія, не во всемъ удобоисполнимыя, предлагаю университету объявить ему объ этомъ и сообразно съ вышепрописаннымъ сдѣлавъ надлежащее распоряженіе мнѣ донести¹⁾.

Преемникъ Перовскаго Филатьевъ былъ принципиальнымъ противникомъ отправленія молодыхъ русскихъ ученыхъ за границу. Въ это время при Дерптскомъ университетѣ существовалъ педагогическій институтъ для приготовленія молодыхъ людей, воспитанниковъ русскихъ университетовъ, къ профессорскому званію. Съ этою цѣлью, по Высочайшему повелѣнію, въ 1827 году велѣно было выбрать изъ природныхъ русскихъ 20 питомцевъ разныхъ университетовъ для отправленія ихъ на 3 года въ Дерптъ и на 2 года за границу. Узнавъ отъ проѣзжавшаго черезъ Харьковъ Одесскаго попечителя Покровскаго, что находящихся въ Дерптѣ для приготовленія къ профессорскому званію бывшихъ Харьковскихъ студентовъ хотѣли отправлять для усовершенствованія за границу, но что для этого встрѣчались нѣкоторые затрудненія, Филатьевъ написалъ министру о нихъ въ 1831 году слѣдующее письмо.

„1) При нынѣшнемъ положеніи дѣлъ вообще въ Европѣ я признаю не только бесполезнымъ, но даже вреднымъ отправлять этихъ студентовъ въ чужіе края какъ для нихъ самихъ, такъ и для университета, гдѣ они впослѣдствіи должны быть профессорами. Чѣмъ нынѣ заняты мысли всѣхъ и каждаго? Что служить нынѣ повсюду исключительно предметомъ разговора? Политическія происшествія цѣлой Европы и можетъ быть преимущественно настоящія горестныя событія въ Россіи. Мнѣніе иностранцевъ о насъ, русскихъ, весьма извѣстно. Какое вліяніе окажетъ это обстоятельство на умы этихъ молодыхъ студентовъ еще не зрѣлые и неопытные? Повѣрьте, ваша свѣтлость, что такія впечатлѣнія, въ молодости полученныя, болѣе или менѣе остаются на всю жизнь.

1) Харьк. унив. архивъ. Предложеніе попечителя 1826 г., № 61.

Одно любопытство, сродное всѣмъ и особенно молодымъ людямъ, которые, слушая лекціи профессоровъ, вѣроятно, не заботились узнать внутренняго устройства своего отечества, одно это любопытство, повторяя, завлечетъ ихъ слушать политическіе толки, читать всѣ политическіе газеты и журналы и безъ сомнѣнія отвлечетъ вниманіе ихъ отъ предметовъ ученія и уклонитъ ихъ отъ той цѣли, для которой они отправлены за границу.

2) Студенты эти были въ Дерптѣ два года учениками, теперь отправляются въ иностранные институты для приготовленія къ тому, чтобы сдѣлаться преподавателями, и вмѣстѣ съ тѣмъ, поступивши въ слушатели этихъ (заграничныхъ) университетовъ, опять останутся учениками (студентъ по русски ученикъ, учащійся). Чему они учились въ Харьковѣ и въ Дерптѣ, то самое не безполезно было бы усугубить имъ собственнымъ разсужденіемъ и опытностію, ознакомясь со способомъ передавать познанія свои другимъ и этимъ болѣе и болѣе развернуть понятія свои о предметѣ. Для чего необходимо возвратить этихъ студентовъ на одинъ годъ въ университетъ (Харьковскій), гдѣ имъ поручено будетъ преподаваніе главнаго предмета, а о другихъ предметахъ ученія ихъ потребуетъ письменное изложеніе, обращеніе съ профессорами ознакомитъ ихъ съ кругомъ ученыхъ людей, а въ домѣ попечителя привыкнуть они къ обществу и къ правиламъ свѣтскаго обращенія, приличнымъ образованному человѣку; безъ этого же останутся чуждыми общежитію, а для ученаго хотя и кажется это маловажнымъ, но весьма необходимо окажется впоследствии.

3) Поступивъ въ число преподавателей, студенты эти будутъ пользоваться прилично этому званію свободою въ поступкахъ и образѣ жизни. Тогда обнаружатся ихъ истинныя чувства, характеръ и нравственность; ибо хотя за ними и будетъ внимательный надзоръ, дабы они не совратились съ пути истины, но надзоръ этотъ будетъ болѣе отеческій, нежели начальническій; на нихъ будутъ дѣйствовать убѣжденіемъ, а не властію, будетъ обращено вниманіе на то, съ кѣмъ, т. е. какого свойства людьми, они будутъ болѣе сближаться; и это нужно видѣть и знать заблаговременно, заграницею же поздно. Кому вѣрите ихъ, ваша свѣтлость, тамъ, если они сами не будутъ готовы умѣть узнавать и понимать людей и дорожить хорошимъ мнѣніемъ о себѣ и преимущественно дорожить нравственностію ума (?) и сердца?

4) Имъ необходимо нужно знать составъ нашихъ университетовъ, также знать и понимать нашихъ студентовъ, надобно, что бы и въ иностранныхъ университетахъ узнали они какъ составъ, такъ и устройство ихъ, дабы и въ этомъ случаѣ быть полезными университету, ко-

торый заблаговременно укажетъ имъ, на что именно обращать имъ тамъ вниманіе, какъ въ наукахъ такъ и въ преподаваніи и устройствѣ, и кромѣ того укажетъ имъ это собственное наблюденіе и опытъ, когда они сами будутъ здѣсь преподавателями. Имъ нужно пріобрѣсти навѣкъ сравнивать и примѣнять разные методы преподаванія, вникнуть въ ходъ каждой науки, въ связь ихъ вообще и соотношеніе между собою. Все это можно пріобрѣсти, будучи не ученикомъ, а преподавателемъ—тогда отправление въ чужіе края безъ сомнѣнія принесетъ ожидаемую пользу.

Заключу, ваша свѣтлость, тѣмъ, что я страшусь, весьма страшусь при мысли, что преждевременнымъ ихъ отпращиваніемъ за границу мы не пріобрѣтемъ, но потеряемъ людей. Любовь и уваженіе къ отечеству и законамъ его есть необходимое условіе въ наставникѣ юношества. Понятія ихъ еще не созрѣли, если выучили предметъ, но не обдумали его, учась не имѣли времени усилить познанія свои чтеніемъ авторовъ, и не слышали разныхъ сужденій объ одномъ и томъ же предметѣ, не научились отличать истину отъ лжи. Слушая одного профессора, не могли соображать и судить по сравненію, ибо ученіе ихъ по необходимости было одностороннее, познавательныя силы ихъ ума не могли развернуться и собственный умъ ихъ не имѣетъ еще прочнаго основанія. Они убѣждены въ истинахъ, но не собственнымъ убѣжденіемъ, которое однимъ сравненіемъ и примѣненіемъ образуется, а опытностью вкореняется и укрѣпляется“.

Едва ли есть надобность останавливаться на разборѣ основной мысли записки Филатьева (или, точнѣе говоря, правителя канцеляріи его А. В. Склабовскаго, которому она принадлежала)—вредъ заграничныхъ командировокъ для подготовки къ профессурѣ молодыхъ русскихъ ученыхъ. Въ основѣ ея лежатъ политическія соображенія, ничего общаго съ наукой не имѣющія. Опасаясь вліянія на харьковскихъ молодыхъ ученыхъ западныхъ идей, Филатьевъ предпочитаетъ для огражденія ихъ отъ этого яда, не допустить ихъ непосредственно пріобщиться къ чистому источнику европейской науки. Но тѣсная, непосредственная связь крайнихъ политическихъ идей и чистой науки, конечно, не можетъ быть доказана—это явленія разнаго порядка и источники ихъ происхожденія неодинаковы. Опытъ русскихъ университетовъ и Харьковскаго въ частности также не оправдывалъ такихъ опасеній: Черняевъ и Затеplinскій занимались во время своей заграничной командировки исключительно своею спеціальностью, а не политикой. Если въ обществѣ, огромная масса котораго не ѣздила за границу, всюду говорили о западныхъ событіяхъ и такихъ русскихъ эпизодахъ, какъ польская революція, то изъ этого нужно было бы вывести заключеніе, что загра-

ничные командировки русских молодых ученых здѣсь ни при чемъ: Европейскія политическія идеи проникали, конечно, въ Россію, но ихъ вынесли изъ Европы не горсть командированныхъ туда съ ученою цѣлью русскихъ ученыхъ, а масса офицеровъ русской арміи, жившихся съ Императоромъ Александромъ I-мъ для уничтоженія господства Наполеона Бонапарта. Отгородить Россію отъ Европы китайскою стѣною въ XIX в. было невозможно, если этой задачи не могло рѣшить даже старое Московское государство XVI—XVII вв.

Министръ народнаго просвѣщенія (князь Ливенъ) далъ на это письмо слѣдующій отвѣтъ. „Мнѣніе вашего превосходительства о студентахъ профессорскаго института я нахожу весьма основательнымъ. Но министерство народнаго просвѣщенія все это имѣло уже въ виду прежде полученія вашего представленія и сочло обязанностью доложить объ этомъ Государю Императору, на что получило Высочайшее повелѣніе—указанныхъ студентовъ, не посылая въ чужіе края, оставить въ Дерптѣ. Но считаю долгомъ благодарить ваше превосходительство за сообщеніе мнѣ вашего мнѣнія по этому предмету“¹⁾.

Новый министр народнаго просвѣщенія А. С. Уваровъ вошелъ съ представленіемъ къ Государю о наборѣ новыхъ питомцевъ для Дерптскаго педагогическаго института на прежнихъ условіяхъ. Въ виду этого попечитель предписалъ совѣту Харьковскаго университета немедленно избрать достойныхъ молодыхъ людей на слѣдующихъ основаніяхъ: избраніе произвести факультетомъ; инспекція должна дать отзывы объ ихъ нравственности; отобрать отзывы о нихъ отъ профессоровъ; взять согласіе отъ самихъ избранныхъ; подвергнуть ихъ строгому испытанію въ присутствіи совѣта; совѣтъ и въ особенности ректоръ должны обратить вниманіе на природныя дарованія избираемыхъ, ибо одно твердое знаніе предмета безъ соображенія разсудка не указываетъ еще на то, что изъ этого лица можетъ выйти хорошій профессоръ. Основываясь на этомъ распоряженіи, юридическій факультетъ призналъ пригодными для посланки въ Дерптъ слѣдующихъ лицъ: изъ окончившихъ курсъ кандидатовъ Измаила Срезневскаго, Михаила Клобуцкаго, Ивана Сливичкаго, дѣйствительныхъ студентовъ—Николая Войтенкова, Александра Покорскаго-Журавку и студента 3-го курса Адріана Оплачку; но всѣ они кромѣ кандидата Срезневскаго не изъявили на то своего согласія; Срезневскаго-же не оказалось въ Харьковѣ. Физико-математическій факультетъ призналъ прежде всего достойнымъ такого выбора кандидата Никиту Дьяченка, который занимался съ похвальнымъ усер-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 1595/98.

діємъ и желательною пользою преподаваніємъ въ университетѣ оптики и перваго курса чистой математики; потомъ окончившихъ курсъ ученія дѣйствительныхъ студентовъ Василя Стоянова, Андрея Снѣгирева и Меодія Шароградскаго; но Дяченко письменно заявилъ, что страдаетъ золотухою, грудною болѣзнію и геморроемъ и потому не можетъ согласиться на поступленіе въ профессорскій институтъ; Снѣгиревъ и Шароградскій, несмотря на всѣ убѣжденія и внушенія декана Сухомлинова, не пожелалъ поступить въ институтъ, выставляя причиною свои недостаточныя познанія въ иностранныхъ языкахъ, а Снѣгиревъ сверхъ того и свои домашнія обстоятельства, заставляющія его поскорѣе поступить на службу; студента Стоянова въ Харьковѣ не оказалось. Медицинскій факультетъ донесъ, что находитъ способными для указанной цѣли студентовъ 4-го курса Іосифа Варвинскаго, Ивана Мещенку, Наума Синицкаго, 3-го курса Ефима Филипченка и Петра Любоускаго, кои всѣ изъявили свое согласіе; кромѣ того были признаны достойными, но не пожелали поступить студенты 4-го курса Дмитрій Гавриловъ, Ѳеодоръ Тимченко, 3-го курса Прокофій Богдановъ, Евгеній Бурковъ, Дмитрій Голубкинъ. Словесный факультетъ призналъ достойными для поступленія въ профессорскій институтъ окончившихъ курсъ Константина Жигачева, Михаила Ильенка, Василя Унтилова, кандидата Николая Славутинскаго, оканчивающихъ — Владиміра Гринева, Василя Авдіева, Степава Ростовцева и Якова Скадовскаго; изъ нихъ Славутинскій былъ оставляемъ при университетѣ въ помощь проф. Дорну для преподаванія восточныхъ языковъ; Жигачевъ первоначально изъявилъ было согласіе, но потомъ по семейнымъ обстоятельствамъ отказался; Ильенко, Тимошевскій и Скадовскій также отказались, отъ Унтилова не было свѣдѣній, ибо онъ жилъ въ Херсонѣ. Такимъ образомъ, могли быть отправлены Авдіевъ, Гринева и Ростовцевъ. Послѣ этого избраннымъ кандидатамъ произведены были испытанія, результаты которыхъ оказался слѣдующій. Хотя никто изъ экзаменованныхъ не удовлетворилъ въ полной мѣрѣ требованіямъ министерства, но по дарованіямъ, познаніямъ, прилежанію и нравственнымъ качествамъ признаны достойными отправленія въ Дерптъ студенты медицинского факультета — Наумъ Синицкій (по патологіи и терапіи), Іосифъ Варвинскій (по фармакологіи), Петръ Любоускій (по акушерству), по словесному факультету — Влад. Гринева (по филозофіи), Ст. Ростовцевъ (по исторіи), Вас. Авдіевъ (по греческому яз.). Благонадежное состояніе ихъ здоровья засвидѣтельствовано членами медицинского факультета, а поведеніе одобрено инспекторами. При этомъ приложено было отобранное отъ нихъ обязательство прослужить впоследствии на профессорской

должности не менѣе 12 лѣтъ. Попечитель, отсылая этотъ отвѣтъ совѣта министру, съ своей стороны особенно рекомендовалъ Гринева и Синицкаго; отправить всѣхъ избранныхъ попечитель просилъ съ магистромъ историческихъ наукъ Цыхомъ, для него эта поѣздка была-бы очень полезна. Унтиловъ, Стояновъ, Авдіевъ и Синицкій отказались отъ поѣздки въ Дерптъ и такимъ образомъ отправились только четверо—Варвинскій, Любовскій, Гринева и Ростовцевъ.

Цыху даны были прогоны на 3 лошади, а для 4-хъ студентовъ на 2 пары. На подъемъ и содержаніе Цыхъ получилъ сверхъ того 400 р., а на содержаніе студентовъ отпущено 600 р. Всѣ 4 питомца Харьковскаго университета выдержали экзаменъ при Императорской академіи наукъ и были приняты въ профессорскій институтъ ¹⁾.

Въ 1835 г. должны были истечь сроки ученой подготовки нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ профессорскаго института, командированныхъ въ Берлинъ, Вѣну и Константинополь—и министерство прислало въ Харьковскій университетъ списокъ этихъ лицъ съ указаніемъ ихъ спеціальности. Въ числѣ ихъ были—Куторга и Лукинъ (спеціалисты по исторіи), Крюковъ и Валицкій (спеціалисты по латинской и греческой словесности), Иноземцевъ (спеціалистъ по анатоміи и хирургіи), Лапшинъ (по математикѣ). Совѣтъ университета, указавъ на вакантныя кафедры по разнымъ факультетамъ, просилъ о предоставленіи одной изъ нихъ—всеобщей исторіи—*Лукину* ²⁾. Впослѣдствіи профессорскую кафедру въ Харьковскомъ университетѣ занялъ еще и *Валицкій* (и Лапшинъ).

Изъ ученыхъ профессорскихъ командировокъ, имѣвшихъ въ виду спеціально научные интересы, намъ извѣстна только одна—проф. Криницкаго. Цѣль его путешествія была учена: онъ отправлялся въ южную Россію „для пользы наукъ“ вообще, и для обогащенія естественно историческихъ коллекцій Харьковскаго университета въ частности. Онъ предполагалъ наблюдать и разсматривать на пути своемъ все, что относится къ зоологіи, ботаникѣ и минералогіи, и собирать въ значительномъ числѣ экземпляровъ для обогащенія университетскихъ кабинетовъ и для обмѣна мѣстныхъ произведеній на иноземныя. По зоологіи предполагалось собирать всѣхъ животныхъ, начиная отъ млекопитающихъ и кончая полипами, съ одинаковою рачительностью и приготавливать ихъ только въ такой мѣрѣ, въ какой это окажется необходимымъ для доставленія безъ порчи въ Харьковъ. Изъ млекопитающихъ, птицъ, мелкочешуйчатыхъ рыбъ и пресмыкающихся особенно боль-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1595/93.

²⁾ Ibidem. № 2069/130.

нихъ — снимать кожу; для лучшаго же изготовленія чучель птицъ на мѣстѣ обдѣлывать голову, глаза, крылья и всю внутреннюю связь; изъ этихъ же животныхъ, по скольку это окажется возможнымъ, дѣлать скелеты; рыбъ, пресмыкающихся и другихъ животныхъ, коихъ нельзя сохранить инымъ способомъ, сохранять въ водѣ; насѣкомыхъ засаживать на булавки и въ нарочито приготовленныхъ ящикахъ отправлять на мѣсто. По минералогіи кромѣ ориктогностическихъ породъ предполагалось обратить особенное вниманіе на горнокаменные, коихъ мало было въ кабинетѣ, а также на всѣ окаменѣлости. Относительно ботаники профессоръ долженъ былъ изложить свои желанія и указать средства ихъ осуществленія. Дабы не была забыта исторія предметовъ, составляющая ихъ сущность, каждый изъ нихъ долженъ былъ имѣть свой номеръ, подѣ которымъ въ дневныхъ запискахъ излагалось подробно все, его касающееся. Точное же опредѣленіе предметовъ должно было дѣлаться во время путешествія, ибо цѣлью этого поѣздного являлось собраніе и приготовленіе предметовъ, подробное же ихъ описаніе предполагалось напечатать въ трудахъ Московскаго общества испытателей природы.

Во время путешествія предполагалось посѣтить Георгіевскъ, Тифлисъ, Баку, Кизляръ, Астрахань и Царицынъ, а если позволитъ время, и степи между Царицынымъ и р. Ураломъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Астраханская степь съ прилегающими сѣверозападными берегами Каспійскаго моря въ весеннее время общала наиболѣе обильную жатву, особенно по части насѣкомыхъ и нѣкоторыхъ другихъ животныхъ; но какъ какъ я могу, писалъ Криницкій, положиться на своего корреспондента Карелина и учителей Астраханской гимназіи, которые до моего вѣзда могутъ собрать нѣкоторыя весеннія произведенія и такъ какъ нѣтъ нельзя упускать изъ виду этого же времени для собранія предметовъ въ другихъ мѣстностяхъ, въ коихъ нѣтъ никого, кто бы мнѣ имѣнилъ, то я и избралъ путь изъ Харькова черезъ Новочеркасскъ, Ставрополь, Георгіевскъ въ Тифлисъ, оттуда черезъ Кахетію по надѣ ркою Курю, черезъ новую Шамаху въ Баку; осмотрѣвши же здѣсь мысъ Шаховъ и ближайшіе острова, отправиться по берегу Каспійскаго моря въ Кизляръ. Но какъ между Кизляромъ и Моздокомъ на разстояніи 174 верстъ по теченію Терека могутъ быть весьма надежныя мѣста, и слѣдуетъ это разстояніе пройти двукратно въ другой разъ — возвращаясь въ Кизляръ. Отсюда, смотря по обстоятельствамъ, либо мѣстомъ, либо по берегу его придется отправиться въ Астрахань, а послѣ теченію Волги въ Царицынъ. Если шестимѣсячный періодъ времени позволитъ рассмотретьъ хотя отчасти Заволжскихъ степей, то съ воз-

вращеніемъ въ Харьковъ весь путь будетъ равняться 4000 верстъ, т. е. въ среднемъ по 22 в. въ день, чего вельзя не признать при такихъ условіяхъ скорой поѣздой. Въ надежнѣйшихъ мѣстахъ нужно будетъ останавливаться на неопредѣленное время и, смотря по условіямъ мѣстности, дѣлать въ разныя стороны экспедиціи, либо пѣшкомъ, либо верхомъ.

Считаю необходимымъ взять съ собою двухъ студентовъ для занятій по зоологіи и минералогіи, а профессоръ ботаники присоединить къ нимъ опытнаго ботаника, который бы мнѣ могъ оказывать содѣйствіе по этой части, такъ какъ я по ботаникѣ вслѣдствіе краткости времени долженъ ограничиться однимъ надзоромъ. Студенты должны быть надежнаго здоровья и привычныя къ перенесенію всѣхъ дорожныхъ неудобствъ; имъ не слѣдуетъ давать никакого жалованья, а отпустить только средства на путевые расходы и позволить держать экзаменъ по возвращеніи моемъ изъ путешествія, дабы они не потеряли года. Кромѣ того считаю необходимымъ имѣть въ своемъ распоряженіи салдата трезваго поведенія и надежнаго здоровья. Въ путь рассчитываю отправиться 1-го апрѣля, а вернуться въ послѣднихъ числахъ октябрия. Въ виду того что число предметовъ въ моей коллекціи будетъ постоянно увеличиваться, пусть Училищный Комитетъ сдѣлаетъ распоряженіе, чтобы всѣ гимназін и училища, какія встрѣтятся на пути принимали отъ меня вещи для отсылки ихъ подъ казенною печатью въ Харьковскій университетъ. Желательно было бы также, чтобы совѣтъ уиверситета не только снабдилъ насъ необходимыми бумагами, но и снесся непосредственно съ Грузинскимъ и Астраханскимъ начальствомъ объ оказаніи намъ необходимаго содѣйствія. Совѣтъ можетъ также потребовать представленія ему ежемѣсячныхъ рапортовъ о путешествіи. Существуетъ запрещеніе охотиться на животныхъ, исключая хищныхъ, въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ—но исполненіе этого требованія принесло бы большой вредъ экспедиціи, потому что пришлось бы упустить время для охоты въ тѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя пришлось бы въ эти мѣсяцы проѣзжать. Необходимо также будетъ выписать нѣкоторыя книги и карты тамошнихъ областей. Средства, потребныя для экспедиціи, таковы: прогоны на 6 лошадей на 4000 верстъ и на покупку двухъ кибитокъ—1500 р., на путевые расходы—1300 р., на собираніе коллекцій и непредвидѣнные случаи—1700 р., всего 4500 р.¹⁾ Проф. Черняевъ предложилъ отправить съ Криницкимъ для ботаническихъ экскурсій не студента, а помощника университетскаго садовника тит. сов.

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1415/80.

Климова, что было одобрено и совѣтомъ. Путешествіе Криницкаго должно было быть совершено въ 1830 году, но было ли оно исполнено въ это время, мы не знаемъ.

Такимъ образомъ, ученыхъ командировокъ профессоровъ въ изучаемый нами періодъ времени, можно сказать, не существовало и это свидѣтельствуется, конечно, о сравнительно слабомъ внутреннемъ интересѣ университетскихъ преподавателей къ наукѣ.

Обращаемся къ характеристикѣ *научной* дѣятельности профессоръ Харьковскаго университета и рассмотримъ ее въ порядкѣ факультетовъ.

На словесномъ (нынѣшнемъ историко-филологическомъ) факультѣ изъ профессоровъ перваго десятилѣтія остались—Успенскій, И. Е. Резневскій, Дегуровъ и Паки де Совиньи.

Профессоръ русской исторіи Г. П. Успенскій продолжалъ работать надъ русскими древностями; первое изданіе его „Опыта повѣствованія о русскихъ древностяхъ“, вышедшее аъ 1811—1812 г., не было окончено: въ немъ не оказалось обѣщаннаго авторомъ 2-го отдѣленія 1-й части. Въ 1818 году появилось новое, второе изданіе этой замѣлательной книги „исправленное и умноженное“ ¹⁾. Въ предисловіи по-му изданію авторъ говоритъ: „по изданіи въ 1811 году первой части 1-й книги, вслѣдъ затѣмъ въ 1812 году напечатано было и 1-е отдѣленіе 2-й части. А какъ сія часть, по ея обширности тогда-же раздѣлена была на 2 отдѣленія, то послѣднее по разнымъ непредвидѣнно встрѣившимся обстоятельствамъ, не было напечатано и доселѣ. Между тѣмъ когда обѣ первыя книги были раскуплены и требованія на это сочиненіе умножились, то я, первое изданіе во многихъ мѣстахъ опрививъ, въ другихъ значительно пополнивъ, а въ нѣкоторыхъ совсѣмъ передѣавши, рѣшилъ напечатать ихъ вновь, съ присовокупленіемъ какъ по-лѣдняго отдѣленія 2-й части, такъ и извѣстія о бывшихъ прежде въ Малороссіи присутственныхъ мѣстахъ и чинахъ, съ подробною азбучнымъ порядкомъ расположенною всѣмъ содержащимся достопамятнымъ ещамъ росписью. Но времени, если позволить мнѣ обстоятельства, не ремину стараться и его усовершенствованіи, а теперь скажу только: si quid novisti rectius istis, candidus imperti; si non, hīs utere mecum“.

Прибавленій во 2-мъ изданіи сравнительно съ 1-мъ—достаточно. 1-е отдѣленіе 2-й части состоитъ изъ 7 главъ—о языческомъ и хри-

¹⁾ Вотъ ея подлинное заглавіе—„Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ ипр. Успенскаго. Изд. 2-е, исправленное и умноженное. Х. въ унив. тип., 1818 г., II, 815 стр.

стіанскомъ богослуженіи и духовенствѣ, о древности законовъ россійскихъ и ихъ достоинствѣ, о судопроизводствѣ, пеняхъ и наказаніяхъ, о воспитаніи, ученіи, наукахъ, книгахъ и врачебной части, земской и городской полиціи и межеваніи, о торговлѣ, дорогахъ, мостахъ и водныхъ сообщеніяхъ, о счисленіи и раздѣленіи времени, монетахъ, вѣсахъ и мѣрахъ. Въ основу изложенія положены частію первоисточники, частію пособія. Изъ послѣднихъ отмѣтимъ труды Татищева (исторія и лексиконъ) Болтина (примѣчанія на исторію Леклерка), Ломоносова, Щербатова, Стриттера, Амвросія, Кайсарова, Байера, Миллера, Шлецера, Круга, Чулкова.

Изъ первоисточниковъ авторъ пользуется—Герберштейномъ, Флетчеромъ, Бухау, Олеаріемъ, Корбомъ, Бруиномъ, лѣтописями, русской правдой и судебникомъ, уложеніемъ, уставными грамотами и новоуказными статьями, собраніемъ государственныхъ грамотъ и договоровъ, древнею россійскою вивлюэикой, Голиковымъ и др.

Въ основу его статьи „о бывшихъ прежде въ Малороссіи присутственныхъ мѣстахъ и чинахъ“ положены—неизданное тогда еще топографическое описаніе Черниговскаго намѣстничества Шафонскаго, хранившееся въ рукописи въ библіотекѣ Харьковскаго университета, и рукописныя замѣтки директора училищъ Черниговской губ. М. Е. Маркова, доставленныя въ ту же библіотеку. Здѣсь мы находимъ первый по времени печатный словарь малороссійскихъ учреждений и чиновъ. Г. П. Успенскій интересовался русскою стариною въ широкомъ смыслѣ этого слова: у него была своя нумизматическая коллекція; онъ изучалъ и мѣстную этнографію и воспользовался результатами своихъ наблюденій на 415-й страницѣ своего труда. Въ 1-мъ томѣ настоящаго труда (стр. 644—646) мы дали уже оцѣнку труда Успенскаго; теперь же только прибавимъ, что авторъ въ высшей степени усердно работалъ надъ дополненіемъ и исправленіемъ своего сочиненія; эта ученая работа была главнымъ его занятіемъ, почти всецѣло наполняла его домашнюю жизнь, какъ это мы видѣли уже изъ записокъ его сына, хотя состояніе духа и условія внутренней, семейной жизни и не благоприятствовали его ученымъ кабинетнымъ занятіямъ. Одинъ отрывокъ изъ своей работы Успенскій обработалъ еще до выхода въ свѣтъ книги въ видѣ актовъой рѣчи (въ 1814 году), другой—помѣстилъ въ „Трудахъ Общества наукъ“¹⁾. Такимъ образомъ, Г. П. Успенскій яв-

¹⁾ „О языческомъ предковъ нашихъ богослуженіи и сходствѣ его съ богослуженіемъ египтянъ, грековъ и другихъ древнихъ народовъ“ (Труды Общества наукъ, I, X, 1817, ч. 2-я, стр. 40—64); его-же, „О судопроизводствѣ, пеняхъ и наказаніяхъ у древнихъ россіянъ“ (Ibidem, стр. 65—101).

ется однимъ изъ наиболѣ выдающихся ученыхъ на словесномъ фальтетѣ, въ періодъ времени съ 1815 до своей смерти, послѣдовавшей въ 1820 году.

Профессоръ всеобщей исторіи *А. А. Дегуровъ* напечаталъ книгу: *De la civilisation des tatars nogais dans le midi de la Russie européenne*“, М., 1816, 122 р. (въ унив. типогр.), явившюся косвеннымъ результатомъ его путешествія на югъ для обозрѣнія училищъ. Книжка эта посвящена, собственно говоря, наблюденіямъ надъ внутреннимъ бытомъ ногайцевъ; заинтересовавшись бытомъ ногайцевъ, авторъ составилъ краткій очеркъ ихъ цивилизаціи, т. е. гражданскаго состоянія въ связи съ умѣровянностями по отношенію къ нимъ русскаго правительства. Въ концѣ книги онъ посвящаетъ нѣсколько страницъ сосѣдямъ ногайцевъ — цыганамъ, духоборцамъ, помѣщичьимъ крестьянамъ, малороссіянамъ. По послѣднихъ онъ говоритъ, что деревни, основанныя ими возлѣ рѣки Южной, находились въ жалкомъ положеніи; главная-же причина ихъ несчастнаго состоянія состояла въ томъ, что они прибыли на новыя мѣста почти безъ всякихъ средствъ, получили мало земли, а между тѣмъ имъ нужно было всѣмъ обзаводиться и въ то же время уплачивать значительные налоги. „Это наблюденіе привело Дегурова къ одному чрезвычайно важному и характерному выводу: онъ высказываетъ мнѣніе, чтобы русскія колоніи въ Новороссійскомъ краѣ пользовались тѣмъ-же покровительствомъ, какъ и иностранныя. Русскіе колонисты, говоритъ онъ, правда не приходятъ, подобно иностранцамъ, искать новаго отечества и подвергаться иноземнымъ узаконеніямъ, но переселенцы съ сѣвера на югъ или изъ одной провинціи въ другую (потому что имъ нельзя было уже оставаться на прежнихъ мѣстахъ) они, конечно, имѣли надобность въ экстраординарной помощи. Я знаю, что они пользовались въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ извѣстными льготами. Но почему-бы ихъ не снабдить въ видѣ аванса земледѣльческими орудіями, скотомъ и деньгами на постройку избъ? Они-бы все это верное выплатили съ неменьшею аккуратностью, чѣмъ итальянцы, французы и евреи. Почему-бы ихъ не поставить подъ власть бюро иностранныхъ колонистовъ? Освобожденіе ихъ на 5 лѣтъ отъ власти казенныхъ исправниковъ и отъ извѣстныхъ налоговъ (ихъ было-бы долго перечислять) было-бы для нихъ большимъ благодѣяніемъ. Въ это время переселенцы могли-бы поправить свои дѣла, затѣмъ уплачивать правительству умѣренные налоги и погашать понемногу ту маленькую ссуду, которую имъ выдали-бы. Я не хочу сказать, чтобы управленіе колоній (и иностранныхъ) было совершенное.... но я убѣжденъ, что наши русскія колоніи чувствовали-бы себя очень хорошо, если-бы онѣ были

поставлены въ зависимость отъ бюро иностранныхъ колоній. Въ другихъ мѣстахъ исключительные законы создаютъ злоупотребленіе, а въ Россіи они по большей части являются гарантіей противъ нихъ ¹⁾. На сколько этотъ взглядъ былъ искрененъ, судить не беремся—А. А. Дегуровъ не принадлежалъ къ числу прямодушныхъ людей ²⁾—но онъ во всякомъ случаѣ дѣлаетъ честь его уму. По своей специальности А. А. Дегуровъ не написалъ въ это время ничего, да и вообще онъ не былъ глубокимъ ученымъ; при томъ онъ скоро перевелся въ Петербургскій университетъ.

Преподаватель французскаго языка *Н. Н. Паки де Совиньи* издалъ цѣлый рядъ пособій по своему предмету, изъ коихъ мы имѣли въ рукахъ слѣдующіе 1) Всеобщую и философическую грамматику языковъ, ч. 1—3 (на франц. и рус. яз.). X. 1823—1824; 2) Курсъ словесности (на франц. яз.), т. 1-й. X. 1824 г. 63 стр.; 3) 3-ю таблицу грамматики или методы французской. X. 1823, т. 2-й, 364 стр.; 4) Грамматическое словосочиненіе. X. 1824, 195 стр. Вѣроятно, третьяго сочиненія былъ и 1-й томъ, но мы его не могли разыскать. По нашей просьбѣ уважаемый товарищъ и специалистъ С. В. Соловьевъ ознакомился съ тремя руководствами Паки де Совиньи и далъ о нихъ слѣдующій отзывъ. „*N. Paqui de Sauvigny, Grammaire générale philosophique et littéraire des langues ou la clef des langues et des lettres: ouvrage classique et didactique. Charkow, 1823.* Посвящена Императрицѣ Маріи. На русскій яз. переведена студентами Бѣлецкимъ, Ерофьевымъ, Долгимъ, Звѣгинецкимъ. Научнаго значенія не имѣетъ. Составлена по образцу „философскихъ и общихъ“ грамматикъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Грамматика опредѣляется „какъ искусство мыслить, умствовать“; основывается „на здоровой логикѣ, имѣетъ своимъ предметомъ *речь* или искусство изъяснять посредствомъ общепринятыхъ знаковъ (живымъ голосомъ или письменно) мысли, родящіяся въ нашемъ умѣ“. Авторъ ссылается на грамматики: Lancelot, Reymer, Girard, Vailly Banzer, Dumarsais, Levisac, Condillac. Грамматика преслѣдуетъ цѣль: „служить руководствомъ ученикамъ при изслѣдованіи языковъ вообще“. Цѣли авторъ не достигаетъ: о „языкахъ вообще“ онъ даетъ слишкомъ поверхностное понятіе. Любопытны мысли автора о происхожденіи языковъ. „Вотъ что почитаю я вѣроятнѣйшимъ касательно образованія языковъ, предметъ, о которомъ впрочемъ трудно произнести рѣшительное мнѣ-

¹⁾ См. мою „Колонизацію Новорос. края“. К. 1889, стр. 69—70.

²⁾ Презирая русскихъ, ненавидя нѣмцевъ, онъ умѣлъ мастерски притворяться передъ тѣми и другими, говорить о немъ Роммель.

ніе, то, что *есть языки*, кажется мнѣ, съ самаго начала міра заимствовали одни отъ другихъ множество словъ или выраженій, которымъ народы дали новыя формы, новыя окончанія, различныя отъ прежнихъ, бывшихъ ихъ началомъ, новыя слова, примѣняемыя къ новымъ ихъ открытіямъ и т. обр. произошло сочиненіе совершенно новое, которое составило смѣсь частей столь разнородныхъ и столь различныхъ между собою, что древніе народы, вставши теперь изъ гробовъ своихъ, съ трудомъ могли бъ узнать въ сихъ новыхъ нарѣчіяхъ, распространенныхъ по всему земному шару то, что имъ собственно принадлежитъ“. Указавъ на „существенныя качества критика, грамматика или практика—философа, который употребляетъ анализъ риторическій, критическій, дидактический или грамматическій“, авторъ переходитъ къ *синтаксису*. Излагаетъ его конспективно и своеобразно. Едва-ли слушатели и ученики Паки де Совиньи познакомились по этому руководству съ французскимъ синтаксисомъ. Авторъ могъ научить ихъ только громкимъ фразамъ, тропамъ и фигурамъ; изъ сравнительной философской грамматики всѣхъ языковъ ученики узнали только что „фраза русская имѣетъ энергію и силу; французская—ясность; греческая—гармонію; латинская—важность“...

2) *Cours littéraire*, formant le pendant ou la suite de la Grammaire générale et philosophique. Харьковъ, 1824 г. Посвященъ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Въ предисловіи авторъ говоритъ о „вкусѣ вообще, въ рѣчи и въ произведеніяхъ Генія“, ссылаясь на академическую рѣчь, произнесенную имъ въ литературн. собраніи университета въ январѣ 1823 г. по случаю полученія бывшимъ попечителемъ диплома на званіе почетнаго члена Х. унив. Эта рѣчь, по словамъ автора „ne déplut point aux amateurs de la littérature française“; затѣмъ на рѣчь, произнесенную 30 августа 1817 г., изданную въ количествѣ 300 экзempl. (De forma—pulchri et boni in variis ingenii productionibus). Въ курсѣ литературы авторъ долго останавливается на опредѣленіи „хорошаго вкуса и хорошаго тона“ „истинными образцами хорошаго тона и вкуса“ авторъ считаетъ писателей блестящаго в. Людовика XIV (упомянуть конечно, и Буало) и многихъ французскихъ дамъ; но онъ не желаетъ обидѣть и русскихъ дамъ: „въ Харьковской губ. онъ могъ отмѣтить и оцѣнить многихъ дамъ, неуступающихъ француженкамъ, хорошо воспитанныхъ и образованныхъ“.

Затѣмъ П. де С. вводитъ своихъ учениковъ въ „храмъ вкуса“, куда помѣщаетъ Перикла, Ликурга, Филиппа, Александра, Цидерона и др.; Гарунъ аль Рашида; Медичи; Льва X; Людовика XIV, Петра В.; Франциска I, Людовика XVIII, Карла X, Фридриха В., Марію Терезію,

Иосифа II; Елизавету Англійскую, Екатерину II, Александра I, наконецъ, всѣхъ „нашихъ славнѣйшихъ попечителей, между ними славнѣйшаго и достойнаго, который въ продолженіи многихъ лѣтъ руководилъ нами въ нашихъ академическихъ трудахъ, подавая намъ примѣры *хорошаго вкуса*. Всякій понимаетъ, что здѣсь хочу я отъ своего имени и отъ имени моихъ уважаемыхъ коллегъ воздать должное его пр—у, нашему бывшему попечителю (Захару Яковлевичу Карнѣву). Наконецъ принимая во вниманіе академ. труды нашихъ уважаемыхъ коллегъ, гг. профессоровъ университета и др. академій, сердцу которыхъ ничего не было пріятнѣе, какъ внушить юношеству *хорошій вкусъ*, вкусъ къ наукамъ и искусствамъ, какъ своими *свѣтлыми* (lumineux) произведеніями, такъ и своими учеными и полезными лекціями, полагаю, что я только предупреждаю ваши желанія, удѣляя имъ всѣмъ почетное мѣсто въ *храмѣ вкуса*“.

Далѣе авторъ конспективно излагаетъ исторію французскаго языка и литературы отъ среднихъ вв. до Карла X. (на 20 страницахъ). Въ большинствѣ случаевъ онъ ограничивается однимъ перечнемъ именъ безъ указанія даже на выдающіяся произведенія „знаменитѣйшихъ писателей“.

Въ заключительной главѣ говоритъ о стиляхъ, ораторахъ (ораторъ долженъ правиться *своими нравами*—par les mœurs), о *нравахъ* въ поэзіи, декламации; драмѣ, лирикѣ и эпосѣ и т. д.

3) Cours grammaticale, théorétique et pratique la Syntaxe française ou construction grammaticale ornée d'exemples et de thèmes pour réunir la théorie à pratique à l'usage de la jeunesse Russe. Харьковъ 1824 г. 3-й томъ.

1-я часть книги: умозрительная таблица, синтаксическая таблица или таблица грамматическаго словосочиненія. 2-я: объ анализахъ—грамматическомъ, логическомъ, поэтическомъ, эстетическомъ. О *синтаксисѣ* книга не даетъ никакого представленія. „Примѣчено, говоритъ авторъ, что воспитанники и студенты дворянства обыкновенно болѣе показываютъ вкуса къ языку и словесности французской, почитая языкъ сей послѣ своего природнаго, какъ за полезнѣйшій, лучше обработанный и вообще болѣе распространенный въ Европѣ. Этотъ языкъ, (говорятъ сіи любители словесныхъ произведеній сего языка) есть языкъ дипломатическій, на немъ говорятъ при дворѣ, на немъ изъясняются принцы, государи, дворянство всѣхъ образованныхъ странъ; всѣ славныя бібліотеки наполнены отличными книгами, писанными на семъ языкѣ“... Указавъ на студентовъ переводчиковъ, авторъ упоминаетъ и „о всѣхъ прочихъ, отличавшихся на его лекціяхъ литературы фран-

русской и латинской; „они очень заслуживают также, чтобы я оказала должную имъ справедливость, сдѣлавъ извѣстнымъ ихъ вкусъ и дарованія. Это суть гг.: Протопоповъ, Ивонемцевъ, Шевичъ, Корсунъ, Дружkevичъ, Нечаевъ, Петровъ, Цихъ, Сокальскій, Степановъ, Сокинскій, Лещинскій, Денисьевъ, Акимовъ, И. Звѣгинцевъ, Селетскій, Васильковскій, и многіе другіе студенты, приносящіе себѣ честь и по другимъ частямъ, какъ по математикѣ, медицинѣ, юриспруденціи, исторіи, ботаникѣ, филологіи, химіи и пр.“.

Паки де Совиньи, конечно, не былъ ученымъ и его руководства представляютъ изъ себя компиляціи, не стоившія ему большаго труда; хотя по справедливости ему нельзя отказать въ усердіи. На актѣ 30 авг. 1817 года Паки де Совиньи произнесъ рѣчь „De principio Pulchri in genere aut de forma Pulchri et Boni in omnibus ingenii productionibus“. Рѣчи, произнесенныя 30 авг. 1817 г. X., 1818, стр. 1—15). Это—разсужденіе на одну изъ любимѣйшихъ темъ автора; мысли позаимствованы главнымъ образомъ изъ Буало.

Гордостью и украшеніемъ словеснаго факультета изъ новыхъ профессоровъ былъ прославившійся своими научными работами *И. Я. Кронебергъ*. Ему принадлежатъ слѣдующіе печатные труды въ отдѣльныхъ изданіяхъ. 1) Латинская грамматика. X., 1820. 326 стр., 2-е изд. Харьков. 1825 г. 2) Латино русскій лексиконъ съ полнымъ объясненіемъ словъ свойствъ и значеній каждаго латинскаго слова и съ показаніемъ собственныхъ именъ до древней географіи и мѣтологіи относящихся. 3 части. М. 1819—1820 и 1824 г. 3) Compendium antiquitatum romanae; 4) Horatii Epistola ad Augustum, edidit pr. Kroneberg 1823 г.; 5) Taciti Annalium liber I, ed. prof. Kroneberg, 1823 г.—этихъ трехъ книгъ мы не видѣли: на нихъ дѣлается указаніе только К. Фойгтъ; 6) Амалтея или собраніе сочиненій и переводовъ, относящихся къ изящнымъ искусствамъ и древней классической словесности. Часть 1-я. X. 1825, 246 стр.; часть 2-я. 1826, 142, 125 стр.; 7) Брошюрки, издаваемыя Ив. Кронебергомъ, №№ I—X, X., 1830—1833 г., 36, 48, 56, 83, 7, 82, 98, 188, 145, 42 стр.; 8) Cr. Sallustius, edidit prof. Kroneberg (указаніе только у Фойгта); 9) Ciceronis oratio pro lege Manilia edidit Kroneberg; 10) Минерва. Часть 1—4, 1835 г.; 283, 291, 364, 108.

Латинская грамматика Кронеберга заключала этимологію и синтаксисъ и представляла изъ себя учебную книгу.

Амалтея или собраніе сочиненій и переводовъ, относящихся къ изящнымъ искусствамъ и древней классической словесности, трудами Ивана Кронеберга. Часть первая. X, въ ун. тип., 1825 г., 246 стр.; Часть 2-я. X., 1826 г., 142, 125.

Въ предисловіи издатель говоритъ: „въ сей первой части Аматтеи не все мое, но и не все чужое; иное принадлежитъ мнѣ, иное—и мнѣ, и другимъ. Тоже самое долженъ я сказать и о послѣдующихъ частяхъ. Хотя на заглавномъ листѣ и упоминается объ одной только древней классической словесности, но я буду иногда дѣлать отступленія, входя въ литературную область новѣйшихъ народовъ“.

Въ составъ сборника вошли слѣдующія статьи: 1) Завоеванія римлянъ, 2) Обзоръ земель, принадлежавшихъ Римской державѣ, 3) Афоризмы, 4) О изобиліи произведеній пластическаго искусства у грековъ и о причинахъ онаго, 5) Илиада, 6) *Clavicula latina*.

Первыя двѣ статьи—строго фактическаго содержанія. Третья заключаетъ въ себѣ мысли и изреченія о литературѣ и искусствѣ. Приведемъ нѣсколько образцовъ: „кто иностранныхъ языковъ не знаетъ, тотъ не знаетъ и своего природнаго“, „поэзія есть живая сила, создающая высшій міръ, нежели въ которомъ мы живемъ, проникающая матерію духомъ и облакающая духъ въ матерію“, „лирическая поэзія есть исповѣдь сердца, такъ называемая дидактическая поэзія принадлежитъ къ поэзіи только по формѣ, критическій разборъ пѣстическаго произведенія самъ долженъ быть пѣстическій, потому что поэзію въ прозѣ созерцать нельзя, что къ удовлетворенію какой либо нужды служить, то не принадлежитъ къ области изящнаго искусства; въ новѣйшемъ *Cours de litterature ancienne et moderne* авторъ, порицая Аріоста, Мильтона, Тасса, Виргилія, даже божественнаго Гомера, говоритъ: *Voltaire est de tous les poètes epiques celui qui a le mieux imité la nature*. Жаль, что не прибавилъ, гдѣ—въ Генріадѣ или Пюсселлѣ? Рѣчь идетъ здѣсь о курсѣ профессора Харьковскаго университета Паки де Совиньи.

Четвертая статья представляетъ переводъ нѣмецкаго труда Якоба (*Ueber den Reichthum der griechen an plastischen Kunstwerken und die ursachen desselben*), пятая—переводъ сочиненія Гере (*Ueber Kunst und Alterthum*) а шестая—собрание въ алфавитномъ порядкѣ извлеченій изъ комментаріевъ на латинскія слова и выраженія; здѣсь слова и выраженія объясняются на латинскомъ же языкѣ; это своего рода пояснительный словарь реченій. Вотъ примѣръ: *vivere simpliciter est animo esse non maligno, subdolo, ficto, suspicaci, tecto, sed candide aperte et bona fide cum aliis agere*“.

Во 2-й части содержатся слѣдующія статьи: 1) Взглядъ на древнюю Грецію, 2) Древняя Греція, 3) Илиада (продолженіе), 4) *Clavicula latina*. Первыя двѣ статьи заключаютъ географическій обзоръ древней Греціи (вторая гораздо подробнѣе первой). Третья представляетъ продолженіе

начатой въ 1-й части. Четвертая—новый объяснительный словарь латинскихъ словъ на латинскомъ языкѣ.

Брошюрки, издаваемые Иваномъ Кронебергомъ. № I, X., въ унив. тип., 1830 г., 36 стр. Содержитъ въ себѣ одну статью—историческій взглядъ на эстетику; здѣсь характеристика эстетическихъ теорій Франціи и Германіи.

Брошюрки. . . № II, X., въ унив. тип., 1830 г., 48 стр. Здѣсь помѣщены „Отрывки“, заключающіе въ себѣ изложеніе и разборъ Фауста Гете, Торквато Тассо, Леноры Бюргера, историческихъ піесъ Шекспира, его піесы „Сонъ въ лѣтнюю ночь“.

Брошюрки. . . № III, X., въ унив. тип., 1830 г., 56 стр. Содержитъ въ себѣ двѣ статьи—Залаявъ Неаполитанскій и Сирія; первая—путевыя впечатлѣнія и историческія воспоминанія, вторая—историко-географическій очеркъ.

Брошюрки. . . № IV, X., въ унив. тип., 1831 г., 83 стр. Здѣсь обширное изслѣдованіе о Макбетѣ Шекспира (не оконченное).

Брошюрки. . . № V, X., въ унив. тип., 1831 г., 67 стр. Этотъ номеръ содержитъ статью „О переселеніи твореній искусства изъ завоеванныхъ земель въ Римъ“, основанную на первоисточникахъ.

Брошюрки. . . № VI, X., въ унив. тип. 1831 г., 82 стр. Помѣщена статья—„Матеріалы для исторіи эстетики“, содержащая изложеніе теорій Баумгартена, Баттѣ, Винкельмана, Мендельсона, Сульцера, Канта, Гейденрейха, Шиллера, Шеллинга и Жанъ-Поля.

Брошюрки. . . № VII, X., въ унив. тип., 1831 г., 98 стр. Здѣсь напечатаны „Отрывки“, содержащіе афоризмы историко-литературнаго, критическаго и эстетическаго характера и за ними статью „Рыцарская поэзія германцевъ“.

Брошюрки. . . № VIII, X., въ унив. тип., 1832 г., 188 стр. Содержитъ въ себѣ статью—„Маргиналіи и выписки“—выдержки съ критическими замѣчаніями изъ печатныхъ трудовъ Houghton'a, Hornemann'a, Langles, Cousin'a, Ficker'a, Boettiger'a, Heeren'a.

Брошюрки. . . № IX, X., въ унив. тип., 1832 г., 145 стр. Заключаетъ въ себѣ статьи—1) Шесть одъ Горация—обстоятельный разборъ ихъ въ оригиналѣ, 2) Die Leiden des jungen Werthers, 3) Пѣвецъ (разборъ переводовъ его на русскій языкъ, сдѣланныхъ Араповымъ и Шкляревскимъ), 4) Альбрехта Дюрера. Apocalypsis cum figuris. На 14 листахъ (описаніе этого изданія).

Брошюрки. . . № X, X., въ унив. тип., 1833 г., 42 стр. Здѣсь одна статья—„Нолапская философія“—извлеченіе изъ сочиненія Гюрдана Бруно „Della causa, principio et uno“.

Микерва. Ивана Кронеберга. Часть первая. X., в унив. тип., 1835 г., 283 стр.

Въ составъ этого сборника вошли слѣдующія статьи издателя: 1) О изобиліи произведеній пластическаго искусства у грековъ и о причинахъ онаго; 2) О переселеніи твореній искусства изъ завоеванныхъ земель въ Римъ; 3) Историческій взглядъ на эстетику; 4) Матеріалы для исторіи эстетики; 5) Отрывки. Первая статья представляетъ переводъ или компиляцію указаннаго выше нѣмецкаго сочиненія Фридриха Якобса, изданнаго въ 1810 г. въ Мюнхенѣ, основаннаго на богатой литературѣ первоисточниковъ. Вторая статья повидимому оригинальная, также основана главнымъ образомъ на первоисточникахъ. Обѣ работы отличаются серьезнымъ научнымъ характеромъ—и въ тоже время несомнѣнно представляли большой интересъ и для широкой публики, какъ по самой темѣ, такъ и по ея обработкѣ. Еще болѣе общій интересъ должны были имѣть 3-я и 4-я статьи, посвященныя историческому развитію эстетики; это теоріи эстетики въ ея развитіи и выдающихся представителейхъ. Въ 3-й статьѣ говорится сначала о древнихъ и Шекспирѣ, потомъ о французской и нѣмецкой школахъ, въ 4-й—дается изложеніе и оцѣнка эстетическихъ теорій Баумгартена, Баттѣ, Винкельмана, Мендельсона, Сульцера, Канта, Гейденрейха, Шиллера, Шеллинга и Жавъ-Поля. Изложеніе изобличаетъ знатока и мастера своего дѣла. Наконецъ пятая статья—Отрывки—заключаетъ въ себѣ афоризмы Кронеберга по вопросамъ эстетики литературной критики, философіи и жизни. Приведемъ нѣсколько образцовъ. „Всякая книга должна быть всемірнымъ гражданиномъ; иная же кромѣ того переулка, въ которомъ родилась, ничего не знаетъ“. „Иной человекъ походитъ на книгу, иная книга—на человека. Истинное чтеніе книги есть борьба. Иного человека не прежде полюбишь, какъ крѣпко съ нимъ поссорившись; тоже дѣлается и съ книгою“. „Лѣта юности! Вотъ ваша Италія и наша Греція, наполненная богами, храмами, радостью и веселіемъ—но увѣ! Часто, часто опустошаемые Готвами и Вандалами“. „Страсти суть нѣитическія вольности, которыя позволяютъ себѣ нравственная свобода“. „Нельзя быть довольно осторожнымъ въ рѣчахъ. Случается, что иногда упиваешься собственными словами и тогда говоришь, чего не бывало. И какъ отъ лишней рюмки болитъ голова, такъ отъ лишняго слова болитъ совѣсть“. „Три періода умственной жизни человека. Въ первомъ человекъ живетъ внѣ міра; во второмъ—въ мірѣ; въ третьемъ міръ живетъ въ немъ“. „Воспитатель угождаетъ сѣятелю. Все зависитъ отъ того, что и когда и какъ онъ сѣетъ. Посѣвая въ мнимомъ познаніи добра и зла, онъ нерѣдко со слѣпою самоувѣренностью меч-

таетъ, что изъ нѣдръ ствола разовьется въ свое время благороднѣйшій плодъ; время уходить, время приходитъ, и непримѣтно созрѣлъ... ничтожный волчець". „Критика занимаетъ средину между исторіей и теоріей искусствъ. Но критика не есть искусство находить недостатки какого нибудь сочиненія. Критика не останавливается на буквѣ, но въ буквѣ созерцаетъ изящное. Критикъ долженъ имѣть духъ универсальный". „Критическій разборъ поэтическаго творенія самъ долженъ быть поэтическій, потому, что поэзію въ прозѣ содержать нельзя". „Гомеръ и Шекспиръ два радіуса, которые, сколько ни расходятся, описываютъ одну периферію и соединяются въ одномъ центрѣ. Это—близнецы матери природы, которые, въ разномъ направленіи, исполинскими шагами измѣрили свѣтъ и опять на той же точкѣ соединились, на которой разстались". „Шекспировы творенія только тогда совершенно понять можемъ, когда проникнемъ взаимную между ними связь. Нѣсколько небесныхъ свѣтилъ составляютъ солнечную систему". „Эстетика, основанная на вкусѣ, тоже что покрой платья, основанный на модѣ; вкусъ перемѣнился—и эстетика не годится". „Эстетика не имѣетъ цѣлью руководствовать генія; но понимать его въ его дѣйствіяхъ и твореніяхъ, развивать и направлять чувство искусства". „Эстетика есть философія искусства. Но есть много философій искусства, въ коихъ нѣтъ ни философіи, ни искусства".

Минерва Ивана Кронеберга. Часть вторая. X., въ унив. тип., 1835 г., 291 стр.

Сюда вошли слѣдующія отдѣльныя статьи: 1) Рыцарская поэзія германцевъ, 2) Гёте, 3) Бюргеръ, 4) А. Дюреръ, 5) Шекспиръ и 6) Горацій.

1-я статья представляетъ прекрасный для своего времени очеркъ рыцарской поэзіи германцевъ; въ статьѣ о Гете Кронебергъ останавливается на содержаніи его трагедіи Фаустъ, драмы—Торквато Тассо, Эгмонта, Страданій Вертера и баллады „Пѣвецъ"; говоря о послѣдней, онъ дѣлаетъ сравнительный разборъ двухъ ея переводовъ, сдѣланныхъ Араповымъ и Шкляревскимъ. Вездѣ видѣнъ здѣсь тонкій знатокъ и цѣнитель художественныхъ произведеній, говорящій о нихъ не съ чужихъ словъ, а по своимъ собственнымъ впечатлѣніямъ. Вотъ вступленіе въ его очеркъ о страданіяхъ Вертера, рисующій его манеру работать. „Неужели читать только новѣйшее или древнѣйшее! Сказалъ я себѣ и подошелъ къ книжному шкафу съ тѣмъ, чтобы выбрать для чтенія какое нибудь сочиненіе прошедшаго столѣтія. Глаза мои, пробѣгая ряды книгъ, остановились на Вертеровыхъ страданіяхъ. Гмъ! Думалъ я, я былъ еще молодымъ, когда читалъ эту книгу въ первый разъ. Помнилъ только, что она содержитъ любовную исторію въ трагическомъ видѣ. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Какое впечатлѣніе она тогда на

меня сдѣлала, я ясно припомнить не могу, хотѣлъ было ее не трогать съ мѣста; но имя автора, котораго въ отечествѣ его одни обожаютъ, другіе бранятъ, и то обстоятельство, что такую брань у насъ переводятъ и помѣщаютъ въ журналахъ, не менѣе и любопытство испытать, какое впечатлѣніе эта книга сдѣлаетъ на меня *теперь*, заставила меня снять ее съ полки. Страхнувши пыль, которою она была покрыта, и замкнувъ дверь своего кабинета, дабы мнѣ никто не помѣшалъ, я сѣлъ и принялся читать, солнце уже было на закатѣ, когда я кончилъ, и встревоженный, удивленный, оставивъ книгу на диванѣ, предался размышленіямъ "... Говоря о Бюргерѣ, авторъ останавливается на его Ленорѣ. Въ статьѣ объ А. Дюрерѣ, Кронебергъ описываетъ его Апокалипсисъ съ фигурами,—даетъ подробное описаніе cadaго изъ 14 листовъ этого изданія. Въ статьѣ о Шекспирѣ, Кронебергъ говоритъ объ его историческихъ пьесахъ, затѣмъ переходитъ къ пьесамъ „Сонъ въ лѣтнюю ночь“ и „Зимняя сказка“ и особенно подробно останавливается на „Макбетъ“. Въ статьѣ о Гораціѣ, Кронебергъ подвергаетъ тщательному всестороннему разбору шесть его одъ (конечно, въ ихъ оригиналѣ).

Минерва Ивана Кронеберга. Часть третья. X., въ унив. тип., 1835 г., 364 стр.

Здѣсь мы находимъ слѣдующія статьи: 1) Иліада; 2) Маргиналіи и выписки; 3) Земли древней Азіи; 4) Взглядъ на древнюю Грецію; 5) Заливъ Неаполитанскій.

Въ первой статьѣ авторъ даетъ переводъ Гетевского изложенія содержанія Гомеровою Иліады; во второй—изложеніе нѣмецкаго сочиненія Фикера о классической древности; въ третьей—историко-географическій очеркъ Азіи; въ четвертой—такой же (переводной съ нѣмецкаго) очеркъ древней Греціи; въ пятой—путевыя впечатлѣнія и историческія воспоминанія о мѣстности, лежащей возлѣ Неаполитанскаго залива.

Минерва Ивана Кронеберга. Часть четвертая. X., въ унив. тип., 1835 г., 108 стр.

Этотъ сборникъ содержитъ въ себѣ три статьи: 1) О латинскомъ языкѣ относительно латинской литературы; 2) Краткое обозрѣніе исторіи древнихъ рукописей съ 4-го по 15-е столѣтіе по Геерену и 3) Историческій взглядъ на литературу въ среднихъ вѣкахъ съ 400-го по 1500-й годъ по Вахлеру.

Кронебергъ, наконецъ, произнесъ еще актовую рѣчь на латинскомъ языкѣ въ 1819 г. о сатирикѣ Персіи „Oratio censuram ingenii et morum A. Persii Flacci continens“. Она состоитъ изъ двухъ половинъ—въ первой говорится о состояніи римскаго общества въ эпоху Персіи и о причинахъ вызвавшихъ паденіе правовъ; во второй—о самомъ сатирикѣ,

его биографіи (по Светонію и отчасти по сочиненіямъ) и самихъ сатирахъ. Изъ рѣчи видно непосредственное знакомство не только съ сочиненіями Персія, но и другихъ римскихъ писателей.

Какъ видимъ изъ этого обзора содержанія трудовъ Кронеберга, ему приходилось не разъ возвращаться къ прежнимъ темамъ и перепечатывать свои работы въ новыхъ изданіяхъ. Это одно свидѣтельствуеъ уже о томъ, что они имѣли крупный и, прибавимъ, вполне заслуженный успѣхъ въ публикѣ. Стоя на высотѣ современнаго ему научнаго движенія въ Европѣ вообще и Германіи въ частности, Кронебергъ былъ блестящимъ представителемъ науки классической филологіи въ Харьковскомъ университетѣ и при томъ не сухаго, мертваго, грамматическаго классицизма, а здороваго, образовательнаго, гуманитарнаго, интересовавшагося главнымъ образомъ исторіей литературы, искусства и нравностей. Кронебергъ своими изданіями сыгралъ въ Харьковскомъ университетѣ такую же роль, какую позже въ Московскомъ университетѣ—Леонтьевъ своими „Прописями“. (Сборникъ статей по классической филологіи. М. 1855—1857).

Полную противоположность представлялъ профессоръ греческаго языка *Джунковскій*: у него, за исключеніемъ одной актовой рѣчи, не было научныхъ трудовъ по его спеціальности. Но ему принадлежитъ крупная заслуга въ составленіи и изданіи каталога книгъ университетской библіотеки—*Catalogus librorum Bibliothecae Caesariae universitatis literarum Harcoviensis*, cura Bas. Džunkowsky. Ch. 1824, typis acad, IV, 511 p.

Въ началѣ каталога помѣщено предисловіе на латинскомъ языкѣ. Здѣсь составитель говоритъ, что уже давно чувствовалась потребность въ печатномъ каталогѣ университетской библіотеки, но были обстоятельства, препятствовавшія его составленію (возраставшее число книгъ, перемѣна библіотекарей и порядковъ). Затѣмъ онъ упоминаетъ о тѣхъ лицахъ, которыя сдѣлали пожертвованія книгами въ библіотеку. Благодаря пожертвованіямъ и покупкѣ, число книгъ возросло до 16781 тома. Назвавъ знаменитѣйшихъ библіографовъ новыхъ вѣковъ (начиная съ XVI столѣтія), Джунковскій говоритъ, что онъ распредѣлилъ книги въ каталогъ на 8 отдѣловъ—теологію, юриспруденцію, философію, медицину, математику, исторію, филологію и, наконецъ, рукописи, памятники типографскаго искусства и „*curiositates literarias*“. Послѣдній отдѣлъ, по его малочисленности, въ каталогъ еще не вошелъ. Прибавимъ къ этому, что каждый изъ предъидущихъ отдѣловъ дѣлится у Джунковскаго на нѣсколько подотдѣловъ; напримѣръ, первый на: *biblia, s. patres, concilia, liturgiae, theologia dogmatica, scholastica historia sakra et ecclesiastica*. Русскія книги не выдѣлены изъ иностранныхъ—и тѣ, и другія

идуть въ общемъ алфавитномъ порядкѣ. Въ концѣ каталога приложенъ азбучный указатель именъ. На актѣ 30 августа 1819 года Джунковскій произнесъ рѣчь „*объ изящныхъ художествахъ у грековъ и вліяніи ихъ на (на ?) нравственность*“. (40 стр.). Въ началѣ авторъ останавливается на признакахъ художественныхъ памятниковъ съ эстетической точки зрѣнія (на красотѣ, истинѣ, ясности, выразительности, вкусѣ, цѣли художествъ), затѣмъ переходитъ къ художествамъ у древнихъ грековъ, останавливается на причинахъ, вызвавшихъ сильное развитіе искусствъ у этого народа, характеризуетъ разные стили (высокій, красивый, подражательный); останавливается на упадкѣ искусствъ и наконецъ обращается къ студентамъ съ такими наставленіями: „вы, по воспитанію вашему, предназначаетесь служить примѣромъ твердости въ вѣрѣ, любви къ отечеству, повиновенія власти; какимъ же образомъ вы можете достигнуть сей высокой цѣли, какъ не извлеченіемъ изъ преподаваемыхъ вамъ наукъ всего того, что можетъ направить умъ вашъ къ истинѣ и въ сердцахъ вашихъ посѣять благородныя чувства... Грекамъ не доставало небесной истины, которая бы ихъ кроткихъ Аристидовъ, добродѣтельныхъ Сократовъ, правдолюбивыхъ Фокіоновъ вознесла выше бреннаго человѣчества и начало ихъ добродѣтелей выводила изъ чистѣйшаго источника. Но вы озарены и сею небесною истиною Божественнаго ученія; вы увѣрены въ другой высочайшей цѣли бытія человѣческаго, нежели каковую предполагали языческіе философы; вы имѣете надежду еще большій свѣтъ увидѣть въ томъ божественномъ ученіи, которое благодѣтельное правительство положило открыть въ семъ священномъ храмѣ наукъ, котораго одного и, должно сказать самаго важнаго и необходимаго (намекъ на кафедру богословія) не доставало въ полной связи наукъ и во всей ихъ обширности“. О вліяніи искусствъ у грековъ на нравственность говорится мало, а приведенное заключеніе имѣетъ чисто внѣшнюю связь съ главнымъ содержаніемъ рѣчи. Въ текстѣ имѣемъ не мало ссылокъ, въ томъ числѣ и на первоисточники.

Кунцикій напечаталъ актовую рѣчь „*De peculiaribus veterum et recentiorum scriptorum characteribus*“. Указавъ на то, что одни отдають безусловное предпочтеніе древнимъ, другіе—новымъ писателямъ, онъ выясняетъ основныя характерныя черты древнихъ писателей сравнительно съ новыми. Кромѣ того въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ онъ напечаталъ рядъ переводовъ съ греческаго и латинскаго языковъ—изъ Горачіа „къ Валгію“, Оду Эринны, Лесбійской стихотворицы, Москову Идиллію „Орфей и Эвридика“ (изъ Виргиліевыхъ Георгикъ).

Ис. *Евс. Срезневскій* съ 1815 до своей смерти (12 сентября 1819 года) напечатанъ цѣлый рядъ произведеній преимущественно лит-

ературнаго содержанія. Списокъ и оѣнка ихъ сдѣлана внукомъ его
сев. Изм. Срезневскимъ въ особой статьѣ, помѣщенной въ Журн. Мин.
[ар. Просвѣщенія ¹⁾]. Здѣсь между прочимъ приведены и неизданныя его
чиненія. Вотъ печатныя его произведенія, относящіяся къ изучаемой
ами эпохъ: 1) Слово о благодѣянїяхъ промысла Божїа (актовая рѣчь),
ораторія на случай того же торжества, 3) Переводъ трехъ одъ Го-
рація (труды Казанскаго общества любителей отечественной словесности,
т. 1-я. Казань, 1815 г.); 4) Къ Меценату (изъ Горація); 5) Псаломъ
2-й; 6) Испорченный Соловей; 7) На худыхъ стихотворцевъ; 8) Карри-
атура. Рыцарь; 9) Псаломъ 43-й; 10) Неудовольствіе Минервы на Бахуса
Венеру; 11) На стрижку дамъ; 12) На гробъ К.; 12) Пѣсня. Первыя
ства любви; 13) Рѣчь о любви къ отечеству; 14) Въ честь побѣдо-
снаго російскаго воинства; 15) Ода на прїѣздъ Вел. Кн. Николая
вловича въ Харьковъ; 16) Псаломъ 3-й; 17) Къ Лицинію (изъ Гора-
); 18) Эротъ и пчелы (изъ Теокрита); 19) Псаломъ 45-й; 20) Пса-
мъ 58-й; 21) Славянская міеологія или о Богослуженїи рускомъ въ
чествѣ; 22) Бабочка; 23) Къ Римлянамъ; 24) Псаломъ 145-й; 45) Го-
цѣва Ода XXXII. Всѣ эти статьи и стихотворенія были напечатаны
Украинскомъ Вѣстникѣ за 1816—1819-й годы, и въ Харьковскомъ
мокритѣ за 1817-й годъ. Кромѣ того въ 1816 г. вышла отдѣльно
стихотворческая забава" (таблица). „Слово о благодѣянїяхъ Промысла
жїа племени Романова на Россію ниспосланныхъ“, было сказано въ
жественномъ собранїи 25 дек. 1814 г. Это—ораторское произведеніе,
вященное восхваленію Имп. Александра I; въ доказательство основ-
ѣ мысли авторъ рассказываетъ о проявленїи промысла Божїа при
бранїи на царство Михаила Ѳеодоровича, о побѣдѣ надъ шведами
въ Полтавою и о пораженїи галловъ при Наполеонѣ. Выдержки изъ
сторїи И. Е. Срезневскаго, слѣдующей за его рѣчью, были приведены
ми въ 1-мъ томѣ настоящаго труда (стр. 755—756). Въ „Украин-
скомъ Вѣстникѣ“ за 1816-й годъ (мартъ, стр. 273—303) помѣщена
она рѣчь И. Е. Срезневскаго „О любви къ отечеству“, сказанная имъ
е въ 1805 г. въ г. Ярославлѣ при открытїи Демидовскаго лицея.
Датели говорятъ что она не была напечатана раньше авторомъ по-
му, что онъ хотѣлъ ее исправить, но по ихъ мнѣнію она не нуждается
въ какихъ поправкахъ и должна быть признава образцовой. Инте-
рь И. Е. Срезневскаго къ древнимъ писателямъ объясняется его
вядомъ на русскую словесность—на нее онъ смотрѣлъ, какъ на про-

¹⁾ 1898 года, № 6, стр. 351—411.

долженіе древней, заключавшей въ себѣ образцы для нашего подражанія, хотя и разъяснялъ значеніе такихъ поэтовъ, какъ Державинъ, Карамзинъ, Крыловъ и молодой тогда Жуковский. „Что касается до языка произведеній И. Е. Срезневскаго, то въ этомъ отношеніи за нимъ нельзя не признать нѣкоторыхъ достоинствъ. Срезневскій повидимости хорошо зналъ русскій языкъ, искусно имъ владѣлъ. Въ торжественныхъ рѣчахъ онъ выражался красиво, ясно и правильно, въ стихотвореніяхъ, касающихся ежедневной жизни, рѣшался вводить простые слова, оригинальныя выраженія и обороты. Не лишь только предметомъ его произведенія являлось нѣчто высокое, поэтъ спѣшилъ настроить свою лиру въ величавомъ тонѣ и не допускалъ обычнымъ языкомъ говорить важныя вещи“¹⁾. Научнаго достоинства его труды, конечно, и тогда не имѣли, но въ литературномъ значеніи имъ отказать для своего времени невозможно.

Раз. Тим. Гонорскій напечаталъ отдѣльно три работы: 1) О подражательной гармоніи слова. X. 1815 г., 59 стр.; 2) Практика французскаго языка въ 2-хъ частяхъ²⁾; 3) Опыты въ прозѣ съ присовокупленіемъ двухъ сонетовъ, двухъ романсовъ и одной фантазіи. X., 1818 г., 124 стр. Первое сочиненіе посвящено членамъ общества наукъ при Харьковскомъ университетѣ. Авторъ самъ объясняетъ цѣль своей книгъ такъ. „Я попытался изъяснить причину удовольствія, ощущаемаго нами при чтеніи прекрасныхъ стиховъ, когда мы обращаемъ вниманіе единственно на ихъ стопосложеніе. Я не выдаю своихъ догадокъ за истинныя и желаю сердечно, чтобы ихъ оспаривали: это показало бы, сколько у насъ думаютъ о семъ предметѣ. Мои положенія основаны на свойствахъ составныхъ частей человѣческаго слова—и это дѣлаетъ ихъ общими. А чтобы они въ самомъ дѣлѣ были таковыми, я всегда имѣлъ въ виду лучшія мѣста латинскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ, итальянскихъ и русскихъ стихотворцевъ. Греческая поэзія обильнѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи; но сіе самое обиліе было причиною что я не бралъ изъ нея примѣровъ, потому что сіе сочиненіе есть только *опытъ*; и даже часто, при сличеніи одинаковыхъ красотъ въ разныхъ стихотворцахъ, единъ только Виргилій замѣнялъ мнѣ всѣ образцы“.

Тотъ же авторъ напечаталъ эту статью подъ заглавіемъ „Краткое начертаніе теоріи подражательной гармоніи слова“ въ 1-й и 2-й кн. „Украинскаго Вѣстника“ за 1817-й годъ, а въ апрѣльской книжкѣ того же журнала „Дополненіе къ этой статьѣ“, гдѣ въ иной редакціи излагаетъ свою систему гласныхъ и согласныхъ.

¹⁾ Жур. Мин. Нар. Просв. 1898 г., 6, стр. 393.

²⁾ 1-я часть содержитъ въ себѣ практическую грамматику, 2-я отрывки изъ лучшихъ французскихъ писателей въ переводѣ на русскій языкъ.

Въ „Харьковскомъ Демокритѣ“ онъ напечаталъ „Утѣшеніе для несчастныхъ родившихся 29 февраля (переводъ съ нѣм.) и Мысли (въ духѣ Горациа и Тибулла).

Ему же принадлежитъ рядъ переводныхъ статей въ „Укр. Вѣстникѣ“—о Франклинѣ, о новой системѣ воспитанія для первоначальныхъ училищъ, о Тасѣ, приключеніе, случившееся съ Тюренемъ, эскизъ изъ Мармонтеля, и проза можетъ быть языкомъ поэзіи, переводныя стихотворенія изъ итальянскаго, испанскаго языка. Наконецъ, имъ же сдѣланъ переводъ съ нѣмецкой рукописи 2-хъ томнаго сочиненія Гесъ де Кальве „Теорія музыки“.

Въ предисловіи къ „Опытамъ въ прозѣ“ авторъ говоритъ, что онъ предлагаетъ нѣсколько бѣглыхъ отрывковъ, имѣющихъ цѣлью познакомить лицъ, не знающихъ латинскаго языка съ латинскими писателями. Кроме того онъ представляетъ общія замѣтки о теоріи подражательной гармоніи слова и „труды маленькаго общества, которое не имѣло ни публичныхъ, ни частныхъ засѣданій и потому никогда не печатало своихъ протоколовъ, но которое имѣло и теперь еще имѣетъ въ виду оставить полное собраніе живописныхъ отрывковъ для всякаго рода словесныхъ картинъ. Сіе маленькое общество черезъ меня представляетъ здѣсь нѣсколько сдѣланныхъ имъ опытовъ и ожидаетъ себѣ рѣшительнаго приговора“.

Сборникъ открывается статьей о Катуллѣ, Горациѣ и Тибуллѣ, содержащей изложеніе нѣкоторыхъ ихъ произведеній; послѣдняго авторъ называетъ поэтомъ-мечтателемъ; затѣмъ идетъ переводная статья (изъ Бокура) „Нѣчто объ элегій“, гдѣ дается характеристика элегическихъ произведеній Тибулла, Проперція и Овидія; вслѣдъ за этимъ помѣщены краткія статьи—„Возможность теоріи подражательной гармоніи слова“, „Развитіе гармоническаго чувства, представленное въ характерахъ чепухи русскихъ стихотворцевъ“; рѣчь идетъ здѣсь о Ломоносовѣ, Петровѣ, Державинѣ и Жуковскомъ; „Отдѣлка стиховъ у Virgilia“, „О русскомъ экзаметрѣ“, „Капризъ“ (авторъ говоритъ здѣсь о необходимости гармоническаго слиянія русскаго и славянскаго элемента въ языкѣ); „Не въ шутку или взгляды на нынѣшнее состояніе нашей словесности“; авторъ отвѣчаетъ здѣсь тѣмъ лицамъ, которые удивлялись, почему въ каждой книжкѣ Украинскаго Вѣстника давались картинныя вѣста изъ лучшихъ иностранныхъ авторовъ, а не оригинальныя произведенія; отвѣтъ сводится къ тому, что „лучшій иностранный отрывокъ лучше переведенный полезнѣе дюжины толстыхъ и безвкусныхъ подлинниковъ“. Послѣ этого слѣдуютъ самыя живописныя отрывки изъ Латобриаля, Гердера, Сенъ Пьера, Бюфона, Ласепада, (Пѣніе птицъ,

Воздушные гробницы, Лилия и роза, Соловьи, Природа южной Америки). Заканчиваются они отрывкомъ подъ заглавіемъ „Козаки и Богданъ Хмельницкій“—здѣсь приводится отзывъ иностранца о казакахъ, какъ о герояхъ. Въ заключеніе стихотворенія: Моя мечта, Петраркинъ советъ, Другой советъ, Заидъ и Заида, Другой романсъ (послѣдній—переводы изъ испанскаго). Гонорскій подавалъ большія надежды и былъ склоненъ даже къ спеціальнымъ ученымъ трудамъ, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ его работа о подражательной гармоніи слова, но умеръ въ раннихъ лѣтахъ; имя его должно быть поминуто съ благодарнымъ чувствомъ, какъ литературнаго дѣятеля, не мало способствовавшаго подъему мѣстнаго самосознанія. „Сколько велико было его прилежаніе, писалъ въ некрологѣ о немъ Филомаѳтскій, обработать теорію подражательной гармоніи слова—тому я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, живши съ нимъ вмѣстѣ: тысяча книгъ перечитано, тысяча листовъ исписано и наконецъ онъ напечаталъ въ 1815 году *суцность* своихъ мыслей объ этомъ предметѣ. Предметъ—самый неблагодарный для писателя! Но Разумникъ Тимофеевичъ къ достиженію своей цѣли избралъ правильный путь—и сухость разсужденія о буквахъ украшается въ его сочиненіи выборомъ превосходнѣйшихъ примѣровъ... Послѣднее время жизни своей снова посвятилъ онъ обработанію любимѣйшаго предмета своего—гармоніи слова. Рукопись осталась конченною, но, кажется, стоила ему жизни. Онъ перевелъ также съ нѣмецкаго статистику Мейзеля. У него были превосходные таланты, обширныя познанія, прилежаніе и любовь къ наукамъ, но онъ кончилъ жизнь на 28 году отъ роду. Чистота слога въ его опытахъ въ прозѣ „смѣло можетъ быть названа примѣрною“, а самыя произведенія являются живописною дѣйствительною прозою“.¹⁾ Послѣ него остался посмертный рукописный трудъ—„Статистика Европейскихъ государствъ и Американскихъ штатовъ“, который братъ его хотѣлъ издать по подпискѣ.

А. В. Склабовскій выступаетъ передъ нами въ своей дѣятельности почти исключительно, какъ литераторъ. Онъ напечаталъ въ Украинскомъ Вѣстникѣ рядъ стихотвореній, а также письмо къ редактору по поводу назначенія ему денежной субсидіи и „Взглядъ на народныя пѣсни древнихъ грековъ (переводъ съ польскаго) со стихотворнымъ переводомъ и самихъ пѣсенъ. На актахъ Склабовскій прочиталъ четыре очень обширныя стихотворенія: 1) Царскій пиръ въ столицѣ славянъ побѣдителей, 2) Безсмертіе души, 3) Помпею и 4) О злорѣчіи; 1-е заключаетъ въ себѣ диѳирамбъ Имп. Александру I, 2-е—диѳирамбъ идеѣ безсмертія,

¹⁾ Укр. Вѣст. 1819, августъ, стр. 249—251

3-е—поэму о разрушеніи Помпей, 4-е—сатиру на злорѣчіе. Последнее начиналось такъ:

Вотъ день торжественный, въ который ужъ не разъ
На робкій мирный звонъ, пѣвца на слабый гласъ
Свой слухъ почтенное собраніе склоняло!
Я слышалъ лестный слухъ однихъ,
Холодность замѣчалъ другихъ;
Но пламя тихое въ груди не угасало
Я завсегда равно поэзію любилъ,
Хотя и не всегда равно ей вѣренъ былъ“...

О сборникѣ его стихотвореній мы скажемъ въ той главѣ, гдѣ удемъ говорить о студентахъ, потому что они написаны въ бытность его студентомъ. Онъ былъ вѣрнымъ выразителемъ религіозномистическихъ взглядовъ попечителей Карпѣвыхъ и старался насаждать этотъ духъ времени и въ университетѣ, и въ пансіонѣ Коваленкова, гдѣ былъ преподавателемъ. Это былъ, такъ сказать, официальный пѣвецъ своего времени, проводившій въ стихахъ тенденціи, господствовавшія тогда въ Харьковскомъ университетѣ. Такую же цѣль онъ поставилъ, какъ видимъ далѣе, и для „Украинскаго Журнала“, замѣнившего собою Украинскій Вѣстникъ“. Въ своемъ журналѣ онъ помѣстилъ рядъ стихотвореній и статей; изъ послѣднихъ отмѣтимъ его работу о Харьковскомъ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ, вышедшую отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ. „О Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. 1. Склабовскій, Х., въ унив. тип., 1826 г., 71 стр. Она представляетъ отдѣльный оттискъ статей, напечатанныхъ въ Украинскомъ Журналѣ въ 1824 году (№№ 18—21); приложено только въ концѣ прибавленіе включающее формы объявленій и свидѣтельствъ, представляемыхъ въ свѣтъ института для опредѣленія воспитанницъ, и краткія замѣчанія о переѣздахъ, происшедшихъ въ институтѣ въ 1825 году (на одной страницѣ). Книжка представляетъ гл. обр. изложеніе Устава института, который трудно было достать.

Еще болѣе выдающимся дѣятелемъ на литературномъ поприщѣ былъ Е. Филомавитскій, который не чуждъ былъ и научныхъ интересовъ. Кандидатъ Евграфъ Филомавитскій напечаталъ диссертацию на степень магистра искусствъ и свободныхъ наукъ „De genuina scriptorum Romanorum elegantia deque usu et utilitate linguam addiscendi latinam“. Harcoviae, typis academicis 1816, 40 стр. ¹/₃₂. Указавъ вкратцѣ на необходимость изученія латинскаго языка, авторъ переходитъ затѣмъ къ разсмотрѣнію слѣдующихъ вопросовъ: каково изыщество римскихъ произведеній, каково употребленіе латинскаго языка, какова его польза.

Въ своихъ тезисахъ авторъ говоритъ, что никто не можетъ сдѣлаться ученымъ безъ знанія латинскаго языка, что латинскій языкъ является и долженъ остаться общимъ органомъ для всѣхъ ученыхъ, что древніе писатели во многихъ отношеніяхъ превосходятъ новыхъ, что Цицеронъ занимаетъ первое мѣсто между ораторами всѣхъ временъ и народовъ, что Виргилій въ отношеніи вѣшной стихотворной формы, гармоніи и выразительности—первый между поэтами, что Россія въ лирическомъ родѣ стихотвореній, въ басняхъ и сказкахъ превосходитъ всѣ древніе и новые народы, но уступаетъ въ ораторскихъ произведеніяхъ Германіи, Франціи, Англіи и др.; философскихъ же трудовъ совсѣмъ не имѣетъ, для чего необходимо перевести на русскій языкъ философскіе трактаты Цицерона. Научнаго значенія эта диссертация, подобно большинству тогдашнихъ подобныхъ работъ не имѣла никакого. Это было литературное упражненіе на заданную тему. Въ общемъ однако она производитъ хорошее впечатлѣніе. Онъ же издалъ въ 1818 году на счетъ университета для училищъ сочиненія Виргилія.

На актѣ Филомаѳитскій говорилъ рѣчь „Объ истинной цѣли образованія человека посредствомъ наукъ и изящныхъ искусствъ“. Въ ней нашло себѣ яркое выраженіе то религіозно мистическое настроеніе, проводникомъ котораго были Карнѣевы. Чтобы опредѣлить, въ чемъ состоитъ истинная цѣль образованія посредствомъ наукъ и искусствъ, говоритъ авторъ, нужно вспомнить о назначеніи человѣка. „Откровеніе и разумъ, разсуждающій не по внушенію страстей, увѣряютъ насъ, что назначеніе созданія человѣка было прославленіе благодати всемогущаго Творца и собственное благополучіе человѣка. Но паденіе и поврежденіе природы человѣческой было столь глубоко, что протекли тысячелѣтія, покуда умъ человѣческій хотя и не совсѣмъ еще ясно вспомнилъ о своемъ безсмертіи. Всѣ науки и искусства должны открывать нашему уму лѣстницу, по коей онъ можетъ восходить отъ познанія твари до познанія Творца. Намъ вѣрующимъ не нужно доказывать бытія Божія мы отъ колыбели слышали это отъ своихъ родителей и наставниковъ—и этого достаточно было для насъ. Но богопознаніе должно вызывать и богопочтеніе. Между тѣмъ разумъ возгордился, ослѣпился гордостью, углубившись въ изученіе природы: онъ постигалъ только малѣйшую частицу природы—а ему казалось, что онъ можетъ быть ея творцомъ; естествоиспытатели явились такимъ образомъ матеріалистами, философы пустыми мечтателями, литераторы даръ слова превратили въ забаву праздности. Вслѣдствіе этого XVIII-й вѣкъ оказался эпохою торжества разума надъ религіей; вездѣ царилъ разумъ и не вспоминали о Богѣ. Въ царствованіе Имп. Александра I-го единственною цѣлью обществен-

наго образованія въ Россіи поставлена была вѣра. Теперь остается только одно—начинать истинное воспитаніе съ рожденія, при чемъ первыми наставниками должны быть родители.

Е. Филомаѣтскому принадлежит также рядъ стихотвореній и переводовъ въ Украинскомъ Вѣстникѣ—съ французскаго—„Юстинъ или добрый баринъ“ (повѣсть для дѣтей), 7-я ода Горация, къ Цестіи (вольное подражаніе Горацию), Катакомбы (съ французскаго), Нѣчто объ арабахъ (изъ Шатобріана), Путешественникъ во Іерусалимъ (изъ него же), переводъ 4-хъ писемъ Плинія младшаго, канарейка Ж. Ж. Руссо (съ французскаго). Ему же принадлежит обширная критическая статья „Опытъ по двумъ способамъ (синтетическому и аналитическому) судить и оцѣнивать вѣрно эстетическія произведенія, какъ древнихъ, такъ и новыхъ стихотворцевъ“, (рѣчь идетъ здѣсь главнымъ образомъ о Державинѣ), затѣмъ обширная статья „Обозрѣніе пуническихъ войнъ“, статья „О Самаріи или показаніе причинъ, отчего возродилась и возрасла ненависть между Іудеями и Самарянами“, рѣчь на похоровахъ канд. Гринева, письма о Харьковской общественной жизни, замѣтка о домѣ безъ печей проф. Васильева, переводъ изъ книги г-жи Сталь о Наполеонѣ, взглядъ на состояніе художествъ въ Россіи.

Крупныя услуги дѣлу просвѣщенія оказалъ Филомаѣтскій изданіемъ „Украинскаго Вѣстника“, но объ этомъ скажемъ ниже.

Адъюнктъ *Золотаревъ* говорилъ въ 1829 г. на актѣ рѣчь „О важности и необходимости занятій въ отечественномъ языкѣ“. Это—разсужденіе литературнаго характера; авторъ доказываетъ важность русскаго и славянскаго языка и отмѣчаетъ тотъ фактъ, что его высоко ставили даже иностранцы (французъ Левекъ). По своему мистическому направленію онъ примыкалъ къ Склабовскому. Сюда-же нужно отнести и *П. П. Артемовскаго-Гулака*.

П. П. Артемовскій-Гулакъ напечаталъ въ Украинскомъ Вѣстникѣ малороссійскую стихотворную сказку „Солопій та Хивря“ (съ предисловіемъ), побрехеньку „Тюхтій та Чванько“ (съ послѣсловіемъ про Гараська), стих. „Ослѣпленіе смѣртныхъ“ (вольный переводъ изъ Руссо), „Мученіе сатаны при воззрѣніи на Эдемъ“ (вольный переводъ изъ Милтонава потеряннаго рая), Бенъ Гріананъ (пер. съ польскаго) со стихотворнымъ посвященіемъ, Пророчество Іудая (вольный переводъ изъ Рабиновой Говолин), переводъ (прозаическій) рѣчи Дмоховскаго объ Игн. Красицкомъ, архіепископѣ Гнѣзненскомъ съ примѣчаніями, Къ цензурину, рѣчь въ день открытія кафедры польскаго языка при Харьковскомъ университетѣ (30 страницъ), періоды или вѣки міра (переводъ съ польскаго), о философіи, рѣчь проф. Снядецкаго (съ польскаго), кри-

тика (пер. съ польскаго), нѣчто для сочинителей (пер. съ польскаго), синонимы, задумчивость и размышленіе (подражаніе польской прозѣ), мудрость (отрывокъ изъ первой пѣсни поэмы „Счастіе на землѣ“). Изъ нихъ нѣкоторый научный интересъ представляла только его рѣчь въ день открытіи кatedры польскаго языка. Здѣсь Гулакъ-Артемовскій сначала остановился на блестящемъ состояніи просвѣщенія въ царствованіе Имп. Александра I-го, затѣмъ перешелъ къ доказательству необходимости изученія польскаго языка и литературы. „Все насъ побуждаетъ, говорилъ онъ, къ посвященію себя этой полезной части знаній: и близкое сосѣдство, и взаимныя связи, и политическія отношенія, и отправленіе государственныхъ, военныхъ и гражданскихъ должностей въ краѣ, пользующемся своими законами, преимуществами, обычаями и своимъ языкомъ; наконецъ, симъ обязываетъ насъ священный законъ покорности высокой волѣ Августѣйшаго Монарха, утвердившаго славу свою и благополучіе наше на взаимномъ согласіи покорствующихъ скипетру его народовъ, на взаимномъ сообщеніи себѣ свѣта просвѣщенія и обоюдной пользы.... Затѣмъ языкъ польскій процвѣтаетъ издревле въ ученomъ свѣтѣ; онъ усвоилъ себѣ красоты другихъ древнихъ и новыхъ языковъ; онъ можетъ дать, благодаря близости своей къ русскому, обильный источникъ и для русской словесности; у поляковъ мы замѣчаемъ страсть къ наукамъ, одушевлявшую ихъ во всѣхъ вѣкахъ при всякихъ переворотахъ судьбы. Представивъ краткій очеркъ состоянія наукъ въ Польшѣ отъ эпохи возрожденія ихъ въ Польшѣ, лекторъ въ заключеніе заявилъ, что будетъ обращаться за аналогіями и къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ (церковнославянскому, чешскому, боснійскому, краинскому, далматскому, рагузскому, славонскому, словацкому, виндійскому, моравскому, силезскому и особенно славянскому языку, этому главному и освященному вѣками источнику, наконецъ, даже по необходимости и къ самому малороссійскому ¹⁾).

Кромѣ того малороссійскія и русскія стихотворенія Гулака-Артемовскаго напечатаны были въ Харьковскомъ альманахѣ „Утренняя звѣзда“ (1833 г.) и „Украинскомъ журналѣ“.

Передъ началомъ занятій 1-го сентября 1828 года Гулакъ-Артемовскій обратился къ студентамъ съ рѣчью. Въ ней говорилъ онъ о любви къ царю, отечеству и къ наставникамъ, о коренномъ недостаткѣ нашего отечественнаго образованія, состоящемъ въ его подражательности о цѣляхъ и задачахъ университетовъ, о толпѣ бездомныхъ и голодныхъ гувернеровъ. Университетъ, по его опредѣленію, это—верховное святы-

¹⁾ Украинскій Вѣстникъ, 1819 г. февраль, стр. 129—161.

лише наукъ, въ которомъ подъ благотворнымъ вліяніемъ теплоты высшихъ умозрѣній дозрѣвають только, а не растутъ плоды понятій, посянные, возделыванные и возвращенные въ низшихъ заведеніяхъ“.

Въ заключеніе ораторъ совѣтуетъ юнымъ слушателямъ своимъ не схватывать только вершковъ со многихъ наукъ и не ограничиваться свѣдѣніями, почерпнутыми въ аудиторіяхъ; заботясь о просвѣщеніи, не забывать и о добродѣтели.

Для того, чтобы получить право на занятіе кафедры русской исторіи, остававшейся вакантной послѣ смерти Г. П. Успенскаго, Гулакь-Артемовскій выдержалъ магистерскій экзаменъ и защитилъ въ 1821 г. диссертацию на тему о пользѣ исторіи вообще и преимущественно отечественной и о способѣ преподаванія послѣдней; была-ли однако напечатана эта диссертация не знаемъ. Въ 1827 г. была напечатана его ктовая рѣчь „De expediendis quibusdam antiquitatis Slavonicae modis“, принятая неправильно Геннаді за диссертацию ¹⁾. Гулакь-Артемовскій приобрѣлъ громадную извѣстность не научными своими трудами, коихъ въ сущности не было, а малороссійскими стихотвореніями, доставившими ему очень видное и почетное мѣсто среди малорусскихъ писателей того времени. Онъ писалъ чуднымъ, превосходнымъ, лишеннымъ всякой искусственности, но яркимъ и образнымъ языкомъ: самое содержаніе его басенъ имѣло важное общественное значеніе. Сборникъ его стихотвореній (Кобзарь) былъ напечатанъ послѣ его смерти, но туда вошло далеко не все, имъ написанное; часть неизданныхъ его произведеній была напечатана мною въ журналѣ „Кіевская Старина“; другая имѣется въ моемъ портфелѣ. Наиболѣе полная оцѣнка его стихотвореній принадлежитъ Кулишу и была сдѣлана имъ въ „Осковѣ“.

Борзенко напечаталъ въ „Трудахъ Общества Наукъ“ статью „о происхожденіи языковъ Сарматскаго и Славянскаго и о сходствѣ ихъ въ Санскритскимъ“ и два письма о приведеніи въ порядокъ республики писанныя къ Цезарю Саллюстіемъ (переводъ).

На актѣ 30 авг. 1818 г. Борзенко произнесъ рѣчь „О успѣхахъ просвѣщенія въ Россіи подъ покровительствомъ Великаго Государа Императора Александра I“. Въ началѣ помѣщено похвальное слово Имп. Александру, какъ „герою во брани и герою въ мирѣ“ и при томъ въ то же скромному, что приписываетъ во всемъ этомъ заслуги не себѣ, а промыслу Всевышняго. „Неумолчная труба славы, огласившая Всевенную, запечатлѣваетъ безмолвіемъ уста всякаго витійства“ и побуждаетъ

¹⁾ Геннаді. Справочный словарь, т. I, 47. стр. Чириковъ, стр. 27.

оратора коснуться только одного его безсмертнаго подвига—успѣховъ просвѣщенія. „Во всѣ времена просвѣщеніе было однимъ изъ средствъ, коими народы достигаютъ благоденствія въ обществѣ“. Имн. Александръ открылъ 4 университета (Дерптскій, Харьковскій, Казанскій, Виленскій), Педагогическій институтъ въ Петербургѣ, Лицеи—въ Царскомъ Селѣ и Одессѣ, многія гимназіи и коммерческія училища, преобразовать медикохирургическія и духовныя академіи, равно семинаріи, утвердить уставъ и штаты Академіи наукъ. Онъ вдохновилъ и частныхъ лицъ учредить на свои средства училища—Демидовское въ Ярославлѣ и Александровское въ Тулѣ. Расширились и частные способы образованія: нѣтъ почти ни одного губернскаго города, гдѣ бы не было пансіоновъ для воспитанія благородныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ; къ нимъ примѣнены были правила казенныхъ учебныхъ заведеній и благодаря этому исчезли прежніе шарлатаны наставники. На образованіе казна отпускаетъ столь значительныя суммы, что имъ удивляется просвѣщенная Европа. Призываются ученые и изъ другихъ странъ и отправляются русскіе молодые ученые за границу. Въ школы открытъ доступъ для лицъ всѣхъ состояній. И всѣ эти заботы принесли уже богатые плоды: возрасло число образованныхъ чиновниковъ, увеличилось число сочиненій (съ 1801 по 1806 годъ напечатано 1304 сочиненія). Академія и многочисленныя ученныя и литературныя общества выпускаютъ въ свѣтъ много изданій; наконецъ, есть немало разнообразныхъ журналовъ. Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ Борзенко напечаталъ некрологъ Гонорскаго.

Проф. *Мауреръ* въ 1828 г. произнесъ на актѣ на латинскомъ языкѣ рѣчь „De studiis humaniorum sensum veri et pulchri excitantibus atque excolentibus“, въ которой доказывалъ пользу изученія древнихъ языковъ и литературы; въ 1830 году напечаталъ другую рѣчь „De pronuntiatione linguae graecae diversa“, въ которой обстоятельно изложилъ вопросъ о произношеніи греческихъ словъ; въ 1832 г. издалъ „Luciani libellus de somnio sive vita Luciani ad scholarum usum“. Char. 1832, 45 p.

Дорнъ, въпослѣдствіи пріобрѣтшій большую извѣстность въ качествѣ ориенталиста, напечаталъ во время пребыванія своего въ Харьковскомъ университетѣ только монографію на латинскомъ языкѣ по сравнительному языковѣзванію „De affinitate linguae slavicae et sanscritae“. 1833. 154 p., проникнутую серьезнымъ научнымъ духомъ.

Якимовъ выступилъ на актѣ въ 1831 году съ обширнымъ витіеватымъ стихотвореніемъ „Даръ слова“ (28 страницъ), начало котораго было приведено нами выше. Въ немъ говорится также въ сильно патріо-

тическомъ тонѣ объ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ и о восшествіи его на престолъ. Заканчивается оно такъ:

Молю, да Вышній ниспослетъ
И долгій вѣкъ, и славу Николаю!
Благоговѣю!.... умоляю!....

Онъ же въ 1834 г. на актѣ говорилъ „слово о краснорѣчій“, любопытное и по содержанію, и по формѣ. Въ немъ онъ доказывалъ, что ходячее понятіе о краснорѣчій у насъ въ Россіи не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, оно у насъ имѣетъ слишкомъ широкій смыслъ—а причина этого кроется въ томъ, что мы заимствовали у древнихъ одну форму ораторской рѣчи и ни сколько не заботимся о соотвѣтствіи ея съ содержаніемъ. По изложенію оно весьма краснорѣчиво.

Цыхъ въ 1835 г. напечаталъ въ Харьковѣ свою магистерскую диссертацию „О способѣ преподаванія исторіи“, но уже въ 1834 году былъ переведенъ изъ Харьковскаго университета въ Кіевскій. Въ своей диссертациі Цыхъ „высказалъ многія совершенно вѣрныя мысли о методѣ историческаго изслѣдованія и изложенія“¹⁾. Въ „Укр. Жур.“ за 1824 г. была напечатана его работа „Титъ Ливій“.

Обращаемся теперь къ обзору научной дѣятельности профессоровъ этико-политическаго отдѣленія. Въ „Трудахъ Общества Наукъ“ профессоръ *Могилевскій* помѣстилъ „Разсужденіе о поэзіи древнихъ евреевъ“. До назначенія своего на должность профессора богословія Харьковскаго университета въ томъ же 1817 году, протоіерей Ае. Могилевскій напечаталъ „Россійскую риторику, основанную на правилахъ древнихъ и новѣйшихъ авторовъ“. Х., 1817, 265 стр. Вышла она въ свѣтъ по предварительной подпискѣ. На актѣ въ 1820 году онъ произнесъ рѣчь „О необходимости христіанскаго ученія“. Въ началѣ говорится о томъ, что „мудрымъ попеченіемъ Императора Александра насаждается благочестіе во всей обширной его державѣ, знанія человѣческія соединяются съ познаніемъ единого истиннаго Бога, просвѣщеніе заимствуетъ истинный свѣтъ отъ источника всякія истины—Слова Божія. Какое преславное торжество для христіанской религіи, когда она Державною рукою защитника своего среди наукъ и знаній водружаетъ знамя того побѣдоноснаго ученія, которое во всѣ времена торжествовало надъ предразсудками и заблужденіями ума человѣческаго. Да подъ симъ знаменіемъ молодые умы, жаждущіе всякаго рода познаній, пойдутъ безопасно путемъ истиннаго просвѣщенія, путемъ благо-

¹⁾ Біогр. словарь профессоровъ преподавателей университета св. Владиміра, стр. 724—728.

честія и добродѣтели, съ котораго часто совращаетъ человѣка слабый разумъ его, оставленный собственнымъ силамъ своимъ и мудрованію". Далѣе ораторъ подробно остановился на особенной, исключительной важности науки богопознанія, а въ заключеніе проводилъ мысль, что одного познанія въ дѣлѣ религіи недостаточно: только любовь къ Богу дѣлаетъ спасительною нашу вѣру, а эту послѣднюю можетъ дать одинъ Духъ Божій.

Въ торжественномъ собраніи Слободско-украинскаго отдѣленія Библейскаго Общества Могилевскій произнесъ рѣчь „О пользѣ, проистекающей изъ чтенія священнаго писанія“ и напечаталъ ее въ „Украинскомъ Журналѣ“ за 1824 г. Въ 1825 г. онъ издалъ „Бесѣды о важнѣйшихъ истинахъ христіанскаго ученія, въ систематическомъ порядкѣ изложенныхъ, сказыванныя въ Харьковскомъ Соборѣ“. Х. 1825.

Въ 1-мъ томѣ своего труда мы подробно останавливались на философскихъ сочиненіяхъ *проф. Шада*, напечатанныхъ имъ до 1815 года. Теперь намъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о его трудѣ, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1815 году; это была его латинская хрестоматія, изданная университетомъ для употребленія въ школахъ Харьковского учебнаго округа и представлявшая переработку и дополненіе хрестоматіи француза Ломонда. Подлинное заглавіе книги Шада таково: „De viris illustribus urbis Romae a Romulo usque ad Augustum. Ch. 1815, 10 (нумерованныхъ) страницъ, посвященія министру народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскому, XV стр. предисловія и 260 стр. текста. Посвященіе написано въ приподнятомъ риторическомъ тонѣ и заключаетъ въ себѣ неумѣренные похвалы министру за его дѣятельность на пользу просвѣщенія. Гораздо интереснѣе предисловіе. Здѣсь онъ рассказываетъ, что ему попалась въ руки книжка подъ заглавіемъ „De viris illustribus Romae a Romulo usque ad Augustum ad usum sextae scholae. Auctore Lhomond, in universitate Parisienis professore emerito, nona editio. MDCCCVC“. Авторъ ея, говоритъ Шадъ, изъ своихъ источниковъ называетъ Тита Ливія, Валерія Максима, Флора. Однако удивительно то, что не указываетъ на главнаго писателя, которымъ пользовался, именно на Аврелія Виктора, писателя 4-го вѣка по Р. Х., которому принадлежитъ между прочимъ трудъ „De viris illustribus urbis Romae a Romulo usque ad Augustum; онъ то и былъ положенъ Ломономъ въ основу его изданія. Ознакомившись съ книгой Ломона, Шадъ пришелъ къ убѣжденію, что изданіе ея будетъ въ высшей степени полезно для русскаго юношества. Статьи, извлеченныя авторомъ изъ разныхъ писателей, написаны чрезвычайно простымъ, чистымъ, яснымъ, доступнымъ языкомъ: этимъ книга Ломона выгодно отличается отъ другихъ хресто-

матій. Но своему содержанію она должна была явиться прекраснымъ введеніемъ въ изученіе римской словесности, ибо заключала въ себѣ свѣдѣнія о знаменитыхъ мужахъ древности, о ихъ дѣяніяхъ, о нравахъ и обычаяхъ эпохи, а все это необходимо было для пониманія писателей. наконецъ, книга эта заключала въ себѣ основы римской исторіи, начиная отъ основанія города до эпохи Августа. При этомъ все это рассказано въ такой доступной формѣ, что его легко можетъ запомнить всякій. Мало того: біографіи многихъ писателей, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, полны примѣровъ самой чистой и какъ бы божественной добродѣтели—и могутъ имѣть самое благодѣтельное вліяніе на юныя сердца. Правда есть не мало людей, которые и самые добродѣтели язычниковъ признають блестящими пороками. Но, говоритъ Шадъ, если бы міръ христіанскій любилъ этими блестящими пороками! Ихъ безъ сомнѣнія привѣтствовала бы сама христіанская религія, а мы не испытали бы столько общественныхъ и частныхъ бѣдствій, раждающихся отъ извращенія сего нравственнаго міра. Откровенно должно признать, что мы, нагло ордающіеся однимъ именемъ христіанъ и его недостойные, во прахѣ всѣхъ преступленій пресмыкающіеся, презирающіе величайшія и вѣчной славы достойныя дѣянія тѣхъ, кому не удалось просвѣтитъ христіанствомъ, что мы далеки отъ того искренняго и чистаго стремленія къ истинѣ, какимъ воодушевлена была древность, что въ наше время господствуетъ такое развращеніе нравовъ, не смотря на данныя намъ въ руководство христіанскія правила, что сочли бы глупцомъ и смѣяли бы того, кто вздумалъ бы брать себѣ въ образцы древнихъ; тѣмъ долѣе живетъ человѣческій родъ, тѣмъ повидимому больше удаляется отъ своего божественнаго источника. Не такъ судить объ этомъ христіанская религія, которая уважаетъ добродѣтель, въ какомъ бы человѣкѣ она ни проявилась. Въ доказательство этого Шадъ приводитъ тексты изъ священнаго писанія. Давши опредѣленіе истинной добродѣтели, Шадъ спрашиваетъ: развѣ у древнихъ римлянъ мы не найдемъ наиболѣе многочисленныхъ примѣровъ такой добродѣтели? Нужно обратиться къ древнимъ и въ многочисленныхъ, выдающихся примѣрахъ ихъ доблестей изыскать для насъ лекарство противъ порчи нашихъ нравовъ, противъ нравственной чумы, господствующей въ христіанствѣ.

Чтобы сдѣлать настоящую книгу еще болѣе полезной, говоритъ Шадъ, я постарался дать какъ можно болѣе примѣровъ моральныхъ добродѣтелей, такъ какъ самъ Ломонъ—французъ, приспособляясь къ деѣ о тираніи, уже въ то время господствовавшемъ во Франціи, оставался преимущественно на воинскихъ доблестяхъ. Наконецъ, самое

горячее мое желаніе заключается въ томъ, чтобы въ Россіи изученіе латинскаго языка все болѣе и болѣе расширилось.

Самый текстъ книги состоитъ изъ краткихъ біографій римскихъ дѣятелей въ хронологическомъ порядкѣ.

Ученикъ и преемникъ Шада *Дудровичъ* кромѣ диссертациі, напечатанной въ 1814 году (*De philosophiae genuino conceptu nec non nec-ssitatis ejus absoluta*) издалъ еще на латинскомъ же языкѣ актовую рѣчь—*De studii academici natura*“, сущность которой сводится къ слѣдующему тезису. Все образованіе людей должно стремиться къ тому, что бы они сознали, что весь міръ есть отраженіе Божества, а человѣкъ—вѣнецъ созданія, въ которомъ оно наиболѣе ярко проявляется. Онъ же напечаталъ еще въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ статью спиритическаго содержанія „О животномъ магнетизмѣ“.

Преемникъ Дудровича *Чановъ* выступилъ на актѣ въ 1832 году съ обширною рѣчью „объ основныхъ формахъ, изображающихъ явленіи нравственной жизни или объ основныхъ нравственныхъ должностяхъ человѣка, опредѣляющихъ степень нравственнаго совершенствованія его, и способъ къ достиженію его назначенія“ (128 стр.). Эпиграфъ своей рѣчи авторъ взялъ изъ священнаго писанія: „Господи! Свиди съ небесе, виждь и посѣти виноградъ сей, его же насади десница Твоя!“.. Въ ней онъ разсматриваетъ нравственныя обязанности человѣка къ Богу, къ самому себѣ и другимъ. Основная обязанность человѣка есть познаніе и любовь къ Богу, выражающіяся въ благоговѣйной молитвѣ, смиреніи, вѣншихъ религіозныхъ обрядахъ. Обязанности человѣка по отношенію къ себѣ самому вытекаютъ изъ его обязанностей къ Богу и должны состоять въ самоусовершенствованіи со стороны тѣла и души; послѣднее выражается въ нравственномъ и умственномъ развитіи человѣка. По отношенію къ другимъ обязанности человѣка состоятъ въ поддержаніи семьи, брака, дружбы, церкви, государства.

Адъюнктъ Чанова *Гренбергъ* напечаталъ „Разсужденіе объ отношеніи, въ которомъ находится общее право къ положительному праву, къ философіи положительнаго права, къ политикѣ и этикѣ“. X. 1833 г.

Это—разсужденіе на *заданную тему*, какъ говоритъ самъ авторъ, нѣтъ ни одной ссылки. Въ основу положена мысль, что „общество, государство имѣетъ высшее начало; оно учреждается по предвѣчнымъ законамъ Создателя нашего и есть вѣчное... Творецъ безпредѣльный въ благости, сотворивъ человѣка по образу и подобию своему, внушилъ ему необходимость влеченія къ подобнымъ ему существамъ и предвѣщалъ ему, что только въ обществѣ съ подобными себѣ существами онъ можетъ достигнуть всѣхъ благъ, ему предназначенныхъ.... Многіе

писатели по собственному произволу своему считали цѣлью государства безопасность, могущество, богатство, величіе, благоденствіе и многіе другіе предметы; но все это свидѣтельствуєтъ о ничтожности человѣческихъ умозрѣній, не принявшихъ началомъ Высочайшее опредѣленіе и назначеніе человѣческое, начертанное во святомъ откровеніи и подтвержденное постояннымъ участіемъ, которое Творецъ принимаетъ во всѣхъ обстоятельствахъ человѣческой жизни.

Общее заключеніе автору таково. „Общее право всегда идетъ наравнѣ съ матерію его—философією и тотъ только можетъ съ успѣхомъ заниматься правами вообще, кто, будучи озаренъ свѣтомъ истинной философіи, выводитъ отдѣльныя части правъ изъ основныхъ началъ общаго права, ибо истинный мыслитель всегда выводитъ свои умозрѣнія изъ общихъ началъ, которыя, какъ фarosъ или свѣтильникъ, должны руководить его и въ частныхъ его изслѣдованіяхъ“. Приведенныхъ выдержекъ достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о характерѣ этого сочиненія.

К. Пауловичъ напечаталъ два конспекта своихъ чтеній и актовую рѣчь. „Конспектъ римскаго правовѣдѣнія, составленный при Харьковскомъ университетѣ профессоромъ Константиномъ Пауловичемъ. Х., въ унив. тип., 1828 г., 77 стр.

Состоитъ изъ 2-хъ книгъ. 1-я книга содержитъ въ себѣ краткое обозрѣніе исторіи римскаго права по сочиненію І. А. Ваха. Здѣсь дается опредѣленіе римскаго права, затѣмъ говорится объ источникахъ и пособіяхъ для него, о пользѣ его, о писателяхъ, о раздѣленіи на періоды и наконецъ излагается римское законодательство во время царей, республики, имперіи до Юстиніана, при немъ и послѣ него до завоеванія Константинополя турками, за тѣмъ говорится о распространеніи Юстиніанова права на западѣ послѣ завоеванія Турками Константинополя и о разныхъ методахъ преподаванія римскаго права. Вторая книга посвящена краткому начертанію догмы римскаго права по таблицамъ К. Ф. Гоммеля.

„Конспектъ или краткое обозрѣніе дипломатики вообще, составленный при Харьковскомъ унив. профессоромъ Конст. Пауловичемъ 1829 г., Х., въ унив. тип. 1829 г., 93 стр. Дипломатику авторъ опредѣляетъ такъ: это наука, излагающая правила, по коимъ можно читать, понимать дипломы и различать истинныя отъ ложныхъ. Дипломы же суть писанныя формулы правъ и обязанностей, а также и происшествій, торжественными словами выраженные и утвержденныя извѣстными знаками, закономъ или обычаемъ введенными. Въ составъ дипломатики входятъ 3 слѣдующія отдѣленія: 1) *графика*, показывающая письмо

буквъ и орудія, 2) *семіотика*, рассматривающая торжественныя знаки, при этомъ употребляемые, 3) *формулярія*—объясняющая въ разные времена формулы дипломовъ, ихъ содержаніе, составленіе и расположеніе. Книга посвящена краткому изложенію всѣхъ трехъ отдѣловъ, т. е. иными словами, заключаетъ въ себѣ не дипломатію, а дипломатику, т. е. ученіе о грамотахъ.

На актѣ Пауловичъ говорилъ рѣчь „De jure controverso legum criminalium“. Указавъ на происхожденіе и характеръ верховной власти, Пауловичъ обращается къ вопросу объ основаніи, цѣли и сущности уголовныхъ законовъ, затѣмъ говоритъ о преступленіи и наказаніи и средствахъ уравниванія ихъ, наконецъ, разсуждаетъ о нѣкоторыхъ судебныхъ дѣйствіяхъ, встрѣчающихся при уголовномъ судопроизводствѣ. Теоретическія основы рѣчи взяты изъ Бекарія. Въ 1831 г., состоя уже профессоромъ, онъ произнесъ рѣчь „De origine artis diplomaticae et de parte ejus graphica“—это извлеченіе изъ его курса дипломатики.

Г. С. Гордѣенко произнесъ на актѣ въ 1835 г. рѣчь „О законодательномъ достоинствѣ свода законовъ Россійской Имперіи“, которая и теперь читается съ большимъ удовольствіемъ и даетъ ясное понятіе о предметѣ. Она представляетъ интересъ, и какъ отраженіе взглядовъ современниковъ на этотъ грандіозный памятникъ кодификаціонной дѣятельности русскаго правительства.

Чрезвычайно интересна *вступительная лекція въ курсъ политической экономіи, читанная 5 сентября 1832 г. проф. Т. Θ. Степановымъ* (напечатана была первоначально въ 1833 г. въ университетской типографіи, перепечатана въ его „Запискахъ о политической экономіи“, ч. 1-я С.-П.-Б., 1844 г.).

„Начальству угодно было, говоритъ авторъ, поручить мнѣ преподаваніе вамъ политической экономіи. Долгъ мой стараться, сколько будетъ въ моихъ силахъ, оправдать довѣренность“. Я буду стремиться, чтобы и Вы, изучивъ ее, могли впослѣдствіи принести пользу отечеству и утвердись въ благороднѣйшихъ чувствахъ преданности верховной власти, управляющей политическимъ организмомъ народа. Свою науку авторъ опредѣляетъ такъ: политическая экономія имѣетъ предметомъ своимъ изложеніе правилъ, показывающихъ народамъ, какимъ образомъ они могутъ обогащаться. Народы мало довѣряютъ политико-экономическимъ теоріямъ, ибо они противорѣчатъ одна другой. Но богатство (конечно, не деньги) важно для народовъ, какъ свидѣлствуетъ исторія. Вслѣдъ за Европой и въ русскихъ университетахъ было введено преподаваніе политической экономіи—хотя Россія и отстала въ дѣлѣ просвѣщенія отъ Европы, но теперь у насъ просвѣщеніе дѣлаетъ большіе

успѣхи. Предметомъ курса будетъ изложеніе основъ политической экономіи—будутъ разсмотрѣны три источника богатства: природа, трудъ и капиталъ; второй отдѣлъ будетъ посвященъ разсмотрѣнію вопроса о раздѣленіи богатства (доходъ отъ земли, заработная плата, прибыль отъ капитала, національный доходъ вообще, монета, ассигнаціи, банки, цѣна и цѣнность, свобода торговли); третій отдѣлъ будетъ заключать потребление богатства, народонаселеніе. За теоріей политической экономіи будетъ слѣдовать практика промышленности, налоги, государственные долги. Я буду приводить мнѣнія разныхъ ученыхъ и вывести собственное заключеніе; тѣмъ важнѣе будетъ предметъ, тѣмъ осторожнѣе мы будемъ въ сужденіи о немъ, чтобы приготовить васъ къ будущей практической дѣятельности. Теоріи политической экономіи будутъ подтверждаться фактами статистики, въ особенности русской. Есть истины общія, но есть и частныя. Россія заслуживаетъ величайшаго вниманія по своимъ особенностямъ, пространству, народонаселенію, національному характеру жителей.

Во вступительной лекціи, читанной 2 сентября 1835 года, авторъ лекціи подчеркиваетъ отрицательныя явленія въ жизни современныхъ обществъ. „Напрасно нѣкоторые думаютъ, говорилъ онъ, будто просвѣщеніе достигло въ настоящій вѣкъ самаго высшаго раскрытія. По моему мнѣнію, оно еще слишкомъ слабо. Что за просвѣщеніе, когда еще надо побуждать людей въ пользу знанія какой либо науки—надо не то чтобы для точности показать имъ всѣ благодѣтельныя слѣдствія, происходящія отъ ея изученія, а то чтобы разувѣрить ихъ въ вѣрности предубѣжденія противъ ея пользы. Что за просвѣщеніе, когда самая мысль, что просвѣщеніе необходимо для общаго блага, не сдѣлалась свѣтлою безспорною мыслию народовъ... Сообразивъ это, мы невольно сознаемъ, что человѣчество XIX столѣтія жалко... Достигли ли европейцы высшей степени обогащенія? Нимало. Бѣдность, усматриваемая нами въ политическихъ европейскихъ обществахъ, служитъ яснымъ тому доказательствомъ. Я не хочу вамъ сказать того, что всѣ люди должны пользоваться одинаковыми удобствами и выгодами жизни, но никакъ не могу огласиться съ тѣмъ, чтобы общества находились въ цвѣтущемъ состояніи тогда, когда большая часть народа борется съ обыкновенными нуждами, меньшая часть его наслаждается тѣмъ блескомъ, которымъ поражается богатство нѣкоторыхъ государствъ. Требованія политической экономіи другія. Она имѣетъ своею цѣлію общее благоденствіе народовъ, не частное; для нея жребій всѣхъ людей драгоцѣненъ; по ея законамъ всякій долженъ болѣе или менѣе участвовать въ наслажденіяхъ произведеній природы и труда... О, когда люди содѣлаются людьми

одни къ другимъ, почувствуютъ свои взаимныя обязанности, свое родство, единокровіе!.. Что это за общество, терзающее само себя, высасывающее само изъ себя кровь, съ одной стороны пожирающее чужую собственность, безъ заслугъ, безъ достоинства, пѣжащееся среди изобилія, взлелеянное дарами благопріятнаго случая, гордое, презрительное, самоуправное, безотчетное, съ другой стороны угнетаемое безмѣрными трудами, истомленное голодомъ, изможденное тяжкими нуждами, иногда съ отличными достоинствами, съ правами на всякое преимущество, но подавленное презрѣніемъ, униженіемъ, безъ всякой надежды на лучшій жребій. И послѣ этого нашъ вѣкъ можетъ хвалиться просвѣщеніемъ, можетъ хвалиться богатствомъ!.. Но вы не говорите этого, по крайней мѣрѣ съ того времени, какъ вы начинаете обучаться наукъ общественной жизни, постигать, какъ все должно идти въ обществѣ, чтобы потомъ это сравнить съ тѣмъ, какъ все идетъ на самомъ дѣлѣ. Я вамъ скажу, что вѣкъ нашъ дѣйствительно находится на высшей степени просвѣщенія сравнительно съ прежними временами, которыя какъ чудовища приподнимаясь изъ океана прошедшаго, страшатъ нынѣшняго благороднаго челоуѣколюбиваго наблюдателя. Скажу вамъ еще, что и богатство раскрыто несравненно въ большей степени, нежели какимъ оно было прежде. Но въ тоже время замѣчу, что просвѣщеніе и богатство еще не наслаждаются тѣмъ и другимъ вполне, что раздѣленіе того и другого еще не снимаетъ клейма съ челоуѣчества. Далѣе слѣдуютъ у автора яркія картины бѣдности и невѣжества въ разныхъ странахъ и потомъ говорится, что кромѣ политической экономіи нужна еще политика, разгадывающая законы нравственной жизни общества.

Вслѣдъ за тѣмъ авторъ какъ бы оправдываетъ то, почему онъ останавливается на темныхъ сторонахъ жизни. „Много ли книгъ, показывающихъ, что должно дать, а не только то, что уже есть?... Радуйтесь менѣе общественнымъ наслажденіямъ и болѣе скорбите объ общественныхъ недостаткахъ...“

Но говоря такимъ образомъ противъ богатыхъ, хотя въ пользу самого богатства, продолжаетъ ораторъ, я опасаясь, чтобы не сдѣлать этимъ на васъ непріятнаго впечатлѣнія, не подвергнуть васъ опасности впасть въ крайность. Фанатизмъ ужасенъ, а дѣло наставника священно! Дѣйствительно вы можете такъ подумать, если не вникните въ существенный образъ моихъ мыслей. Спрашиваю: въ правѣ ли мы оскорбляться, видя знатнаго лорда, окруженнаго великолѣпіемъ, блескомъ, или встрѣчая баякира, производящаго ежедневно миллионныя обороты, не знающаго повиному, что такое нужда?... Нимало. Вѣрьте, что, эти люди часто бываютъ достойными большей жалости, нежели какую заслуживаютъ люди бѣд-

нѣйшаго класса... Образъ нашихъ мыслей, желаній зависитъ отъ навыка, отъ того образа жизни, къ которому мы привыкли, отъ того круга общества, въ которомъ мы безпрестанно обращаемся, отъ нашихъ обстоятельствъ... Но правильно ли раздѣлены эти нужды во всѣхъ классахъ общества? Надо направить общество такъ, чтобы каждый гражданинъ его дѣйствовалъ, жилъ сообразно своей и общей пользѣ, хотя бы и не понималъ причины, движущей его по такому направленію; надо, чтобы никто не выходилъ изъ круга постепеннаго общественнаго совершенствованія, чтобы трудъ и нужды въ обществѣ распространялись въ надлежащемъ порядкѣ. Для достиженія этой цѣли умы до сего времени обыкновенно прибѣгали къ нравственности; но она не всегда оказывалась къ тому достаточною, потому что нравоучители, увлекаемые порывами безотчетной добродѣтели, съ одной стороны необдуманно вооружались противу богатства, стараясь поселить къ нему презрѣніе, отвращеніе, не разобравъ, что это нельзя сдѣлать потому, что въ самой нашей натурѣ заключается стремленіе къ улучшенію своего физическаго быта; съ другой стороны они неосторожно старались покровительствовать бѣдности, возбуждая богатыхъ оказывать ей возможное вспоможеніе, не замѣчая, что тѣмъ самымъ часто поощряли праздность, лѣнь, которыя влекли за собою тысячи пороковъ и преступленій. Можетъ быть, эти недостаточные успѣхи нравственности были причиною, что многіе изъ новѣйшихъ писателей политикоисториковъ почти вычеркнули ее изъ своихъ сочиненій, но это опять составляетъ важную ошибку нравственность всегда должна оставаться основаніемъ общественныхъ наукъ. Въ заключеніе дается такой совѣтъ слушателямъ. Углубляйтесь въ надлежащимъ усиліемъ въ излагаемую мною теорію науки, слѣдите за ходомъ моихъ мыслей, вызывайте сочувственный вашъ умъ на разборъ ихъ и вмѣстѣ принаравливайте ихъ къ практикѣ, особенно къ нашему государству, судите, заключайте. Вы должны быть проникнуты чистою безкорыстною, свѣтлою любовью къ отечеству и человѣчеству. Если же въ несчастію вамъ сообщены вредные навыки, перелиты въ вашу душу общіе предразсудки, то истребите, подавите ихъ заблаговременно. Вы еще въ силахъ это сдѣлать. Слѣдовательно, теперь надо вамъ употребить чрезвычайныя усилія для вашего нравственнаго перерожденія: оставьте себѣ единственною цѣлью общее благо, заключите въ немъ собственное, старайтесь облагородить всякую вашу мысль, движеніе, поступокъ, а для этого уклонить себя нѣкоторымъ образомъ отъ свѣта дѣйствующаго, потому что вы еще не дѣйствователи, а приготовляетесь быть ими, иначе вы рѣшительно потеряетесь въ разгадкѣ нашего назначенія.

На актѣ въ 1833 г. *Т. Θ. Степановъ* произнесъ рѣчь „О сущности, важности и назначеніи политическихъ наукъ“. Въ ней послѣ историческаго обзора жизни народовъ, онъ далъ общее понятіе о политической экономіи, изучающей раскрытіе физическихъ силъ въ человѣческихъ обществахъ (т. е. матеріальное благосостояніе), о политикѣ, занимающейся раскрытіемъ нравственныхъ силъ (т. е. образованія), и дипломатіи, рассматривающей тѣ и другія силы во взаимныхъ отношеніяхъ народовъ. Въ заключеніе авторъ старается представить будущее человечества и рисуетъ его съ точки зрѣнія совершенствованія и прогресса. Онъ высказывается противъ войны, стоитъ за просвѣщеніе, расширеніе благосостоянія, съ вѣрою и надеждою смотритъ на будущее Россіи.

Адъюнктъ *Михайловскій* говорилъ рѣчь „О началѣ и происхожденіи російскаго законодательства“, въ которой обнаружилъ основательное знакомство съ литературою предмета (это видно изъ его многочисленныхъ ссылокъ на источники и пособія). Основной выводъ автора сходявшійся съ мнѣніями Струбе и Шлецера, заключается въ томъ, что уголовные законы Русской правды заимствованы изъ древнегерманскаго или готскаго права.

Проф. *Дангъ* говорилъ рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ „Ueber politische Arithmetik“.

На математическомъ факультетѣ научная дѣятельность его членовъ выразилась въ слѣдующихъ трудахъ.

Самую выдающуюся научную силу представлялъ *Т. Θ. Осиповскій*, который, къ сожалѣнію, долженъ былъ оставить Харьковскій университетъ, но и послѣ невольнаго выхода своего въ отставку продолжалъ неустанно работать на пользу математическихъ наукъ. Чтобы подтвердить это и вмѣстѣ съ тѣмъ уяснить себѣ, какую огромную потерю понесъ въ его лицѣ университетъ, мы сообщимъ здѣсь данныя о его научныхъ предпріятіяхъ послѣ удаленія на покой, тѣмъ болѣе что они до сихъ поръ не были никому извѣстны и отысканы мною въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ 1825 г. онъ напечаталъ „Разсужденіе о томъ, что астрономическія наблюденія надъ тѣлами солнечной системы, когда ихъ употребить хотимъ въ выкладки, требующія большой точности, надлежитъ поправлять еще по времени прихожденія отъ нихъ къ намъ свѣта. Съ присоединеніемъ объясненія нѣкоторыхъ оптическихъ явленій, бывающихъ при закрытіи одного небеснаго тѣла другимъ“. Здѣсь мы находимъ интересное предисловіе гдѣ Осиповскій говоритъ, что по увольненіи его отовсѣхъ должностей по Харьковскому университету, у него оказалось свободное время, которое онъ заполнилъ переводомъ четырехъ

томовъ Небесной механики Лапласа и чтеніемъ записокъ Парижской Академіи Наукъ, начиная съ тома на 1735 г. и до конца, а также нѣкоторыхъ томовъ записокъ національнаго института.

Въ 1827 г. въ Москвѣ же онъ издалъ „Исслѣдованіе свѣтлыхъ явленій видимыхъ иногда на небѣ въ опредѣленномъ положеніи въ разсужденіи солнца или луны (VI, 59 стр.). Въ предувѣдомленіи авторъ говоритъ. „По отсутствію въ Харьковскомъ университетѣ профессора прикладной математики, я преподавалъ нѣкоторыя части ея, въ томъ числѣ оптику. Для руководства въ этомъ, по примѣру Парижскаго Филотехническаго училища я взялъ оптику знаменитаго Лакаля. Но такъ какъ въ ней о нѣкоторыхъ оптическихъ явленіяхъ (напримѣръ о свѣтлыхъ полосахъ и пятнахъ, видимыхъ иногда въ извѣстномъ положеніи относительно солнца и луны) не упомянуто и я не находилъ нигдѣ ихъ объясненія, то началъ самъ разсуждать о происхожденіи этихъ явленій и въ 1817 г. отдалъ мое разсужденіе въ Общество Наукъ при Харьковскомъ университетѣ“. Сочиненіе это поднесено было авторомъ на Высочайшее благоусмотрѣніе при письмѣ, въ которомъ сообщались о его происхожденіи слѣдующія данныя. Европейскія ученые общества давно уже желали, чтобы кто либо принялъ на себя трудъ изслѣдовать эти явленія. Парижская академія наукъ 4 года тому назадъ предлагала задачу на эту тему. И потому онъ, Осиповскій, разработавъ эту тему, испрашиваетъ Высочайшаго повелѣнія о переводѣ его сочиненія на французскій языкъ и о разсылкѣ этого перевода во все Европейскія академіи. Русская Академія Наукъ, которой Министръ Народнаго Просвѣщенія, на основаніи этого ходатайства, поручилъ разсмотрѣть это сочиненіе Осиповскаго, нашла, что это трудъ весьма искуснаго аналитика, изслѣдующаго предметъ свой съ остроуміемъ и неуныннымъ стараніемъ и что онъ безъ сомнѣнія принять будетъ съ достоюльнымъ уваженіемъ и въ иностранныхъ земляхъ, если въ хорошемъ переводѣ будетъ доведенъ до свѣденія иностранныхъ ученыхъ. Съ своей стороны Академія сдѣлала только указанія на три мѣста, которыя показались ей невѣрными или недостаточными. Министръ Народнаго Просвѣщенія во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ высказалъ мнѣніе, что если Государю угодно будетъ приказать перевести книгу Осиповскаго на французскій языкъ, то необходимо будетъ ранѣе сообщить ему сдѣланныя указанія, что бы онъ могъ воспользоваться ими для 2-го изданія своего сочиненія и при пересмотрѣ перевода. Нужно думать, что Осиповскій, находившійся въ крайне стѣсненныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, не могъ приступить ко 2-му изданію своего сочиненія—и самый переводъ его книги также повидимому не осуществился.

Еще до вступленія своего въ Харьковскій университетъ, Осиповскій составилъ полный курсъ математическихъ наукъ, въ четырехъ обемистыхъ томахъ. Впослѣдствіи онъ его постоянно перерабатывалъ. Въ 1-й томъ вошла ариѳметика и алгебра (какъ опредѣленная, такъ и неопредѣленная), во 2-й—геометрія, прямолинейная и сферическая тригонометрія и коническія сѣченія; въ 3-й—теоріи аналитическихъ функцій или дифференціальныя, интегральныя и варіаціонныя исчисленія; въ 4-й—приложеніе теорій функцій къ кривымъ линіямъ и поверхностямъ. „Мнѣ нейдетъ хвалить свой курсъ, писалъ Осиповскій Министру уже послѣ удаленія своего изъ Харьковскаго университета, скажу только, что я никакому автору при сочиненіи его не слѣдовалъ, но писалъ его по собственному своему плану. Сказываютъ, что курсъ мой переведенъ уже въ Англіи на англійскій языкъ и введенъ въ училища“. Окончивъ этотъ трудъ, для котораго въ теченіе 10 лѣтъ онъ прочелъ всѣ французскіе и многіе нѣмецкіе курсы, Осиповскій хотѣлъ было уже приняться за курсъ прикладной математики (въ 1799 г.), но получилъ должность преподавателя въ Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ и передалъ для изданія 2 первые тома своего сочиненія Главному Правленію Училищъ, остальные же два тома оставилъ у себя для просмотра. Въ 1810 г. Осиповскій позволилъ перепечатать 2 первые тома и отправилъ въ Главное Управленіе остальные. 3-й томъ сданъ былъ скоро въ печать, но отпечатанъ былъ только въ 1823 г. и то съ большими неисправностями; 4-й же томъ не былъ напечатанъ и остался въ рукописи у автора. Въ 1825 г. Осиповскій предлагалъ Министру Народнаго Просвѣщенія напечатать полностью весь курсъ въ Москвѣ подъ его личнымъ наблюденіемъ, но получилъ отвѣтъ, что Главное Правленіе училищъ имѣетъ свое руководство. Правда такое руководство, прибавляетъ Осиповскій, было, но не полное. Въ 1826 г. Осиповскій представилъ черезъ статс-секретаря Кикина на Высочайшее имя ходатайство объ отпускѣ ему заимообразно изъ казны 12000 рублей на изданіе полного курса чистой математики съ обязательствомъ уплатить этотъ долгъ съ процентами въ теченіе 4-хъ лѣтъ. Но ученый комитетъ, на разсмотрѣніе котораго передано было это дѣло, отвѣтилъ, что такъ какъ выборъ учебныхъ книгъ зависитъ отъ комитетовъ, образованныхъ для составленія новыхъ уставовъ, слѣдовательно, неизвѣстно, будетъ ли принять ими курсъ Осиповскаго, то ссуда ничѣмъ не обезпечивается и въ ней нужно отказать. Министръ согласился съ этимъ заключеніемъ. Въ 1831 году Осиповскій снова предлагалъ Министерству пріобрѣсти у него навсегда право изданія полного его курса, который можетъ выйти подъ его редакціей въ Москвѣ, хотя при этомъ прибавлялъ, что самъ онъ

разбить параличомъ и не въ состояніи безъ посторонней помощи двигаться съ мѣста. Если бы у меня не было, прибавлялъ онъ, большого семейства, состоящаго изъ пятерыхъ дѣтей—двухъ сыновей и трехъ дочерей—то мнѣ не нужно было бы никакой награды за мои многолѣтніе труды, но большое семейство заставляетъ меня просить вознагражденія—я желалъ бы, чтобы мой пансіонъ былъ удвоенъ и чтобы по смерти моей половина его предоставлена была моимъ дѣтямъ, которые не получатъ послѣ меня почти никакого наслѣдства. Послѣ удаленія моего изъ университета я принялся продолжать свой переводъ „Небесной механики“ знаменитаго Лапласа (начатый еще въ Петербургѣ, гдѣ я перевелъ 1-й томъ) и перевелъ 2-й, 3-й и 4-й томы. Если Вашей вѣстости будетъ угодно, то я охотно отдамъ и переводъ всѣхъ этихъ четырехъ томовъ Главному Правленію училищъ, представляя Вамъ и давая мнѣ награду и за этотъ трудъ (аналогичное предложеніе онъ дѣлалъ и раньше—въ 1825 г.). И на этотъ разъ послѣдовалъ отказъ. Министръ писалъ Осиповскому. „На письмо Ваше ко мнѣ отъ 14 августа, въ коемъ Вы изъявили желаніе, чтобы Главное Правленіе училищъ перебрало составленный Вами курсъ математики, имѣю честь отвѣтствовать, что нынѣ для училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія избраны для преподаванія другія математическія пособія. Поелику всѣ вообще науки современемъ совершенствуются, то естественно, что учебныя пособія, заслужившія прежде полное одобреніе, черезъ нѣкоторое время дѣлаются уже недостаточными; касательно же довѣренія Васъ двойнымъ пансіономъ, съ тѣмъ что бы по смерти Вашей половина его выдавалась Вашимъ дѣтямъ, то исполнить это невозможно по отсутствію для этого законнаго основанія“. Нужно замѣтить, что въ школьномъ употребленіи были въ это время дѣйствительно другіе учебники (Ариметика Буссе, Ариметическія задачи Буссе, Геометрія Буссе, Ариметика на счетахъ Тихомирова, курсъ чистой математики Беловеня, въ переводѣ Кушакевича и Киндерова). Осиповскій, получивъ письмо министра отвѣтилъ ему, то если его курсъ не былъ бы принятъ Главнымъ Правленіемъ училищъ въ качествѣ учебной книги, то могъ бы быть допущенъ, какъ учебное пособіе для упражняющихся въ математикѣ.

Такимъ образомъ, въ теченіе 32-хъ лѣтъ Осиповскій не могъ добиться того, чтобы составленное имъ прекрасное, образцовое руководство по математикѣ было издано въ полномъ видѣ—4-й томъ его такъ и не увидѣлъ свѣта и остался въ рукописи. Тщетно онъ надѣялся на вмешаніе министровъ: одинъ министръ смѣнялъ другого,—а его предложенія оставались втуне. Переводъ 4-хъ томовъ „Небесной механики“

Лапласа, стоившій ему много лѣтъ упорнаго труда, также повидимому остался въ его портфелѣ.

Не легко было выпускать въ свѣтъ и спеціальныя математическія изслѣдованія.

Проф. *Архангельскому* принадлежали слѣдующіе переводныя и самостоятельныя сочиненія.

Основанія механики Франкера. Перев. Ник. Архангельскій, часть первая, часть вторая, X. 1816, XIII, 549 стр., рисунки. 1-я часть содержитъ въ себѣ статику, 2-я динамику, гидростатику и гидродинамику. Во введеніи переводчикъ даетъ общее понятіе о механикѣ, какъ наукѣ. Книга представляетъ не только простой переводъ съ французскаго, но заключаетъ въ себѣ еще и дополненія переводчика.

Кромѣ того Архангельскій перевелъ съ французскаго статику Пуассона, физикоматематическія изслѣдованія теченія воды, соч. Пронія, съ латинскаго (въ сокращеніи) теорію движенія твердыхъ тѣлъ Эйлера; ему же принадлежитъ актовая рѣчь. „О точныхъ наукахъ“. Это умно, съ знаніемъ дѣла и талантомъ написанное слово въ защиту важности точныхъ т. е. математическихъ наукъ. Авторъ прежде всего останавливается на опроверженіи мысли, будто науки наносятъ вредъ нравственности. Горячо и убѣдительно онъ опровергаетъ это положеніе. „Науки ли внушаютъ жить на счетъ человѣчества, справедливости, честности, совѣсти? Какая изъ наукъ заставляетъ отнимать явно или скрытно собственность другого? Какъ называется та наука, которая учить обижать беззащитнаго, угнетать слабого? Пусть укажутъ мнѣ ту науку, которая отрицаетъ Бога, попираетъ вѣру? Богословскія ли науки дѣлаютъ безбожникомъ, изуверомъ, суевѣромъ? Нравственныя ли учатъ пренебрегать нравами или уважать ихъ только для виду, только казаться добрымъ, а не быть таковымъ? Юридическія ли науки предписываютъ изъ корысти обвинять невиннаго и оправдывать виновнаго? Философія ли доказываетъ, что человѣкъ по сущности не развится отъ звѣря— что нѣтъ въ немъ свободы, нравственности? Естественныя ли науки поселяютъ безумную мысль, что все въ естествѣ существуетъ по слѣпому случаю, что нѣтъ устройства въ мірѣ? Коммерческія ли научаютъ торговать совѣстію? Нѣтъ, не науки, не искусства являются причиною зла между людьми. Источникъ ихъ чистый, цѣль благородная, дѣйствіе святое: виною зла необузданное самолюбіе человѣка. За тѣмъ авторъ переходитъ къ характеристикѣ математическихъ наукъ и въ очень понятной, доступной формѣ излагаетъ ихъ существенныя особенности, ихъ методъ, способы отысканія истины, указываетъ на достовѣрность, величественную простоту математическихъ истинъ, изъ этихъ особенно-

стей онъ выводитъ потомъ и полезное дѣйствіе ихъ на душевныя способности учащихся, ссылаясь между прочимъ на разныхъ философовъ и великихъ математиковъ. Говоря о дѣйствіи ихъ на воображеніе, онъ высказываетъ мысль, что умозрительная часть астрономіи есть высочайшая поэзія. Да и вообще поэзія нисколько не убивается точными науками. Примѣромъ можетъ служить нашъ великій Ломоносовъ. И Европа, и Россія въ одно-тоже время выставляли и великихъ математиковъ, и великихъ поэтовъ. Въ заключеніи говорится о томъ, что математикѣ слѣдуетъ начинать учиться съ раннихъ лѣтъ. Въ рѣчи Архангельскаго много ссылокъ на философовъ, ученыхъ математиковъ и писателей. Въ обзорѣ своихъ литературныхъ трудовъ Архангельскій указываетъ еще на „Разсужденіе о движеніи воды въ рѣкахъ въ открытыхъ каналахъ“ и на „Изложеніе устройства міра“. Переводъ изслѣдованія Боссю и Віолетта „о найвыгоднѣйшемъ построеніи плотинъ“, „Цвѣтникъ любуемудрія“ и „разсмотрѣніе примѣчаній на основанія геометріи академика Гурьева“ были повидимому напечатаны раньше (если только всѣ они были изданы). Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ Архангельскій помѣстилъ (1819, январь—февраль) статью „О подражаніи природѣ въ изящныхъ искусствахъ“ (переводъ съ нѣмецкаго). Тамъ же имъ напечатанъ некрологъ проф. Ванноти. Вообще можно сказать, что Архангельскій писалъ по своему предмету болѣе другихъ, хотя это были преимущественно переводныя работы. Нужно впрочемъ прибавить, что всѣ эти труды относятся къ первымъ годамъ изучаемаго имъ періода до полученія имъ должности ординарнаго профессора, послѣ же этого онъ совершенно прекратилъ научную дѣятельность.

Проф. А. Θ. Павловскій напечаталъ въ 1820 году „Таблицы логарифмовъ по изданію Каллета, содержація логариѳмы чиселъ отъ 1 до 98000, такожъ логариѳмы синусовъ и тангенсовъ для каждой секунды первыхъ пяти градусовъ и для каждыхъ десяти секундъ всѣхъ градусовъ четверти круга, съ предисловіемъ, въ которомъ показано изъясненіе, употребленіе и суммованіе логариѳмовъ и приложеніе ихъ къ астрономіи, мореплаванію, практической геометріи и вычисленію интересовъ“. Это—очень объемистый томъ съ 132 страницами сокращеннаго изложенія—изъясненія логариѳмовъ. А. Θ. Павловскому принадлежитъ переводъ его, изданіе таблицъ и шесть строкъ предъувѣдомленія, гдѣ онъ говоритъ, что весь трудъ издателя состоялъ въ наблюденіи за исправнымъ печатаніемъ.

Павловскій кромѣ того говорилъ на актѣ рѣчь „О вѣроятности“. Въ ней въ общедоступной формѣ дается понятіе о началахъ вычисленія вѣроятностей и указывается на нѣкоторые примѣры его приложенія.

Не приводя почти никакихъ формулъ, а пользуясь только самыми элементарными примѣрами (о шарахъ въ уриѣ) лекторъ выяснилъ передъ слушателями сущность и общее значеніе этого явленія, не касаясь однако разнообразной сферы практическаго его примѣненія. Этимъ исчерпывается, повидимому, вся научная дѣятельность Павловскаго до 1835 г.

Ад. Дячковъ напечаталъ только актовую рѣчь „О выгодахъ торговаго баланса“. Въ ней онъ вооружается противъ мнѣній по этому вопросу Адама Смита, Сея и ихъ школы. Его собственное заключеніе таково: „надзоръ правительства за торговлей необходимъ также, какъ и надзоръ отца за издержками своего семейства. „Можно ли съ Кондильякомъ, говоритъ онъ въ заключеніе, разливать ядовитыя лжемудрованія о вредѣ таможенъ, заставъ, налоговъ на промышленность и потребление? Неужели и у насъ будутъ такимъ же образомъ изъяснять непріязненнымъ мнѣнія противъ мѣръ правительства, пекущагося о нашемъ благѣ? Да не будетъ. Въ „Укр. Вѣст.“ Дячковъ помѣстилъ статью о перспективѣ, служившую введеніемъ въ его (ненапечатанное) изслѣдованіе по этому вопросу. Издатели называютъ дарованія автора геніальными—для этого нѣтъ однако никакихъ данныхъ; его статья—краткая замѣтка въ 12 стр.

Проф. *Сухомлиновъ* напечаталъ актовую рѣчь на латинскомъ языкѣ „De iis, quae in processu chemico agunt“; здѣсь говорится о свойствахъ химическихъ процессовъ.

Проф. *Черняевъ* напечаталъ рѣчь „О пользѣ отечественныхъ злаковъ“. Здѣсь говорится о пользѣ такихъ дикорастущихъ растений, какъ дикая рожь, манна, кровавая перстиянка, овесъ приторный и о вредѣ плелевовъ и перистаго ковыля.

Робуишъ произнесъ актовую рѣчь „Взглядъ на военныя науки у древнихъ и новѣйшихъ народовъ“. Началъ онъ ее съ оправданія военныхъ наукъ—вредны не самыя науки, а злоупотребленіе ими. Примѣненіе разума съ религіей сдѣлаетъ благотѣльнымъ и военное искусство, ибо есть войны праведныя, благословляемыя небомъ, защищающія правду. Обозрѣвъ военное искусство у разныхъ народовъ, ораторъ останавливается на Наполеонѣ, тактика коего была поражена по промыслу Божию Имп. Александромъ. Онъ же выпустилъ въ свѣтъ три учебника 1) Теорію ариѣметики. Х., 1822, 27 стр. и 2) Краткое руководство къ познанію ариѣметики. Х., 1831, 3) Краткое руководство къ познанію алгебры для благородныхъ воспитанниковъ его пансіона Х., 1833.

Ник. Дяченко для полученія степени магистра чистой математики напечаталъ „Разсужденіе объ успѣхахъ послѣ Ейлера, сдѣланныхъ въ нахожденіи интеграловъ опредѣленныхъ и объ употребленіи ихъ“. Х., 1835 г., 46 стр.

Вотъ что говоритъ авторъ о цѣли своего сочиненія. „Разсматривая творенія математическія новѣйшихъ славныхъ геометровъ, замѣтимъ, что всѣ отрасли сей науки сдѣлали въ послѣднія времена успѣхи быстрые и весьма полезныя. Исчисленіе интеграловъ опредѣленныхъ, кажется, наиболѣе обратило на себя вниманіе ихъ по причинѣ вліянія, которое могутъ имѣть его законы на всѣ другія математическія части. Валлисъ (*Arithmetica infinitorum*) есть изобрѣтатель интеграловъ опредѣленныхъ, одного изъ тѣхъ рѣдкихъ произведеній нашего ума, которыя отъ времени до времени, являясь на горизонтѣ познаній человѣческихъ, разливаютъ на ономъ новый свѣтъ, составляя блистательнѣйшую эпоху въ исторіи наукъ. Сія отрасль интегральнаго исчисленія значительно увеличена трудами Ейлера, который, руководствуясь во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ рѣдкою проникательностью своего ума и гению одаренъ неисчерпаемымъ гениемъ, превосходилъ своихъ современниковъ не только отличными достоинствами своихъ твореній, но и началами блестящихъ теорій. Способы, употребляемые Эйлеромъ при нахожденіи интеграловъ опредѣленныхъ, могутъ быть раздѣлены на 3 класса. Послѣ Ейлера усовершенствованіемъ сей важной части анализа занимались, Лежандръ, Лапласъ, Пуассонъ, Коши и нѣк. др. Разсмотрѣніе успѣховъ, сдѣланныхъ сими геометрами въ нахожденіи интеграловъ опредѣленныхъ и показаніе употребленія сего исчисленія будутъ предметомъ моего разсужденія“.

Выводы, къ коимъ пришелъ авторъ, таковы:

1) Изобрѣтеніемъ исчисленія интеграловъ опредѣленныхъ мы обязаны Валлису. 2) Сія отрасль интегральнаго исчисленія значительно увеличена трудами Ейлера. 3) Послѣ Ейлера усовершенствованіемъ сей важной части анализа занимались Лежандръ, Лапласъ, Бидовъ, Пуассонъ и Коши. 4) Лежандръ въ особенности занимался изслѣдованіемъ интеграловъ опредѣленныхъ, кои онъ назвалъ интегралами Ейлеровскими. 5) Лапласъ при нахожденіи величинъ интеграловъ опредѣленныхъ употреблялъ интегралы двойные и переходъ отъ вещественныхъ количествъ къ мнимымъ. Онъ первый началъ употреблять интегралы двойные для нахожденія величинъ интеграловъ опредѣленныхъ. Когда интегрируемая функція дѣлается безконечною между предѣлами интегрированія, то въ такомъ случаѣ, по мнѣнію Пуассона, интегралъ опредѣленный не можетъ быть раздѣленъ на 2 части. 7) Я съ мнѣніемъ Пуассона не согласенъ. По моему понятію интегралъ опредѣленный не можетъ быть раздѣленъ на 2 части въ томъ только случаѣ, когда за предѣлъ средній будетъ взято количество, обращающееся въ безконечность функцію интегрируемую и функцію происходя-

щую отъ интегрированія. 8) Всякій интегралъ опредѣленный, въ которомъ функція интегрируемая дѣлается только одинъ разъ безконечною между предѣлами интегрированія, имѣетъ величину мнимую, что первый замѣтилъ Пауссонъ. 9) Коши, при розысканіи величины, интеграловъ опредѣленныхъ, большею частью употребляетъ интегралы двойные и исчисленіе резидю (*résidu*). 10) Когда функція интегрируемая дѣлается безконечною или обращается въ 0/0 при величинахъ, содержащихся между предѣлами интегрированія или при величинахъ равныхъ этимъ предѣламъ, то въ такомъ случаѣ, по мнѣнію Коши, невозможно отмѣнять порядокъ двухъ интегрированій въ двойныхъ опредѣленныхъ интегралахъ. Я съ этимъ мнѣніемъ Коши не согласенъ. 11) Нахожденіе площадей кривыхъ линій, вычисленіе поверхностей и толстотъ тѣлъ, опредѣленіе центровъ тяжести, рѣшеніе, уравненіе, суммованіе рядовъ, интерполированіе, интегрированіе обыкновенныхъ дифференціальныхъ уравненій и уравненій въ частныхъ дифференціальныхъ суть проблемы, въ которыхъ употребляются интегралы опредѣленные.

Проф. К. *Нельдегенъ*, говорилъ только актовую рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „*Landwirthschaft und die mit ihr zusammen hängenden Gewerbe, sind die Grundlagen des Staatsreichthums*“.

Ад. *Байковъ* произнесъ рѣчь „О счетныхъ системахъ“. Давъ основательное понятіе о системахъ счисленія у разныхъ народовъ, авторъ въ заключеніе выражаетъ удовольствіе, что въ математикѣ умъ человѣческій труднѣе всего впадаетъ въ заблужденіе и что въ нынѣшнее время, благодаря развитію образованія и заботамъ о немъ Имп. Александра I, разумъ подъ эгидою вѣры можетъ заниматься глубокими розысканіями и не теряться въ цѣпи схоластическихъ умствованій.

Проф. *Делявинъ* выступилъ на актѣ въ 1817 году съ рѣчью на французскомъ языкѣ „*Du dépérissement annuel des forêts et de la nécessité pressante de les réparer et de les entretenir*“. Начавъ съ указанія на постоянно возрастающую цѣну дровъ и другихъ лѣсныхъ матеріаловъ, авторъ ставитъ ее въ связь съ истребленіемъ лѣсовъ, наносящимъ ущербъ не только нынѣшнему, но и будущимъ поколѣніямъ. Затѣмъ онъ останавливается на причинахъ отмѣченнаго имъ явленія—стремленіи къ роскоши, отсутствіи агрономическихъ познаній у помѣщиковъ, несоответствіи въ распредѣленіи земель между владѣльцами, на рубкѣ лѣсовъ для хвора, на порчѣ молодыхъ деревьевъ скотомъ. Съ удовольствіемъ онъ отмѣчаетъ отрадный случай, когда одинъ помѣщикъ, имени котораго изъ скромности онъ не называетъ, засадилъ лѣсомъ неплодную песчаную равнину въ 50 десятинъ. Но это единичный фактъ, обыкновенно же лѣса не насаждаются, а истребляются. Въ заключеніе ораторъ остано-

вливаются на средствахъ борьбы со зломъ—совѣтуетъ заборы изъ хвороста замѣнить живою изгородью и дѣлаетъ подробныя указанія относительно того, какія растенія сажать на какихъ земляхъ.

Актювая рѣчь *Затеплинскаго* „Объ успѣхахъ ума въ астрономіи“ написана очень хорошо, ясно и картинно. Въ ней дано общее понятіе о тѣхъ успѣхахъ, какіе сдѣлала наука астрономія. Имѣя дѣло съ публикой, не получившей специальной математической подготовки, авторъ обходится безъ формулъ и ихъ доказательствъ, а довольствуется указаніемъ на важнѣйшія открытія, сдѣланныя столпами астрономической науки—Коперникомъ, Кеплеромъ, Ньютономъ, Клеро, Д'Аламберомъ, Эйлеромъ, Лапласомъ, Лагранжемъ. Главнымъ образомъ авторъ ведетъ рѣчь о лунѣ и землѣ.

Вас. Комлишинскій, будучи еще адъюнктомъ, напечаталъ обширную актовую рѣчь „О неводняныхъ атмосферныхъ осадкахъ“. Въ началѣ рѣчи обыкновенно говорится о безсмертныхъ заслугахъ Имп. Александра I. Затѣмъ авторъ переходитъ къ своей темѣ, говоритъ объ атмосферѣ, ея составѣ, присутствіи въ ней постороннихъ тѣлъ, и подробно останавливается на аэролитахъ—разсматриваетъ сначала условія, при которыхъ происходятъ ихъ паденіе, и обстоятельства, его сопровождающія, описываетъ физическій и химическій составъ воздушныхъ камней, упавшихъ на землю, подробно останавливается на теоріяхъ ихъ происхожденія, наконецъ, касается другихъ явленій, имѣющихъ нѣкоторую аналогію съ даннымъ (не металлическіе огненные шары, падающія звѣзды, огненный, сѣрный, кровяной и песчаный дождь, туманы, не состоящіе только изъ водяныхъ паровъ). Изложеніе—подробное, обстоятельное и систематическое. Ссылки на литературу предмета нѣтъ; но видно обстоятельное знакомство съ предметомъ. Есть указанія на факты, относящіеся къ вѣстному краю. Любопытно свѣдѣніе о слизистомъ веществѣ, упавшемъ мѣстѣ съ дождемъ въ Харьковѣ въ началѣ іюля 1816 года. „Во время сильнаго проливнаго дождя около 2—3 час. пополудни, работники здѣшней университетской типографіи подняли упавшую въ глазахъ ихъ мѣстѣ съ дождемъ слизистую на студень похожую массу довольно значительной величины. Они принесли ее въ типографію и когда доведено было объ этомъ до моего свѣдѣнія, то къ сожалѣнію я не нашелъ же ничего болѣе, какъ расплывшуюся жидкость, которую собрать было нельзя, тѣмъ менѣе подвергнуть ее надлежащему испытанію“.

Онъ же закончилъ переводъ 3-го и 4-го тома капитальной „Всеобщей Химіи“ Гизе на русскій языкъ.

Переходимъ теперь къ обзорѣ трудовъ профессоровъ медицинскаго факультета. Профессору *Н. И. Еленинскому* принадлежитъ обшир-

ный трудъ—пособіе по хирургіи—„Обозрѣніе десмургіи“. X. 1832 г., 2 тома, XXXII, 435, XVIII, 521. Въ предисловіи авторъ говоритъ. „Всѣмъ извѣстенъ недостатокъ учебныхъ книгъ по медицинской части на нашемъ языкѣ. Превосходное руководство къ преподаванію хирургіи, сочиненное его превосходительствомъ и академикомъ Н. О. Бушемъ, составляетъ въ нѣкоторыхъ университетахъ драгоценную рѣдкость, коею пользуются немногіе. Почему слушатели большей части медицинскихъ заведеній должны переписывать профессорскія лекціи и по крайней мѣрѣ половину своего драгоценнаго времени терять на эти занятія, разстраивающія при томъ и здоровье ихъ. Желая облегчить моихъ слушателей въ этомъ отношеніи, я рѣшился издать полный курсъ хирургіи. Чувствую, сколь важенъ трудъ, предприемлемый мною и сколь онъ мало сообразенъ моимъ средствамъ. Но доброе желаніе увлекаетъ меня. Представляемая десмургія есть первая часть хирургіи. За нею по возможности послѣдуетъ наука о хирургическихъ инструментахъ, потомъ оперативная хирургія, наконецъ носология и терапія хирургическихъ болѣзней. Я счелъ за нужное предувѣдомить объ этомъ моихъ читателей, ибо моя десмургія, какъ часть цѣлаго, можетъ быть обсуждена въ полнотѣ, по изданіи прочихъ хирургическихъ наукъ. Тогда объяснится многое, что быть можетъ покажется страннымъ въ системѣ, избранной мною, и пополнится то, что привыкли видѣть въ десмургіи, хотя оно и не принадлежитъ ей, по крайней мѣрѣ при той точкѣ зрѣнія, съ которой я смотрю на эту науку. И я убѣжденъ вмѣстѣ съ другими, что невозможно провести рѣзкую черту между десмургіей (наукой о перевязочныхъ средствахъ) и наукою объ инструментахъ; но столь-же сильно увѣренъ и въ томъ, что эти науки, по множеству и разнообразію предметовъ, ими разбираемыхъ, должны быть раздѣлены и что онѣ, безъ нарушенія ученой точности, могутъ существовать отдѣльно. Мое опредѣленіе перевязочныхъ тѣлъ, хотя и не развязываетъ Гордіева узла, но, кажется, достаточно обозначаетъ границы десмургіи, такъ что, слѣдуя ему, можно почти въ каждомъ случаѣ положить рѣшительно, какое врачебное средство должно быть отнесено къ десмургіи и какое не принадлежитъ къ ея предметамъ. Имѣются правда въкоторыя механическія врачебныя средства, кои подходятъ подъ упомянутое опредѣленіе, которые однако и мною самымъ отнесены къ наукѣ объ инструментахъ; но такихъ тѣлъ весьма немного и они никакъ не могутъ разрушить основнаго положенія о предѣлахъ десмургіи. Различіе между перевязочными тѣлами и инструментами состоитъ не въ одной ихъ натурѣ, но и въ способѣ употребленія и въ самомъ назначеніи, которое можетъ быть не одинаково. Отъ этого происходятъ,

что одно и то же тѣло иногда должно быть считаемо инструментомъ, а въ другомъ случаѣ повязкою. Если оно чаще употребляется въ видѣ перевязочнаго средства, то его должно разсматривать въ дисмургіи, а въ противномъ случаѣ въ той наукѣ, которую многіе, хотя и не совершенно точно, называютъ аколוגіею.... Повязки, изобрѣтенныя для одного женскаго организма, исключены изъ моей десмургіи, ибо настоящее мѣсто ихъ есть гинекологія, которая изъ всѣхъ медицинскихъ наукъ извлекаетъ принадлежащее женскому полу. Десмургическія средства противъ болѣзненно направленной воли (у психически больныхъ) обыкновенно не разсматриваются въ десмургіяхъ.

На актѣ въ 1826 году Еллинскій произнесъ рѣчь „De inflammationis causa proxima“; о содержаніи рѣчи даетъ понятіе ея заглавіе.

Проф. *Ив. Каменскимъ* составленъ и изданъ былъ латино русскій русско латинскій словарь] для учащагося юношества—1) *Латинскій словарь*, X, 1816 г., XXXI, 360 стр.; 2) *Россійскій словарь*, X, 1817, 160 стр. Въ обширномъ введеніи къ первому словарю авторъ объясняетъ, что его словарь предназначается для начинающихъ и потому отличается краткостью редакціи; здѣсь же онъ приводитъ цѣлый рядъ ложныхъ словъ, оставленныхъ безъ перевода, потому что они либо держали значеніе простыхъ, либо выражаются приложеніемъ стоящаго передъ ними предлога къ основному значенію. Въ русско латинскомъ словарѣ Каменскаго было помѣщено до 13000 словъ, т. е. только, сколько требовалось для выраженія всякой русской рѣчи латинскою.

Ему же принадлежитъ рѣчь, сказанная на актѣ 25 декабря 1815 г. *О успѣхахъ просвѣщенія въ округъ Харьковскаго университета*“. Въ началѣ говорится о пользѣ наукъ. Какой отдѣлъ государственнаго управленія, спрашиваетъ ораторъ, можетъ обойтись безъ наукъ? Затѣмъ авторъ приводитъ статистическія данныя объ училищахъ и учащихся въ нихъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ въ 1805 и въ 1814 годахъ (въ нихъ мы говорили въ 1-мъ томѣ своего труда, стр. 1201). Потомъ перечисляются науки, преподаваемые въ уѣздныхъ училищахъ, гимназіяхъ и университетахъ, учебновспомогательныя учрежденія Харьковскаго университета (кабинеты—физическій, зоологическій, минералогическій, технологическій, нумизматическій, библіотека, химическая и фармацевтическая лабораторія, анатомическій театръ, два клиническихъ института, ботаническій садъ и типографія) и кратко говорится о ихъ назначеніи и составѣ и наконецъ сообщаются данныя объ учащихся и учащихся (за 9 первыхъ лѣтъ университетъ выпустилъ 12 вандидата, 12 магистровъ, 6 докторовъ, 9 лекарей). Въ заключеніе

авторъ выражаетъ желаніе, чтобы у насъ явились свои Ньютоны, Бэконы и Канты, Лавуазье. Всѣ состоянія съ распространеніемъ наукъ и просвѣщенія примуть другой видъ: помѣщикъ займется приложеніемъ познаній, полученныхъ въ университетѣ, къ сельскому хозяйству; купецъ отринетъ съ негодованіемъ корысть, превышающую его трудъ; судья будетъ изрекать честный судъ въ защиту невиннаго; всякій гражданинъ будетъ содѣйствовать общему благу, а не личной выгодѣ.

Проф. *Ванноти* принадлежитъ актовая рѣчь— „Ueber die muthmassliche Heilbarkeit fast aller krankheiten“—о вѣроятной излѣчимости почти всѣхъ болѣзней. Послѣ введенія, гдѣ говорится вообще о здоровьи и необходимыхъ для него условіяхъ, авторъ останавливается на болѣзняхъ, какъ уклоненіяхъ отъ естественнаго правильнаго отправленія организма. Среди болѣзней не много неизлѣчимыхъ и есть не мало условій, благопріятствующихъ возможности излѣченія. Главнымъ же изъ нихъ нужно признать жизненный процессъ самого организма, ведущій къ его возрожденію; особенно разительно обнаруживается производительная сила его при возобновленіи потерянныхъ или изуродованныхъ частей. Мускулы и нервы также обладаютъ производительною способностью; раны, считавшіяся неизлѣчимами, теперь излѣчиваются вполне; бываютъ организмы безъ такихъ важныхъ органовъ какъ печень, селезенка, легкое, почка. Въ заключеніе авторъ приводитъ слова Парацельса: „если ты любишь своего ближняго, то не говори ему—тебѣ не возможно помочь, но скажи—я не умѣю тебѣ помочь“. Этими словами опредѣляется и основная цѣль рѣчи: авторъ хотѣлъ съ одной стороны представить объективныя данныя въ пользу возможной излѣчимости большинства болѣзней, а съ другой воздѣйствовать на чувство своихъ слушателей и вызвать у нихъ бодрость духа и вѣру въ могущество врачебной науки.

Проф. *Венедиктовъ* на актѣ 1830 года произнесъ рѣчь „О динамическомъ способѣ изъясненія образовательныхъ явленій органической природы“. Содержаніе ея, а равно другихъ ученыхъ работъ Венедиктова приведено въ очеркѣ проф. М. А. Попова. Здѣсь говорится о двухъ полярныхъ силахъ—*vis attractiva et repulsiva*—стремящихся къ производству покоя, о силахъ механическихъ, химическихъ и динамическихъ, о динамической системѣ Канта, о невѣсомыхъ и жизненной силѣ, объ исторіи развитія животнаго организма.

Ему же принадлежитъ статья—*„предрасполагающія причины къ заболѣванію холерой“* (въ „Трактатѣ о повально заразительной болѣзни холерѣ, бывшей въ Россіи въ 1830 и 1831 году, сочиненномъ членами совѣта при центральной комиссіи и разсмотрѣнномъ медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. СПБ. 1831, статья IV.

стр. 135—155). Подробно указываются, какъ общія, такъ и частныя причины заболѣванія холерой.

Въ связи съ предъидущей находится другая его статья—„изслѣдованія анатомико-патологическія холеры“ (Ibidem, стр. 156—192): это рядъ наблюденій автора при вскрытіи труновъ холерныхъ больныхъ.

Сюда же, наконецъ относится и третья статья—„Производящая причина (causa efficiens) и сущность заразительнаго начала (natura contagii) холеры (Ib., стр. 193—257). Холера, по мнѣнію автора, есть произведеніе совершенно неизвѣстнаго болѣзнетворнаго начала, находящагося въ началѣ вѣѣ организма. Воспринимаетъ эту заразу кожа и слизистая оболочка легкихъ или обѣ одновременно ¹⁾.

Проф. *Брандейсъ* въ 1828 году выступилъ съ краткою рѣчью на латинскомъ языкѣ (Oratio aditalis), въ которой указалъ на этические требованія отъ будущихъ врачей—они должны быть религіозны, состраательны, скромны, внимательны и не имѣютъ права дѣлать разглашеній болѣзни.

Въ слѣдующемъ году проф. *Брандейсъ* произнесъ на латинскомъ языкѣ рѣчь „*Η μεταβουχρητική Θεράπεια seu medicatio, qua prisci medici recorporationem efficere moliti fuerunt, in usum revocanda est*“. Это обстоятельная монографія, основанная на сочиненіяхъ Цельза, Пливія Авреліана; авторъ жалуется, что не могъ достать въ Харьковѣ сочиненій Галена.

Проф. *Рейтольскій* читалъ на актѣ въ 1831 году разсужденіе „О слерѣ“, любопытное въ томъ отношеніи, что авторъ приводитъ здѣсь наблюденія изъ своей собственной практики въ Харьковѣ и Курскѣ, надъ свойствами болѣзни, и надъ ея лѣченіемъ. Между прочимъ онъ высказывается довольно рѣшительно противъ заразительности холеры.

Громову принадлежатъ три актовыя рѣчи—двѣ спеціальнаго характера „Hydrargyrum pharmacologicè consideratum“ и „Divisio medicamentum usui practico magis accommodata“ и третья „Объ общихъ органическихъ силахъ и постепенномъ отношеніи ихъ между собою“. Эта послѣдняя—натуръ философскаго характера; заключаетъ въ себѣ рядъ законовъ или выводовъ о природѣ и особенностяхъ силъ, входящихъ въ составъ животнаго и растительнаго міра и взаимномъ ихъ соотношеніи (чувствительности, рождаемости).

Проф. *Блюменталь* напечаталъ „Conspectus rei obstetricae quem in unum praelectionum conscripsit“ 1832, 215 р., а также актовую рѣчь „De cranii perforatione in praxi obstetricia evitanda“.

¹⁾ Проф. А. С. Венедиктовъ. Проф. М. А. Попова; Х. 1899, стр. 73—79.

Бутковский произнесъ рѣчь „Diatribе isagogica de statu medicinae hodierno deque cruendo aptiori systemate nosologico morborum ad chirurgiam spectantium“.

Богородицкій напечаталъ рѣчь „De educatione neonatorum physica“.

Самимъ университетомъ для употребленія въ гимназіяхъ была издана „Хрестоматія или избранныя мѣста изъ латинскихъ классическихкихъ писателей по руководству Гедике“ (2-е изданіе, X., въ унив. тип., 1819 г., 459 стр.). Здѣсь мы находимъ отрывки изъ Аврелія Виктора, Евтропія, Корнелія Непота, Юстина, Помпонія Мелы, Юлія Цезаря, Цицерона, Веллея Патеркула, Валерія Максима, Курція, Саллюстія, Ливія, Тацита, Светонія, Плинія старшаго, Плинія младшаго и Сенеки. Текстъ отрывковъ сопровождается пояснительными примѣчаніями на русскомъ языкѣ.

Въ 1831 г. университетъ издалъ для наставленія юношества въ начальномъ познаніи латинскаго языка „Собраніе примѣровъ“. Здѣсь есть и басни, и повѣсти, и рассказы изъ естественной исторіи.

Затѣмъ, слѣдуетъ отмѣтить еще третье университетское изданіе— „Index plantarum horti botanici universitatis Caesareae“. Ch., typis acad., 1823, 80 р., заключающее въ себѣ полный перечень въ алфавитномъ порядкѣ всѣхъ растений университетскаго сада.

Наконецъ, чтобы добиться возможной библіографической полноты въ очеркѣ научной дѣятельности Харьковскаго университета въ изучаемый нами періодъ времени, мы дадимъ понятіе о диссертацияхъ, представленныхъ въ Харьковскій университетъ на ученые степени молодыми людьми, не достигшими профессуры въ Харьковскомъ университетѣ, а также объ изданіяхъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, такъ или иначе, прикосновенныхъ къ университету.

Кандидатъ *Ив. Майстренковъ* напечаталъ для полученія степени магистра русскаго правовѣдѣнія „Разсужденіе объ основаніи наслѣдованія по завѣщанію вообще и въ особенности по русскимъ узаконеніямъ“, X., въ унив. тип., 1824 г., 30 стр. Въ общей части мы находимъ ссылки на Пуффендорфа (*De jure naturae et gentium*), Вольфа (*Jus naturae*), Монтескье; въ специальной—на различныя русскіе законодательные сборники. Въ концѣ книжки—положенія. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ. „Основаніе права наслѣдованія по завѣщанію есть воли, изъявленная прежнимъ владѣльцемъ собственности. Изъ всѣхъ образовъ правленія Монархическій наиболѣе допускаетъ свободу завѣщательности. Въ Россіи одни только письменныя завѣщанія допускаются“.

Разсужденіе о томъ, въ чемъ состоитъ сущность исторіи и какой надлежащій способъ ея изученія. Написано кандидатомъ Николаемъ

орсуномъ для полученія степени магистра по части историческихъ наукъ. Х., въ унив. тип. 32 стр. Небольшая брошюрка безъ ссылокъ на источники (кроме одной на Мюллера). О содержаніи ея даютъ понятіе слѣдующіе выводы автора: 1) исторія въ сущности своей есть ничто иное, какъ наука, показующая духовный путь, по коему Превѣчный ведетъ чадъ времени къ приобщенію ихъ къ своей любви; 2) историческая прагматика не должна ограничиваться исключительно правилами для земной жизни—познаніемъ людей или результатами политическихъ наблюденій; но ей надлежитъ преимущественно показать намъ еще цѣль нашего назначенія и удостовѣрить насъ въ той истинѣ, что всѣ удары, постигающіе народы и государства, суть ничто иное, какъ одни испытанія, ниспосылаемые Высочайшею Любвию на земь, по коему она ведетъ родъ человѣческій къ доставленію ему вновь потеряннаго имъ благополучія; 3) знаніе въ исторіи однихъ происшествій, безъ изслѣдованія сокрытой связи ихъ всѣхъ между собою и отношенія къ первоначальной причинѣ, не составляетъ истиннаго знанія исторіи; 4) въ историческомъ образованіи необходимо нужно соединить знанія, относящимися непосредственно къ исторіи, и свѣдѣнія въ естественныя науки; 5) изученіе исторіи наилучшее есть то, въ которомъ изъ каждаго происшествія и обстоятельства извлекаются уроки добродѣтели для сердца и пища для ума; 6) преподающій исторію долженъ обращать особенное вниманіе своихъ слушателей на систематическое соединеніе всѣхъ частей ея, дабы образовать изъ того одно цѣлое, соотвѣтствующее истинному назначенію и цѣли исторіи.

Dissertatio inauguralis de legum poenalium sententia ac vi deque applicacione poenarum forensium, quam ad gradum juris utriusque doctoris consequendum in Caesarea universitate, quae Charkoviae constituta est, publice defendendam, conscripsit magister juris Basilius Titarew, Charcoviae, typis universitatis, 1815, 64 (посвящена Димитрію Прокофьевичу Роцинскому, министру юстиціи). Имѣются ссылки на нѣмецкія пособія, русскія переводы ихъ (Разсужденіе о гражд. и уголовн. законополож.), Института (Institutiones juris naturae), наказъ Екатерины II-й, соч. Беккарія, Бонтеские, Бентама, русскіе указы¹⁾.

¹⁾ Тезисы автора таковы: 1) Jus, quae complexus conditum, sub quibus libertas humana universalis possibilis sit, cogitari potest. 2) Leges justae agnoscuntur, si per eas nihil aliud, nisi idea juris progressu infinito se evolvens, et ad rerum adjuncta accommodata, exprimitur. 3) Omnis cultura climati, ingenio populi, spiritui constitutionis accommodata, ea, quibus necessitatibus corporis satisfacit, acquirendi, accommodanda est. 4) In humana nomine scientiae politicae ars illa, quae evertit id legibus, quod convellendum erat consuetudine. 5) Quanti quibusvis in terris aestimatur vita, bona et libertas civium incrementum crescunt agendi quoque formulae in judiciis. 6) Sicubi leges, relatae ad statum

Кандидатъ Семенъ *Ерофеевъ* напечаталъ на степень магистра россійскаго правовѣдѣнія *„Разсужденіе о доказательствахъ уголовныхъ преступленій и о свойствахъ сихъ доказательствъ вообще и въ особенности по россійскимъ узаконеніямъ. Х., въ унив. тип. 1825 г., 78 стр.* Здѣсь мы находимъ ссылки на Беккаріа, Наказъ, Цицерона, Ульпіана, Гобса, Болтина, Судебникъ, Уложение, Военскій процессъ, морской уставъ указы разныхъ лѣтъ и др.

Болѣе интересныя положенія диссертациі таковы. Ненарушимость гражданской свободы требуетъ долгаго и строгаго разысканія доказательствъ уголовныхъ преступленій и опрометчивость въ уголовныхъ слѣдствіяхъ гораздо опаснѣе медлительности. Пытка, въ противность мнѣнію нѣкоторыхъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допущена, какъ средство для доказательства уголовныхъ преступленій. Собственное сознаніе преступника, опредѣляемое россійскими узаконеніями, по истинѣ есть лучшее свидѣтельство во всемъ свѣтѣ. Единобразіе свидѣтельскихъ показаній не всегда бываетъ вѣрнымъ признакомъ ихъ

---

populi praesentem, severae erant, impunitas scelerum nata est ex ipsa legum severitate. 7) Poenam, debita cum celeritate factam, justam utilemque esse, experientia docet. 8) Certitudo atque criminis poenae aequiparatio fraenum fidissimum est, quo delicta praecaveri possunt. 9) Datur jure romano emancipatio tacita. 10) Usus fructus per cessionem ejus, extraneo factam, non finitur. 11) Haeres, fideicommisso oneratus Trebellianicam amittit, ubi inventarii confectionem negligit. 12) Beneficium excussionis haud denegandum est fidejussori, qui tanquam debitorem principalem sese obligat, excepto, quum concursus creditorum contra debitorem ortus est. 13) Haud opus est jurata renunciacione senatus consulti Vellejani, si mulier pro extraneo intercedit. 14) Jus accrescendi emptori haereditaris ita non competit, ut cohaeredis deficientis portionem capiat. 15) Codex juris Rossici antiquus sub nomine Sudebnik veniens, quoad aequitatem naturalem distinctam legum expositionem, nec non prudentiam civilem codici posterius edito, nomineque Uloshenie insignito, certo respectu praeferendus. 16) Jus primogeniturae in haereditate acquirenda a Petro Magno introductum, et anno 1731 abrogatum, ex reliquiis systematis juris feudalis, ad secul. XVII fere per Europam grassantis, repetendum est. 17) Servi Rossorum antiquissimis temporibus acquirebantur captivitate, aut si liber homo se ipsum vendidit, aut venundari passus est, per subjectionem creditoribus debitorum, aes alienum solvendo imparium, ac denique per voluntariam sui in servitutem ob inopiam speratamve tutelam, dictionem. 18) Libertas non est danda praemature et pariter magno numero servorum. 19) Productio frequentiae civium, haec fortitudinis ac independentiae politicae praecipua est conditio. 20) Justissimum atque utilissimum est, ut civitas plura, quantum potest, dominia possideat. 21) Divitiae populi non in summa pecuniae circumstantis sed in complexu capitis realis, tam fixi, quam transitorii, consistunt. 22) Ingeniosum sophisma: quo majora scilicet tributa subditis imperantur, eo citius pervenire illos ad statum, quo possint ea pendere, prorsus falsum est. 23) Leviora tributa putantur ea, quae sponte quasi pendant homines, quae omnes eives generatim tangunt, augenturque ea ratione, qua augetur redditus purus uniuscujusque.

справедливости. Письменные документы, какъ доказательства уголовныхъ преступленій, не могутъ равняться въ силѣ своей съ доказательствами, заимствуемыми отъ собственнаго признанія и отъ свидѣтелей. Доказательство присягою въ нѣкоторыхъ случаяхъ не только нужно, но и необходимо. Кромѣ знанія законовъ проникательность и безпристрастіе должны быть двумя главными спутниками производителя сѣдствія.

Изложеніе главнѣйшихъ системъ нравственныхъ древнихъ и новыхъ философовъ. Разсужденіе, написанное кандидатомъ Захаріемъ Сацкимъ для полученія степени магистра по части теоретической и практической философіи. Х., въ унив. тип., 1825 г., 59 стр.

О содержаніи этого разсужденія даютъ понятіе слѣдующія его положенія. 1) Естественное состояніе человѣка есть по всей справедливости общежительное его состояніе. 2) Кромѣ книгъ священнаго писанія никакой памятникъ историческій не указываетъ намъ съ надлежащею достовѣрностію того времени, въ которое произошли первыя распри между людьми общества. 3) Нравственная наука имѣетъ предметомъ установить одно главное начало и доставить посредствомъ онаго человѣку надежное средство различать добра отъ зла и вмѣстѣ съ симъ возможность примѣнять его во всѣхъ частныхъ предпріятіяхъ и поступкахъ. 4) Всѣ извѣстныя досего времени системы нравственныя могутъ приведены быть къ слѣдующимъ тремъ существенно различнымъ между собою системамъ: 1) къ системѣ эвдемонизма, 2) формальнаго раціонализма, 3) къ системѣ непорочной, ко временному и вѣчному бытію относящейся, разумной жизни. 5) Главный порокъ эвдемонистовъ есть тотъ, что они оцѣниваютъ все достоинство человѣка, его прованія и самую добродѣтель по мѣрѣ услугъ, доставляемыхъ ими наслажденіямъ и нерѣдко однимъ только чувственнымъ. 6) Напротивъ того главный порокъ системъ нравственныхъ, основанныхъ на формальныхъ началахъ есть тотъ, что онѣ внушаютъ человѣку гордость и безусловную самостоятельность, которая столь удобно увлекаетъ къ тончайшему эгоизму. 7) Всѣхъ же вообще и самыхъ превосходныхъ системъ нравственныхъ, основанныхъ на одномъ разумѣ независимо отъ божественнаго откровенія, существенный недостатокъ есть тотъ, что онѣ имѣютъ цѣлью испорченную волю человѣка исправить чрезъ ту же волю. 8) Превосходное правило Аристотеля (*ne quid nimis*) не можетъ быть принято за верховное начало нравоученія, ибо оно не объемлетъ всѣхъ частей, къ ученію о добродѣтели относящихся. 9) Нравственная система Платона не можетъ быть отнесена, какъ нѣкоторые полагаютъ, къ системѣ одной только умозрительной все земное презирующей жизни.

10) Изъ ученія стоиковъ видно, сколь высокое понятіе имѣли они о добродѣтели, но вмѣстѣ, при первомъ взглядѣ на ихъ систему, замѣтить можно, сколько усилія употреблено ими, чтобы возвысить достоинство ея и поставить существо добродѣтельнаго человѣка превыше всѣхъ скорбей—сдѣлать его счастливымъ даже среди жесточайшихъ мученій. 11) Кантъ неправильно полагаетъ столь большое различіе между теоретическимъ и практическимъ разумомъ. 12) Побужденія къ добродѣтели, принятые въ системѣ Канта, недостаточны къ произведенію истинной добродѣтели, ибо онѣ совершенно произвольно основаны на однихъ только формальныхъ положеніяхъ ея практическаго разума.

Разсужденіе объ основаніи опеки и попечительства вообще и въ особенности по россійскимъ узаконеніямъ, написанное кандидатомъ Александромъ Корсуномъ для полученія степени магистра по части россійскаго правовѣдѣнія. Х., въ унив. тип., 1825 г., 40 стр.

Имѣются ссылки на Монтеסקье (Духъ законовъ) и Бентама, на историческое и на дѣйствующее русское законодательство. Сочиненіе представляетъ безхитростное описаніе института опеки по дѣйствующему русскому праву.

Вотъ положенія къ этой диссертациі. 1) Изъ понятія о законахъ слѣдуетъ, что люди, какъ существа разумныя, живущія въ обществѣ, должны имѣть свои законы или обычаи, освященные временемъ, коими они управляются. 2) Естественное состояніе людей не есть состояніе дикости, грубости ихъ, разумѣи подъ нимъ существенное состояніе для котораго назначенъ человѣкъ. 3) Разсматривая права, которыми люди пользуются въ общежитіи, нѣкоторыя изъ нихъ можно признать за дѣйствительно существующія, другія же заключаются еще только въ возможности, которую доставляютъ намъ время, возрастъ и зрѣлый разсудокъ. 4) Опека, составляя существенный предметъ попечевій правительства, основывается на самой природѣ человѣка. 5) Отечественные наши законы не различаютъ обязанностей опекуна и попечителя, хотя предметы, входящіе въ кругъ ихъ дѣйствія, нѣсколько и отличны между собою. 6) Случаи, въ которыхъ необходимо прибѣгнуть къ управленію опекуновъ, заключаются въ самыхъ свойствахъ человѣка—гражданина. 7) Для производства дѣлъ, касающихся до опеки надъ малолѣтними и вдовами, учреждены разныя мѣста, по различію ихъ гражданскаго состоянія. 8) Власть опекуна почти равняется родительской, но, не смотря на обширный кругъ дѣйствованія его, она однакожъ ограничивается положительными законами. 9) Опека надъ безумными и сумасшедшими въ субъективномъ смыслѣ не отличается отъ той, которая существуетъ

для малолѣтнихъ, въ объективномъ же видимъ мы нѣкоторое отличіе. 10) Правила опеки надъ безумными имѣютъ сходство съ опекою древнихъ римлянъ. 11) Неосторожные должники и подъ прощеніемъ состоящіе расточители подвергаются по нашимъ законамъ опекѣ. 12) Въ отечественныхъ законахъ находимъ нѣкоторые особенные случаи, въ которыхъ правительство, для сохраненія казенной и частной пользы, отдаетъ имѣніе въ управленіе опекуновъ“.

О басни и о баснописцахъ разныхъ народовъ, извѣстіе объ ихъ жизни, съ нѣкоторыми замѣчаніями на ихъ басни и самыя басни оныхъ. Опытъ распространенный Василіемъ Масловичемъ изъ первой его лекціи, читанной въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ по случаю докторскаго экзамена, по словесному отдѣленію, Х., въ университет. тип. 1816 г., 140 стр. (посвящено дѣйствительнымъ членамъ Императорскаго Харьковского университета).

Здѣсь говорится о происхожденіи басни, различіи ея отъ повѣсти и сказки, раздѣленіи, о первыхъ индійскихъ басняхъ Вишну, Пильная, Эзопа, Афиновія, Бобрія, Федра, Христа, итальянцевъ—Баиди, Тарга, Фердиотти, Роберти, Пиньотти, французовъ—Лафонтена, Ламота, Рипера, Ленобли, Дората, Оберта, англичанъ—Гая, Эдварда, Моора, нѣмцевъ—Бонера, Геллерта, Лессинга, Мейснера, русскихъ—неизвѣстнаго, Гантемира, Ломоносова, Тредьяковскаго, Сумарокова, Хемницера, Фонъ Визина, Баркова, Майкова, Княжнина, Богдановича, Сковороды, Нахимова, Левшина, Измайлова, Хвостова, Крылова, Дмитріева, Урусова, Бунина; нѣкоторыя басни приводятся въ оригиналѣ, другія—въ переводахъ. Дается и оцѣнка, въ которой Масловичъ слѣдуетъ главнымъ образомъ за Ешенбургомъ. Изъ Сковороды не приведено ни одной басни, потому что трудно было отыскать ихъ. Любопытны двѣ басни неизвѣстнаго переводчика Езоповскихъ басенъ, извлеченныя Масловичемъ изъ рукописнаго сборника и относимые имъ (едва ли впрочемъ основательно) ко времени Алексѣя Михайловича.

Докторъ философіи Харьковскаго университета Руставъ Гессъ де Кальве, составилъ на нѣмецкомъ языкѣ *Теорію музыки*, которую въ переводѣ на русскій языкъ, исполненномъ Разумникомъ Гонорскимъ, издалъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ „*Теорія музыки, или разсужденіе о сущности искусства, заключающее въ себѣ исторію, цѣль, дѣйствіе музыки, генераль басъ, правила сочиненія (композиціи), описаніе инструментовъ, разные роды музыки и все, что относится къ ней въ подробности. Сочинено въ Россіи и для русскихъ*“. Х. унив. тип. 1818 г., часть 1-я. 304 стр., ч. 2-я 369. Книга посвящена Государинѣ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, которой равнѣ того былъ поднесенъ авторомъ ману-

скрыть ея. Въ краткомъ обращеніи къ читателямъ авторъ говоритъ что предисловія подобны рекомендательнымъ письмамъ, даваемымъ родителями избалованнымъ дѣтямъ; его-же книга—плодъ многолѣтняго труда и размышленія, пусть предстанетъ какъ бѣдная сиротка, безъ такого рекомендательнаго письма и пусть сдѣлается извѣстной по собственному достоинству. Во вступленіи авторъ заявляетъ, что свою книгу онъ издаетъ не для барышей—барыши даютъ одни только романы—а онъ долженъ издавать ее на свой счетъ, при маломъ числѣ подписчиковъ. Первоначально онъ рассчитывалъ печатать ее въ Петербургѣ, но по отдаленности его отказался отъ этой мысли и напечатать въ Харьковѣ и такъ какъ здѣсь нельзя было издать нотъ, то по необходимости долженъ былъ замѣнить ихъ буквами и особыми знаками. Цѣль моихъ трудовъ, говоритъ далѣе авторъ, состоитъ въ томъ, чтобы дать любителямъ музыки въ Россіи средства къ лучшему пониманію этого искусства. Мнѣ кажется, что мы, россияне, еще не имѣемъ ни одного систематическаго сочиненія, принаровленнаго къ нынѣшней музыкѣ и что нѣтъ ни одной націи во вселенной, которая бы столько же имѣла природнаго расположенія къ этому искусству, какъ наша. Далѣе авторъ приводитъ образцы русской и малорусской народной пѣсни, дѣлаетъ характеристику музыкальности русскаго народа и приводитъ историческія данныя въ пользу давняго существованія у него военной музыки. Въ заключеніе онъ перечисляетъ свои пособія, указывая на сочиненія Кириббергера, Марбурга, Фоглера, Альбрехтбергера, доктора Хладни, Форкеля, Руссо, Криница, Сулцера и др. Содержаніе сочиненія Гессъ де Кальве таково: здѣсь говорится о музыкѣ вообще, о цѣли музыки, о дѣйствіи музыки, о дѣйствіи музыки на разные болѣзни, о средствахъ музыки, о тонахъ и лѣствицахъ, о Dur и Mol или твердомъ и мягкомъ голосѣ, объ интервалѣ, о гармоніи и мелодіи, о мелодическомъ напѣвѣ, о ключахъ и нотахъ, о ритмѣ, о гармоническомъ ходѣ, о дисонаціяхъ, о темпѣ и акцентѣ, объ инструментахъ вообще, о струнныхъ инструментахъ, о духовыхъ инструментахъ, о родахъ музыки, о церковной музыкѣ, объ ораторіи, объ оперѣ, о кантатѣ, о балладѣ, о романсѣ, о ноттурно, о дивертиментѣ, о попури, о пасторели, о маршѣ, о пѣснѣ, о родахъ инструментальной музыки, о симфоніи, о концертѣ, о квартетѣ, о квинтетѣ, секстетѣ, о сонатѣ, о рондо, о варіаціи, о фугѣ, о жигѣ, о фантазіи, о плясовой музыкѣ, о балетѣ, о пантомимѣ, объ исторіи музыки съ древнѣйшихъ временъ, о музыкѣ у грековъ, въ ихъ героическомъ вѣкѣ, о музыкѣ у грековъ отъ начала Олимпіадъ до завоеванія Греціи римлянами, о музыкѣ грековъ и римлянъ вообще, о качествахъ музыки древнихъ, о музыкѣ израильтянъ, о турецкой музыкѣ.

Заслуживаютъ вниманія указанія автора на помѣщичьи оркестры въ его время и на современныхъ ему музыкантовъ въ Россіи. Въ общемъ трудъ тотъ хотя, быть можетъ, и не особенно самостоятельный, но содержательный и для своего времени очень полезный.

И. Гриневичъ въ 1817 г. напечаталъ переводъ первой рѣчи М. Т. Цицерона противъ Катилины. Изданіе сопровождалось предисловіемъ, въ которомъ авторъ объяснялъ цѣль своего труда (распространеніе произведеній древней литературы) и заявлялъ, что это только начало, и продолженіе будетъ совершеннѣе. За этимъ предисловіемъ слѣдовало историческое введеніе, въ которомъ излагались обстоятельства, вызвавшія это сочиненіе Цицерона (6—40 стр.). Затѣмъ шелъ русскій переводъ, латинскій подлинникъ и примѣчанія.

Въ томъ же году онъ напечаталъ въ Харьковѣ книгу, „*Бесѣды Цицероновы о естествѣ боговъ*“, томъ первый. Въ началѣ ея помѣщено краткое обзорѣе древней философій, заканчивающееся хронологической таблицей греческихъ философовъ, о которыхъ говорится въ сочиненіи Цицерона; затѣмъ идетъ переводъ, подлинникъ и краткое послѣсловіе отъ переводчика, гдѣ онъ говоритъ о темнотѣ оригинала и о своемъ намѣреніи издать свои замѣчанія отдѣльнымъ томомъ подъ заглавіемъ „Разсужденіе о богословіи древнихъ“. Переводъ сопровождается пояснительными примѣчаніями.

Отмѣтимъ также еще слѣдующіе труды, имѣвшіе отношеніе къ Харьковскому университету: 1) посмертное изданіе сочиненій Нахимова (въ 1815 году) со спискомъ подписчиковъ на это сочиненіе, 2) Опытъ риторики Рижскаго, 4-е (посмертное) изданіе (1822 г.).

Изъ почетныхъ членовъ Харьковскаго университета, проживавшихъ въ Харьковской губерніи, энергичную научную дѣятельность попрежнему проявлялъ виновникъ основанія Харьковскаго университета Василій Назарьевичъ Каразинъ, основавшій также въ Харьковѣ знаменитое фило-техническое общество и бывший душею и чуть ли не единственнымъ работникомъ въ немъ. Въ 1819 году В. Н. Каразинъ напечаталъ отчетъ фило-техническому обществу за послѣдніе четыре мѣсяца 1818 г.; другіе отчеты его помѣщены въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ и иныхъ поврежденныхъ изданіяхъ. Весьма любопытна также его „Рѣчь о истинной и возможной любви къ отечеству“, а также статья объ ученыхъ обществахъ періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи и др. Другой почетный членъ Карш. Биберштейнъ издалъ дополненіе къ своей „*Flora Taurico-caucasica*“ (въ 1819 году).

Нужно впрочемъ имѣть въ виду, что многіе труды профессоровъ не были напечатаны. Такъ, напримѣръ, остались въ рукописяхъ—дис-

сертация адъюкта Сухомлинова, представленная имъ въ факультетъ для полученія должности экстраординарнаго профессора и озаглавленная такъ: „*Expositio doctrinae de fixis et determinatis proportionibus in uniobus corporum chemicis*“ и другое сочиненіе его, подъ заглавіемъ „*Tentamen theoriae chemicae generalis hodierno chemicae statui accommodatae*“, которое было представлено имъ въ факультетъ передъ баллотировкой въ ординарные профессора (изъ экстраординарныхъ)¹⁾; тоже нужно сказать и объ изслѣдованіи магистра Байкова, представившаго для полученія должности адъюкта сочиненіе „*De functionibus trigonometricis arcuum circularium*“ и переводъ трактата Лагранжа „*Mechanique analytique*“²⁾. Магистерская диссертация Байкова „О различныхъ способахъ излагать дифференціальное исчисленіе и о достоинствѣ каждаго способа“ не была также повидимому напечатана.

Обобщая приведенные выше факты, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Наиболѣе выдающимися дѣятелями Харьковскаго университета на ученолитературномъ поприщѣ въ изучаемый нами періодъ времени были на словесномъ факультетѣ—Успенскій, Кронебергъ, Дорнъ; на математическомъ—Осиповскій; на медицинскомъ—Еллинскій, Блументаль. Въ слѣдующую категорію можно отнести: на словесномъ факультетѣ—Дегурова, Паки де Совиньи, Филомавитскаго, Гонорскаго; на этикополитическомъ—Могилевскаго, Шада, Пауловича; на математическомъ Архангельскаго, Комлишинскаго и Дьяченка; на медицинскомъ—Венедиктова, Каменскаго. Нѣкоторые изъ этихъ лицъ впрочемъ печатали труды не по своей спеціальности (Могилевскій, Каменскій, Дегуровъ, Комлишинскій). Иныя печатали почти исключительно переводы (Архангельскій, Комлишинскій). Нѣкоторые (въ родѣ Паки де Совиньи) издали много трудовъ, но самостоятельнаго значенія они не имѣли никакого. Большинство создало себѣ извѣстность изданіемъ курсовъ и пособій (Осиповскій, Шадъ, Еллинскій, Блументаль, Паки де Совиньи, Могилевскій, Пауловичъ, Каменскій). Спеціальными учеными изслѣдованіями занимались въ сущности только Успенскій, Кронебергъ, Дорнъ, Осиповскій, Венедиктовъ и Дьяченко. Но сочиненіе Успенскаго также отчасти примыкаетъ къ руководствамъ, а изъ статей Кронеберга многія имѣютъ не научный, а переводной и популярный характеръ. Что касается диссертаций на ученые степени, то большинство—это разсужденія на заданныя факультетами темы, какъ того требовалъ и уставъ; многія изъ нихъ остались въ рукописяхъ; тоже, что было напечатано обыкновенно

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 365/18.

²⁾ Ibidem. № 841/45.

не удовлетворяетъ съ точки зрѣнія современныхъ требованій самымъ скромнымъ условіямъ научной самостоятельной работы. Это по большей части тоція брошюры, содержація въ себѣ или разсужденія на общія темы, или компиляціи; а если и затрогивается въ нихъ какой нибудь спеціальный вопросъ, то опять таки безъ особаго самостоятельнаго углубленія въ тему. Тезисы не всегда соотвѣтствовали результатамъ работы. О невысокомъ уровнѣ требованій, предъявляемыхъ къ диссертациямъ, свидѣлствуетъ извѣстный намъ эпизодъ съ диссертациями Ковалевскаго и Гриневича и взглядъ на нихъ Шада. Съ теченіемъ времени однако уровень требованій сталъ повышаться—и диссертациі многихъ лицъ, не достигшихъ профессуры, стоятъ нисколько не ниже ихъ, которыя представлены и изданы были молодыми учеными, получившими кафедры. Впрочемъ значительная часть профессоровъ Харьковскаго университета, и при томъ иногда выдающихся, не имѣла ни печатныхъ, ни даже рукописныхъ диссертаций, хотя ихъ и требовалъ ставъ.

Вообще почва для спеціальной научной работы въ то время была мало подготовлена и не только въ одномъ Харьковскомъ, но и въ другихъ русскихъ университетахъ. Отъ университетовъ требовалась не только разработка наукъ, сколько распространеніе научныхъ знаній въ обществѣ, ихъ популяризація. Вотъ почему научная сторона дѣятельности университетовъ отступала на задній планъ передъ преподавательской, образовательной и просвѣтительной. Поэтому то излюбленными формами научно литературной дѣятельности профессоровъ были курсы, руководства и *актовыя рѣчи*. Число этихъ послѣднихъ очень велико: многіе профессора только этими послѣдними ограничивались. И дѣйствительно—онѣ удовлетворяли и потребности профессоровъ побесѣдовать о своемъ предметѣ съ публикой—доказать ей его важность, пользу и необходимость, и интересу общества, которое воспитывало въ университетѣ своихъ членовъ и хотѣло составить себѣ общее понятіе о преподаваемыхъ въ немъ наукахъ. Иногда впрочемъ лекторы выбирали темами своихъ актовъ темъ болѣе общіе и интересные вопросы, относившіеся къ образованію вообще, и конечно, такія темы еще болѣе интересовали слушателей, приносили имъ еще большую пользу. Здѣсь профессора университета выступали уже какъ бы въ роли публицистовъ, журналистовъ, а потребность публики въ статьяхъ журнальнаго и чисто литературнаго характера была такъ велика, что нѣкоторые профессора свели почти всю свою ученую дѣятельность къ чисто литературной и журнальной; таковы были—Ив. Евс. Срезневскій, Гонорскій, Филомаантскій, Склабовскій, Дулакъ Артемовскій, отчасти Якимовъ и Золотаревъ. Всѣ они были

литераторами, а Гулакъ Артемовскій, Склабовскій, Срезневскій стяжали себѣ извѣстность почти исключительно стихотвореніями. Занятіе русской словесностью, въ составъ которой входила и піятка, побуждала Срезневскаго, Склабовскаго, Якимова и Золотарева давать и собственные опыты въ „стихотворческомъ родѣ“, а Филомаѳитскій и Гулакъ Артемовскій хотя и преподавали исторію, но также съ увлеченіемъ (особенно послѣдній) предавались поэзіи. Эти лица доставляли также въ тогдашніе харьковскіе журналы переводныя произведенія изящной словесности, оригинальную художественную прозу, критико литературные очерки и вообще все то, что такъ или иначе было связано съ литературой. Они же явились инициаторами и главными дѣятелями въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ. О распространеніи всѣхъ этихъ научно литературныхъ трудовъ въ обществѣ свѣдѣній у насъ не имѣется. Замѣтимъ только, что значительная часть ихъ была издана на счетъ университета. Университетъ издавалъ руководства для школъ своего округа; онъ же печаталъ акты рѣчи; ему же принадлежитъ и изданіе нѣкоторыхъ отдѣльных трудовъ своихъ преподавателей. При частныхъ изданіяхъ практиковалась предварительная подписка. Сочиненіе проф. Успенскаго могло выйти въ свѣтъ 2-мъ дополненнымъ изданіемъ, только благодаря такой предварительной подпискѣ. Имена „пенумерантовъ“ печатались и это появленіе въ печати, очевидно, оказывало вліяніе на увеличеніе ихъ количества. Выставлялся при этомъ чинъ и званіе лица. На „Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ“ подписались разныя лица и учрежденія на 570 экземпляровъ. Изъ нихъ на долю одного Харькова приходится 113 экземпляровъ, которые распредѣляются такъ: на 49 экземпляровъ подписалось 45 студентовъ Харьковского университета (среди нихъ мы встрѣчаемъ Артемовскаго Гулака, Сокальскаго, Склабовскаго, Золотарева), на 17—16 профессоровъ, адъюнктовъ, магистровъ, кандидатовъ и вообще служащихъ при университетѣ, на 13 экз.—5 учителей Слободско украинской гимназіи, на 8 экз.—8 учениковъ Слободско украинской гимназіи, на 9 экз.—9 пансіонеровъ учителя Коваленкова, на остальные—чиновники и купцы. Изъ профессоровъ подписались—Могилевскій, Книгинъ и Васильевъ, изъ адъюнктовъ—Комлишинскій, Борзенковъ, Дудровичъ, Колумна Вигура и Робушъ. Въ войскѣ черноморскомъ оказался 41 подписчикъ на 54 экз. (Здѣсь подписывались казацкая старшина, священники, учителя Екатеринодарскаго училища, приходскія училища и ихъ надзиратели; іеромонахъ Черноморской пустыни Серапіонъ подписался на 2 экземпляра). Въ г. Воронежѣ оказалось 28 подписчиковъ на 30 экз., въ томъ числѣ епископъ Воронежскій Елифаній, Ираклій Левшинъ, Веневитиновъ, учитель гимназіи

Андрей Ив. Билинскій. Въ г. Екатеринославѣ было 16 подписчиковъ на 16 экз., въ томъ числѣ губернаторъ и учителя гимназіи (среди нихъ докторъ философіи Любачинскій, докторъ изящныхъ наукъ Гернь, магистръ естественныхъ наукъ Лукашовъ). Въ г. Курскѣ—37 подписчиковъ (въ томъ числѣ 24 ученика гимназіи) на 40 экземпляровъ. Въ Новгородѣ Сѣверскѣ—18 подписчиковъ (чиновники и учителя) на 19 экземпляровъ. Въ Новочеркасскѣ 16 подписчиковъ (въ томъ числѣ нѣкоторые уѣздныя и приходскія училища) на 17 экз. Въ г. Одессѣ—8 подписчиковъ на 13 экземпляровъ. Въ г. Острогожскѣ 19 подписчиковъ на 19 экземпляровъ. Въ г. Павлоградѣ Екатеринославской губ.—13 подписчиковъ на 16 экземпляровъ. Въ г. Полтавѣ 5 подписчиковъ (въ томъ числѣ книжникъ А. Репнина и Дм. Ник. Бантышъ Каменскій) на 5 экз. Въ Петербургѣ—15 подписчиковъ (въ томъ числѣ госуд. канцлеръ Румянцевъ, подписавшійся на 5 экз.) на 22 экз. Въ г. Симферополѣ—18 подписчиковъ на 18 экз. (въ томъ числѣ были учителя и ученики гимназіи и уѣзднаго училища). Въ г. Старобѣльскѣ Харьк. губ.—9 подписчиковъ на 11 экз. Въ г. Таганрогѣ—4 подписчика на 13 экз. (въ томъ числѣ для книжнаго магазина Коммерческой гимназіи 10). Въ г. Бѣлгородѣ—8 подписчиковъ на 8 экз. Въ г. Москвѣ—2 подписчика (гр. К. И. Гуровичъ и газетная экспедиція почтамта) на 2 экз. Въ г. Гадячѣ (Полт. губ.)—5 подписчиковъ на 10 экз. Въ г. Орлѣ—4 подписчика на 4 экз. Другіе города, участвовавшіе въ подпискѣ, были таковы: Александрія, Алешки, Архангельскъ, Астрахань, Ахтырка, Балта, Бахмутъ, Богодуховъ, Борзна, Бѣлевъ, Ваза, Валки, Валуйки, Владимиръ на Клязьмѣ, Вознесенскъ, Волчанскъ, Глуховъ, Динабургъ, Дмитріевъ, Дубоссары, Екатеринбургъ, Елисаветградъ, Елецъ, Задонскъ, Зеньковъ, Зміевъ, Изюмъ, Иркутскъ, (епископъ Михаилъ 2 экз.), Каменецъ Подольскъ, Киншинецъ, Кіевъ, (штабъ лекаръ Магази́неръ—одинъ экз.), Конотопъ, Кострома, Кременчугъ, Кролевецъ, Крыловъ, Купянскъ, Липецкъ, Лохвица, Лубны, Луганскій заводъ, Льговъ, Медынь, Минскъ, Миргородъ, Митава, Могилевъ на Днѣстрѣ, Можайскъ, Новгородъ, Ново-Московскъ, Новоржевъ, Новохоперскъ, Острогъ, Остеръ, Переяславъ, Пермь, Почепъ, Прилуки, Романовъ, Ростовъ, Симбирскъ, Старая Русса, Сумы, Суражъ, Тамбовъ, Тверь, Тимъ, Тула, Фатежъ, Хотмыжскъ, Черкасы, Черниговъ, Шкловъ, Щигры, Якобштатъ и Ямбургъ.

Большая часть экземпляровъ падаетъ на города тогдашняго Харьковскаго учебнаго округа. Петербургъ и Москва дали ничтожное число подписчиковъ, еще меньше Кіевъ, малое число доставилъ и Черниговъ. Малороссія, конечно, дала несравненно болѣе Великороссія—это объясняется впрочемъ въ значительной степени тѣмъ, что въ этой послѣд-

ней авторъ не пользовался такою личною извѣстностью, какъ въ первой. Главное распространеніе сочиненіе получило въ педагогической средѣ— у учащихся и учащихся; интересно участіе въ подпискѣ учениковъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній: часто здѣсь были, нужно думать, какія нибудь воздѣйствія и вліянія, но, вѣроятно, не всегда. Во всякомъ случаѣ, если принять во вниманіе дорогую пѣну, назначенную за эту книгу авторомъ, то придется придти къ заключенію, что сочиненіе это вызвало къ себѣ значительный интересъ среди педагоговъ и отчасти широкой публики. Едва-ли можно допустить, чтобы подобнымъ успѣхомъ пользовались и другія ученые изданія профессоровъ Харьковскаго университета.

На 2-е изданіе сочиненій Нахимова подписалось 70 душъ на 102 экземпляра; въ числѣ подписавшихся находимъ нѣсколькихъ профессоровъ, учителей и учениковъ Бѣлгородской семинаріи и 11 учениковъ Харьковскаго коллегіума (изъ дворянъ) и двухъ купцовъ.

Сравнивая ученую дѣятельность профессоровъ Харьковскаго университета въ изучаемый нами періодъ времени съ таковою же дѣятельностью ихъ въ первое десятилѣтіе существованія университета, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Ни въ количественномъ, ни особенно въ качественномъ отношеніи этотъ періодъ не превосходитъ перваго десятилѣтія—роста и прогресса не замѣтно: наоборотъ, чувствуется какъ будто упадокъ. Наиболѣе выдающимися учеными дѣятелями новаго двадцатилѣтія являются послѣдніе могикане перваго десятилѣтія—Осиновскій, Успенскій, Шадъ; но они, во 1-хъ, не долго служили украшеніемъ Харьковскаго университета, а, во 2-хъ, первые два главнымъ образомъ перепечатавали свои прежніе труды, а третій успѣлъ издать только латинскую хрестоматію; расцвѣтъ же ихъ ученой дѣятельности относится къ первому десятилѣтію. Рижскому же, Якобу, Гизе, Стойковичу, можно только противопоставить одного Кронеберга, который является дѣйствительно въ это время звѣздою и украшеніемъ словеснаго факультета и всего Харьковскаго университета. За Кронебергомъ идутъ Дорпъ и Еллинскій. Рейтъ теперь замолкъ; Дегуровъ скоро перешелъ въ Петербургскій университетъ¹⁾.

¹⁾ Для составленія библиографическаго очерка научныхъ трудовъ преподавателей Харьковскаго университета я пользовался гл. обр. Чириковымъ, Геннадіи и каталогами мѣстныхъ книгохранилищъ. Къ сожалѣнію, въ Харьковѣ не оказалось очень многихъ харьковскихъ изданій; поэтому я выписывалъ ихъ изъ Императорской публичной бібліотеки; за присылку ихъ приношу глубокую благодарность администраціи бібліотеки. Не могу претендовать на исчерпывающую полноту своего обзора—нѣкоторыхъ изданій, не смотря на самые тщательные поиски, все-таки не удалось добыть—но думаю, что онъ достаточно полонъ, чтобы сдѣлать заключеніе о научно-литературной дѣятельно-

Актовые рѣчи перваго десятилѣтія носили болѣе живой общественный характеръ: теперь уже въ нихъ нѣтъ борьбы двухъ направленій— философскаго и реального и можно только подмѣтить религіозномистическую окраску, вызывавшуюся вліяніемъ сверху. Мѣстныхъ изслѣдованій минеральныхъ водъ, каменнаго угля и т. п.) мы теперь вовсе не находимъ: быть можетъ, въ лабораторіяхъ и производились кое какіе анализы въ этомъ родѣ; но имъ не придавалось уже прежней гласности и публичности. Извѣстно только, что въ Лебединскомъ уѣздѣ, Харьковской губ., въ слободахъ Межиричѣ и Олешнѣ, открылась въ 1816 году на обывательскихъ лошадяхъ прилипчивая болѣзнь—парши, которая угрожала и кавалерійскимъ лошадямъ дивизіи барона Корфа. Послѣдній, извѣщая объ этомъ губернатора, просилъ о присылкѣ для ея преращенія ветеринарнаго доктора. Такого въ распоряженіи губернатора однако не оказалось—и онъ обратился въ университетъ съ просьбою о командировкѣ для борьбы съ эпидеміей профессора ветеринаріи Гильгера, который и согласился отправиться съ этою цѣлью въ Лебе-

ди университетскихъ преподавателей въ данную эпоху. Высказывать сужденіе о научномъ значеніи трудовъ, далекихъ отъ моей спеціальности, я, конечно, не могъ—это будетъ сдѣлано въ біографическомъ словарѣ и исторіи кафедръ спеціалистами—но общій характеръ ихъ, полагаю, уясняется и изъ моего очерка. Уже по отпечатаніи соответственныхъ листовъ моего сочиненія, я разыскалъ среди рукописей университетской бібліотеки одинъ весьма важный для меня документъ—именно собственно-ручныя вѣдомости профессоровъ Харьковскаго университета, доставленные П. И. Кеппену (при его командировкѣ въ Харьковъ въ 1826 г.) объ ихъ ученыхъ трудахъ. Если сопоставить данныя этого документа, съ тѣми, которыя приведены у меня, то окажется, что они въ общемъ совпадаютъ другъ съ другомъ. Можно отмѣтить только слѣдующіе пропуски. *Сухомлиновъ* свою докторскую диссертацию (*Dissertatio inauguralis chemica de natura Hologenii Ch.*, 1817, pp. 40) въ собственномъ вольномъ нѣмецкомъ переводѣ напечаталъ еще въ 57 томѣ „*Annalen der Physik*, herausgegeben von L. W. Gilbert“, (стр. 244—295). *Даниловичъ* напечаталъ: 1) историческій взглядъ на богоугодныя заведенія въ древней Польшѣ (въ журналѣ „Дѣлія благотворительности 1820 г., 5 печ. листовъ); 2) біографическая вѣдомость о жизни и ученыхъ трудахъ И. Олдаковского, вѣдункта Виленскаго университета (Виленскій журналъ 1822, 4 листа); 3) біографическое описаніе извѣстныхъ доселѣ рукописныхъ и печатныхъ экземпляровъ Литовскаго статута (Вил. жур. 1823 г., около 5 печ. листовъ); 4) разборъ бібліографическихъ книгъ Лелевеля (*Ibidem*, около 5 печ. листа); 5) русскій автописецъ съ 15-го столѣтія, въ которомъ заключена вѣдомость о Литвѣ, съ объясненіями трудныхъ мѣстъ (Вил. журналъ 1824 г., 28 печ. листовъ, не оконченъ); 6) историческое изслѣдованіе о началѣ, раздѣленіи и разной судьбѣ цыганскаго народа (*Ibidem*, 116 страницъ; переведено на русскій языкъ въ Сѣв. Архивѣ за 1826-й годъ; всѣ сочиненія по польски). Всѣ эти труды относятся впрочемъ не ко времени харьковской профессуры, а къ Виленской эпохѣ дѣятельности Даниловича. *Филомавитскій* въ „Трудахъ общества любителей русскаго слова при Московскомъ университетѣ“ помѣстилъ статью „О знакахъ пренинанія вообще и въ особенности для російской словесности“. Байковъ напечаталъ

динскій уѣздъ ¹⁾. Проф. Венедиктову въ 1832 году была объявлена Высочайшая благодарность за усердіе по прекращеніи въ Петербургѣ холеры ²⁾.

Екатеринославскій губернаторъ прислалъ въ 1818 году въ университетъ извѣстіе, полученное имъ отъ Бахмутскаго помѣщика Смолянинова о свѣтломъ явленіи въ атмосферѣ, сопровождавшемся сильнымъ звукомъ, напоминающимъ пушечный выстрѣлъ, и просилъ объясненія его. Физико-математическій факультетъ далъ такое объясненіе, указавъ, что это явленіе было вызвано, очевидно, паденіемъ аэролита, и рекомендовалъ отправить изъ Екатеринославской гимназіи Смолянинову кусокъ имѣющагося тамъ аэролита, для того чтобы онъ могъ ознакомиться съ его внѣшнимъ видомъ и нашелъ по этимъ признакамъ упавшій ³⁾.

Извѣстный археологъ Зоріанъ Доленга-Ходаковскій обратился въ попечителя округа З. Я. Карифеву съ обширнымъ письмомъ, въ которомъ изложилъ свою теорію славянорусскихъ городищъ и въ заключеніе

ст. „О движеніи воды и звука“ въ студенческихъ сочиненіяхъ за 1819-й годъ, письма о нѣкоторыхъ явленіяхъ и о пасхальныхъ таблицахъ въ Украинск. журналѣ. Кромѣ того онъ представилъ въ совѣтъ пять оригинальныхъ и переводныхъ *рукописныхъ* сочиненій, (разсужденіе о вычисленіи дѣйствій Вольтова столба, разсужденіе о крѣпости столбовъ, разсужденіе о метафизикѣ дифференціальныхъ исчисленій, переводъ аналитической механика знаменитаго Лагранжа, разсужденіе о тригонометрическихъ функціяхъ). *Рейнольскій* издалъ: 1) Опытъ естественной исторіи въ 6 частяхъ, М. 1818, 226, 316, 92, 123, 503, 204 стр.; 2) Ботанику Вальденова (переводъ), М. 1819, 716 стр.; 3) Новѣйшее начертаніе естественной исторіи, Х., 1823, 204 стр. *Криницкій* перевелъ съ нѣмецкаго языка на польскій. „Описаніе агрономическаго института въ Гогенгеймѣ“ Пабста (Вильца, 1824, 48 стр.). *Золотаревъ* напечаталъ нѣкоторыя свои статьи въ журналахъ „Московскій Телеграфъ“, 1826 г. и „Благонамѣренный“ 1826 г. *Архангельскій* помѣстилъ въ „Цер. изданія объ успѣхахъ нар. просв.“ за 1814-й годъ „Собраніе изящныхъ мыслей“; переводъ его соч. Боссюта Виолета (о наилучшійшемъ построеніи плотинъ) вышелъ въ Петербургѣ въ 1815 году также какъ и „Разсмотрѣніе примѣчаній на основаніи геометріи Гербьева“ (въ 1813 г.). *Борзенко* напечаталъ біографію Нахимова при изданіи его сочиненій (М., 1822 г. 7—20 стр.), перевелъ рѣчи Шада и Роммеля. *Громова* издалъ въ Харьковѣ въ 1815 году переводъ трагедіи Геккера. *Кронебергъ* напечаталъ въ Харьковѣ въ 1821 г. (51 стр.), „Antiquitates romanae“. Въ словесный факультетъ были представлены кромѣ указанныхъ выше слѣдующія диссертации „Гевлича“ „Dissertatio inauguralis. de praeferenda antiquorum imitatione ad litteraturam rossicam excolendam (докторская), Ч., 1815, 23 стр. *Герта* De divisione poëseos. Ч. 1815; *Масловича*. De natura pulhri et sublimi. Ч. 1816; Въ этикополитическое отдѣленіе кромѣ перечисленныхъ доставлены были диссертации *Грибовскаго* De Servorum herilium in Rossia statu vetere. Ч. 1815, 2 р.; *Любачинскаго* „De antinomiis rationis purae“, Ч. 1816 29 р.; *Андреевскаго*. Разсужденіе о давности Х., 1824, 30 стр. (магистерская).

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Пред. сов. за 1832-й годъ, стр. 101.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 1080/51.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 1422/60.

росиль о сообщеніи ему нѣкоторыхъ его свѣдѣній. Письмо это было напечатано мною въ русскомъ переводѣ въ „Кіевской Старинѣ“ и по-тому содержанія его здѣсь я касаться не буду, а только приведу его заключеніе. „Округъ Императорскаго Харьковскаго университета, находящійся подъ мудрымъ начальствомъ вашего превосходительства, занимаетъ все пространство странъ, составляющихъ любимѣйшій предметъ нашихъ изслѣдованій и моего любопытства. Польза отечественной исторіи, важность вашего превосходительства къ народному просвѣщенію и мои священнѣйшія просьбы да будутъ поручителями того, что ваше превосходительство соблаговолите великодушно обратить вниманіе ваше на то, какія и какого рода суть городища въ тамошнихъ странахъ? Какъ далеко простираются на югъ и къ востоку? Имѣетъ ли земля Донскихъ каховъ, подпадавшая владычеству хановъ (кагановъ), подобныя насыпи и городища? Также въ предѣлахъ, называемыхъ Карамзиннымъ для Кулисовъ по обѣимъ сторонамъ Урала, не встрѣтятся ли подобныя памятники? И что можно будетъ узнать о Лукоморьи? Наконецъ, какого рода суть славныя развалины на западномъ берегу Урала и близъ устья рѣки? Я ничего еще объ этомъ удовлетворительно не знаю и по-снѣйше прошу ваше превосходительство о милостивомъ снисхожденіи ко моей смѣлости и къ столь пространному письму. Отважившись написать его, я руководимъ былъ надеждою на благодушіе ваше и окончилъ изліяніемъ глубокаго высокопочитанія“.

Попечитель передалъ письмо Ходаковского ректору Осиповскому, который въ словесный факультетъ, который отвѣтилъ, что онъ не можетъ дать отвѣта на предложенные Ходаковскимъ вопросы, потому что топографическія и историческія записки, которыми, согласно 52 § устава учебныхъ заведеній, составляютъ учителя гимназій, немедленно отправляются въ главное управленіе училищъ. Въ виду этого факультетъ предложилъ: 1) обратиться съ запросомъ по этому поводу къ директору училища Войска Донскаго и смотрителю Екатеринодарскаго училища и напечатать письмо Ходаковского въ періодическомъ органѣ университета, чтобы и другія лица, занимающіяся отечественною исторіею и интересующія объ этомъ, быть можетъ, подробныя свѣдѣнія, могли сообщить въ публликѣ. Попечитель первое предложеніе одобрилъ, но не нашелъ возможнымъ печатать письмо въ издаваемомъ при университетѣ періодическомъ сочиненіи по нѣкоторымъ довольно важнымъ причинамъ¹⁾. Въ Черноморья директоръ училищъ Россійскій отвѣтилъ, что городища въ Войскѣ Черноморскомъ, представляющемъ равнину, не имѣется,

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло поп. № 572/29.

а есть только курганы и то средней величины; есть также остатки укрѣпленій, устроенныхъ изъ дикаго камня и чернозема; таковыя находятъ, напримѣръ, во 1-хъ около Темрюка, въ 2-хъ верстахъ на западъ отъ него, во 2-хъ, подлѣ урочища, называемаго Курками, и въ 3-хъ, на юговосточномъ берегу Азовскаго моря при Эйской косѣ, а также по теченію р. Кубани, но все это турецкія, татарскія или русскія сооруженія. Черкесы же при распросахъ сообщили, что Каспійское море называется у нихъ только Каспійскимъ, а слова лукоморья вовсе нѣтъ въ ихъ языкѣ ¹⁾).

Министерство народнаго просвѣщенія поручило чиновнику своему П. Кеппену осмотрѣть учебныя заведенія Харьковскаго учебнаго округа для составляемаго имъ историческаго и статистическаго обозрѣнія учебныхъ заведеній ²⁾)—и ему было оказано всяческое содѣйствіе.

Учебновспомогательныя учрежденія университета правда развивались и совершенствовались, благодаря главнымъ образомъ такимъ энергичнымъ и безкорыстнымъ дѣятелямъ труженникамъ, какъ, напримѣръ, Черниевъ и Криницкій, но и здѣсь царило равнодушіе, требовавшее подъ часъ слишкомъ экстренныхъ и рѣшительныхъ мѣръ со стороны попечителей учебнаго округа. Эти послѣдніе, также какъ и министры, вообще теперь старались вліять и воздѣйствовать на всѣ стороны университетской жизни, въ томъ числѣ и на научную. Но то, что они создавали одною рукою, разрушали другою. Систематически и постепенно разрушая университетскую автономію, основанную на уставѣ 1804 года, они подрывали ту основу, на которой выросла и могла далѣе развиваться университетская жизнь и наука: они сами рубили корни дерева, которыми питалась университетская наука, являющаяся актомъ свободнаго личнаго индивидуальнаго творчества и виѣшнихъ благопріятныхъ условій для ея развитія, а не распоряженій и побужденій извнѣ. Между тѣмъ такими именно распоряженіями пытался поднять научную производительность въ Харьковскомъ университетѣ помощникъ попечителя графъ Панинъ, дѣйствовавшій впрочемъ *bona fide*, воодушевленный наилучшими намѣреніями. Чрезвычайно интересно помѣщаемое ниже письмо его въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, ярко рисующее „ученую летаргію“ Харьковскаго университета въ самомъ концѣ третьяго десятилѣтія его историческаго существованія, непосредственно передъ введеніемъ новаго университетскаго устава 1835 года. Вотъ

¹⁾ Харьк. ун-в. архивъ. Дѣло учил. комит. № 1988/69.

²⁾ Ibidem. Дѣло поп. 1266/78. 1819—1822 года. Часть бумагъ Кеппена хранится среди рукописей Библіотеки Харьковскаго университета.

тотъ замѣчательный документъ. „Копію съ предложенія вашего Сіятельства на имя Совѣта, получилъ я съ чувствомъ глубочайшей признательности и благоговѣнія. Замѣчанія Вашего Сіятельства весьма справедливы и показываютъ мнѣ, что недостатки наши не скрылись за удаленіемъ отъ прозорливаго взгляда вашего. Профессоръ Громовъ занимается дѣйствительно очень мало своимъ предметомъ по врожденной лѣнности. Профессоръ Комлишинскій отсталъ уже нѣсколько лѣтъ отъ современнаго хода науки и предался почти единственно письменнымъ занятіямъ по части управленія университета, къ чему онъ весьма способенъ. Профессоръ Архангельскій былъ всегда наукѣ чуждъ, и она ему платила тою же взаимностію. Вообще къ стыду всѣхъ коренныхъ русскіихъ университетовъ, священное пламя любви къ просвѣщенію, породившее Ломоносова, живетъ въ маломъ числѣ избранныхъ сердецъ. Профессоры Перевощиковъ и Давыдовъ въ Москвѣ, въ Харьковѣ Кронбергъ принадлежатъ особенно къ такому числу сихъ рѣдкихъ избранныхъ, презирающихъ препятствіями, могущими остановить людей обыкновенныхъ.

Я назначилъ ко вчерашнему дню чрезвычайное засѣданіе совѣта для совѣщанія о средствахъ, удобнѣйшихъ къ возстановленію *увядшаго* достоинства сего университета, и прочиталъ на лицахъ большей части членовъ явные признаки недоумѣнія почти отчаяннаго, но, сильный животворящимъ словомъ Августѣйшаго Монарха, я бился съ помощію ректора цѣлыхъ два часа съ уныніемъ малодушныхъ и, одолѣвъ отчасти къ предразсудки и нерѣшимость, отложилъ заключеніе сего важнаго дѣла до вышнѣшняго вторника. Между тѣмъ я *приказалъ* всѣмъ зависящимъ отъ меня мѣрами ускорить изданіе Минервы проф. Кроненберга, лѣтописной флоры проф. Черняева, переводъ космографіи для гимназій учителя харьковскаго Кованьки, древней географіи Ларенодира, порученной учителю Зинчевскому, по собственному его вызову, новой—Бальбія, представленной мною воронежскому инспектору Кроненбергу, *назначивъ* Черняеву и Калиничеву составить руководство для садоводства украинскаго, *велѣлъ* проф. Криницкому отправиться въ Крымъ въ теченіи наступающаго мѣсяца для минералогическихъ и зоологическихъ изслѣдованій, и, наконецъ, *поручилъ* отличному по знанію и ревности проф. Сагину приготовить весь нашъ астрономическій снарядъ для начатія наблюденій съ началомъ наступающаго августа мѣсяца.

Я твердо увѣренъ, однакожь, что Ваше Сіятельство слишкомъ справедливо, чтобы приписать *летарію* нашего ученаго свѣта чему либо иному, кромѣ постояннаго примѣра *бездѣйствія и страха* къ наукѣ, *даннаго прежде бывшими министрами и попечителями*, примѣра, заслу-

жившаго имъ вѣчную лидійскую улыбку современниковъ и карающего потомства.—Подъ благотворнымъ и твердымъ скипетромъ Императора Николая и подъ прозорливымъ управленіемъ Вашего Сіятельства не можетъ наука показаться вышнему начальству въ видѣ пожирающей баснословной химеры, и если Россійскій Гумбольдъ не въ силахъ вымолить у министра финансовъ новый штатъ на текущій годъ, онъ не долженъ смѣть ради собственной славы долѣе отказывать намъ въ тѣхъ пособіяхъ, которыя могутъ отчасти облегчить наше горестное положеніе. На первый случай ограничусь я исполненіемъ даннаго мнѣ въ Москвѣ Сергѣемъ Семеновичемъ обѣщанія установить десяти рублевую плату съ гимназистовъ, двадцати рублевую со студентовъ, для снабженія тѣхъ и другихъ необходимыми учебными пособіями, и разрѣшить мнѣ израсходовать нужныхъ денегъ изъ гимназическихъ суммъ, для подраздѣленія классовъ, превышающихъ 50 человекъ, и для прибавленія нужныхъ по сему предмету учителей.—Меньше сего кажется просить нельзя: впрочемъ никто не вправѣ сказать, чтобъ единое изъ моихъ предложеній могло бы быть отринуто въ отношеніи учебномъ, развѣ неизвѣстное мнѣ состояніе финансовъ дѣлало ихъ неудобноисполнимыми по недостатку средствъ.¹⁾

Указывая, что примѣръ „постояннаго бездѣйствія и страха къ наукѣ“ подавали профессорамъ Харьковскаго университета прежніе министры народнаго просвѣщенія и попечители округа, Гр. Панинъ думалъ, очевидно, что наука можетъ быть привита къ профессорамъ его приказаніями и распоряженіями, игнорируя при этомъ свое собственное прекрасное выраженіе, что для этого должно „горѣть въ сердцахъ священное пламя любви къ просвѣщенію“ т. е. существовать живая внутренняя потребность и интересъ къ дѣлу, а безъ этого всѣ распоряженія останутся мертвою буквою. Нагляднымъ доказательствомъ этого могла бы ему послужить исторія „Общества Наукъ“, учрежденнаго при университетѣ въ 1812 году, выпустившаго въ 1817 году томъ своихъ трудовъ, за тѣмъ замершаго, пробужденнаго было не на долго къ жизни попечителемъ Е. В. Каріѣвымъ и слова повидимому впаваго въ летаргію. Вотъ его исторія съ 1815 года.

Въ 1815 году Общество имѣло 7 засѣданій. Для того чтобы обезпечить себя матеріальными средствами, оно постановило взимать по 15 р. съ каждаго лица, вступающаго въ члены Общества, и по 5 р. ежегоднаго членскаго взноса. Постановленіе это было утверждено министромъ народнаго просвѣщенія, который также предписалъ Правленію

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. 1835 г., № 2399/141.

университета выдать Обществу заимообразное пособие на издание его трудовъ, съ тѣмъ чтобы долгъ этотъ погашался изъ выручки за продаваемые экземпляры этихъ послѣднихъ. Ходатайства Общества о выдачѣ некоторой субсидіи изъ хозяйственныхъ университетскихъ суммъ на пообрѣтеніе шкафовъ, о разрѣшеніи постороннимъ членамъ его носить университетскій мундиръ были отклонены министромъ народнаго просвѣщенія Гр. А. К. Разумовскимъ.¹⁾ Въ теченіе года прочитаны были на засѣданіяхъ слѣдующіе рефераты: проф. Шадоу „De serio philosophiae studio nostra aetate maxime necessario ac de genuina ejus natura“, проф. Срезневскимъ—поэма „Иванъ Сусанинъ или освобожденный царь“, проф. Книгинимъ „О жизненной силѣ и объ общихъ свойствахъ органическихъ силъ“, проф. Каменскимъ „De retentione placentae“, профессоромъ Грозовымъ „Каталогъ растений, произрастающихъ въ окрестности Харькова, съ приложеніемъ высушенныхъ ихъ экземпляровъ; примѣръ В. Н. Каразинъ обѣщавъ доставить Обществу собраніе растений, растущихъ въ его деревнѣ Кручицкѣ и предложеніе это было принято благодарностью; учитель гимназіи Есикорскій представилъ работу—„Взглядъ на естество супружескаго союза“. Въ бібліотеку Общества поступило 5 книгъ, пожертвованныхъ разными учрежденіями. Изъ иностранныхъ въ члены Общества были избраны профессоръ Берлинской академіи Вольфъ и профессоръ Дерптскаго университета Моргенштернъ. Общество постановило устраивать ежегодно 25 дек. торжественное собраніе совместно съ университетомъ и поручило предсѣдателю своему проф. Осиповскому изготавить къ этому засѣданію приличную рѣчь, а секретарю Срезневскому историческую записку о занятіяхъ общества. Въ 1816 году Общество имѣло только три засѣданія, не считая засѣданій отдѣленій, потому что занималось главнымъ образомъ подготовкою къ изданію своихъ трудовъ, каждый томъ которыхъ долженъ былъ состоять изъ двухъ частей, съ тѣмъ чтобы въ первой помѣщались статьи по естественнымъ наукамъ, а во второй по словеснымъ. Редакторами были назначены проф. Книгинъ и адъюнкты Комлишинскій и Борзенковъ. На новыхъ выборахъ предсѣдателемъ снова были избранъ Осиповскій, редакторомъ отдѣленія словесныхъ наукъ проф. Успенскій. Въ иностранные члены были избраны директоръ училищъ Черн. губ. Марковъ, Бѣл. губ. предв. дворячества А. О. Квитка, почетный смотритель Прилуцкаго повѣтоваго училища капитанъ Бѣлецкій Носенко и учитель Бѣл. губ. гимназіи Т. И. Селивановъ. Въ члены ассессоры были избраны Дудровичъ, Павловскій, Колумна—Вигура, Сухомлиновъ, Филома-

¹⁾ Архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 10496/225.

оитскій, учитель магистръ Любовскій, учитель Гонорскій, префектъ Харьк. Коллегіума П. Н. Рейпольскій. Такимъ образомъ, въ 1816 году Общество состояло изъ 38 членовъ; выбыло двое (изъ нихъ Палицынъ скончался). Секретаремъ естественно историческаго отдѣленія избранъ былъ Комлишинскій, словеснаго—Любовскій; рецензентами сочиненій, поступающихъ на словесное отдѣленіе, избраны на 1817 г. годъ—Могилевскій, Гонорскій и Филомаантскій. Рѣшено было впредь устраивать ежемѣсячныя засѣданія по каждому отдѣленію особо. Въ теченіе 1816 г. представлены были въ Общество слѣдующіе рефераты: пр. Осиповскимъ— „Объ астрономическихъ преломленіяхъ“ и „о вычисленіи аберрацій“, Комлишинскимъ— „Систематическая номенклатура облаковъ по системѣ Луки Говарда и естественная ихъ исторія“, пр. Успенскимъ— „О судопроизводствѣ, искѣ и наказаніяхъ у древнихъ Россіянъ“, проф. Борзенковымъ— „Переводъ двухъ Саллюстіевыхъ писемъ“, Любовскимъ „Краткая логика“. Въ 1817 году (до мая) Общество устроило три засѣданія, не считая бывшихъ въ каждомъ отдѣленіи. Общество въ этомъ году лишилось двухъ своихъ членовъ—епископа Харьковскаго Аполлоса и проф. Шада и приобрѣло слѣдующихъ новыхъ членовъ—иногороднихъ и ассесоровъ—прот. Россинскаго (въ Черноморіи), Харьковскаго уѣзднаго предводителя дворянства Г. Ѳ. Квитку, смотрителя училищъ Исакова, лектора греческаго языка Кувицкаго и кандидата Вербицкаго. Обществу были представлены слѣдующіе рефераты: проф. Осиповскимъ „О раздѣленіи электричества въ разобщенныхъ отводахъ при держаніи передъ нимъ въ нѣкоторомъ удаленіи наэлектризованнаго тѣла“, проф. Сухомлиновымъ— „*Utriusque theoriae de natura halogenii vel sic dictae acidi muriatici oxydati comparatio*“, его превосходительствомъ В. Г. Муратовымъ¹. О происхожденіи славянъ (переводъ сочиненія гр. И. О. Потоцкаго), Борзенковымъ— „О происхожденіи языковъ Сарматскаго и Славянскаго отъ Мидскаго и о сходствѣ ихъ съ языкомъ Санскритскимъ (переводъ сочиненія Сестренцевича Богуша), прот. Могилевскимъ— „Разсужденіе о познѣ древнихъ евреевъ“. Библіотека общества приумножилась двумя кнѣгами. Членами общества къ 1 мая 1817 г.—состояли Осиповскій, Квинтъ, Каменскій, Успенскій, „виѣшними“ членами—И. И. Бахтинъ, В. Г. Муратовъ (губернаторы), Маршалъ Баронъ фонъ-Биберштейнъ, В. Н. Каразинъ, В. В. Капнистъ, А. С. Прокоповичъ, А. Г. Могилевскій, Гизе, проф. Казанскаго у-а Френъ, проф. Ярославскаго лицея Ф. А. Шмидтъ, Я. М. Матесъ, Вольфъ, Моргерштернъ, Роммель, Марковъ, А. Квитка, Бѣлецкій—Носенко, Селивановъ, Россинскій І. Квитка, Исаковъ; членами ассесорами—Громовъ, Комлишинскій, Тауберъ, Архангельскій, Борзенковъ, Дудровичъ, Павловскій, Колумна-

итюра, Сухомлиновъ. Филомаѳитскій, Любовскій, Гонорскій, Рейпольскій, Куницкій, Вербицкій.

Въ 1817 году общество отпечатало 1-й (и единственный) томъ своихъ трудовъ подъ заглавіемъ „Труды Общества наукъ“, состоящаго при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, X., въ унив. тип. Изъ него мы и извлекли только что приведенныя свѣдѣнія о дѣятельности общества. Въ 1-й, естественно исторической части помѣщены слѣдующія статьи: *Осиновскаго*. Теорія движенія тѣлъ, бросаемыхъ на поверхность земной; *Елю-же*. Объ астрономическихъ преломленіяхъ; *Виганельскаго*. Теорія движенія жидкихъ тѣлъ; *Комлишинскаго*. Систематическая номенклатура облаковъ г. Говарда и естественная исторія оныхъ; *Громова*. *Enumeratio stirpium phaenogamarum agri Charcowensis*; *Сухомлинова*. *Utriusque theoriae de natura Halogenii vel sic tae acidi muriatici oxydati comparatio*; *Книгина*. Разсужденіе о жизненной силѣ и общихъ способностяхъ органическихъ тѣлъ; *Каменскаго*. *vulgaris opinio vera sit. placentaе post partum retentionem, periculosam esse*. Во 2-мъ словесномъ отдѣленіи—„О происхожденіи славянъ“ В. Муратова (переводъ), „О происхожденіи языковъ сарматскаго и славянскаго и о сходствѣ ихъ съ санскритскимъ“ Борзенкова, „О языческомъ предковъ нашихъ богослуженіи и сходствѣ его съ богослуженіемъ египтянъ, грековъ и другихъ древнихъ народовъ“ Каменскаго, „О судопроизводствѣ, ценяхъ и наказаніяхъ у древнихъ славянъ“ Успенскаго, „Разсужденіе о поэзіи древнихъ евреевъ“ Могиленскаго, Два письма о приведеніи въ порядокъ республики, писанныя Цесарю Саллюстіемъ въ переводѣ Борзенкова, „Разсужденіе на память 13-й“ Захарія Карпѣева, „О пути, истинѣ и жизни“ Захарія Карпѣева.

Отпечатанный томъ „Трудовъ“ былъ розданъ всѣмъ членамъ и посланъ во всѣ главныя русскія учебныя заведенія. Для разсмотрѣнія и исполненія устава общества назначена особая коммиссія изъ предсѣдателя, двухъ директоровъ и секретаря. Положено просить попечителя округа принять на себя званіе покровителя общества. Избраны по словесному отдѣленію въ члены арх. Евгеній, епископъ Слободско украинскій Павелъ и Анастасевичъ¹⁾.

Въ 1817 году П. Бѣлецкій Носенко прислалъ въ общество нѣсколько сочиненій по лингвистикѣ и три басни, Селивановъ—описаніе мѣстности, находимаго близъ Курска и употребляемаго на мостовую, обо-

¹⁾ Укр. Вѣст. 1817 г., часть V, стр. 229—230; см. также Ibidem, часть 6-я, стр. 101—102.

зрѣніе курскихъ кирпичныхъ заводовъ, обозрѣніе пчеловодства въ Курской губ., краткое обозрѣніе столярнаго искусства.

Въ 1818 году разсматривался проектъ новаго устава общества; Марковъ доставилъ свои замѣчанія о первоначальной исторіи Малороссіи. Въ этомъ году состоялось всего одно засѣданіе — 18 февраля; затѣмъ послѣдовалъ перерывъ до 17-го мая 1823 года (болѣе чѣмъ въ пять лѣтъ).

Въ 1823 году, попечитель округа предложилъ университету возобновить прерванную дѣятельность общества, избрать новаго председателя, новыхъ директоровъ отдѣленій и затѣмъ принять мѣры къ его благоустройству. Прежніе члены его, оставшіеся на лицо, должны были назначить день для торжественнаго возобновленія общества, пригласить на это засѣданіе почетнѣйшихъ въ городѣ лицъ, установить на немъ новыя правила, приготовить къ этому засѣданію приличныя случаи рѣчи и сочиненія. Общество, обсудивъ это предложеніе, отвѣтило попечителю, что одною изъ главныхъ причинъ, почему оно не имѣло никакихъ занятій и не собиралось болѣе 4-хъ лѣтъ, являлось то, что многіе члены его частію поумирали, частію выбыли изъ Харькова по различнымъ обстоятельствамъ, наличные же члены его, будучи обременены многоразличными занятіями по университету, имѣли мало свободного времени для споспѣшествованія дѣламъ его, изложеннымъ въ уставѣ; въ числѣ выбывшихъ былъ и председатель общества проф. Т. Ѳ. Осиповскій, никѣмъ не замѣненный. Въ виду этого въ засѣданіи 17-го мая въ председатели по баллотировкѣ былъ избранъ единогласно ректоръ университета проф. Джунковскій, и общество просило допустить его немедленно къ исправленію этой должности, что казалось необходимымъ для успѣха дѣла. Джунковскій, конечно, былъ утвержденъ въ своей должности.

Изъ статьи, помѣщенной въ Украинскомъ журналѣ¹⁾ мы узнаемъ, что кромѣ Джунковского избраны были: въ члены по отдѣленію естественныхъ наукъ — Байковъ, Еллинскій, Венедиктовъ и Дьячковъ, по отдѣленію словесныхъ наукъ — Кровебергъ, Пауловичъ, Артемовскій Гулакъ и Склабовскій; директоромъ словеснаго отдѣленія — прот. проф. Могилевскій, а секретаремъ — Филомаѳитскій. Желая съ своей стороны содѣйствовать успѣху „Украинскаго журнала“, Общество постановило помѣщать въ немъ тѣ свои статьи, которыя могли бы оказаться интересными для публики. Тогда же общество рѣшило возбудить ходатайство о безплатномъ отправленіи и полученіи корреспонденціи. Затѣмъ избраны были въ члены — бывшій попечитель З. Я. Каряевъ безъ баллотировки единогласно „во уваженіе отличной любви къ наукамъ и къ распространенію

¹⁾ 1823, № 1.

истиннаго просвѣщенія, равно какъ и въ уваженіе оказанныхъ услугъ сему университету“, по баллотировкѣ ректоръ коллегіума архим. Тимофей, проф. Васильевъ, гр. Болгари, Слободско украинскій вице губернаторъ Дм. Андр. Донецъ-Захаржевскій, Булычевъ, полк. А. А. Щербининъ, П. Г. Бутковъ, Мизко, проф. Петерб. медико хир. ак. А. И. Кронебергъ, проф. Моск. у—а М. Т. Каченовскій, прот. Башинскій, пр. Автоновскій, іерей Рогальскій; въ обществѣ было 52 члена.

Попечитель предложилъ присоединить къ обществу студенческое общество наукъ, къ этико-филологическому отдѣленію относящихся, и рассмотреть его правила; Джунковскій читалъ рефераты о библиографическихъ системахъ и „замѣчанія о крымскихъ татарахъ“ (переводъ), а проф. Архангельскій—о связи вселенной и о многочисленности солнечной системы, рѣшено было напечатать въ „Трудахъ“ общества, а переводную статью Джунковскаго въ Украинскомъ журналѣ; Артемовскій прочелъ свои сочиненія о краснорѣчьи, поэзии римлянъ и Царскій столъ, которыя поставлено было передать для напечатанія въ Украинскомъ журналѣ, Борзенко доложилъ стихи неизвѣстнаго—„мысли при чтеніи Слова Божія“, посланіе Давидова къ Мельгунову и басню Дунинъ Борковскаго „Воробей и кукушка“; рѣшено было передать ихъ редактору „Украинскаго журнала“; Кустовъ читалъ переводъ съ еврейскаго 38-й главы Іова, который рѣшено было напечатать въ „Трудахъ“ общества; Джунковскій предложилъ сдѣлать переводы нѣкоторыхъ статей изъ „Bibliothèque universelle“—вице губернаторъ взялся перевести статью о законахъ валлисцевъ, Сухомлиновъ—о геологіи, Артемовскій Гулакъ—о гимнастикѣ; послѣдній прочиталъ также нѣкоторыя замѣчанія на „Исторію Государства Россійскаго“ Карамзина, кои положено было напечатать въ „Трудахъ общества“; рѣшено было хранящіеся въ архивѣ и одобренные труды членовъ напечатать во 2-мъ томѣ „Трудовъ“ общества; Сухомлиновъ читалъ разсужденіе о громовыхъ отводахъ, которое рѣшено было напечатать въ „Трудахъ“. Всего въ 1823 году общество собиралось три раза, въ 1824 г.—пять разъ, въ 1825 году—два раза. „Слабая искра дѣятельности общества, писалъ новый попечитель Перовскій министру, возгорѣвшаяся отъ напоминаній моего предмѣстника, въ текущемъ (1828) году опять готова была потухнуть, ибо послѣ засѣданія 2 марта этого года общество пребывало въ бездѣйствіи до самаго того времени, когда, по поводу полученнаго мною отъ вашего высокопревосходительства предписанія, члены опять принуждены были собраться для выслушанія моего по этому предмету предложенія. Это краткое извлеченіе изъ исторіи общества наукъ Харьковскаго университета достаточно доказываетъ, что оно не имѣетъ того рвенія къ распространенію наукъ

и полезныхъ свѣдѣній, безъ котораго викакое общество существовать не можетъ. По мнѣнію моему, гораздо было бы соотвѣтственнѣ достоинству университета вовсе не имѣть ученаго общества, нежели считать при себѣ, такое которое не только ничѣмъ не занимается, но безъ побужденій высшаго начальства даже не помышляетъ о своихъ засѣданіяхъ. Посему ни мало не колеблясь я рѣшился бы представить вашему высокопревосходительству объ уничтоженіи этого общества, существующаго нынѣ, такъ сказать, въ одномъ только адресѣ календарѣ, если бы не ласкалъ себя надеждою, что умноженіе по университету числа дѣйствующихъ лицъ, о которомъ я имѣлъ честь ходатайствовать у вашего высокопревосходительства отъ 8 декабря, будетъ имѣть благотѣльное вліяніе и на это общество. Впрочемъ во всякомъ случаѣ я считаю необходимымъ въ уставѣ этого общества сдѣлать нѣкоторые перемѣны и постановить болѣе опредѣленные правила для его членовъ, которые бы непременно обязывали ихъ быть дѣятельными и полезными, о чемъ въ свое время приму смѣлость войти къ вашему высокопревосходительству, съ особеннымъ представленіемъ“.

Въ 1826 году было 6 засѣданій. На нихъ проф. Архангельскій читалъ сообщеніе „о пользѣ, доставляемой умственной механикою практической“, Бѣлецкій Носенко прислалъ ст. „о вкусѣ эстетическомъ“, басни на малороссійскомъ нарѣчійи и „Вой съ дракономъ“; проф. Павловскій представилъ сочиненіе „объ опредѣленіи произвольныхъ функций, входящихъ въ составъ интеграловъ уравненій въ частныхъ дифференціалахъ; капитанъ Ратищевъ изложилъ словесно свои мысли 1) о точнѣйшемъ, по его мнѣнію, отношеніи окружности круга къ діаметру и о квадратурѣ круга 2) о томъ что измѣреніе градуса земной поверхности не есть точное, но соотвѣтствуетъ ходу солнца, 3) объ устроеніи винокуренныхъ и селитроварныхъ печей и вѣтряныхъ мельницъ; для объясненія своихъ мыслей капитанъ представилъ чертежи и исчисленіе; первые два доклада поручено было разсмотрѣть Павловскому, Робушу и Байкову, а послѣдній Дьячкову и Лосеву; Павловскій сдѣлалъ сообщеніе объ алгебраическихъ кривыхъ линіяхъ; Сухомлиновъ демонстрировалъ кусокъ окаменѣлаго дерева; читались—переводъ и малороссійскія басни Бѣлецкаго Носенка, а также отзывъ Павловскаго и Байкова о докладѣ капитана Ратищева (на счетъ квадратуры круга); Корнелиусъ представилъ обществу римскую монету, переводъ сочиненія Шатобріана „Мученики“ въ 3-хъ частяхъ и свое сочиненіе „Развалины дворца князя Потемкина близъ Екатеринослава“; сочиненія были переданы Байкову для помѣщенія въ журналѣ. Любопытно, что въ октябрѣ и ноябрѣ 1826 года засѣданія

общества не могли состояться по причинѣ безпрерывныхъ дождей и непроходимой грязи.

Съ декабря 1826 г. по май 1827 г. Общество не представляло свѣдѣній о своей дѣятельности. Перовскій потребовалъ объясненія по этому поводу отъ предсѣдателя общества проф. Кронеберга—и получилъ отвѣтъ, что это вызвано было съ одной стороны продолжительною чрезвычайно ненастною погодою во время прошлой зимы и весны и болѣзнію многихъ членовъ, а съ другой преимущественно тѣмъ, что ни иногородные, ни мѣстные члены общества не доставили никакихъ докладовъ, разсмотрѣніемъ коихъ оно могло бы заняться; впродѣ же предписаніе высшаго начальства о представленіи ежемѣсячныхъ вѣдомостей будетъ исполняться неукоснительно.

Въ 1827 году общество имѣло 5 засѣданій. Въ общество передано было изъ правленія сочиненіе Бѣлецкаго Носенка „Лингвистическія замѣчанія“; Черняевъ предложилъ, чтобы члены общества докладывали по очереди о новостяхъ по части своей спеціальности; тотъ же Черняевъ словесно изложилъ основанія, на коихъ онъ намѣренъ издавать собраніе высушенныхъ отечественныхъ растений, преимущественно медицинскихъ—общество попросило его представить объ этомъ письменный докладъ; Гулакъ Артемовскій представилъ переводъ съ польскаго сочиненія Христіана Горве „Опытъ распознаванія умственныхъ способностей въ дѣтихъ“.

Въ 1827 году предсѣдатель общества Кронебергъ представилъ проектъ видоизмѣненнаго устава¹⁾, но былъ ли онъ утвержденъ начальствомъ, неизвѣстно.

¹⁾ Вотъ его подлинный текстъ.

І. Составленіе общества.

§ 1. Учрежденіе ученаго общества при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ имѣть предметомъ своимъ распространеніе наукъ и знаній черезъ ученыхъ изысканія и чрезъ изданіе въ свѣтъ общепользныхъ сочиненій.

§ 2. Покровитель сего общества есть попечитель университета.

§ 3. Общество имѣетъ два отдѣленія: 1-е отдѣленіе наукъ естественныхъ, 2-е отдѣленіе словесное.

§ 4. Къ отдѣленію естественныхъ наукъ принадлежать всѣ науки, коихъ предметъ состоитъ въ созерцаніи и испытаніи природы.

§ 5. Въ словесномъ отдѣленіи заключаются науки и знанія, относящіяся къ исторіи народовъ, языкамъ древнимъ и новѣйшимъ и ихъ литературѣ, наконецъ, юриспруденція въ историческомъ отношеніи.

§ 6. Каждое отдѣленіе имѣетъ директора и секретаря. Они избираются чрезъ каждое трехлѣтіе изъ дѣйствительныхъ членовъ.

§ 7. Каждое отдѣленіе имѣетъ частныя засѣданія для сужденій о предметахъ, къ нему принадлежащихъ.

Въ 1828 году было шесть засѣданій; въ иные мѣсяцы засѣданія и пазначались, но не могли состояться вслѣдствіе недостаточнаго числа собравшихся членовъ или ненастья. Предсѣдатель Кронебергъ отказался отъ должности по многосложности своихъ ректорскихъ обязанностей и на его мѣсто избранъ Могилевскій. Комлишинскій читалъ свой переводъ трактата Гумбольдта о главнѣйшихъ причинахъ различной температуры на земномъ шарѣ; членъ общества Бѣлецкій Носенко прислалъ два стихотворенія 1) Ивга—баллада на малороссійскомъ нарѣчій и 2) сказочка Лицвинъ да Украинецъ на литвинскомъ и малороссійскомъ нарѣчій; профессоръ Еллинскій представилъ описаніе перевязки носо-

§ 8. Оба отдѣленія, соединенныя вмѣстѣ, составляютъ ученое общество, коего предсѣдатель есть ректоръ университета, буде участвуетъ въ трудахъ общества; въ противномъ случаѣ избирается отъ дѣйствительныхъ присутствующихъ членовъ на три года и представляется чрезъ г. попечителя университета на утвержденіе Г. Министру Народнаго Просвѣщенія.

§ 9. Общество имѣетъ свою печать большую и малую съ государственнымъ гербомъ и надписью: печать Харьковскаго ученаго общества. Пакеты подъ сею печатью принимаются на почтѣ безъ платежа вѣсовыхъ денегъ.

II. Члены общества.

§ 10. Общество состоитъ изъ дѣйствительныхъ и почетныхъ членовъ и корреспондентовъ.

§ 11. Въ дѣйствительные члены баллотируются по предварительномъ представленіи въ оное и рассмотрѣніи сочиненій или переводовъ, сообразныхъ съ цѣлію общества, исключая тѣхъ лицъ, которые уже извѣстны учеными своими трудами. Они получаютъ дипломы, подписанные предсѣдателемъ, директоромъ отдѣленія, къ которому принадлежитъ и секретарь общества.

§ 12. Почетные члены избираются баллотированіемъ изъ людей, изъявившихъ готовность свою быть полезными обществу.

§ 13. Корреспонденты присоединяются для ученыхъ сношеній изъ мужей извѣстныхъ своими познаніями и ревностію къ наукамъ.

§ 14. Каждый изъ дѣйствительныхъ членовъ при вступленіи своемъ вноситъ въ пользу общества 15, а потомъ ежегодно по 5 руб., почетные же члены опредѣляютъ ежегодное пожертвованіе по собственному усмотрѣнію.

§ 15. Почетные члены общества вносятъ за дипломъ по 50 рублей.

§ 16. Избираемый можетъ быть предложенъ каждымъ членомъ по представленіи доказательствъ, что предлагаемый можетъ содѣйствовать успѣхамъ общества.

§ 17. Буде кто изъ дѣйствительныхъ членовъ общества въ теченіи одного года не представитъ ему никакихъ своихъ сочиненій, или важныхъ въ отношеніи къ наукамъ переводовъ, то обществу представляется право не считать его въ числѣ своихъ членовъ, что и записывается въ журналъ общества.

III. О предсѣдательствующемъ и секретарѣ общества.

§ 18. Обязанность предсѣдательствующаго есть пеищись о точномъ исполненіи устава общества.

нихъ полиповъ; Могилевскій читалъ разсужденіе о патетическомъ въ краснорѣчіи; Павловскій представилъ докладъ о нѣкоторыхъ кривыхъ линіяхъ; избраны были редакторы для давно уже задуманнаго 2-го тома „Трудовъ“ общества (Комлишинскій, Сухомлиновъ, Филомаѳитскій и Гулакъ Артемовскій); въ члены общества, по предложенію Данилевича, избранъ былъ Лелевель.

Въ 1829 году было пять засѣданій; нѣкоторые засѣданія не могли состояться вслѣдствіе сильной грязи (въ мартѣ мѣсяцѣ). Бѣлецкій Носенко представилъ свое сочиненіе „Теорія эпидемій“ и три баллады на малороссійскомъ нарѣчіи; это сочиненіе дано было для про-

§ 19. Онъ получаетъ и распечатываетъ пакеты, присылаемые на имя общества, и назначаетъ время общихъ собраний.

§ 20. Онъ чрезъ директоровъ сообщаетъ отдѣленіямъ то, что до нихъ относится.

§ 21. Въ отсутствіе предсѣдательствующаго одинъ изъ директоровъ отправляетъ его должность.

§ 22. Секретарь общества и секретари отдѣленій избираются изъ дѣйствительныхъ членовъ.

§ 23. Онъ составляетъ журналъ засѣданій общества, ведетъ списокъ членовъ по отдѣленіямъ и списокъ сочиненій, обществу представляемыхъ, съ означеніемъ времени полученія, и отмѣчая одобренныя къ напечатанію и не одобренныя.

§ 24. Въ торжественномъ собраніи секретарь общества представляетъ изложеніе точныхъ занятій общества.

§ 25. Онъ хранитъ малую печать общества и порядокъ архива. Большая печать хранится у предсѣдателя.

§ 26. Сумма общества составляется изъ ежегодныхъ взносовъ отъ членовъ по жертвованію и денегъ отъ продажи сочиненій общества. Употребляется она на расходы по канцеляріи, печатаніе трудовъ и другія надобности расхода, не превышающій ста рублей, производится отъ одного засѣданія общества до другого съ разрѣшенія предсѣдателя, а превышающій оную сумму по распоряженію общества.

§ 27. Для храненія суммы и бібліотеки избирается казначей изъ членовъ дѣйствительныхъ, которому даются шнуровыя книги для прихода и расхода и который въ концѣ года даетъ обществу полный и общій отчетъ. Книги же прихода и расхода новѣряются каждые полгода предсѣдателемъ и директоромъ отдѣленій.

IV. О директорахъ и секретаряхъ отдѣленій.

§ 28. Директоры въ отдѣленіяхъ имѣютъ ту же обязанность, какую предсѣдательствующій въ обществѣ.

§ 29. Секретари отдѣленій сочиняютъ журналы засѣданій и наблюдаютъ порядокъ дѣлъ.

§ 30. Они пекутся объ исправности изданій и печатаніи сочиненій своего отдѣленія.

V. О занятіяхъ и правилахъ общества.

§ 31. Общество имѣетъ разъ въ годъ торжественное собраніе 25 іюня. Въ немъ излагаются кратко занятія общества въ теченіи года и произносятся членами приличныя рѣчи.

смотря Еллинскому и Венедиктову, и медицинскимъ факультетомъ признавъ неудовлетворительнымъ; Дьячковъ прочиталъ докладъ „О вѣсахъ и мѣрахъ вообще и въ особенности о россійскихъ въ отношеніи къ главнѣйшимъ иностраннымъ“; Золотаревъ читалъ переводъ сочиненія Шатобріана о народной набожности и собственное стихотвореніе „Осень“. Приготовленный къ изданію 2-й томъ „Трудовъ“ общества, въ который вошло 13 статей, былъ сданъ правленію для напечатанія. О дальнѣйшей судьбѣ общества свѣдѣній нѣтъ—повидимому дѣятельность его въ концѣ 1829 г. прекратилась: по крайней мѣрѣ на этомъ годѣ прерывается дѣло „О дѣйствіяхъ общества наукъ при Харьковскомъ университетѣ“¹⁾.

§ 32. Обыкновенныя собранія бывають единожды въ два мѣсяца и именно въ концѣ второго мѣсяца, а въ случаѣ надобности приглашаетъ членовъ представляющей къ особымъ собраніямъ.

§ 33. Отдѣленія сообщаютъ обществу достойное вниманія чрезъ своего директора.

§ 34. Каждое отдѣленіе имѣетъ частныя засѣданія по приглашенію директора однажды въ теченіи мѣсяца, въ случаѣ же надобности и чаще.

§ 35. Въ засѣданіяхъ отдѣленій читаются представленныя въ оныя сочиненія и переводы, разсуждается о всемъ, что до каждаго отдѣленія относится. Сочиненія, разсмотрѣнныя въ отдѣленіяхъ, представляются обществу съ мнѣніемъ оныхъ.

§ 36. Въ общихъ собраніяхъ слушаются предложенія высшаго начальства и представляющаго, читаются отношенія отсутствующихъ членовъ общества, представленія, поступающія изъ отдѣленій, и частныя отъ членовъ.

§ 37. Представленныя отъ отдѣленій сочиненія читаются въ обществѣ, вмѣстѣ съ мнѣніемъ отдѣленія, а потомъ чрезъ баллотированіе либо одобряются къ напечатанію, либо не одобряются; общество не обязывается само возвращать не одобренныя сочиненія, но предоставляетъ сочинителямъ сдѣлать свои распоряженія для полученія ихъ.

§ 38. Сочиненія, одобренныя къ напечатанію, составляютъ собственность общества до изданія оныхъ, и до тѣхъ поръ сочинители не имѣютъ права издавать оныя отъ себя за исключеніемъ, если общество не напечатаетъ оныхъ въ теченіи года.

§ 39. Изъ представленныхъ сочиненій принимаются въ общество только писанныя на россійскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

§ 40. Общество издаетъ по подпискѣ сочиненія свои въ видѣ журнала по 4 книжки въ годъ подъ названіемъ: труды Харьковскаго ученаго общества.

§ 41. Въ изданіи трудовъ общество вспомоцествуется университетомъ по § 9 устава университета.

§ 42. Мнѣніе рѣшается большинствомъ голосовъ. Баллотировка и прочія засѣданія общества не могутъ имѣть мѣста, если число присутствующихъ не превышаетъ трети дѣйствительныхъ членовъ, въ городѣ живущихъ.

§ 43. При равенствѣ голосовъ представляющей рѣшаетъ дѣло вторичнымъ голосомъ...

§ 44. Харьковское ученое общество предоставляетъ себѣ право по обстоятельствамъ и времени что либо перемѣнить и вполнѣ прибавить въ семь уставѣ съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія (Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. поп. № 967/53).

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. № 1137/04.

Тщетны были, какъ видимъ отсюда, и попытки Перовскаго виѣшними мѣрами надзора вдохнуть въ общество жизнь. 2-й томъ его „Трудовъ“ не былъ изданъ и гдѣ находятся собранныя для него рукописи, неизвѣстно. Желательно было бы произвести тщательные поиски ихъ въ университетскомъ архивѣ и въ архивѣ университетской типографіи. За 7 лѣтъ своего существованія (съ 1823 года) общество приготовило къ печати сборникъ въ 13 статей, въ среднемъ по 2 статьи въ годъ. Общее число прочитанныхъ въ его засѣданіяхъ рефератовъ было также незначительно. Отношеніе членовъ къ обществу было въ общемъ равнодушное и безразличное: читали рефераты очень немногіе; наиболѣе энергичнымъ членомъ оказался Бѣлецкій Носенко. Идея Черняева на практикѣ не была осуществлена. Послѣ 1835 года возбуждено было ходатайство объ открытіи при университетѣ новаго ученаго общества ¹⁾: очевидно, прежнее уже не существовало.

Но была одна область научнолитературной дѣятельности Харьковскаго университета, которая теперь несомнѣнно получила значительное развитіе сравнительно съ предшествовавшей эпохой, это—журналистика. Чѣмъ объяснить это явленіе?

✓ Движеніе въ этой области было подготовлено, на нашъ взглядъ, первымъ десятилѣтіемъ въ исторіи университета и является его культурнымъ наслѣдіемъ. Университетъ за это время создалъ будущихъ дѣятелей журналистики и подготовилъ для нея почву въ мѣстномъ обществѣ. Филомаѳтскій, Гонорскій, Масловичъ, Гулакъ-Артемовскій, Складовскій—иниціаторы журнальнаго дѣла въ Харьковѣ—получили вкусъ къ литературной дѣятельности въ ученой атмосферѣ Харьковскаго университета и были духовными вѣздами Рижскаго, Срезневскаго и другихъ тогдашнихъ профессоровъ. Еще въ первое десятилѣтіе издавалась университетскимъ книгопродавцемъ Лангнеромъ газета, пріучавшая публику къ мысли имѣть свой мѣстный органъ печати. Просвѣтительное вліяніе университета на мѣстное общество не прошло и не могло пройти безслѣдно и принесло свои плоды. Уровень культурныхъ потребностей общества подъ вліяніемъ университета постепенно расширялся и естественнымъ результатомъ его было развитіе мѣстной журналистики. Среди университетскихъ дѣятелей и бывшихъ питомцевъ университета нашлись сотрудники для харьковскихъ повременныхъ изданій. Университетъ печаталъ эти изданія въ своей собственной типографіи. Ему же принадлежала и непосредственная цензура надъ ними, конечно, благожелательная, справедливая и непридиричивая, а это обстоятельство имѣло

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло пооч. 1834 г. № 2020/127.

огромное значеніе. Иногда университетъ отпускалъ даже собственныя средства на эти изданія. Наконецъ, въ вѣдѣніи университета были тогда еще всѣ среднія и низшія учебныя заведенія въ округѣ, составлявшія съ нимъ какъ бы единую педагогическую семью. Эти учебныя заведенія, ихъ педагогическій персоналъ и отчасти даже учащіеся составляли и первоначальный основной контингентъ подписчиковъ, а къ нимъ присоединялись и представители мѣстной среды, въ видѣ почетныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ, родителей учащихся и т. п. Районъ, который тяготѣлъ къ Харьковскому университету, былъ огроменъ, ибо онъ равнялся Харьковскому учебному округу—и это, конечно, обезпечивало нѣкоторый, относительно правда небольшой, контингентъ читателей.

Въ изучаемый нами періодъ времени возникли и просуществовали нѣкоторое время журналы—Украинскій Вѣстникъ, Харьковскій Демокритъ, Украинскій Журналъ, Харьковскій Домоводъ и газета „Харьковскія извѣстія“. Кромѣ того было ходатайство объ изданіи журнала „Харьковская муза“, но оно не увѣчалось успѣхомъ по препятствіямъ цензурнаго свойства.

Сообщимъ нѣкоторыя фактическія данныя о программахъ, направленіи, содержаніи и судьбѣ этихъ повременныхъ изданій.

✓Въ концѣ 1815 года кандидатъ Харьковскаго университета Еврафъ Филомаѳитскій, капитанъ Григорій Квитка и учитель гимназій Разумникъ Гонорскій обратились въ правленіе университета съ прошеніемъ о разрѣшеніи имъ издавать въ Харьковѣ періодическое сочиненіе подъ названіемъ „Украинскій Вѣстникъ“ по прилагаемому ими плану. Планъ же новаго журнала былъ таковъ. Журналъ долженъ былъ состоять изъ 5 отдѣловъ—науки, прекрасная проза, стихотворенія, харьковскія записки, и смѣсь. Въ первомъ предполагалось помѣщать статьи, относящіяся собственно къ наукамъ и служащія къ распространенію познаній, необходимыхъ для жизни, статьи по русской исторіи вообще и по мѣстной въ частности. Во второмъ—отрывки изящной прозы, полезное и пріятное чтеніе для дѣтей. Въ третьемъ—стихотворенія разныхъ родовъ за исключеніемъ слишкомъ обширныхъ по размѣру. Въ четвертомъ—статьи, касающіяся университета, дѣлъ фило-техническаго и благотворительнаго общества, замѣчанія о театрѣ и т. п. Въ пятомъ—хозяйственныя и другія замѣчанія относительно здѣшняго края и Малороссіи, библіографію выходящихъ въ Харьковѣ книгъ и краткія рецензіи. „И такъ какъ издатели берутъ на себя обязанность быть посредниками между благотворителями и несчастными, то они съ особеннымъ удовольствіемъ и благодарностью будутъ помѣщать также из-

вѣстия о нуждающихся и доставлять имъ пособія по назначеніи благотворителей¹⁾.

Какъ видимъ отсюда, программа журнала была широкая и видное мѣсто въ ней было отведено мѣстнымъ интересамъ, что, конечно, служило одною изъ главныхъ причинъ его успѣха въ публикѣ. Если бы журналъ игнорировалъ мѣстную исторію, литературу и жизнь, то онъ терялъ бы свой *raison d'être*, потому что общія научно литературныя статьи всякій могъ бы прочесть въ столичныхъ изданіяхъ, гдѣ, конечно, этотъ отдѣлъ былъ обставленъ несравненно лучше и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи. Одинъ изъ соиздателей—тогда извѣстный впоследствии малороссійскій писатель Григорій Федоровичъ Квитка—съ выборомъ въ должность Харьковскаго уѣзднаго предводителя дворянства, вышелъ изъ состава редакціи и вели журналъ ставшіеся два издателя, а за смертью въ 1819 г. Разумника Тимофеевича Гонорскаго заканчивалъ дѣло одинъ Филомаѣитскій, который вообще повидимому былъ душею всего дѣла и велъ его очень успѣшно энергично. Измаиль Ивановичъ Срезневскій приводитъ любопытное сообщеніе (въ своей запискѣ объ отцѣ), что инициатива Украинскаго вѣстника принадлежала Ивану Евсеевичу Срезневскому, близко стоявшему къ Филомаѣитскому и Гонорскому—они были его учениками по Харьковскому университету; И. Е. Срезневскій, по словамъ Вс. Изм. Срезневскаго, „дѣлилъ съ редакторами заботы редакціи и сообразно съ нуждами изданія располагалъ литературныя труды студентовъ“²⁾. Извѣстіе объ инициативѣ Ивана Евсеевича, вѣроятно, требуетъ нѣкотораго граниченія; во всякомъ случаѣ жаль, что Вс. Изм. Срезневскій не прилепъ полностью изъ рукописи самаго свидѣтельства Измаила Ивановича Срезневскаго объ его инициативѣ.

„Украинскій Вѣстникъ“ выходилъ 4 года—въ 1816, 1817, 1818 и 1819 годахъ. Сдѣлаемъ краткій обзоръ его содержанія. Въ 1-мъ отдѣлѣ наукъ и искусствъ было напечатано нѣсколько статей по исторіи Малороссіи—„О гетманѣ Хмельницкомъ“ (неизвѣстнаго автора)—повѣствовательнаго компилятивнаго характера; историческія замѣчанія о Малороссіи отъ смерти гетмана Богдана Хмельницкаго до Полтавскаго сраженія—такого же характера; эпоху гетманства авторъ считаетъ самою несчастною и только остави гибельную мечту самостоятельной вольности, Малороссіи, по его словамъ, приобрѣла постоянное счастье. О Богданѣ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1815 г. № 978/46.

²⁾ Жур. Мин. Нар. Просв. 1898 г., № 6, стр. 372.

Хмельницкомъ есть и специальная статья. Ильѣ Квиткѣ (автору „Записокъ о Слободскихъ полкахъ“) принадлежитъ статья историческаго содержанія „О малой Россіи“—это краткое изложеніе событій въ Малороссіи до паденія гетманства. Сюда же относится письмо къ издателямъ о малороссійскихъ древностяхъ и „Введеніе въ малороссійскую исторію“ Маркова.

Въ отдѣлѣ наукъ находимъ рѣчь проф. Срезневскаго „О любви къ отечеству“ и статьи о перспективѣ, о музыкѣ, мозаикѣ, Самаріи, объ исторіи, о древнемъ турьемъ рогѣ (Маркова), переводъ мыслей Цицерона о дружествѣ, о причинахъ различія умственныхъ и нравственныхъ способностей, отрывки изъ книги Гесъ-де-Кальве о теоріи музыки, Левшина „Греки и римляне на поприщѣ наукъ и искусствъ“, Нестеровскаго „Сравненіе Русской правды съ судебникомъ“, „О животномъ магнетизмѣ проф. А. Дудровича, новѣйшіе успѣхи въ искусствѣ дистиллированія Ор. Шумана, Воронова „О необходимости законовъ въ каждомъ политическомъ обществѣ“.

Изъ статей по теоріи и исторіи словесности отмѣтимъ работу Гонорскаго „Начертаніе теоріи подражательной гармоніи слова“, нѣчто о переводѣ Виргиліевыхъ георгику русскими гексаметрами и замѣтку о подражательной гармоніи слова, большую критико-литературную статью Филомаитскаго „Опытъ по 2-мъ способамъ (систематическому и аналитическому) судить и одѣнживать вѣрно эстетическія произведенія какъ древнихъ, такъ и новыхъ стихотворцевъ“, нѣчто объ эллегин, переводъ письма Руссо къ Вольтеру о его сочиненіяхъ, письма Гердера о Лессингой статья—какъ изображали древніе смерть?, о вкусѣ и его вліяніи на словесность Ник. Гнѣдича, о шуточномъ и смѣшномъ—Гесъ-де-Кальве.

Въ отдѣлѣ географіи и путешествій были помѣщены „Воспоминанія о Новгородѣ Сѣверскѣ“ швейцарскаго уроженца и Харьковскаго литератора Ив. Вернета; въ нихъ по обычаю того времени много исповѣди сердца и ума и мало фактическихъ подробностей, но есть все таки нѣкоторыя свѣдѣнія о Глуховѣ и Новгородѣ Сѣверскѣ. Строго фактическимъ характеромъ наоборотъ отличается статья неизвѣстнаго (К-ри) о Литвѣ; отмѣтимъ также путешественныя записки Исакова и выписки изъ писемъ путешественника отъ Кронштадта до Мобежа (заграницей), нѣчто о каменноугольной ломкѣ въ Бахмутскомъ уѣздѣ Екатериин. губ. Ор. Шумана, возраженіе на эту статью съ нѣкоторыми любопытными свѣдѣніями о мѣстныхъ древностяхъ неизвѣстнаго, отвѣтъ на это возраженіе Шумана.

2-й отдѣлъ журнала заключалъ „Живописную прозу“. Здѣсь мы встрѣчаемъ статьи литературнаго характера изъ Бюффона (Лебедь).

Бартеlemi (элегія), Гердера. „Различные роды безсмертія“ и „Умирающій лебедь, Сень-Піера (гробницы), Шатобріана (Долина Іоасафатова, Миссисипи, Путешественникъ во Іерусалимъ), Масильона (Совѣсть), Лаленеда (Дружба), Размышленія о смерти знаменитыхъ мужей (съ англ.), Видъ страны Лаціума, когда прибылъ туда Эней.

Изъ оригинальныхъ произведеній отмѣтимъ отрывки изъ приготовившейся къ печати книги Левшина—„Письма изъ Малороссіи“, цѣлый рядъ статей Вернета: небольшіе повѣдки по Змѣевскому уѣзду, сельское кладбище, мысли одного изъ моихъ дней въ Харьковѣ, подюжина листовъ изъ моего журнала, молодость и старость съ личными воспоминаніями о Суворовѣ, возвращеніе изъ Валокъ въ Харьковъ, мысли о Харьковѣ, послѣдки изъ моей страннической сумки, Валковское кладбище, осенняя прогулка въ день моего ангела, жилище и посѣщеніе, Харьковское кладбище, печникъ философъ, еще нѣсколько моихъ воспоминаній, не болѣе одной почтовой станціи, полезный досугъ въ уединеніи, странствователь, моя вакація; неизвѣстнаго „Тоска по мѣстечкѣ В*Б*ъ и раскаяніе“, „Обайдагъ“ (переводъ съ англійскаго Л. Коростовцевой), удовольствіе отъ благотворенія (переводъ съ итальянскаго Каменской), Катакомбы, картина Везувія во время изверженія (переводъ пѣсенкой рукописи), видъ развалинъ дворца кн. Потемкина близъ Екатеринослава, рѣчь Ланжерона при открытіи Одесскаго лицея, рѣчь В. Н. Каразина „О истинной и ложной любви къ отечеству“, окрестности Рейна (переводъ Н. Левицкаго съ польскаго).

Третій отдѣлъ заключаетъ рассказы для дѣтей, преимущественно переводные. Здѣсь мы находимъ любопытную переводную статейку (съ французскаго) о Франклинѣ, составленную по его автобіографіи, переводной рассказъ съ французскаго „Юстинъ или добрый баринъ“, „Валентинъ Дюваль“, Тасъ (изъ Ансильона), „Случай жизни“, приключеніе, случившееся съ Тюренемъ и др.

Отдѣлъ—стихотвореній—заключаетъ въ себѣ стихи Склабовскаго Брезневскаго, Куницкаго, Ф-аго (Филомаѳитскаго)—а) къ Манлію Торватату (переводъ Гораціевой оды), Кординца, (Спартакъ), Артемовскаго Гулака, Агаѳи, Фортунатова (Миявана изъ Оссіана), Л. Кричевской, Пѣсни, Днѣпръ, Раскаяніе и др.), неизвѣстнаго (ода гр. Каменскому, который самъ прислалъ ее для напечатанія въ журналъ), Гонорскаго (съ испанскаго и итальянскаго), псаломъ 3-й, 20-й и 43-й, къ Меценату (изъ Горація), отрывокъ Райдаровскаго (На смерть Державина, Петраркинъ сонетъ, къ другу при разлукѣ, на гробъ друга, канты вел. кн. Николаю Павловичу), Ор. Сомова (по поводу стихотворенія Жуковскаго „Швецъ во главѣ русскихъ воиновъ“). Ег. Акимова (эпиграммы—очень слабы,—

къ Голубку, къ портрету кн. Репнина), Соколова (Разлука съ родиною), Ремезова (Уединеніе), Бакаева (Слѣпецъ), Дм. Дунина Борковского (басня Мартышка и Котъ) Субботина (басня „Стрекоза и желѣзный листъ“), Фраполи (Памяти С. А. Гринева), Шкларевича (Юноша—подражаніе Клоштокѣ), Ст. Юшкова (Рондо), Каменской (Сельское кладбище—переводъ изъ Легуве), П. Лосева, Лузанова, Макарова (Ошибка), Пonomарева (Къ младенцу), Тюльпина (Къ сосѣду—посланіе къ другу моему профессору П. И. С.), Пѣсенка или Полубылъ Г-а (Григорій Квитка?) и др.

Отдѣлъ харьковскихъ записокъ представляетъ въ настоящее время наибольшій интересъ. Здѣсь мы находимъ данныя о дѣятельности Харьковскаго университета (по его отчетамъ) Харьковскаго Библейскаго общества, Харьковскаго общества благотворенія, Харьковскаго Филотехническаго общества, общества наукъ, свѣдѣнія о харьковской общественной жизни того времени въ формѣ писемъ Филомаѣтскаго въ Херсонъ, о Крещенской ярмаркѣ, о пребываніи вел. кн. Николая Павловича въ Харьковѣ, рѣчь на похоронахъ безвременно скончавшагося кандидата Харьковскаго университета Гринева, описаніе бала, даннаго военными въ Водолагахъ, слово Прокоповича на избраніе судей, рѣчь прот. Антоновскаго при погребеніи Харьковскаго епископа Аполлоса, имена лицъ, сдѣлавшихъ пожертвованіе Харьковскому Коллегіуму, свѣдѣнія о дворянскихъ выборахъ въ Харьковѣ, о пребываніи Императора Александра I-го въ Харьковѣ, о пребываніи въ Харьковѣ Михаила Павловича, о Харьковскомъ театрѣ, обо всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Харькова, рѣчь пр. Архангельскаго на похоронахъ проф. Дрейсига, некрологъ проф. Каменскаго, рѣчи на погребеніи Гонорскаго.

Къ этому отдѣлу по справедливости нѣжно отнести и статьи о Г. С. Сковородѣ Гессъ-де-Кальве и Вернета и два его письма, а также статью Филомаѣтскаго о домѣ безъ печей, устроенномъ проф. Васильевымъ, отчетъ В. Н. Каразина о дѣятельности Филотехническаго общества за послѣдніе четыре мѣсяца 1818 года, со всѣми приложеніями.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ смѣси—находимъ между прочимъ „письма къ издателямъ Фал. Повинухина“, заключающія въ себѣ сатирическое изображеніе француза гувернера, письмо изъ Херсона, извѣстіе отъ совѣта благотворительнаго общества, библіографію вновь выходящихъ книгъ (есть отвѣтъ проф. Успенскаго рецензенту его „Опыта повѣствованія о русскихъ древностяхъ и, свѣдѣнія о пребываніи въ Полтавѣ вел. кн. Николая Павловича, удостовѣреннаго своимъ особымъ покровительствомъ капитана Котляревскаго—извѣстнаго автора *Виргиліевой Энеиды* на малороссійскомъ языкѣ, и изъявившаго желаніе имѣть у себя два экземпляра этого сочиненія), извѣстія о бѣдныхъ семействахъ,

письмо Гр. Оед. Квитки объ отказѣ отъ соиздательства Укр. Вѣстника, письмо о пребываніи малороссійскаго генераль губернатора князи Рѣнина въ Черниговѣ, описаніе Одессы, отрывки изъ путевыхъ записокъ одного украинца по дорогѣ изъ Петербурга къ Харькову, описаніе минеральнаго источника подлѣ Елисаветграда Херсонской губерніи, замѣтку о театральномъ пьесѣ, игранный въ Харьковѣ, — Козакъ-стихотворецъ — письмо Украинца о Петербургѣ, документы о пожертвованіяхъ Демидова, для основанія лицей, письма неизвѣстнаго о переводахъ съ польскаго на русскій языкъ съ любопытной мотивировкой, касающейся малорусскаго языка.

Положеніе „Украинскаго Вѣстника“ въ 1819 году сдѣлалось очень тяжелымъ, благодаря реакціи, царившей тогда въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. 8 ноября 1819 года министръ народнаго просвѣщенія князь А. Н. Голицынъ прислалъ попечителю З. Я. Кариѣву письмо, въ которомъ писалъ: „Украинскаго Вѣстника на 1819 годъ въ книжкѣ девятой на страницахъ 279, 356 и 372 замѣчены мѣста, кои, по неприличію своему, не должны были бы быть напечатаны въ семъ изданіи, а именно: *первое* на счетъ отличной похвалы бывшему при Харьковскомъ университетѣ профессору Шаду, потому что онъ удаленъ правительствомъ изъ сословія университетскихъ наставниковъ, какъ признанный, по образу мыслей своихъ вреднымъ для юношества; *второе*, гдѣ издатель, предполагая въ кватерахъ какой то тонъ равенства, показываетъ совершенное незнаніе свое о существующемъ у нихъ обычаѣ; *третье* заключаетъ въ себѣ сообщенный отъ одного изъ университетскихъ начальниковъ о шанкахъ, носимыхъ въ Харьковѣ молодыми людьми, отзывъ, который написанъ въ тонѣ, неприличномъ не только никакому начальству, но и каждому благовоспитанному человѣку. Вслѣдствіе того покорнѣйше прошу ваше превосходительство, обративъ вниманіе редакторовъ на неприличность и несообразность этихъ мѣстъ, подтвердить имъ впредь подобныхъ статей въ журналѣ своемъ не помѣщать. Это на первый разъ можно исполнить неофициальнымъ образомъ, для чего я и отношусь къ вамъ посредствомъ партикулярнаго письма“. Попечитель сообщилъ ректору Т. О. Осиповскому копію этого письма и отъ себя прибавилъ: „послѣ многократныхъ официальныхъ подтвержденій цензурному комитету о бдительномъ разсмотрѣніи печатаемыхъ съ позволенія его разнаго рода сочиненій до сего времени пропускаетъ онъ несообразныя съ чистою нравственностію сужденія, навлекающія на самое университетское управленіе невыгодное отъ верховнаго начальства мнѣніе. Въ заключеніе онъ просилъ ректора подтвердить редакторамъ, чтобы они не помѣщали впредь подобныхъ

статей. Ректоръ отвѣтилъ, что по поводу первыхъ двухъ статей онъ сдѣлалъ подтвержденіе и издателю Вѣстника, и цензору его, а они отзывались, что статьи эти содержали частныя сужденія о частныхъ предметахъ и потому они не признали ихъ противными политикѣ: иначе не выпустили бы въ свѣтъ. Что же касается до статейки о шапкахъ, объяснялъ Т. О. Осиповскій, то она вышла отъ меня. „Нимѣшнимъ“ лѣтомъ начали появляться на университетскихъ студентахъ особаго покроя шапки съ большими расходящимися въ бока углами, похожими на уши или на рога. Къ сентябрю мѣсяцу число такихъ шапокъ очень умножилось, а нѣкоторые начали отличаться нашитыми на нихъ звѣздами. На то время въ газетахъ помѣщаемо было, что въ Германіи заводятся общества, имѣющія затѣи противъ правительства, коихъ члены отличаются особыми шапками и что наибольшее число членовъ этихъ обществъ составляютъ студенты. Я сперва подумалъ было, не заводятся ли чего подобнаго и въ нашемъ университетѣ, но ближайшее наблюденіе показало, что подъ этими шапками не скрывается никакихъ замысловъ, потому болѣе что носящіе ихъ были большею частью изъ числа самыхъ глупыхъ. Между тѣмъ публика и городское правитель-ство, смотря на это издали, все таки могли взвести подозрѣніе на университетъ и потому мнѣ хотѣлось эти шапки изгнать изъ употребленія. Сперва говорилъ я: па что эти рога у шапки? Все дѣлается для чего нибудь, напримѣръ, поле у шляпы, чтобы защищать глаза отъ солнца и отъ падающей сверху пыли, а рога у шапки совсѣмъ бесполезны, но шапки не уменьшались. Потомъ говорилъ, что за охота студентамъ носить такіа дурацкія шапки? Но и это также не имѣло успѣха. Тогда и, разсуждая о томъ, какимъ бы образомъ дать знать публикѣ, что въ этихъ шапкахъ нѣтъ ничего подозрительнаго и вмѣстѣ отбить охоту у студентовъ къ этимъ шапкамъ и принявъ во вниманіе, что умный, буде при какихъ либо его дѣлахъ, производимыхъ съ цѣлію и намѣреніемъ, говорится что на счетъ униженія ума, бываетъ къ этому нещекотливъ и, внутренно смѣясь надъ этимъ, продолжаетъ свое дѣло; глупцы же къ словамъ, унижающимъ ихъ умъ, весьма щекотливы и, бросая свое дѣло, какъ производимое ими безъ цѣли и намѣренія, обыкновенно обращаются ко мщенію, котораго отъ глупцовъ обыкновенно бояться нечего, рѣшился для отзыва къ публикѣ (словами для тѣхъ только ясными, кои могли имѣть подозрѣніе къ этимъ шапкамъ) о безвинности носимыхъ студентами шапокъ, написать о нихъ вопросъ и отвѣтъ, въ которомъ бы посильнѣе выражена была глупость носящихъ ихъ, который написавъ такъ:

Вопросъ. Что значить шапка о шести рогахъ, которую теперь многіе молодые люди носятъ? Нѣтъ-ли подъ ней какого секрета?

Отвѣтъ. Ничего нѣтъ. Она есть просто вывѣска дурака, гонящегося за модою, которую и выпустили дураки.

И отдалъ издателю Украинскаго Вѣстника для печатанія. Редакторъ не понявши, что этотъ вопросъ и отвѣтъ былъ болѣе отзывъ къ публикѣ, нежели осмѣяніе носящихъ шапки, нѣсколько измѣнилъ его. Однако же онъ все таки произвелъ свое дѣйствіе: тотчасъ шапки стали становиться рѣже, а вскорѣ и совсѣмъ исчезли или стали покрываться круглымъ чехломъ.

На отмѣченныхъ министромъ 279 и 356 страницахъ было помѣщено слѣдующее: на стр. 279-й примѣчаніе редактора Филомавитскаго къ статьѣ Гулака-Артемовскаго, переведенной съ польскаго „Нѣчто для сочинителей“, въ которомъ говорится: „не знаю, почему здѣсь авторъ не упомянулъ о письмахъ М. Мануціи—писателя, жившаго около половины XVI ст. въ Венеціи. Латинскій языкъ въ нихъ почти тотъ же, каковъ въ Цицеронѣ и Пливіи младшемъ—это мысль славнѣйшаго и нынѣшнѣмъ свѣтѣ латиниста, бывшаго здѣсь профессора Шада“. И такъ, здѣсь инкриминировано было редактору его мнѣніе о Шадѣ, какъ о прекрасномъ латинистѣ, хотя этотъ послѣдній былъ дѣйствительно таковымъ. На стр. 355—356-й говорится: „знаменитый и богатый квакеръ Давидъ Гольдъ писалъ длинное письмо къ лорду Лаккастерскому по случаю возмущенія въ Манчестерѣ. „Ты, между прочимъ пишешь квакеръ, долженъ былъ собрать работниковъ и возвысить дѣву за труды ихъ. Тогда всѣ буйныя прокламаціи реформаторовъ ничего бы не успѣли, когда бы толикое множество людей имѣли что ѣсть и чѣмъ одѣться. Желаю, чтобы тебѣ, знаменитый лордъ, понравилось мое предложеніе. Твой искренній другъ“. Къ этому письму редакція дѣлаетъ отъ себя слѣдующее подстрочное примѣчаніе: „прошедшею осенью и мы также, жители Харькова, имѣли случай слышать сей тонъ равенства въ выраженіяхъ квакеровъ, когда двое изъ нихъ, бывшіе здѣсь, величали, напримѣръ, губернатора ты“. Здѣсь редакція просто хотѣла отмѣтить и пояснить одну изъ характерныхъ чертъ квакеровъ, которые дѣйствительно были проѣздомъ въ Харьковъ и заинтересовали собою мѣстныхъ обывателей.

Не успѣло улеяться волненіе, произведенное этимъ инцидентомъ, какъ получено было отъ министра народнаго просвѣщенія новое замѣчаніе. „По замѣченнымъ въ октябрьской (10-й) книжкѣ Украинскаго Вѣстника на 51, 52, 71 и пр. разныхъ мѣстахъ, содержащихъ въ себѣ мнѣнія неосновательныя и противорѣчающія христіанскому ученію, равно какъ и по прежнимъ замѣчаніямъ, о коихъ сообщено было отъ меня Вашему Превосходительству партикулярнымъ письмомъ, покорнѣйше

прошу васъ обратить вниманіе на это изданіе и поручить разсматривать его съ большею тщательностію касательно духа, въ каковомъ содержащіхся статьи писаны. Таковыя изданія не могутъ быть оставляемы безъ должнаго руководства, дабы не распространяли между читателями духа суетныхъ изысканій и мечтательнаго философізма, но напротивъ того могли содержаніемъ своимъ вести къ истиннымъ на христіанскомъ ученіи основаннымъ правиламъ" ¹⁾.

¹⁾ 51 и 52 страницы имѣютъ въ виду статью г-жи Сталь, переведенную съ французскаго Н. Лавицкимъ. На этихъ страницахъ говорится о политическомъ и религіозномъ фанатизмѣ. „Какая то ярость (при этомъ политическомъ фанатизмѣ), говоритъ авторъ, овладѣла бѣдными противъ богатыхъ; соединяя предпочтеніе дворянъ съ завистью, возбужденною владѣніемъ, народъ гордился своею многочисленностію; и все, что составляло могущество и блескъ меньшей партіи, казалось ему похищеніемъ. Зародившій сего чувства существовалъ во всякое время, но потрясеніе человѣческаго общества въ его основаніяхъ было только чувствуемо въ эпоху ужаса во Франціи: не должно удивляться, ежели сей ужасный бичъ оставилъ въ умахъ глубокіе слѣды; и единственная мысль, которую можно себѣ позволить, что средство къ успокоенію страстей народныхъ состоятъ не въ деспотизмѣ, а въ царствованіи закона. Фанатизмъ явобожный представляетъ безконечную будущность, которая усиливаетъ надежды воображенія; но наслажденія жизнью суть также безпредѣльны въ глазахъ тѣхъ, кои не вкушали ихъ. Левье де-ла-Монтанъ осуждалъ своихъ подданныхъ на смерть для того, чтобы доставить имъ удовольствіе на сей землѣ; и люди часто отваживаются на смерть, чтобы лучше жить.... Страсть владычествовать въ тѣхъ, кои находится на верху колеса фортуны, и усилія оборачивать его въ тѣхъ, кои находится внизу— таково начало всѣхъ насилій, предлогъ измѣняется, причина остается и взаимное остервененіе продолжается съ тою же силою. Жалобы патриціевъ и плебеянъ, война невольниковъ, война крестьянъ, война, которая продолжается еще между дворянами и гражданами—всѣ равнымъ образомъ произошли отъ затрудненія предохранить человѣческое общество отъ безпорядковъ и несправедливостей. Люди не могли бы существовать теперь ни въ отдѣльности, ни въ соединеніи, если бы уваженіе къ закону не поселялось въ ихъ умахъ— всѣ преступленія рождались бы въ томъ обществѣ, которое должно ихъ отращать. Отвлеченная власть представительнаго правленія ни въ какомъ отношеніи не раздражаетъ гордости человѣческой и сіе то постановленіе можетъ погасить пламенишки фурий. Она возжена въ той сторонѣ, гдѣ все было самолюбіемъ—и раздраженное самолюбіе у народа не входитъ на наши скоропроходящіе отбѣнки его—это есть уже необходимость умерщвлять. Убіиства, не менѣе ужасныя самихъ убійствъ терроризма, были произведены во имя религіи; родъ человѣческій въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ былъ истощаемо бесполезными усиліями, чтобы принудить всѣхъ людей къ одному вѣроисповѣданію. Такая цѣль не могла быть достигнута, и самое простое понятіе терпимости такъ, какъ ее проповѣдывалъ Вильгельмъ Целль, изгнала навсегда изъ Сѣверной Америки фанатизмъ, для коего южная служила ужаснымъ театромъ. То же случается и съ фанатизмомъ политическимъ: одна свобода можетъ его успокоить“.

На 77-й страницѣ разсказывается о княгинѣ Людмилѣ, которая предпочла смерть замужеству съ нелюбимымъ человѣкомъ. Здѣсь нѣтъ рѣшительно ничего неудобнаго.

Бумага эта была отправлена изъ Петербурга 18 декабря 1819 г., а 24 декабря за нею послѣдовала уже новая такого содержанія. „Въ 11-й книжкѣ Украинскаго Вѣстника замѣчены опять цѣлыя статьи, предосудительныя по духу ихъ, исполненныя мыслей и выраженій, противныхъ благонравію и даже благопристойности, не содержащія въ себѣ ни ума, ни пріятности, ни остроты, ни какой бы то ни было пользы. Посему если не находится при Харьковскомъ университетѣ кого болѣе способнаго къ изданію этого журнала въ лучшемъ духѣ, то не слѣдуетъ его вовсе допускать къ печатанію и лучше прекратить немедленно. Цензурному же комитету замѣтивъ таковое небреженіе въ исполненіи возложеннаго на него дѣла, покорнѣйше прошу объявить, что всякій членъ его, который поступитъ впредь вопреки правилъ Устава о цензурѣ и не побудится этими замѣчаніями къ большей внимательности, подвергнется большей отвѣтственности“¹⁾. Правленіе университета отъ имени ректора Осиповскаго и декана отвѣтило, что оно сдѣлало соотвѣтственныя замѣчанія издателю, но не могло прекратить печатаніе журнала, потому что онъ издается не университетомъ, и не по его порученію, а частнымъ лицомъ—Филомаитскимъ. Попечитель сдѣлалъ по этому поводу строгое внушеніе правленію, что оно не имѣло права, по точному смыслу распоряженія министра, ни выводить своихъ умозаключеній, ни устанавливать своихъ положеній. Цензурный комитетъ съ своей стороны вошелъ съ представленіемъ къ попечителю о томъ, чтобы цензура Украинскаго Вѣстника была поручена на 1820-й годъ протоіерею проф. Могилевскому. Но попечитель нашелъ это ненужнымъ и не подходящимъ, во 1-хъ, потому что цензурный комитетъ, имѣя достаточное число членовъ, можетъ самъ исполнять свои обязанности, а во 2-хъ, и потому что проф. Могилевскій обремененъ своими прямыми обязанностями и комитетъ попросту желаетъ такимъ путемъ снять съ себя законную отвѣтственность. Въ такомъ смыслѣ попечитель сдѣлалъ представленіе и министру. 1-я книжка журнала на 1820-й годъ была задержана и не выпущена въ свѣтъ. Министерство въ отвѣтъ на представленіе попечителя хотя и допускало выходъ журнала въ 1820-мъ году подъ строжайшимъ наблюденіемъ цензурнаго комитета, но прибавило, что если издатель отказался отъ изданія его, какъ объ этомъ уже

¹⁾ Здѣсь не сдѣлано точнаго указанія на страницы, но, кажется, имѣется въ виду переводная статья съ французскаго „Словарь людей большаго свѣта“, въ которой въ сатирической формѣ даются опредѣленія такихъ словъ, какъ доброта, дѣвушка, душа, женщина, жизнь, завоеваніе, истина, любовь, мужество, предразсудокъ; въ современномъ нынѣшнемъ французскомъ обществѣ слова эти получили извращенный смыслъ.

объявлено въ Сынѣ Отечества, то это совершенно зависитъ отъ его воли. Филомаѳитскій же, убѣдившись, что вести далѣе дѣло при такихъ условіяхъ невозможно, вынужденъ былъ отказаться отъ него.

Интересна справка, сообщенная самимъ редакторомъ Филомаѳитскимъ о матеріальной сторонѣ дѣла его изданія. Издавалъ онъ свой журналъ 4 года. Въ теченіе перваго года (1816) печаталось 350 экземпляровъ, но большая часть ихъ раздавалась даромъ, дабы пріохотить къ подпискѣ большее число лицъ. Въ 1817 году напечатано было 500 экземпляровъ журнала и на это истрачено 4578 руб., подписчиковъ было 297 душъ и подписной платы выручено 5346 руб., такъ что изданіе не только окупилъ себя, но дало даже 768 руб. барыша. Въ 1818 г. печаталось 400 экземпляровъ и они обошлись въ 3789 руб., число подписчиковъ равнялось 244 и отъ нихъ получено 4392 р. подписной платы, барыша 604 р. Въ 1819 г. печаталось 350 экземпляровъ и стоимость печатанія равнялась 3764 р., число подписчиковъ повысилось до 253 душъ, давшихъ 4554 р. подписной платы и 790 руб. барыша. Такимъ образомъ, не смотря на частный характеръ изданія—Украинскій Вѣстникъ издавался не университетомъ и не отъ имени университета, а адъюнктомъ Филомаѳитскимъ—оно со втораго же года не только стало окупать себя, но даже давать маленький доходъ. Конечно, съ нашей точки зрѣнія такая цифра подписчиковъ представляется весьма скудной, но не слѣдуетъ упускать изъ виду того обстоятельства, что тогда вообще растространеніе журналовъ не было особенно значительно и кромѣ того если не формально, то по существу Украинскій Вѣстникъ все-таки былъ въ значительной степени специальнымъ университетскимъ органомъ.

✕ Извѣстный намъ кандидатъ Василій Масловичъ рѣшилъ издавать съ 1816 года сатирическій журналъ „Харьковскій Демокритъ“ и обратился за разрѣшеніемъ этого изданія въ правленіе университета. Издавалъ его онъ на свой счетъ, а печаталъ въ университетской типографіи. Журналъ состоялъ изъ трехъ отдѣловъ—поэзіи, прозы и смѣси. Въ первый отдѣлъ должны были войти комическія поэмы, забавныя посланія, веселыя оды, замысловатыя басни, надписи, эпиграммы, эпиграфы и пр. Во 2-й—повѣсти и сказки, анекдоты, разсужденія, мысли славнѣйшихъ европейскихъ и восточныхъ писателей, разныя путешествія, преимущественно путешествіе Демокрита, Харьковскія записки. Въ 3-й отдѣлъ—пѣсни русскія и малороссійскія, приношенія, мадригалы, балеты, шарады, загадки, акростиhi, тріолеты, стихи на заданныя рѣшмы, словомъ все извѣстныя, такъ сказать, игрушки стихотворческія для увеселенія дамъ служащія. Въ обращеніи къ публикѣ

издатель писалъ. „Давно мы замѣтили желаніе почтеннѣйшей публики—многіе жалуются, зачѣмъ Харьковъ до сихъ поръ не имѣетъ ни одного періодическаго сочиненія? Уже нѣсколько лѣтъ какъ воздвигнуть храмъ наукъ въ мѣстахъ нашихъ (такъ продолжаютъ сіи любители изыскаго), мы до сихъ поръ почти ничего своего не имѣемъ. Каждый признаетъ, что такіе отзывы почтеннѣйшей публики очень справедливы и мѣстѣ очень лестны. Долго ждали мы (по тщетно!), не возьмется ли кто прежде насъ исполнить желаніе публики, тогда хотѣли мы быть сотрудниками въ семъ важномъ, а потому и не безтрудномъ предпріятіи. Мы ждали, а теперь рѣшились сами быть издателями, запаслись достаточно матеріалами и осмѣливаемся увѣдомить почтеннѣйшую публику, что начнемъ со слѣдующаго 1816 года, съ генваря мѣсяца, издать литературный журналъ подъ названіемъ „Харьковскій Демокритъ“, заключающій въ себѣ статьи веселыя, комическія, сатирическія. На первый разъ предпринимаемъ только полугодовое изданіе—если издатели замѣтятъ, что труды ихъ для просвѣщенныхъ согражданъ не неприяты, тогда только продолжать они свое изданіе. Каждый мѣсяцъ въ концѣ (всенепремѣнно) будетъ выходить довольно большая книжка (въ 8 долю листа). Цѣна за полугодовое изданіе назначается мѣренная—10 рублей (иногородные прибавляютъ 1 рубль на пересылку). Издатели не для корысти, а извѣстно для чего предприняли это дѣло. За особенное почтимъ одолженіе, если гг. любители словесности станутъ присылать соотвѣтственные журналу пьесы. Это будетъ знакомъ, что на него обращаютъ вниманіе и это поощритъ къ дальнѣйшимъ занятіямъ“.

Ходатайство В. Масловича было удовлетворено, о чемъ университетъ увѣдомилъ министра и губернатора ¹⁾.

Въ 1-й книжкѣ журнала издатель писалъ. „За долгъ особенный позволяю упомянуть здѣсь о томъ, что этотъ журналъ будетъ наполняться произведеніями нашего края. Издатель позволяетъ себѣ помѣщать и напечатанныя (раньше?) пьесы, но только тѣ, коихъ сочинители принадлежатъ нашему же краю. Во первыхъ для того дабы познакомить *отдаленныхъ* читателей этого журнала (издатель льститъ себя надеждою, что таковые найдутся) съ произведеніями нашими, а во-вторыхъ, дабы совершенно соблюсти названіе *Харьковского Демокрита*“.

Въ февральской книжкѣ издатель долженъ былъ разъяснять нѣкоторымъ читателямъ ихъ недоумѣніе, вызванное помѣщеніемъ въ журналъ статей, не имѣвшихъ сатирическаго характера. Демокритъ, пи-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1815 г. № 978/46.

салъ онъ, не всегда долженъ быть *Зубоскаломъ*: въ немъ могутъ быть и просто пріятныя, а не забавныя статьи. Почти всѣ статьи „Харьковскаго Демокрита“ писаны поруски; статей на малороссійскомъ языкѣ въ первыхъ шести книжкахъ было только двѣ (самого Масловича) — „Отъѣздъ студента на учительство въ Олешки“ и „Пѣснь семейству“, кромѣ того малорусскіе разговоры внесены въ балладу Масловича „Основаніе Харькова“. Въ примѣчаніи авторъ говоритъ, что *всѣ* рѣчи его героевъ должны были бы быть изложены помалороссійски, но „многіе замѣтили ему, что это будетъ шереховато“. Изъ произведеній самого Масловича мы убѣждаемся, что онъ зналъ и прекрасно исполнялъ малорусскія пѣсни. Однако обѣщанныхъ въ проспектѣ малороссійскихъ пѣсень въ „Харьковскомъ Демокритѣ“ не оказалось. Мѣстному элементу было отведено въ журналѣ видное мѣсто, но не столь значительное, какъ можно было бы предполагать по приведенному выше заявленію издателя. Но авторами были дѣйствительно повидимому харьковскіе обыватели. Больше всего произведеній выпадаетъ на долю самого Масловича, затѣмъ идутъ басни, сатиры, эпиграммы Нахимова, извлеченныя между прочимъ и изъ его посмертныхъ бумагъ, стихотворенія Григорія Ѳедоровича Квитки, Ив. Евс. Срезневскаго, Райдаровскаго и др.; переводы Гонорскаго. Упомянемъ о балладѣ Масловича „Основаніе Харькова“, Пѣснь (съ нѣм.), Утаида (комическая поэма), Пѣвецъ во станѣ эпикурейцевъ; ему же принадлежитъ много эпиграммъ ¹⁾, басни — Дубъ и свинья, Книгопродавецъ и слонъ, Ворона и овца, Ястребъ и птицеловъ, Волкъ въ пастушьемъ нарядѣ, Рифмачъ и смерть; Нахимову принадлежатъ — Пѣснь лужѣ, Орелъ и стрѣлокъ, Откупщикъ и Харовъ, Море и рѣка, Проповѣдь и басни, Ода С..., Мерзлякинъ.

Гр. Квитка напечаталъ шуточныя стихотворенія: 1) Воззваніе къ женщинамъ, 2) Не хочу, 3) Двойные акростики (имѣютъ автобіографическое значеніе).

Поповскаго пустынника (Палицына) помѣщено „Посланіе“ Вернету.

Въ 1817 г. стала выходить въ Харьковѣ еженедѣльная газета подъ редакціей Вербицкаго „Харьковскія извѣстія“. Каждую недѣлю выходилъ листъ въ 4 страницы формата нашего нынѣшняго писчаго листа. Въ ней было 4 отдѣла: 1) внутреннихъ и мѣстныхъ извѣстій; издатели, очевидно,

¹⁾ Вотъ образецъ одной изъ нихъ „Рѣдкость“. „Не знаю, правду ли учоны говорятъ: что если дерево (вотъ, напримѣръ, осину) не корень, а вершину, какъ должно, въ землю закопать, прилежно поливать, то корень станетъ быть вѣтвями, вершина же корнями? Не знаю точно, еслибъ внизъ поставить головой *Быкова*... (хоть онъ сердись, хоть не сердись), а це было бъ различія никакого“.

знавали важность мѣстнаго элемента въ своей газетѣ, ибо, принося благодарность подписчикамъ, писали, что „вниманіе людей благомыслихъ и любящихъ родную свою сторону дастъ прочное бытіе сему явленію“, 2) заграничныхъ извѣстій, 3) анекдотовъ и 4) объявленій. Въ первомъ отдѣлѣ мы находимъ статьи, касавшіяся университетскихъ курсовъ¹⁾, библейскаго общества, общества благотворенія и пожертвованій для него, университетскаго преподаванія, общества наукъ, производства мѣстныхъ чиновниковъ въ чины, некрологи мѣстныхъ дѣятелей (напримѣръ Слободскоукраинскаго епископа Аполлоса и текстъ отъ него о прибитіи въ Харьковъ епископа Павла, добровольной подпискѣ на постройку Нетечинскаго моста, объ исполненіяхъ въ гимназій и институтѣ общества благотворенія, свѣдѣнія о урожаѣ хлѣбовъ въ губерніи, о расположеніи полковъ, о сѣщеніи Харькова Вел. Кн. Михаиломъ Павловичемъ, о Харьковскихъ духовныхъ училищахъ, о пансіонѣ, открытомъ въ Харьковѣ П. Рейльскимъ, статистическія и экономическія данныя о Слободскоукраинской губерніи, о производствѣ фортепьянъ въ Харьковѣ, извѣстіе о Харьковскихъ ярмаркахъ, о числѣ жителей въ Слободскоукраинской губерніи.

Въ отдѣлѣ внутреннихъ извѣстій интересно сообщеніе изъ г. Бирюча Воронежской губ., что въ 20 вер. отъ него въ лѣсу поручикомъ П. Станкевичемъ была поймана рысь, между тѣмъ какъ нѣсколько десятковъ лѣтъ звѣрей этихъ никто уже не видалъ; но старики утверждали, что лѣтъ 70—100 тому назадъ въ здѣшнихъ непроходимыхъ лѣсахъ водились рыси, медвѣди, барсуки, а въ степяхъ—дикія козы и лошади, попадались олени и сайгаки, а въ рѣкахъ выдры или порбѣчи. Есть цѣлый рядъ сообщеній изъ разныхъ городовъ Харьковскаго учебнаго округа о школьныхъ дѣлахъ: издатели „Х. И.“ сами писали, что жили во многихъ городахъ усердныхъ и дѣятельныхъ корреспондентовъ (любопытно также письмо изъ Парижа, описывающее Карлсбадъ).

Въ отдѣлѣ смѣси находимъ самыя разнообразныя извѣстія: здѣсь мы читаемъ и метеорологическія бюллетени, составившіяся В. Н. Карзиннымъ въ сел. Кручикѣ, и сообщеніе его объ одномъ химическомъ открытіи, сдѣланномъ англійскимъ химикомъ Мурраемъ, и записку о назначеніи попечителемъ З. Я. Карнѣева (благопріятная для этого помянутого, В. Н. Каразина) и мн. др.

¹⁾ На одномъ изъ нихъ читались между прочимъ стихи Тихона Степанова „О знаности мѣнѣй объ устройствѣ міра“ и разскааніе о причинахъ слезъ въ страстяхъ.

Интересенъ и отдѣлъ объявленій. Онъ касается самыхъ разнообразныхъ предметовъ и подѣ часть даетъ мелкія, но характерныя черты эпохи; таковы объявленія о продажѣ имѣній съ людьми, о трудѣ крѣпостныхъ¹⁾, объ увеселеніяхъ, о книжныхъ новостяхъ (замѣтимъ кстати, что сто томовъ сочиненій Вольтера стоили 600 р., а 38 т. ватуральной исторіи Бюффона 400 р.), о денежномъ курсѣ (новый рубль, напримѣръ, стоилъ 4 р. 5 к.), о театральныя представленія и другихъ зрѣлищахъ въ тогдашнемъ Харьковѣ.

Изъ одного объявленія видно, что во дворѣ Харьковского общества благотворенія былъ обширный огородъ, а въ саду было два большихъ *рыбныхъ пруда*.

За строчку объявленій взымалась плата въ 20 коп.

Подписная плата за газету равнялась 10 руб. безъ пересылки и 12 руб. съ пересылкою.

„Харьковскія извѣстія“, издававшіяся кандидатомъ Вербицкимъ въ 1817 и 1818 гг., вслѣдствіе недостаточнаго числа подписчиковъ прекратились и возникла мысль издавать ихъ отъ имени университета.

По мнѣнію правленія университета „Харьковскія извѣстія“ нужно было издавать на счетъ университета и на первый разъ въ количествѣ 600 экземпляровъ по одному листу въ недѣлю, что обойдется около 1500 рублей²⁾. Мысль о возобновленіи ихъ подавъ Осиповскій, предлагавшій въ редакторы кандидата Гонорскаго и вольнослушателя Артемовскаго-Гулака. Въ нихъ предполагалось помѣщать: 1) мѣстные и внутренніе извѣстія, 2) политическія извѣстія, заимствованныя изъ Варшавскихъ газетъ, 3) ученныя извѣстія, признанныя полезными факультетами, 4) разнаго рода объявленія. Редакторамъ хотѣли назначить какое-либо вознагражденіе въ томъ случаѣ, если газета будетъ приносить доходъ. Попечитель представилъ ходатайство совѣта на благоусмотрѣніе министра и съ своей стороны заявилъ, что не находитъ этого предпріятія вреднымъ, особенно если при этомъ будутъ соблюдаться предписанныя на сей предметъ правила. Министръ народнаго просвѣщенія затребовалъ отъ университета нѣкоторыхъ дополнительныхъ свѣ-

¹⁾ Вотъ текстъ одного изъ такихъ объявленій. „Отдается въ услуги женщина способная ходить въ ключахъ и знающая мыть бѣлье и въ пиявкахъ, вышивать, поведенія хорошаго, на годъ или помѣсячно. Спроситъ квартальнаго надзирателя Новоселова. Одинъ помѣщикъ искалъ врача съ жалованьемъ по 100 р. въ мѣсяцъ, домоправительницу съ жалованьемъ по 80 руб., садовника и совершенно ученаго компаньона, который бы занималъ его пріятными разговорами и чтеніемъ историческихъ книгъ съ жалованьемъ въ 500, а если окажется достойнымъ, то и 1000 рублей.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1818 г. № 25.

дѣній и разъяснилъ, что политическія извѣстія слѣдуетъ черпать не изъ Варшавскихъ, а изъ Петербургскихъ газетъ, ибо первыя сами заимствуютъ ихъ отъ вторыхъ. Отъ университета требовалась справка о возможномъ числѣ подписчиковъ на газету; университетъ посылалъ запросы губернаторамъ, предводителямъ дворянства, архіереямъ, директорамъ и почетнымъ смотрителямъ училищъ, но только 27 лицъ изъявили желаніе быть подписчиками и внесли 180 р. Университетъ однако надѣялся, что число это, съ выходомъ первыѣхъ книжекъ, значительно увеличится, и признавалъ во всякомъ случаѣ необходимымъ это изданіе между прочимъ для помѣщенія въ немъ объявленій, касающихся университетскихъ построекъ. Редакторами назначены были теперь адъюнкты Куницкій и Филомаѣтскій, лекторъ польскаго языка Гулакъ-Артемовскій и кандидатъ Склабовскій безъ жалованья, а въ помощь имъ придана была коммиссія, состоявшая изъ орд. проф. Джуновскаго, Куницкаго и Филомаѣтскаго; на обязанности ея лежалъ непосредственный надзоръ за изданіемъ. Ходатайство начато было въ 1818 году, а окончательное разрѣшеніе отъ министра послѣдовало только 24 декабря 1819 года; при томъ издателямъ было поставлено на видъ, чтобы они имѣли особенное попеченіе о непомѣщеніи въ газетѣ ничего противнаго общимъ правиламъ; имъ рекомендовалось также быть гораздо разборчивѣе и осторожнѣе редактора „Украинскаго Вѣстника“¹⁾. Стали выходить отъ имени университета „Харьковскія извѣстія“ въ 1820 г. и затѣмъ продолжались, кажется, въ 1821, 1822 и 1823 годахъ; говоримъ „кажется“, потому что за эти годы мы видѣли только отдѣльные номера газеты; характеръ ея, повидимому, остался прежній, хотя доминирующее значеніе получили иностранныя извѣстія.

За 1820 годъ печатаніе „Харьковскихъ извѣстій“ съ почтовыми расходами обошлось въ 1512 р. 38³/₄ к., а получено было за нихъ отъ подписчиковъ и за объявленія 1840 р. 63¹/₂ к., слѣдовательно они дали чистаго дохода 328 р. 23³/₄ к., изъ коихъ рѣшено было выдать 100 р. Куницкому, принимавшему наиболѣе дѣятельное участіе въ изданіи ихъ 50 р. его помощнику повытчику Анопкину²⁾.

Въ 1817 г. проф. О. Пильгерь сталъ издавать въ Харьковѣ „Украинскій Домоводъ“. Въ Императорской публичной библіотекѣ имѣется въ книжки этого журнала, за январь и февраль 1817 г.³⁾. Книжки ма-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. поп. № 513/26.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1818 г. № 1414/67.

³⁾ Содержаніе ихъ сообщено мин. Д. П. Миллеромъ, которому приношу за это сердечную благодарность.

ленькія, не больше 16⁰, по тогдашнему счету 8⁰. Въ первой книжкѣ 72 стр., во второй 76. Цензурное разрѣшеніе дано состоящимъ при университетѣ цензурнымъ комитетомъ на основаніи донесеній читавшаго сіе сочиненіе Ивана Книгина. Подпись декана Гавр. Успенскаго.

Первая книжка открывается статьею „Обязанности хорошаго хозяина въ отношеніи къ своему скоту“. Хозяинъ, дурно относящійся къ скоту—„варваръ, тиранъ и убійца“. Авторъ увѣщаетъ хозяевъ хорошо обращаться со скотомъ ради самихъ себя: не мучить, хорошо кормить, давать работу по силамъ, давать отдыхъ, лечить. „Селянинъ долженъ обратиться къ порядочному лѣкарю, а не къ коновалу; тотъ возьметъ только деньги, погубитъ скотъ и слѣдственно лишь повредитъ ему. Лѣкарь долженъ много денегъ и времени издержать на свое изученіе такъ же, какъ и ремесленникъ. Зачѣмъ мужикъ идетъ къ сапожнику, когда ему нужны сапоги?—Зачѣмъ, что онъ знаетъ свое ремесло. Зачѣмъ онъ идетъ къ плотнику, когда онъ хочетъ строиться? И между тѣмъ ввѣряетъ онъ жизнь своего скота такимъ людямъ, которые не знаютъ естественнаго устройства лѣчаимаго ими животнаго и не вѣдаютъ свойствъ приписываемыхъ ими лѣкарствъ“. Дальше идутъ доказательства необходимости хорошаго отношенія къ скоту со стороны всѣхъ вообще людей, если скотъ плохъ, худо государству; дѣти плохо накормлены, плохо идетъ платежъ податей. Заключается статья увѣщаніемъ исполнять свои обязанности и ради самого скота „сколько заслуживаютъ отъ насъ вниманія и участія тѣ животныя, которыя добровольно покоряются намъ, которыя отказываются отъ всякихъ своихъ склонностей, отъ всего того, что они любятъ по природѣ, стараются единственно намъ угодить, хотять того, что повелѣваетъ имъ наша воля, которыя помогаютъ намъ во всякой нуждѣ и даже по смерти не перестаютъ быть намъ полезными“. Вторая статья „Нѣчто о древнѣйшей исторіи лошадей и конскихъ заводовъ въ Палестинѣ и сосѣдственныхъ ей земляхъ, особенно же въ Египтѣ и Аравіи. Соч. Іоанна Давида Михаелиса“. По мнѣнію автора, въ древней Палестинѣ лошадей не было; завелись они не ранѣе Давида. Въ Египтѣ лошади съ древнихъ поръ, а въ Аравіи—болѣе поздняго происхожденія.

Вторая книжка начинается доказательствомъ всеобщей пользы скотоводства и вреда отъ пренебреженія имъ. „Все благосостояніе подданнаго—говоритъ авторъ—зависитъ отъ скотоводства и земледѣлія, и отъ перваго болѣе, нежели отъ послѣдняго, ибо земледѣліе безъ скотоводства не можетъ существовать“. А между тѣмъ „хозяйственная полиція во многихъ земляхъ преимущественно передъ всѣми другими отраслями правленія имѣла жалкую участь. Большіе господа не обращали

на нее вниманія, мало уважали ее и даже отчасти пренебрегали. По мѣшенію понятій въ прежнія времена и особенно во время революціи попеченіе о благосостояніи селянина почитали даже вреднымъ, думая, что черезъ это онъ сдѣлается болѣе внимателенъ къ своимъ правамъ и такимъ образомъ вмѣстѣ съ худымъ отбросили и хорошее, такъ какъ будто цвѣтущее состояніе государства можно представить себѣ отдѣльно отъ благосостоянія частныхъ лицъ; и такимъ образомъ лишили ихъ нужной помощи, предоставили собственной судьбѣ, попеченіе о нихъ сочли за напрасный трудъ и приготовили имъ неминуемую бѣдность, которая наконецъ должна была постигнуть и цѣлыя государства. Для чего такъ поступаютъ? Почему такъ мало, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и совсѣмъ не обращены взоры правительства на существенное? Потому что сія польза не легковѣсна, потому что многія заведенія уже въ сѣдой древности благословляютъ прахъ своего основателя, потому что самолюбіе желаетъ слышать при жизни похвалы ему списуемыя, потому что мы не заботимся о будущихъ поколѣніяхъ, и того, чтобы что нибудь оставить имъ добраго, потребно время, трудъ, познанія и усилія, потому что не легко распорядитъ сею вѣрной частью правленія, и должны пройти годы прежде, нежели время вѣнчаетъ успѣхомъ такіа заведенія; потому что нѣтъ довольнаго поощренія, и безъ того слабый взоръ не видитъ далѣе настоящаго; наконецъ, потому что всякій прежде хочетъ пожать, нежели успѣть надеждающимъ образомъ посѣять". Дальше идетъ статья „Всеобщая польза животноводства и частныя выгоды для Россіянъ отъ улучшенія оного". Это—рѣчь проф. Ив. Квиляна, сказанная при открытіи въ Петербургѣ ветеринарнаго училища 18 іюня 1808 г. Затѣмъ слѣдуетъ „Естественная исторія четвероногихъ домашнихъ животныхъ". Эпиграфомъ приведены слѣдующія строки изъ „Верклиновыхъ Параграфовъ": „читите божеество въ дѣлахъ его, вызываетъ къ вамъ гласъ природы; вы избраны не имъ ея жрецами, а не мучителями". Первое отдѣленіе трактуетъ о домашнихъ животныхъ вообще, гдѣ выражается удивленіе передъ разнообразіемъ животнаго міра. Во второмъ отдѣленіи трактуются естественная исторія лошади, наружность лошади, названія частей, ея хорошія качества и недостатки. Заканчивается книжка статьей „О важнѣйшихъ мѣзгяхъ у овецъ": червяхъ, желтѣицѣ, воспаленіи печени, о предупрежденіи, предостереженіи и лѣченіи этихъ болѣзней.

Украинскій Вѣстникъ въ 1820 году пересталъ выходить въ свѣтъ; о потребность въ періодическомъ органѣ, очевидно, уже назрѣла и въ концѣ 1820 года лекторъ Артемовскій-Гулакъ и кандидатъ Славинскій обратились въ совѣтъ университета съ ходатайствомъ о разрѣ-

шенія издавать имъ въ 1821 году журналъ „Харьковская Муза“. Вотъ текстъ ихъ ходатайства.

„Предпринимая составлять это періодическое изданіе, мы имѣемъ двоякую цѣль: 1) способствовать распространенію всеобщаго вкуса къ отечественной словесности; 2) возбуждать большую къ ней охоту въ молодыхъ питомцахъ открытіемъ свободнаго поприща для ихъ дѣятельности. Чтобы достигнуть перваго, мы постараемся помѣщать въ своемъ журналѣ только такія пьесы, которыя вообще приличны были бы для читателей всякаго званія и состоянія и доставили имъ пользу, соединенную съ удовольствіемъ. Относительно послѣдняго мы намѣрены обратить особенное вниманіе на сочиненія и переводы студентовъ здѣшняго университета и употребить все возможное стараніе, дабы эти произведенія соувѣтствовали первой цѣли.

Произведенія другихъ, какъ подвѣдомственныхъ университету, такъ и не принадлежащихъ къ нему лицъ, будемъ также принимать съ удовольствіемъ и печатать въ этомъ журналѣ, если только онѣ по своему содержанію и слогу будутъ соувѣтствовать предположенной цѣли.

Переводы могутъ быть принимаемы со всѣхъ иностранныхъ языковъ; но преимущество должно быть на сторонѣ любопытнѣйшихъ отрывковъ изъ древнихъ классиковъ греческихъ и римскихъ. Польза этого очевидна.

Планъ этого журнала долженъ быть самый простой, онъ будетъ заключаться въ одномъ почти отдѣленіи, которое назовемъ *язычною словесностью*. Въ составъ этого отдѣленія входятъ могутъ: 1) все, что относится до словесности древней и новой—разныя разсужденія, рѣчи, повѣсти, разговоры, историческіе отрывки, біографіи знаменитыхъ ученою мужей, живописныя путешествія, изображенія характеровъ, изслѣдованіе о свойствахъ языковъ и проч.

Но какъ кромѣ вышеупомянутыхъ статей могутъ случиться и другого рода отрывки или и цѣлыя пьесы весьма полезныя, то мы намѣрены назначить другое для этого отдѣленіе подъ заглавіемъ *смесь*; въ ней будутъ заключаться біографіи или извѣстія и сужденія о книгахъ и извлеченія изъ нихъ, такъ же критическое разсмотрѣніе новѣйшихъ произведеній словесности, извлеченіе изъ журналовъ, любопытныя анекдоты и другія мелкія сочиненія, къ литературѣ относящіяся, которыя не могутъ быть помѣщены въ первомъ отдѣленіи. Принимая таковое раздѣленіе, мы не обязуемся строго наблюдать самую форму его, ибо легко можетъ случиться, что одна особенно интересная статья прозаическая, которая *въ цѣломъ* лучшее можетъ сдѣлать впечатлѣніе на читателей, нежели *по частямъ*, займетъ всю почти книгу. Одно только и

то для разнообразія придется соблюсти, т. е.—въ каждой книжкѣ по-
мѣщать, какъ прозу, такъ и стихотворенія.

А такъ какъ мы имѣемъ уже довольно большое количество готовыхъ ли-
тературныхъ статей, какъ своихъ собственныхъ, такъ и написанныхъ
студентами, любителями отечественной словесности въ теченіи прош-
лаго академическаго года, то и рѣшаемся издавать въ каждый мѣсяцъ
по двѣ книжки, содержащія въ себѣ каждая особо—отъ двухъ съ по-
ловиною до трехъ листовъ въ 12-ю долю; шесть таковыхъ составить
часть, а 4 части—годовое изданіе, цѣна за него 22 р., а съ пересылкой
въ другіе города 25 р., одна книжка должна выходить въ половинѣ
каждаго мѣсяца, а другая въ концѣ его.

Изданіе двухъ книжекъ въ мѣсяцъ, конечно, большихъ трудовъ
стоитъ издателямъ, но за то выгоды и пріятны для читате-
лей или пренумерентовъ. Любопытство ихъ чаще будетъ удовлетво-
рено, отъ чего и польза и удовольствіе сдѣлаются для нихъ ощути-
тельнѣйшими, а это одна изъ главнѣйшихъ цѣлей, которой достигнуть
хотѣли.

Совѣтъ университета и попечитель удовлетворили просьбу изда-
телей; попечитель—подъ тѣмъ условіемъ, чтобы цензурный комитетъ,
руководствуясь существующими для этого правилами, обращалъ должное
вниманіе на печатаемыя въ журналѣ статьи, въ которыхъ не должно
быть помѣщаемо ничего, противнаго духу доброй нравственности, на-
стоящихъ правилахъ евангелія основанной. Министръ народнаго
просвѣщенія, которому попечитель сообщалъ объ этомъ, отвѣтилъ
на послѣднее, что его предшественникъ еще въ 1816го году, по
случаю разрѣшенія, даннаго на изданіе Украинскаго Вѣстника пра-
веніемъ университета, предписалъ ему не давать впредь никому раз-
рѣшенія на изданіе періодическихъ изданій, безъ его, министра, со-
гласія, а въ 1818 году онъ самъ подтвердилъ объ этомъ общимъ цир-
кулярномъ на имя всѣхъ попечителей. „Посему, прибавлялъ министръ,
разрѣшеніе данное нынѣ вами на изданіе упомянутаго журнала можетъ
вести издателей въ излишніе убытки, когда, быть можетъ, по новымъ
правиламъ въ Харьковѣ не окажется цензуры, а потому при затрудне-
ніи въ цензурованіи этого журнала окажется надобность его прекратить.
Горемыкій и Склабовскій отвѣтили на это, что они при такихъ усло-
віяхъ отказываются отъ мысли издавать журналъ.

Итакъ, не смотря на полную благонамѣренность обоихъ издателей,
хорошо извѣстную попечителю, не смотря на исключительно литератур-
ный характеръ предполагаемаго журнала, этотъ послѣдній не могъ
существовать, потому что его не желало министерство; говоримъ „не

желало², потому что цензурный комитетъ не былъ тогда уничтоженъ въ Харьковѣ ¹⁾.

Въ 1823 году возникла мысль объ изданіи журнала, отъ имени университета, а не частнаго лица, какъ это было прежде. Инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала новому ректору, смѣнившему Осиповскаго—Джунковскому. Новый „Украинскій Журналъ“ долженъ былъ заключать въ себѣ четыре отдѣла: въ 1-й должно было войти все то, что касалось до историческихъ извѣстій объ успѣхахъ въ наукахъ и искусствахъ, земледѣліи, торговлѣ, промышленности и другихъ достопамятностяхъ Украины; во 2-й—всѣ роды прозаическихъ сочиненій, какъ-то—разсужденія, рѣчи, повѣсти, разговоры, историческіе отрывки, жизнеописанія знаменитыхъ людей, путешествія, всякаго рода изслѣдованія о свойствахъ языковъ; въ 3-й—всѣ роды стихотвореній, соответствующихъ по объему журналу; въ 4-й—смѣсь, какъ-то—библіографія или извѣстія и сужденія о новыхъ книгахъ, извлеченія изъ нихъ, критическое разсмотрѣніе новѣйшихъ сочиненій, любопытныя анекдоты и другія мелкія сочиненія, которыя почему-либо не могли быть помѣщены въ первыхъ двухъ отдѣлахъ, особенно же краткія статьи нравственнаго содержанія и все достойное вниманія по учебной части (относительно Харьковского университета, института благородныхъ дѣвицъ и частныхъ пансіоновъ). Главная цѣль журнала—способствовать по возможности распространенію всеобщаго вкуса ко всему полезному, изящному и пріятному, а потому въ немъ должны были помѣщаться только такія сочиненія, которыя бы доставляли читателю и пользу, и вмѣстѣ удовольствіе. Въ изданіи журнала могли участвовать всѣ наличные члены университета, а также съ благодарностью принимались и произведенія постороннихъ лицъ, соответствовавшія его программѣ. Въ теченіе года должно было выйти 24 книжки (2 книжки въ мѣсяцъ), объемомъ не менѣе 3 печатныхъ листовъ каждая. Попечитель сдѣлалъ представленіе министру въ пользу разрѣшенія журнала и *откровенно* объяснялъ ему, что представленіе это сдѣлано по его собственному убѣжденію и настоянію, ибо въ немъ будутъ помѣщаться полезныя сочиненія, особенно въ нравственномъ отношеніи; что касается расходовъ, то они безъ сомнѣнія окупятся подписной платой и даже будетъ барышъ. Министерство, разрѣшивъ изданіе журнала, потребовало однако свѣдѣній о возможномъ числѣ его подписчиковъ. Тогда попечитель обратился къ директорамъ и почетнымъ смотрителямъ училищъ съ циркулярнымъ предложеніемъ сообщать въ новый журналъ разныя любопытныя свѣдѣнія и способство-

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. поп. № 760/41.

вать его распространію ¹⁾. Всего отпрвлено было 77 писемъ съ печатнымъ объявленіемъ о журналѣ, въ томъ числѣ 15 къ директорамъ и 62 къ почетнымъ смотрителямъ. И отъ тѣхъ, и отъ другихъ были получены, конечно, вполне благопріятные отвѣты; большинство поняло рекомендацію въ смыслѣ приказанія: это видно изъ того, что предложеніе попечителя называли въ своихъ отвѣтахъ „предписаніемъ“. Присылали подписныя деньги лично отъ себя, приглашали къ подпискѣ знакомыхъ. Одинъ изъ смотрителей прислалъ 150 руб. подписныхъ денегъ (на 6 экземпляровъ, по 25 руб. на каждый), но относительно сообщенія свѣдѣній далъ отрицательный отвѣтъ, ибо „страна не имѣетъ никакихъ достопримѣчательностей, а городъ по своей единообразной и, можно сказать, бѣдной промышленности, никакого вниманія не заслуживаетъ“. Но за то нашелся другой почетный смотритель (Прилуцкаго училища—Вѣлецкій-Носенко), который радостно привѣтствовалъ новый журналъ. „Всякій истинный сынъ отечества, писалъ онъ, пламенѣющій любовью къ славіи его, встрѣчаетъ съ радостью извѣстіе объ изданіи новаго полезнаго отечественнаго журнала и почтетъ за счастье, когда сочиненіе его признано будетъ достойнымъ и полезнымъ для помѣщенія въ немъ. Чтобы оправдать лестное мнѣніе вашего превосходительства обо мнѣ, я употребляю всевозможное стараніе отыскать все, чего глубокая старина еще не поглотила, хотя теперь округъ Прилуки весьма скуденъ интересными данными, воспоминаніями о протекшихъ событіяхъ. Цѣль журналовъ вообще доставлять пользу и удовольствіе. Мнѣ кажется, Украинскій Журналъ достигнетъ ихъ сугубо, если нѣсколько страницъ его посвятится для удовольствія милліоновъ обывателей плодотворной Украйны (на малороссійскомъ языкѣ) отъ горъ Карпатскихъ до тихаго Дона. Я смѣло могу увѣрить, что сказочки г. Артемовскаго-Гулака читались съ такимъ же неописаннымъ удовольствіемъ, какъ Энеида г. Котляревскаго, что многіе вытвердили на память цѣлыя тирады изъ нихъ, что Петербургъ и Москва слушаютъ съ восторгомъ наши пѣсни на театрахъ и что языкъ малороссійскій всегда будетъ

¹⁾ Вотъ текстъ этого циркуляра. „Каждый городъ, каждая страна имѣетъ свои достопримѣчательности, а потому весьма бы мнѣ пріятно было, чтобы періодическое изданіе, отъ лица университета издаваемое, наполняемо было въ особенности интересными статьями, заключающими описаніе древнихъ и новѣйшихъ мѣстныхъ обстоятельствъ въ учебномъ его округѣ. Излишнимъ считаю присовокуплять, что вашимъ стараніемъ безъ сомнѣнія умножится число подписчиковъ на этотъ журналъ, ибо чѣмъ болѣе онъ читаемъ будетъ, тѣмъ вышше принесетъ вообще пользу, а это вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ въ большей чести каждаго чиновника, служащаго по Харьковскому учебному округу. Въ полной увѣренности въ извѣстномъ вамъ усердіи, остаюсь“...

правиться людямъ образованнымъ и ученымъ филологамъ, какъ служащій корнемъ многимъ словамъ россійскаго и ближе подходящій къ словенскому и Несторову. „И дымъ отечества сладокъ!“ Чехи имѣютъ свою обширную литературу; нашъ языкъ не менѣе къ тому способенъ. Ежели бы въ программѣ объ этомъ было упомянуто, то число пренумерантовъ было бы весьма значительно въ Малороссіи и даже въ самой Россіи и возрастало бы часъ отъ часу. По отзыву университета я препроводилъ 4 программы въ Нижній Судъ, чтобы онъ оповѣстилъ помѣщиковъ и чиновниковъ, а самъ употребилъ всѣ возможные средства сдѣлать это полезное и пріятное изданіе въ кругу моихъ знакомыхъ и вообще всего дворянства сколь возможно болѣе извѣстнымъ“.

Бѣлецкій Носенко, извѣстный намъ уже по 1-му тому „Опыта исторіи Харьковскаго университета“, отнесся къ программѣ новаго журнала съ полной симпатіей, порадовался, что въ немъ отводилось видное мѣсто Украинѣ, но высказался за необходимость сдѣлать еще дальнѣйшій шагъ въ этомъ отношеніи—дать мѣсто въ немъ произведеніямъ на малороссійскомъ языкѣ. Для насъ чрезвычайно важно категорическое заявленіе автора, что малороссійскій языкъ и написанныя на немъ произведенія пользовались тогда всеобщей любовью въ Малороссіи, что ими зачитывалось все образованное тогдашнее общество и что, наконецъ, они находили себѣ не мало почитателей въ Петербургѣ, Москвѣ и во всей Россіи. Очень любопытно также признаніе, что сказочки Гулака-Артемовскаго на малороссійскомъ языкѣ нравились также, какъ Энеида. При такихъ условіяхъ, въ особенности же если принять во вниманіе, что Гулакъ-Артемовскій предполагалъ быть однимъ изъ двухъ редакторовъ „Украинскаго Журнала“ и что въ „Харьковскомъ Демокритѣ“ Масловича уже раньше печаталось кое-что по-малороссійски, желаніе Бѣлецкаго-Носенка представляется вполнѣ разумнымъ и справедливымъ и можно только пожалѣть о томъ, что ни въ Украинскомъ Вѣстникѣ, ни въ Украинскомъ Журналѣ не было введено хотя-бы въ самой скромной формѣ (напримѣръ народно-поэтическаго творчества) малорусской словесности.

Павелъ Галаганъ изъ Нѣжина писалъ, что онъ „будетъ всячески содѣйствовать распространенію столь полезнаго для южнаго края Россіи изданія и тѣмъ самымъ способствовать размноженію въ народѣ истиннаго просвѣщенія“.

Редакторомъ „Украинскаго Журнала“ оказался одинъ адъютантъ Склабовскій, въ пользу котораго попечитель, по ходатайству передъ министромъ предоставилъ на 1-й годъ весь чистый доходъ отъ изданія, за его трудъ вообще и за привлеченіе подписчиковъ въ частности. Над-

зоръ за редакціей и журналомъ былъ порученъ также и ректору университета.

Въ 1825 г. совѣтъ постановилъ передать изданіе Украинскаго журнала Склабовскому и при этомъ измѣнилъ самую программу его.

Попечитель округа однако потребовалъ, чтобы журналъ попрежнему издавался отъ имени университета, подъ ближайшимъ наблюдениемъ ректора и чтобы изъ новой программы его были исключены моды, а политическія извѣстія черпались исключительно изъ Петербургскихъ Вѣдомостей и Сына Отечества. Профессоровъ, адъюнктовъ и другихъ чиновниковъ университета попечитель просилъ поддерживать журналъ своими статьями. А директорамъ училищъ предписано было доставлять свѣдѣнія, касающіяся городовъ и важнѣйшихъ селеній ихъ губерній¹⁾. Любопытно, что тогда уже существовало ясное сознаніе о необходимости для успѣха провинціального органа возможно лучшей и широкой постановки мѣстнаго отдѣла. Вслѣдъ заѣмъ попечитель обратился съ новымъ циркуляромъ, въ которомъ просилъ доставлять статьи о малороссійскомъ краѣ и поддержать журналъ подпискою. Замѣтимъ еще кстати, что попечитель снабдилъ Склабовскаго, уѣзжавшаго въ Петербургъ, рекомендательными письмами къ тогдашнимъ журналистамъ и литераторамъ—Жуковскому, Карамзину, Гречу, Воейкову, Булгарину, Измайлову, Свиныну, Спасскому. Одинъ изъ нихъ—Воейковъ—въ отвѣтъ писалъ, что доставитъ Склабовскому не совѣты, а нѣчто лучшее—непосредственное знакомство у себя въ домѣ съ извѣстными писателями.

Въ 1824 году журналъ далъ чистый доходъ, изъ котораго редактору было отчислено 1250 р., остальную же сумму совѣтъ университета

¹⁾ Вотъ что писалъ по этому поводу попечитель университету. „Разсматривая издаваемый университетомъ Украинскій журналъ, я нахожу, что въ немъ нѣтъ почти статей, относящихся собственно до положенія и состоянія губерній, входящихъ въ составъ Харьковскаго учебнаго округа; а таковыя статьи были бы по моему мнѣнію весьма любопытны и наставительны. Вслѣдствіе чего предлагаю университету предписать директорамъ всѣхъ подвѣдомыхъ ему гимназій, дабы они поручили отъ себя лучшимъ и способнымъ учителямъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ заняться составленіемъ топографическихъ и статистическихъ описаній городовъ и важнѣйшихъ селеній, где буде можно, то и цѣлыхъ уѣздовъ или совѣтовъ, и таковое описаніе препроводили бы къ редактору журнала для помѣщенія ихъ въ немъ цѣлыми статьями или выписками. Въ этихъ описаніяхъ стараться, начиная съ происхожденія и положенія мѣста, не упустить изъ виду разнаго рода заведеній, промысловъ и произведеній во всѣхъ трехъ царствахъ природы, также народонаселенія, образа жизни обывателей и тому подобнаго; всего же лучше сочинить и препроводить къ директорамъ для руководства программу или оглавленіе матерій, какія въ этихъ описаніяхъ одни за другими слѣдовать должны. Лучшія въ этомъ родѣ описанія заслужатъ вниманіе и благодарность начальства“.

предлагалъ попечителю выдать Склабовскому тогда, когда будетъ приведена въ извѣстность подписка на 1825 годъ. Но попечитель потребовалъ выдачи въ пользу редактора и остальной суммы чистаго дохода (размѣра ея мы не знаемъ). Въ 1825 году журналъ себя не окупилъ (недостало 513 р.), при чемъ получено за него отъ подписчиковъ всего 2625 р.; иными словами, не оказалось и 100 платныхъ подписчиковъ (принимая во вниманіе, что многогородніе платили по 30 руб. за экземпляръ); но изъ этого прихода нужно было уплатить еще 725 р. почтамту. Новый попечитель Перовскій просилъ министра выдать Склабовскому 2000 р. изъ хозяйственныхъ суммъ университета за усердное редактированіе журнала въ 1825 году. Но министръ призывалъ уплату Склабовскому этихъ 2000 р. излишней ¹⁾.

Любопытно вступительное слово редактора, помѣщенное въ 1-мъ январскомъ номерѣ журнала. Въ началѣ говорится о недостаточномъ количествѣ журналовъ и газетъ въ Россіи вообще, затѣмъ о необходимости спеціальнаго журнала для Украйны. „Для жителя Украйны какъ ни занимательны всѣ русскіе журналы; но онъ, безъ сомнѣнія, съ болѣею охотою и любопытствомъ читалъ бы такіе, которые бы принадлежали собственно Украинѣ. Тоже можно сказать не только о какой-либо странѣ вообще, но и о каждомъ городѣ въ особенности“. Есть и причины, обуславливающія такой недостатокъ—право цензуры принадлежитъ университетамъ, а они существуютъ въ немногихъ городахъ; типографіи губернскихъ правленій находятся въ неудовлетворительномъ состояніи; публика недостаточно поддерживаетъ журналы подпиской, а предпочитаетъ часто уродливыя, но занимательныя произведенія. Въ Харьковѣ, съ его университетомъ, многими учебными заведеніями и ярмарками, только одни „Харьковскія Извѣстія“ заполняли пустоту, „непростительную для ученыхъ украинцевъ“. Цѣль журнала редакторъ опредѣляетъ такъ. „Съ распространеніемъ правильныхъ и ясныхъ понятій о благочестіи и христіанскихъ добродѣтеляхъ, вмѣстѣ способствовать и распространенію всеобщаго вкуса къ отечественной словесности, особенно въ мѣстахъ, Харьковскому учебному округу подвѣдомыхъ, имѣя при томъ въ виду и другія части наукъ и искусствъ, образующія умъ и непосредственно дѣйствующія на нравственность. Почему сверхъ статей, какія обыкновенно входятъ въ составъ періодическихъ изданій, въ Украинскомъ Журналѣ особенное вниманіе обращено бу-

¹⁾ Всѣ эти данныя объ Украинскомъ Вѣстникѣ и Украинскомъ Журналѣ заимствованы мною изъ дѣла канц. поп. № 675/35, хранящагося въ Харьк. унив. архивѣ.

деть на критическій разборъ лучшихъ произведеній отечественной поэзіи, при руководствѣ самаго строгаго безпристрастія. Краткія статьи нравственныя,—все по учебной части примѣчанія достойное, относительно Императорскаго Харьковскаго университета, его учебнаго округа, института Благородныхъ дѣвицъ и частныхъ пансіоновъ, въ Харьковѣ находящихся,—также все, что касается до историческихъ извѣстій, земледѣлія, торговли, промышленности и другихъ достопамятностей южной Россіи и собственно такъ называемой Украины—преимущественно будетъ въ немъ помѣщаемо. Сверхъ сего въ концѣ каждой книжки будутъ припечатаны (если не встрѣтятся какихъ либо затрудненій) метеорологическія наблюденія, дѣлаемые въ Харьковѣ каждый день постоянно въ 6 часовъ утра, въ 2 часа и въ 9 часовъ по полудни, а по открытіи обсерваторіи въ университетѣ, будутъ помѣщаемы также и астрономическія.

Хотя редакторъ надѣется и увѣрять, что гг. члены И. Х. университета снабдятъ его лучшими произведеніями учености и познаній своихъ, хотя имѣетъ онъ на первый разъ достаточное количество и собственныхъ матеріаловъ, при всемъ томъ произведенія постороннихъ особъ, соотвѣтствующія цѣли сего журнала и могущія украсить оный, будутъ приняты съ истинною признательностію. Гг. сочинители и переводчики могутъ присылать таковыя піесы въ Харьковъ, на имя редактора Украинскаго Журнала, адъюнкта 8 класса Александра Васильевича Скабовскаго;—желающіе же подписаться на полученіе сего журнала благоволятъ относиться съ требованіями своими въ правленіе Императорскаго Харьковскаго университета, прилагая при томъ за каждый экземпляръ, изъ двадцати четырехъ книжекъ состоящій, по 25 руб. ассигн. и проясывая обстоятельно имя, имя, отчество, фамилію и мѣсто пребыванія своего; впрочемъ могутъ также оныя деньги присылать и на имя редактора, для передачи въ упомянутое правленіе. Но редакторъ объявляетъ однажды навсегда, что онъ не принимаетъ на себя затруднительной обязанности отсылать обратно полученныя имъ піесы, если бы оныя по какимъ либо причинамъ не были напечатаны въ составляемомъ имъ журналѣ, и отказывается отъ всякой по сему предмету переписки. Касательно же исправности въ изданіи университета принялъ съ своей стороны всѣ надлежащія мѣры—и всякій изъ подписавшихся непременно будетъ получать въ каждый мѣсяцъ по двѣ книжки; въ противномъ случаѣ имѣетъ отвѣстись въ правленіе упомянутого университета, которое не преминетъ въ само-скорѣйшемъ времени удовлетворить всякое законное требованіе. Имена особъ, подписавшихся на полученіе Украинскаго Журнала, будутъ припечатаны въ книжкахъ оного“.

Въ программѣ новаго журнала не было такихъ рѣзко опредѣленныхъ отдѣловъ, какіе мы видѣли въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“, но и здѣсь все-таки были ученыя статьи, художественная проза, стихотворенія и мѣстный отдѣлъ.

Укажемъ на важнѣйшія статьи изъ этихъ отдѣловъ и начнемъ съ 1-го ученаго. Разборъ оды выбранной Ломоносовымъ изъ Іова—самого редактора. „О гордости и смиреніи“—статья душеспасительнаго характера; „Объ отношеніи просвѣщенія, нравственности и политики къ истинамъ откровенія“—рѣчь, произнесенная студентомъ Вас. Якимовымъ въ торжественномъ собраніи студенческаго библейскаго товарищества при Харьковскомъ университетѣ, религіознонравственнаго содержанія. „О цѣли бытія человѣческаго“ (пер. съ французскаго)—человѣкъ существуетъ въ мірѣ, чтобы исполнять волю Божию—вотъ основная идея статьи; „О вѣрѣ“—религіознаго содержанія; „О подражаніи“—литературноэстетическаго характера; „Замѣчанія о крымскихъ татарахъ“—извлеченіе изъ описанія путешествія въ Крымъ одного англичанина, переводъ съ французскаго перевода, заключаетъ въ себѣ любопытныя данныя о крымскихъ татарахъ; „Объ отреченіи“—религіознонравственное назиданіе; „Первый урокъ о бытіи Божиѣмъ“ (пер. съ французскаго), Описаніе города Θεодосіи Бурдунова; Иванъ Купало—А. С(клавовскаго); описаніе найденныхъ недавно въ Кіевѣ разныхъ старинныхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей—Берлинскаго; о поэзіи и краснорѣчій, „Истинная премудрость“, О познаніи Бога отъ природы. Нѣчто о правѣ собственности, О сожженіи римскаго флота Архимедомъ, О связяхъ общественныхъ (пер. изъ Цицерона воспитанниками павсіова Роберти подъ ред. П. Сокальскаго), Разсмотрѣніе книги подъ названіемъ: Философія основанная на религіи, О ложныхъ мнѣніяхъ относительно поэзіи и краснорѣчія А. Токарева, Мысли передъ отъѣздомъ Ив. Вернета, Рѣчь Марія къ римскому народу (пер. изъ Саллюстія Вл. Цыха), Краткое описаніе Имп. Никитскаго сада, О пользѣ и цѣли поэзіи А. С(клавовскаго), О счетныхъ системахъ Байкова (тактовая рѣчь), О признательности А. Пафнутьева, Переправа черезъ Дрѣфиръ (изъ писемъ къ украинскимъ друзьямъ), Нѣчто о пристрастіи Вернета, О брани, которую человѣкъ долженъ вести съ собою и почему, О поэзіи и краснорѣчій на востокѣ, О покаяніи, До какой степени можетъ простираться вліяніе училищъ на образованіе народнаго духа? (дѣло идетъ о Германіи; статья переведена съ польскаго—Филомавитскимъ), О поэзіи и краснорѣчій—Гулака-Артемовскаго, Навстаненіе Зосима ученику своему, Истинная премудрость, Объ астрономіи—1-я лекція Затеplinскаго, О познаніи Бога изъ природы (пер. съ

М. Ник. Левицкаго), Троицынъ день или русальная недѣля—Склабовскаго, Описаніе Кременчуга—Корнелиуса, Вселенная—статья отрывокъ изъ рукописнаго сочиненія проф. Н. Архангельскаго, О причинахъ изобилія произведеній пластическаго искусства у грековъ, Воспоминаніе о Черноморіи Сбитнева (любопытное), Разсмотрѣніе XII книги Небесной механики Лапласа, О баснѣ и баснописцахъ древнихъ и новыхъ (пер. съ франц.), Дидактическія поэмы (пер. съ франц. Вас. Якимова), Взглядъ на поэму „Войнаровский“, О древнихъ сатирикахъ греческихъ и римскихъ—Токарева, Описаніе г. Прилукъ и его повѣта—Мещерскаго, Тосканское помѣстье Плинія младшаго (пер. съ латинскаго), Объ энеидѣ Вергилія (изъ Бретона Н. Градовскаго), Объ умственныхъ дарованіяхъ грековъ и римлянъ (его-же).

Въ отдѣлѣ словесности находимъ повѣсть „Бетти“, повѣсть Бресна Молодой философъ и молодая философка“, „Марія“ (повѣсть XV вѣка), Елена и Адольфъ, Лалла-Рукъ и др.

Изъ стихотвореній отмѣтимъ „О воспитаніи“ Склабовскаго, гдѣ показывается необходимость изученія роднаго русскаго языка и религознаго направленія („Одна религія дать силу можетъ намъ. Она есть тотъ краеугольный камень, на коемъ зиждется великолѣпный храмъ спасительнаго просвѣщенія“... „Блаженъ, кто свѣтъ науки съ религіей святою умѣлъ въ себѣ соединить“...); „Мысли при чтеніи Слова Божія“; „Къ муравѣ“, „Тоска по миломъ“ и „Грусть“, Е. В. Карнѣеву (попечителю)—Склабовскаго; „Сѣтованіе Галлера о смерти своей супруги“, „Посланіе къ Бажанову“—Дм. Дунина-Барковскаго (О старомъ и новомъ образѣ жизни); „Одиночество“—А. С(клабовскаго); „Молодому воину при подаркѣ ему псалтыри“, „Волкъ и Пастухи“—басня Дм. Дунина-Барковскаго; „На бракосочетаніе Великаго Князя Михаила Павловича съ Великою Княгинею Еленой Павловной“—А. С(клабовскаго); „Отрывокъ изъ утренней пѣсни Виланда“—Н. Савастьянова; „Молодому воину“, „Прощальный гимнъ“ (при выпускѣ благородныхъ дѣвицъ изъ Харьковского института), „Къ душѣ моей“—Ол. Шимковой; „Чаяніе души христіанской“—П. П. Гулака-Артемовскаго; „Смерть Далли“ (изъ „Генриады“ Звѣгипцева); „Разлука“—А. С(клабовскаго); любопытно приобщеніе къ этому стихотворенію редакціи, которая говоритъ, что для этой пьески Барццкій написалъ голосъ и музыку и что онъ же намѣренъ съ 1825 года издавать въ Харьковѣ „Украинскій Музыкальный Журналъ“; „Рыцарь“—древняя нѣмецкая баллада (пер. Склабовскаго); „Чувства христіанина въ день воскресенія Христова“—Н. Савастьянова; „Переложеніе 1-го псалма“—Шестакова; „Царскій столъ“—древнее чешское преданіе—П. А(ртемовскаго)-Г(улака).

Въ мѣстномъ отдѣлѣ мы находимъ статьи—о Харьковскомъ университетѣ, о Харьковскомъ Обществѣ наукъ, о студенческомъ Библейскомъ сотовариществѣ, о Харьковскомъ отдѣленіи Библейскаго Общества, о Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ (очень интересную), о пожертвованіяхъ харьковскаго дворянства, „полемическую замѣтку о тучѣ и молніи въ Изюмскомъ уѣздѣ“, „Описаніе Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ“, объ учрежденіи въ Харьковѣ военнаго училища (проектъ) и списокъ пожертвованій на него, „Посѣщеніе гробницы гр. Долова въ Левендаловкѣ“—Ив. Вернета, „О состояніи просвѣщенія въ Харьковѣ и о публичныхъ испытаніяхъ, происходившихъ въ его учебныхъ заведеніяхъ сего 1824 года въ іюні и іюлі мѣсяцахъ“—любопытная статья съ цифровыми данными, метеорологическія наблюденія, веденныя въ Харьковѣ, извѣстіе объ открытіи попечительства для бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія въ Харьковѣ, извѣстіе о напечатаніи въ Москвѣ учителемъ танцевъ Вареномъ пяти музыкально-танцевальныхъ пьесъ, о благотворительномъ концертѣ Бардицкаго, „Выписки изъ моего путешествія по Изюмскому уѣзду“—Ив. Вернета, „Веселая прогулка по Валковскимъ окрестностямъ“—его же, „Послѣднее мое пребываніе въ Харьковѣ“—его же, списокъ лицъ, сдѣлавшихъ пожертвованіе на устроеніе и благолѣпіе университетскаго храма.

Въ концѣ 1824 г. появился новый отдѣлъ „Малороссійская старина“, въ которомъ были напечатаны—любопытныя универсалы Юрія Хмельницкаго, Мазепы и Скоропадскаго (4), съ пояснительными примѣчаніями редактора, письма Скоропадскаго къ лубенскому полковнику (о торговлѣ), сотнику глуховскому Андрею Марковичу, любопытное письмо изъ Петербурга писаря Стефана Якову Марковичу о приѣмѣ Царемъ гетмана, письмо лубенскаго полковника Якову Марковичу.

Въ 1825 г. появились новыя отдѣлы—библіографія, внутреннихъ и заграничныхъ извѣстій и смѣси. Во второмъ печатались политическія извѣстія, касавшіяся европейскихъ государствъ; въ третьемъ—анекдоты, мелкіе рассказы.

Изъ приведенныхъ здѣсь фактическихъ справокъ о содержаніи журнала видно, что онъ имѣлъ ярко опредѣленное направленіе—религіозно-правственное и мистическое, вполне соответствовавшее направленію министра народнаго просвѣщенія, попечителя округа, ректора университета и самого редактора. Мѣстный отдѣлъ редакція хотѣла выдвинуть въ своей программѣ на первый планъ, но въ дѣйствительности относящихся къ нему статей было не много и на это жаловался Склабовскій въ слѣдующихъ словахъ. „Приношу мою благодарность особамъ, приславшимъ нѣсколько піесъ, прозаическихъ и стихотворныхъ,

для помѣщенія въ Укр. Журналѣ; а достоинство оныхъ опредѣлить имъ надлежащее мѣсто. Но не могу при семъ не изъяснить сожалѣнія, что разсматривая помянутыя піесы, я не нашелъ ни одной, которая содержала бы въ себѣ какія нибудь извѣстія объ Украинѣ или вообще о южной Россіи. Между толикимъ числомъ мѣстъ, Харьковскому учебному округу подвѣдомыхъ, безъ сомнѣнія во многихъ находятся люди, столько любящіе страну родную, что все къ ней относящееся, какъ-то: извѣстія историческія, топографическія и другаго рода описанія, изображеніе характеровъ, нравовъ, обыкновений, привычекъ, занятій, увеселеній, даже собраніе піесенъ малороссійскихъ и объясненій на оныя и т. п. все это, говорю, почитаютъ близкимъ къ сердцу и достойнымъ того, что бы занятіе сими предметами предпочесть стихамъ или прозѣ въ предметахъ, въ тысячи уже книгахъ изложенныхъ и ясно и пріятно. Обыкновенное, всѣмъ уже извѣстное, трудно сдѣлать новымъ и занимательнымъ; а что ново и при томъ касается нашей родины, то уже для насъ занимательно, хотя бы даже и не было въ немъ другаго достоинства, кромѣ новости. Почему и прошу всѣхъ, сколько нибудь любящихъ заниматься русскою литературою и расположенныхъ помѣщать свои произведенія въ Укр. Журналѣ, обратить особенно вниманіе на помянутый предметъ. Всякое по сей части изысканіе и сочиненіе, каково бы оно нибыло, будетъ принято съ истинною признательностію. А что бы избавить сочинителей и собирателей отъ излишнихъ затрудненій и недоразумѣній относительно отправки, прошу присылать таковыя піесы прямо ко мнѣ, надписывая на пакетахъ: *Редактору Украинскаго Журнала въ Харьковѣ*“.

Въ 1831 году вышелъ въ Харьковѣ „Украинскій альманахъ“. Въ прозаической его части помѣщены были статьи Аф. Шпигоцкаго, Буркова, Украинскаго пустынника, о Гаркушѣ Неизвѣстнаго; стихотворенія Е. Гребенки, Погорьльцева, Аф. Шпигоцкаго (по русски и по малороссійски), Фил. Морачевскаго, Льва Боровиковскаго (по малороссійски), Яковлева, Иноземцева; кромѣ того, здѣсь было напечатано нѣсколько малороссійскихъ піесенъ и двѣ малороссійскія думы (о бурѣ на Черномъ морѣ и бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ подъ Азова); послѣднія сообщены были И. И. Срезневскимъ.

Въ 1833 году вышелъ альманахъ въ 2-хъ книжкахъ подъ заглавіемъ „*Утренняя Звѣзда*“, изданный студентомъ Харьковскаго университета И. Петровымъ. 1-я его книга была напечатана въ Москвѣ, 2-я — въ Харьковѣ. На обложкѣ его находимъ виньетку (гравюра Алгенштета, изображающая Лопанскій мостъ, мелочныя лавки, университетскую горку, зданія университета, присутственныхъ мѣстъ и недостроен-

ную соборную колокольню). Въ прозаическомъ отдѣлѣ находимъ малороссійское преданіе „Недобрый глазъ“ П. В. Байскаго, отрывокъ изъ романа „Рапсодіи“ неизвѣстнаго, „Недосозданіе“ Сомова, двѣ картины, и отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ, украинскомъ философѣ И. И. Срезневскаго; интереснѣе всѣхъ послѣдняя статья съ примѣчаніями Гр. Оед. Квитки. Во 2-мъ отдѣлѣ помѣщены стихотворенія Иноземцева, Петрова и Ю..., среди нихъ выдается двѣ главы изъ восточной повѣсти „Зальмара“ Иноземцова. Во 2-й части находимъ исключительно произведенія на малорусскомъ языкѣ: суплика до пана издателя, Салдацькій патреть и Украинское утро—Грыцька Основьяненко, три запорожскія пѣсни, съ переводомъ на русскій языкъ и историческими объясненіями И. И. Срезневскаго, Рыбалка, Батько та сынъ, Рыбка и до Пархома Гулака-Артемовскаго, отрывки изъ „Полтавы“ Пушкина, въ переводѣ на малорусскій языкъ, Будякъ да конопелечка, пшениця—Е. Гребенки, отрывокъ изъ малороссійской Энеиды Котляревскаго, съ приложеніемъ портрета Наталки Полтавки и нотъ къ этой оперы музыки А. И. Барцицкаго. Вторая часть въ художественномъ отношеніи стоитъ несравненно выше первой. Да это и неудивительно: въ ней мы находимъ такіе шедевры, какъ Салдацькій патреть Квитки, Рыбалку Гете въ переложеніи Артемовскаго-Гулака, въ переложеніи, не уступающемъ подлиннику. Да и вообще здѣсь собрано все наиболѣе выдающееся въ тогдашней молодой украинской литературѣ, а въ 1-й книгѣ были только произведенія начинающихъ мѣстныхъ писателей.

Въ 1834 году возникла мысль объ изданіи Харьковскимъ университетомъ журнала подъ названіемъ „Ученые Записки“¹⁾ но ходатайство объ этомъ затянулось на нѣсколько лѣтъ и мы рассмотримъ это дѣло уже въ 3-мъ томѣ своего труда.

Какой же выводъ можно сдѣлать изъ представленныхъ здѣсь фактическихъ данныхъ о научно-литературной дѣятельности преподавателей Харьковскаго университета? Въ какомъ отношеніи изучаемое нами двадцатилѣтіе стоитъ къ первому десятилѣтію въ жизни университета?

Въ области собственно научной мы замѣчаемъ скорѣе регрессъ, чѣмъ прогрессъ, въ особенности въ качественномъ отношеніи. Рижскому, Успенскому, Осиповскому, Стойковичу, Шаду, Гизе можно противопоставить только одного Кронеберга, который открываетъ собою новую эпоху чисто европейскаго научнаго движенія въ Харьковскомъ

¹⁾ Харь. унив. архивъ. Дѣло поп. 1834 г. № 2000/127.

университетѣ; высоко въ научномъ отношеніи стояли также и нѣкоторые другіе профессора, напримѣръ, Дорнъ, Еллинскій и Черняевъ, но послѣдній почти ничего не печаталъ.

Число печатныхъ диссертаций на ученые степени магистра и доктора теперь увеличивается, хотя все таки, какъ мы видѣли, значительная часть университетскихъ преподавателей не имѣла этихъ степеней. Достоинство диссертаций, какъ и прежде, не высокое: по большей части это тоненькія, тощія брошюрки, представляющія изъ себя разсужденія на заданныя факультетами темы. Болѣе научный характеръ начинаютъ приобрѣтать диссертации только къ концу изучаемаго нами періода. И теперь, какъ и прежде, значительная часть диссертаций ставалась въ рукописяхъ, слѣдовательно, совершенно погибала для науки. Многія диссертации (и при томъ не худшія) принадлежали лицамъ, не занявшимъ впослѣдствіи кафедръ въ Харьковскомъ университетѣ; это объясняется тѣмъ, что ученые степени магистра и доктора имѣли большое значеніе при опредѣленіи лицъ на службу—давали права на чинъ высокаго класса, чему придавалось тогда большое значеніе. На этой почвѣ выросли тѣ инциденты съ диссертациями, о которыхъ мы говорили выше. Въ общемъ всѣ эти диссертации очень мало давали и для современной имъ науки, а въ настоящее время совершенно утратили всякій научный интересъ. Актовья рѣчи не имѣли теперь уже того жизненнаго характера, какимъ онѣ отличались въ первое десятилѣтіе: въ нихъ не затрогивались уже прежнія живыя темы общаго характера; въ нихъ не было уже того воодушевленія и страстности, которыми были проникнуты прежніе ораторы, глубокой вѣры въ науку, просвѣщеніе, прогрессъ, наконецъ, въ нихъ не замѣчается уже той свободной борьбы взглядовъ и направленій—реалистическаго и философско-метафизическаго—какую мы видѣли въ рѣчахъ Осиповскаго и Шада; вмѣсто этой свободы мнѣній вездѣ находимъ искусственное насажденіе мистическаго начала съ его нетерпимостью, фанатизмомъ и духомъ преслѣдованія. Впрочемъ актовья рѣчи теперь все таки и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи занимаютъ видное мѣсто въ научной дѣятельности профессоровъ Харьковского университета; значительная часть ихъ въ популярной формѣ знакомила публику съ содержаніемъ и общимъ характеромъ преподаваемыхъ въ университетѣ наукъ или заключала въ себѣ разсужденія по отдѣльнымъ вопросамъ, или, наконецъ, давала оцѣнки и наставленія практическаго характера и, слѣдовательно, имѣла значеніе въ житейскомъ быту. Во всякомъ случаѣ это былъ тотъ родъ произведеній, который имѣлъ большое образовательное вліяніе на мѣстную среду; здѣсь авторы дѣйствовали и живымъ словомъ, и его не-

чатнымъ воспроизведеніемъ. Вліяніе это усиливалось по мѣрѣ замѣны въ литературномъ изложеніи иностранныхъ языковъ русскимъ. Число профессоровъ иностранцевъ, какъ мы видѣли, сильно сократилось и хотя еще и нѣкоторые изъ русскихъ преподавателей выступали иногда, по старой традиціи, съ рѣчами и другими сочиненіями на латинскомъ языкѣ, но все таки русская рѣчь завоевала теперь себѣ твердую позицію въ научномъ обиходѣ. Другіе роды научныхъ произведеній, напимѣръ, критическіе отзывы и рецензіи не получили въ это время особеннаго развитія. Дѣятельность единственнаго ученаго общества, состоявшаго при университетѣ, какъ мы видѣли, была не особенно успѣшна, а въ нѣкоторые моменты и совершенно замирала, но и въ первое десятилѣтіе оно дѣйствовало кратковременно и слабо.

Несомнѣнный прогрессъ мы видимъ въ области журналистики, обязанной своимъ развитіемъ и процвѣтаніемъ въ Харьковѣ Харьковскому университету. Мы сообщили выше подробныя фактическія свѣдѣнія о періодическихъ изданіяхъ, выходившихъ въ свѣтъ непосредственно отъ имени университета или предпринятыхъ по инициативѣ университетскихъ преподавателей и питомцевъ. Но и изданія второго рода по существу были изданіями какъ бы университетскими: они обязаны были самымъ возникновеніемъ своимъ университету, выходили подъ университетской цензурой, печатались въ университетской типографіи, держались главнымъ образомъ сотрудничествомъ профессоровъ или ихъ учениковъ и слушателей. Журналы съ одной стороны удовлетворяли научнымъ потребностямъ университетской жизни, а съ другой создавали и восполняли запросъ на литературное чтеніе въ мѣстной интеллигентной, преимущественно педагогической средѣ. Мы знаемъ, что и сами профессора не чуждались чисто литературныхъ занятій, т. е. опытовъ въ изыщной словесности: И. Е. Срезневскій, Филомаѣтскій, Гонорскій, Масловичъ, Склабовскій, Гулакъ Артемовскій, Квитка ставшіе руководителями журнальной дѣятельности въ Харьковѣ, въ то же самое время были и плодовитыми писателями въ прозѣ и стихахъ и переводчиками иностранныхъ художественныхъ произведеній; вѣкоторымъ изъ нихъ принадлежали цѣлые сборники изыщной прозы и стиховъ, а изъ Гулака Артемовскаго выработался первостепенный писатель на малорусскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, литературное движеніе, начатое въ первое десятилѣтіе, продолжалось, окрѣпло, расширилось и развилось во второмъ и третьемъ десятилѣтіи существованія университета. Рядомъ съ основной русской литературной стихіей, проникавшей главнымъ образомъ при посредствѣ университетской науки и университетскихъ дѣятелей, въ самомъ мѣстномъ обществѣ выдвигалась, росла

крѣпла стихія малорусская, удовлетворявшая живой, внутренней, духовной потребности интеллигентныхъ малороссянъ, усвоившихъ уже себѣ русское образованіе, но не порвавшихъ еще связи со своимъ народомъ въ области духовной культуры, находившихся въ общеніи съ простымъ людомъ, говорившихъ съ нимъ его языкомъ, пѣвшихъ его пѣсни, знавшихъ его преданія и рассказы. Это естественное, непосредственное стремленіе къ народному языку нашло себѣ поддержку и сильный толчекъ къ дальнѣйшему развитію въ появленіи въ сосѣдней полтавщинѣ малорусскихъ произведеній И. П. Котляревскаго, особенно его переложившей *Энеиду*, завоевавшей себѣ къ 20-мъ годамъ XIX в. вѣрные симпатіи всего южнорусскаго общества, въ томъ числѣ и словенско-украинскаго. И вотъ вслѣдъ за полтавскимъ малорусскимъ литературнымъ движеніемъ и, конечно, не безъ его непосредственнаго вліянія возникаетъ харьковское и талантливѣйшими выразителями его являются Артемовскій-Гулакъ и Квитка—первый въ стихотворной части, второй—въ прозаической. Въ альманахѣ „Утренняя звѣзда“ 33 года дѣйствительно расцвѣла новая заря малорусской словесности: мы видимъ произведенія харьковцевъ—Квитки и Гулака-Артемовскаго и полтавцевъ—Котляревскаго и Гребенки, Харьковъ не только цѣнилъ въ своемъ альманахѣ произведенія Полтавы, но и далъ языку для безсмертной „Наташки Полтавки“ вмѣстѣ съ портретомъ ея истинной героини. И харьковское малорусское литературное движеніе, подобно полтавскому, выросло *естественно*—изъ внутренней духовной потребности интеллигентныхъ представителей малорусскаго народа пользоваться богатымъ литературнымъ наслѣдіемъ этого послѣдняго въ видѣ историческихъ и современныхъ пѣсень, сказокъ, преданій и т. п. Что здѣсь не было ничего искусственнаго, навѣяннаго извнѣ, тенденціознаго, это неопровержимо доказывается личными свойствами Квитки и Гулака-Артемовскаго. И тотъ, и другой творили только въ силу глубокой внутренней потребности, и потому что въ совершенствѣ владѣли формою, т. е. языкомъ, и обладали большимъ запасомъ художественнаго матеріала. Оба пробовали первоначально писать по русски, но должны были убѣдиться въ томъ, что все это было слабо и блѣдно, и сильно и художественно выходило только то, что было написано ими на родномъ языкѣ. Гулакъ-Артемовскій при этомъ даже не придавалъ когда серьезнаго значенія своей литературной дѣятельности и сосредоточивалъ все свое вниманіе и всѣ свои заботы на служебной карьерѣ, связанной съ нею чинахъ и наградахъ. Но своимъ воззрѣніемъ онъ стоялъ на консервативной патріотическо-охранительной почвѣ и былъ чуждъ отъ какого то ни было либерализма.

Мѣстное малорусское литературное движеніе опиралось главнымъ образомъ на народную малорусскую словесность; въ той же „Утренней Звѣздѣ“ мы видимъ запорожскія пѣсни, сообщенныя и комментированныя Изм. Ив. Срезневскимъ, который еще раньше напечаталъ думы въ „Украинскомъ альманахѣ“ 1831 года, въ 1833 году выпустилъ въ свѣтъ 1-ю часть своей знаменитой „Запорожской старины“ и въ 1835 г. — украинскую лѣтопись. Въ томъ же альманахѣ 1831 г. помѣщены были, какъ мы видѣли, и нѣкоторыя стихотворенія на малороссійскомъ языкѣ. Прекраснымъ исполнителемъ малороссійскихъ пѣсень былъ, какъ мы знаемъ изъ 1-го тома „Опыта“, и издатель „Украинскаго демокрита“ Масловичъ, владѣвшій также и малорусскою литературною рѣчью.

Расцвѣтъ литературнаго движенія въ изучаемый нами періодъ объясняется съ одной стороны толчкомъ, даннымъ ему въ предшествующее десятилѣтіе, которое сформировало дѣятелей, выступившихъ на литературную арену въ концѣ 10-хъ и началѣ 20-хъ годовъ, а съ другой прогрессомъ въ области русской литературы и журналистики, который не могъ не отразиться и въ новомъ провинціальномъ центрѣ — университетскомъ городѣ Харьковѣ. Что же касается вышнихъ условій для развитія литературы и журналистики (имѣю въ виду главнымъ образомъ цензуру), то эти послѣднія были крайне неблагопріятны. Благодаря имъ, вовсе не могли появиться въ свѣтъ одни повременныя изданія и должны были прекратиться другія; что же касается существовавшихъ, то эти послѣдніе лишены были драгоцѣннѣйшаго блага — свободы и независимости сужденій и должны были приспособляться къ направленію, искусственно прививавшемуся къ русскому обществу кн. А. Н. Голицынымъ. Неудача „Украинскаго журнала“ и объясняется, быть можетъ, въ значительной мѣрѣ несоотвѣтствіемъ усвоеннаго имъ офиціального направленія съ запросомъ и стремленіемъ его читателей, не раздѣлявшихъ піэтического увлеченія редактора журнала. Піэтизмъ и мистицизмъ не проникъ глубоко въ русское провинціальное общество, а захватилъ только его педагогическій кругъ, и то далеко не весь, а одни его офиціальныя вершины и тѣхъ, кто стремился достичь ихъ публичнымъ исповѣданіемъ своего соотвѣтствующаго духу времени *profession de foi*.

Какъ бы то ни было, но литературная сторона въ дѣятельности Харьковскаго университета въ концѣ 10-хъ, въ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ XIX вѣка должна быть особенно подчеркнута нами по ея сильному, широкому, непосредственному и благотворному вліянію на общество. Ею до нѣкоторой степени компенсировался недостатокъ научнаго воздѣйствія университета на мѣстную среду. Въ журналахъ науч-

ный элементъ объединялся съ художественно-литературнымъ. Журналы выдвигали кромѣ того и вопросы высшаго нравственнаго порядка, пробуждали и укрѣпляли духъ общности. Съ величайшею признательностью слѣдуетъ вспомнить, на примѣръ, о томъ, что они пробуждали и укрѣпляли въ мѣстной средѣ духъ широкой общественной благотворительности, реально проявившейся въ обильныхъ пожертвованіяхъ въ пользу мѣстныхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учреждений. Наконецъ, участіе въ журнальной дѣятельности благотворно отражалось какъ на профессорахъ и преподавателяхъ, такъ и на ихъ слушателяхъ— студентахъ—оно увлекало тѣхъ и другихъ или въ сферу научно популярной работы, или въ область литературной критики, или, наконецъ, въ область художественнаго творчества, отвлекавшую отъ будничныхъ интересовъ и дававшую во всякомъ случаѣ авторамъ внутреннее нравственное удовлетвореніе. Мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, что харьковское студенчество было также захвачено этимъ литературнымъ движеніемъ и въ результатъ его явился цѣлый рядъ сборниковъ студенческихъ сочиненій.

Что касается матеріальной обеспеченности профессоровъ Харьковскаго университета, то она въ изучаемый нами періодъ времени была недостаточна, значительно уступая въ этомъ отношеніи первымъ годамъ жизни университета: штаты, т. е. нормы обеспеченія, остались безъ измѣненія, а между тѣмъ курсъ рубля страшно понизился и всѣ продукты и товары сильно вздорожали. Это вздорожаніе, вызываемое преломутой континентальной системой Наполеона, побудило, какъ мы знаемъ, харьковскихъ профессоровъ обратиться въ 1810 году, съ просьбою о прибавкѣ жалованья. Въ 1816 году ходатайство было повторено, ибо дороговизна не только не уменьшалась, а даже скорѣе увеличивалась. Вотъ текстъ этого любопытнаго прошенія.

„Около пяти лѣтъ тому назадъ профессоры и адъюнкты Харьковскаго Университета осмѣливались представлять Вашему Императорскому Величеству бѣдственное состояніе, до котораго они доведены отъ чрезвычайнаго умноженія цѣнъ на необходимыя для жизни предметы.

Крайность ихъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ еще болѣе увеличилась и они вторично объясняли ее въ прошеніи на Высочайшее Имя.

Министръ народнаго просвѣщенія подалъ намъ надежду на предстоящее улучшеніе монетнаго достоинства. Мы дѣйствій его ожидали съ молчаніемъ и повиновеніемъ.

Вскорѣ послѣ того Отечеству было угрожаемо: мы въ сердцахъ нашихъ воздыхали—и вотъ одно пожертвованіе, которое мы моли слѣ-

латъ. Блистательныя побѣды, послѣдствія величайшей храбрости и совершеннаго согласія между союзниками Вашего Величества возвратили миръ Европѣ и поставили Россійскую Имперію на первую степень Европейскихъ державъ. Но нынѣ, всемилостивѣйшій Государь, когда великіе труды Ваши для укрѣпленія общаго спокойствія приведены къ окончанію, позвольте представить Вашему Величеству потери и страданія наши и прибѣгнуть къ Монаршему Вашему правосудію и великодушію.

Всеимилостивѣйшій Государь! Протекшіе девять лѣтъ послужили къ нашему раззоренію. Многіе изъ насъ поддерживали себя пособіями семействъ своихъ въ чужихъ краяхъ, другіе истощили все то, что доставили имъ плоды двадцати и тридцати лѣтнихъ трудовъ, большая же часть вошла въ долги, которыхъ не можетъ заплатить.

Ваше Величество благоволили однакожъ назначить жалованье наше такъ, чтобы, удаляя отъ насъ всякую заботу относительно потребностей жизни, мы могли посвятить себя совершенно трудамъ нашимъ по части народнаго просвѣщенія. Но упадокъ ассигнацій привелъ для насъ въ ничтожество всѣ благотворныя намѣренія Вашего Величества.

Потери, потерпѣнныя симъ существеннымъ уменьшеніемъ нашего жалованья въ теченіи девяти минувшихъ лѣтъ, простираются до 44.628 рублей ассигнаціями для тѣхъ, кои въ тогдашнее время служили ординарными профессорами, а для другихъ профессоровъ и адъюнктовъ въ соразмѣрность съ годами службы ихъ и жалованьемъ.

Сумма эта составляетъ для насъ всю разность между благосостояніемъ и крайностью; но потеря ея тѣмъ чувствительнѣе, что тѣ, кои нѣкоторымъ образомъ участвовали въ учрежденіи университета, достигли такого періода жизни, въ которой нельзя уже болѣе заниматься хозяйственностью, ни помышлять о пополненіи недостатковъ имущества.

Позвольте, Ваше Величество, замѣтить здѣсь, что тѣ только въ государствѣ потерпѣли, которые имѣютъ опредѣленное жалованье или доходы безъ побочныхъ пособій. Произведенія земли и промышленности, иностранные товары, цѣны за работу мастеровыхъ—все болѣе или менѣе поравнялось со сравненнымъ достоинствомъ серебра и ассигнацій. И потому дворяне, купцы, ремесленники и земледѣльцы ничего не потеряли. Въ разсужденіи же гражданскихъ чиновниковъ, они могли бы быть причислены къ нашему сословію, еслибъ старыя обычаи не возвышали жалованья ихъ такъ, что они могли жить въ изобиліи. Мы смѣемъ просить Ваше Величество назначить намъ сравнительно съ временемъ службы и жалованьемъ cadaго вознагражденіе, которое Ваше Величество признаете нужнымъ за протекшіе девять лѣтъ, на предъ будущее же время, для отвращенія всякой заботы опредѣлить намъ жалованье серебромъ,

подобно тѣмъ, которые получаютъ въ Виленскомъ университетѣ, что соответствуетъ достоинству ассигнацій въ 1804, когда Вашему Величеству угодно было назначить доходы Харьковскаго университета. Экономическая казенная сумма, собранная нашими попеченіями, достаточна была для испрашиваемаго нами вознагражденія.

Счетъ убытковъ, понесенныхъ членами университета съ 1807 года.

Когда Его Величество назначилъ жалованье членамъ Харьковскаго университета, тогда курсъ былъ 80 серебромъ на ассигнаціонной рубль. Жалованье ординарныхъ профессоровъ было по 2000 руб. ассигнаціями, квартиру и отопленіе по 500 руб., слѣдовательно, они получали по значенію тогдашняго курса всего жалованья 2000 руб. Жалованье адъюнктовъ также соответствовало 800 руб. серебромъ. Нижеслѣдующее численіе объясняетъ ежегодныя потери ординарныхъ профессоровъ. Курсъ на деньги извлеченъ изъ сочиненія Шторха о политической экономіи (томъ VI таблица № VIII).

	Курсъ на ассигнаціи	Потеря на 80 к. серебромъ	Жалованье обра- щенное въ серебро	Потеря въ серебрѣ на ежегодное жа- лованье
1807	67 ¹ / ₂	12 ¹ / ₂	1.687 р. 50 к.	312 р. 50 к.
1808	53 ³ / ₄	26 ¹ / ₄	1.343 " 75 "	656 " 25 "
1809	44 ² / ₃	35 ¹ / ₃	1.116 " 62 ² / ₃ "	883 " 33 ¹ / ₄ "
1810	33 ¹ / ₃	46 ² / ₃	933 " 33 ¹ / ₃ "	1.066 " 66 ² / ₃ "
1811	25 ³ / ₅	54 ¹ / ₅	645 " — "	1.355 " — "
1812	26 ² / ₅	53 ¹ / ₅	670 " — "	1.330 " — "
1813	25 ¹ / ₅	54 ² / ₅	640 " — "	1.360 " — "
1814	25 ¹ / ₅	54 ² / ₅	640 " — "	1.360 " — "
1815	25 ¹ / ₅	54 ² / ₅	640 " — "	1.360 " — "
1816	25 ¹ / ₅	54 ² / ₅	213 " 43 ¹ / ₂ "	453 " 33 ¹ / ₃ "
и 4 первые мѣсяца			8.509 р. 58 ¹ / ₃ к.	10.157 р. 8 ¹ / ₃ к.

Очевидно, что служившіе въ 1817 году ординарные профессора потеряли 10.157 руб. 8¹/₃ к. серебромъ или 44.628 руб. ассигнаціями. Потеря эта чувствительнѣе для тѣхъ, которые исполняли разныя должности и болѣе находились въ службѣ.

Потеря адъюнктовъ съ 1807 по настоящее время считается 4062 р. 2²/₃ к. серебромъ или 16.248 ассигнаціями.

Слѣдуетъ замѣтить, что при подробномъ изслѣдованіи откроется, что отъ промѣна по показаннымъ курсамъ денегъ сверхъ означенныхъ

убытковъ были еще другіе. Мѣдная монета, мелкое серебро, пяти и десяти рублевныя ассигнаціи составляли особую лажъ и платили до 33 руб. % за мѣдную монету; при размѣнѣ же 50 и 100 рублевыхъ ассигнацій на мелкія бумажки лажъ возвышался и понижался, смотря по вѣтхости ассигнацій.

Независимо отъ этихъ потерь члены университета по чрезвычайной въ осеннее время грязи въ Харьковѣ должны дорогою цѣною нанимать кареты, безъ коихъ признаютъ невозможнымъ пріѣзжать къ своей должности.

Ректоръ Тимофей *Осиповскій*.

Попечитель гр. С. О. Потоцкій съ своей стороны писалъ.

„Общее сословіе университета, препровождая ко мнѣ на Высочайшее Государя Императора имя прошеніе, касательно уравниенія сочленовъ его въ выгодахъ съ профессорами и адъюнктами Виленскаго университета, просить, дабы посредствомъ начальства, это прошеніе доведено было до свѣдѣнія Его Величества. Хотя при теперешнихъ обстоятельствахъ я усматриваю большія затрудненія въ удовлетвореніи гг. членовъ университета по предмету ихъ просьбы, но съ другой стороны, убѣждаясь дѣйствительно неблагопріятнымъ положеніемъ этого сословія, не имѣющаго никакихъ постороннихъ способовъ къ вознагражденію претерпѣваемаго имъ непрестаннаго убытка на денежномъ курсѣ, я почелъ долгомъ представить при этомъ его вмѣстѣ съ нотою о понесенныхъ членами университета убыткахъ съ 1807 года на благоусмотрѣніе и начальническое разрѣшеніе Вашего Сіятельства“.

Комитетъ министровъ постановилъ отложить удовлетвореніе этой просьбы до рассмотрѣнія новаго штата университета. Но совѣтъ Харьковскаго университета въ 1818 году указалъ попечителю на то обстоятельство, что Дерптскій университетъ давно уже пользуется новыми штатами, по коимъ профессора получаютъ жалованья по 1.500 р. сер. выдаваемыхъ, правда, ассигнаціями, но *по курсу* и въ виду этого просилъ о скорѣйшемъ введеніи новаго штата и о выдачѣ профессорамъ единовременнаго пособія въ зависимости отъ срока ихъ службы. Вотъ текстъ ихъ новаго прошенія.

„Въ 1810 году, когда цѣны всѣхъ вещей, слѣдуя за курсомъ ассигнаціонныхъ денегъ, возвысились почти до нынѣшняго ихъ состоянія, члены Харьковскаго университета не могли болѣе содержать себя приличнымъ образомъ, получаемымъ ими по штату жалованьемъ и подавали на Высочайшее Имя просьбу объ улучшеніи ихъ состоянія. Просьба эта доведена была бывшимъ тогда Министромъ Просвѣщенія до воззрѣнія Государя Императора, и Его Величество изволилъ на нее сказать, что это обстоятельство есть общее всѣмъ, которое однакожь недолго продо-

жится. Но такъ какъ это обстоятельство въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ потомъ продолжалось въ равной ежели невозвышающейся степени, то въ началѣ 1816 года подобная просьба членами университета возобновлена была съ присовокупленіемъ, чтобы разстроенное ихъ состояніе поправлено было сверхъ того единовременнымъ вознагражденіемъ. Совѣтъ министровъ, уваживъ эту просьбу, доносилъ опять на благоразсмотрѣніе Государя Императора, и повелѣно было потерпѣть до разсмотрѣнія вновь штатовъ. Нынѣ извѣстно стало Харьковскому университету, что Дерптскій университетъ давно уже пользуется суммами, отпускаемыми по новому штату, по коему профессора получаютъ жалованья до полуторы тысячи серебромъ, производимаго въ ассигнаціяхъ по курсу. Совѣтъ Харьковского университета, заключая изъ этого, что штатъ Дерптскаго университета устроенъ, и зная по состоянію настоящихъ цѣнъ вещамъ, нужнымъ къ содержанію, что теперь и съ устроеннымъ жалованьемъ невозможно содержать себя такъ, какъ при составленіи прежнихъ университетскихъ штатовъ можно было содержать себя положеннымъ въ нихъ жалованьемъ, рѣшился просить ваше превосходительство о ходатайствованіи, дабы и нашего университета штатъ по крайней мѣрѣ устроенъ былъ; и ежели будетъ милость Государя, то пожаловано было бы каждому члену его, по мѣрѣ времени службы его въ трудныхъ обстоятельствахъ, единовременное награжденіе для поправленія разстроеннаго состоянія“.

Попечитель передалъ эту просьбу профессоровъ на благоусмотрѣніе министра, придавъ ей нѣсколько иную редакцію: университетъ ходатайствовалъ о введеніи новаго штата и единовременномъ пособіи, попечитель же о введеніи новаго штата или по крайней мѣрѣ о единовременномъ пособіи. Министръ Народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицынъ отвѣтилъ попечителю, что смѣта на 1819-й годъ уже составлена и утверждена и потому ходатайство о новомъ штатѣ передъ Его Величествомъ можетъ быть возбуждено только по отношенію къ смѣтѣ на 1820 годъ и то по новому представленію попечителя, который долженъ будетъ привести въ пользу его основательные мотивы и указать на особые заслуги профессоровъ и пользу, приносимую университетомъ. Попечитель интерпретировалъ этотъ отвѣтъ министра по своему, въ своемъ духѣ: прямо заявилъ, что министръ будетъ ходатайствовать передъ Государемъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія профессоровъ, „но не прежде, чѣмъ они покажутъ въ полной мѣрѣ свое усердіе къ службѣ, соотвѣтствуя всѣмъ ожиданіямъ высшаго начальства, постараются направлять умы молодыхъ воспитанниковъ къ единой цѣли, указанной имъ, попечителемъ, по волѣ его сіятельства въ прошломъ году, дока-

заны же таковыя старанія чиновниковъ университета будутъ тогда, когда утвердится между ними общее и постоянное согласіе, когда учащіеся покажутъ отличные успѣхи въ наукахъ и чистой нравственности, основанной на христіанскомъ ученіи, и наконецъ когда и самое производство дѣлъ по университету пойдетъ успѣшнѣе. Я увѣренъ, писалъ въ заключеніе попечитель, что университетскіе чиновники дадутъ мнѣ возможность свидѣтельствовать передъ его сіятельствомъ о всемъ вышеизъясненномъ и тѣмъ самымъ скорѣе и прочнѣе улучшится собственное ихъ благосостояніе^а.

Ректоръ университета Т. Ѳ. Осиповскій представилъ въ отвѣтъ на это слѣдующія соображенія о штатѣ.

„Такъ какъ по просьбѣ, поданной Совѣтомъ объ улучшеніи состоянія университетскихъ чиновниковъ, поручено Вашему Превосходительству составить новый штатъ, то я и счелъ за нужное о немъ подумать. По разсмотрѣніи всѣхъ статей, относящихся къ университету, хотя я нашелъ въ нихъ нѣкоторыя пробѣлы (напримѣръ, канцелярія при совѣтѣ, контролерскій столъ при училищномъ комитетѣ, должность надзирателя при классахъ), но такъ какъ въ штатѣ назначено лишнее жалованье для второго профессора богословія, то по обращеніи его на означенныя статьи, штатной суммы будетъ достаточно на все, если только она будетъ имѣть такое денежное значеніе, какое имѣла при составленіи штата. Когда же составлялся штатъ, то исчисленіе суммъ сдѣлано было по расчету рубля двадцати пяти копѣекъ (ассигнаціями) за серебряный рубль, т. е. считая по 100 рублей ассигнаціонныхъ за 80 серебряныхъ рублей. Если и теперь по всѣмъ статьямъ за каждыя штатныя сто рублей будетъ выдаваться по 80 рублей серебромъ, то всѣ нужды по каждой статьѣ будутъ удовлетворены. Не нужно при этомъ, чтобы отпускъ денегъ былъ производимъ непременно серебромъ; довольно и того, когда выдача будетъ производиться ассигнаціями, но по курсу, опредѣленному въ концѣ предыдущаго года на будущій, какъ производится пріемъ серебра въ казну по таможеннымъ. Трудно было бы, вѣроятно, Министерству Финансовъ произвести этотъ переломъ вдругъ, но постепенно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вполне возможно будетъ доставить штатамъ ихъ настоящее значеніе. По моему мнѣнію, не трудно будетъ на первый годъ назначить 50 серебряныхъ рублей за 100 ассигнаціонныхъ, на второй—60, на третій—70 и на четвертый—80, удержавъ эту послѣднюю цифру навсегда. При этомъ можно надѣяться и на возвышеніе курса ассигнацій, а это еще болѣе облегчитъ приведеніе штатовъ въ должный видъ. Не мое дѣло государственныя финансы, но для равновѣсія государственныхъ доходовъ и расходовъ, нужно

ило бы при наложеніи податей, при винныхъ откупахъ и т. п. раскладки и расчеты вести въ серебряной монетѣ. Государству нужны бывають большею частію не деньги, а вещи въ натурѣ, цѣна коихъ чувствительнымъ образомъ соотвѣтствуетъ курсу серебряной монеты. Съ измѣненіемъ курса, измѣняется ихъ цѣна въ ассигнаціяхъ, а отъ того происходитъ неравновѣсіе между государственными приходами и расходами. Къ счастью теперь курсъ серебра падаетъ, а потому балансъ склоняется въ пользу финансовъ" (13 сент. 1819 г.).

Записка Т. Ѳ. Осиповскаго освѣщала вопросъ и устанавливала фнрный исходный пунктъ для опредѣленія новыхъ штатовъ. Если нельзя было прочно улучшить матеріальнаго положенія профессоровъ и университета, то нужно было по крайней мѣрѣ вернуть его къ тѣмъ нормамъ, которыя учреждены были при основаніи университета и которыя въ то время, какъ мы знаемъ, обеспечивали благосостояніе преподавательскаго персонала. Изъ осторожности Т. Ѳ. Осиповскій предлагалъ не сразу рнуться къ этимъ нормамъ, а постепенно—въ теченіе 4-хъ лѣтъ.

Проектъ новаго штата былъ представленъ попечителю, который репроводилъ его къ Министру Народнаго Просвѣщенія при слѣдующемъ смыслѣ. „Крайне бѣдное состояніе университетскихъ чиновниковъ вслѣдствіе возвысившейся на всѣ предметы дороговизны, заслуживаетъ такого къ нимъ снисхожденія. Большая часть чиновниковъ проходитъ службу съ отличною похвалою и успѣхи какъ въ наукахъ, такъ и въ нравственности противъ прежняго оказались большими. Есть однако и некоторые и то немного изъ чиновниковъ—замѣченные не совсѣмъ карательными о своемъ долгѣ, но къ исправленію ихъ пріемлются подлежащія мѣры, при неусыпномъ наблюденіи которыхъ можно надеяться, что скоро все вообще придетъ въ порядокъ и за симъ нельзя ставить прочихъ безъ пособія претерпѣваемой скудости. Почему на улучшение благосостоянія университетскихъ чиновниковъ покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство обратить милостивое вниманіе“.

По вновь проектированному штату жалованье 28 профессорамъ предѣлено было въ 3.900 р. и 500 руб. квартирныхъ. Профессора получали теперь квартирныхъ по 500 р., адъюнкты—по 200 р. Одинъ изъ нихъ—адъюнктъ Криницкій—имѣлъ квартиру въ натурѣ въ университетскомъ помѣщеніи (изъ 3-хъ комнатъ); другой адъюнктъ Черняевъ—раньше занимавшій казенную квартиру, послѣ женитьбы оставилъ ее ¹⁾. 2 адъюнктамъ назначалось по 1.500 руб. (съ квартирными), четыремъ лекторамъ новыхъ языковъ по 1.000 р., 12 магистрамъ педагогическаго

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло пол. № 1254/71.

института—по 600 р., 12 студентамъ-кандидатамъ по 500 р., 60 казенно-коштнымъ студентамъ по 400 р., ректору—1.000 р., 4-мъ деканамъ и непремѣнному засѣдателю по 500 р., синдикъ 400 р., архивариусу совѣта и переводчику совѣта 1.000 р., 4-мъ секретарямъ факультетовъ по 250 руб., директору педагогическаго института 500 руб., инспектору казеннокоштныхъ студентовъ 500 р., библіотекарю 1.000 р., помощнику его—400 р., секретарю правленія 1.000 р., а вмѣстѣ съ канцеляріей—5.000 руб., на осмотръ училищъ 5.000 руб., на путешествія въ чужіе края адъюнктовъ 4.000 руб., священнику и на содержаніе церкви 2.000 р., учителямъ искусствъ—3.000 р., на пенсіи 10.000 руб. Экстраординарные профессора должны были пользоваться адъюнктскимъ окладомъ, а если занимали кафедру, то получали квартирныя деньги по окладу ординарныхъ профессоровъ. Всего по новому штату проектировалось отпускать на Харьковскій университетъ 220.750 рублей вмѣсто прежнихъ 130.000 руб., т. е. на 90.750 руб. или почти на 70% болѣе прежняго ¹⁾.

Однако и это представленіе не имѣло практическихъ послѣдствій. И мы знаемъ уже, что въ 1822 году Харьковскій университетъ черезъ попечителя возбудилъ ходатайство объ увеличеніи штатовъ на счетъ хозяйственныхъ суммъ. Всего проэктировалось прибавки или, точнѣе говоря, перечисленія 64500 р. Но хотя эта прибавка была очень скромна, ибо цѣны на товары въ дѣйствительности удвоились и даже утроились, Министръ нашелъ ее чрезмѣрной и приказалъ не отступать отъ штатовъ ²⁾. Въ 1825 году Министръ Народнаго Просвѣщенія Шишковъ затребовалъ отъ Харьковскаго университета замѣчаній на университетскій уставъ и штаты и эти замѣчанія ему были представлены Совѣтомъ черезъ попечителя ³⁾. Между прочимъ Харьковскій университетъ ходатайствовалъ здѣсь о расширеніи своихъ прежнихъ правъ и преимуществъ экономическаго характера, а именно—дарованное 12-мъ пунктомъ утвердительной грамоты и указомъ 31 мая 1825 года освобожденіе отъ постоя и платежа квартирныхъ денегъ жилищъ профессоровъ. Совѣтъ просилъ распространить и на жилища ихъ вдовъ и сиротъ, а также классныхъ чиновниковъ, состоящихъ при канцеляріяхъ и учрежденіяхъ университета: это послужило бы поощреніемъ для поступленія на службу болѣе способныхъ. Такъ какъ квартирныя деньги взы-

¹⁾ Харьк. унив. Архивъ. Дѣло поп.—529/27. Арх. М. Н. Пр. Д. 6385/162.

²⁾ Настоящее сочиненіе, стр. 374—375.

³⁾ Тоже сдѣлали и другіе университеты; объ университетскихъ реформахъ Шипкова см. С. В. Рождественскаго. Историческій обзоръ дѣятельности Мин. Нар. Просвѣщенія, С.-П.-Б. 1902, 176—192.

жились съ хозяева домовъ, занимаемыхъ профессорами, то эти последние платили столько же, сколько и другіе квартиранты и для доставленія имъ льготы необходимо было, по мнѣнію Совѣта, освободить отъ уплаты этихъ денегъ и ихъ квартирныхъ хозяевъ. Далѣе Совѣтъ просилъ, чтобы опредѣлены были классы должностей прозекторовъ (8) лекторовъ (10), учителей искусствъ (12) и др. лицъ. Прозектировалось также допустить къ участию въ дѣлахъ университета и училищнаго комитета по выборамъ заслуженныхъ профессоровъ, не занимавшихъ кафедръ, ибо своею 25-лѣтнею службою и опытностью они могли бы приносить пользу университету; а если бы заслуженный профессоръ занималъ кафедру, то Совѣтъ считалъ справедливымъ, чтобы онъ на этой кафедрѣ получалъ жалованье кромѣ пенсіи: жены и дѣти умершихъ заслуженныхъ профессоровъ, по его мнѣнію, должны бы получать половину ихъ пенсіи. Было бы справедливо также, писалъ онъ, чтобы преподаватели университета могли выписывать для себя изъ заграницы безплатно книги и учебныя пособія, на такихъ же основаніяхъ, какъ дѣлаетъ это университетъ. О штатахъ Совѣтъ университета далъ такое объясненіе попечителю. „Теперешнее жалованье университетскихъ чиновниковъ совершенно недостаточно для безбѣднаго существованія. Цѣны на всѣ предметы потребленія возвысились такимъ образомъ, что по точному соображенію ихъ, при основаніи университета и въ первые годы его существованія 2000 р. составляли относительно почти вдвое большую сумму, нежели теперь 4000 р., предполагаемые въ жалованье профессорамъ, при чемъ Харьковскій университетъ имѣлъ въ виду и штаты Дерптскаго и Виленскаго университетовъ. Мѣстныя условія г. Харькова во многихъ отношеніяхъ также являются причиною стѣсненнаго состоянія членовъ университета. Квартиры весьма дороги, а особенно въ недалекомъ разстояніи отъ университета. Для имѣющаго семейство наемъ и отопленіе квартиры, удовлетворяющей только самымъ необходимымъ хозяйственнымъ потребностямъ, стоитъ болѣе 1000 р. Весною и осенью, а верѣдко и зимою улицы въ городѣ столь грязны, что университетскіе чиновники, имѣющіе квартиры не вблизи самаго университета, принуждены для сбереженія здоровья держать экипажъ; до кромѣ содержанія и самое неприхотливое обзаведеніе имъ требуетъ издержекъ, даже при всемъ возможномъ ограниченіи расходовъ по другимъ потребностямъ, чрезвычайно обременительныхъ. Предполагаемая по новому штату столь значительная сумма на содержаніе строеній необходима, такъ какъ и цѣны на дрова и пр. возвысились и зданія университетскія сдѣлались несравненно обширнѣе прежняго. Излагаемыя здѣсь обстоятельства извѣстны Вашему Превосходительству и потому

университетъ покорнѣйше просить особеннаго ходатайства со стороны Вашего Превосходительства, дабы высшее начальство удостоило благосклоннаго вниманія замѣчаніе университета¹⁾. Однако Попечитель, представляя эти замѣчанія Совѣта, не поддержалъ ихъ, а наоборотъ заявилъ, что онъ во многомъ не согласенъ съ мнѣніями Совѣта, но не излагаетъ своихъ замѣчаній, чтобы не задерживать Совѣтскаго представленія¹⁾.

Впрочемъ повидимому никакихъ замѣчаній онъ и не представилъ: по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ нѣтъ на нихъ никакихъ указаній. Да и вообще нужно сказать, что дѣло о введеніи новыхъ штатовъ тянулось до 1835 года, когда они были утверждены вмѣстѣ съ уставомъ. Такимъ образомъ, матеріальное положеніе профессоровъ все это время оставалось въ высшей степени печальнымъ и необезпеченнымъ. Неудивительно, что эта необезпеченность принуждала профессоровъ изыскивать себѣ еще и другіе источники доходовъ:—заниматься преподаваніемъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, давать частные уроки, предаваться усиленно медицинской практикѣ, держать пансіонеровъ и т. п.

Особенно сильное развитіе получило пансіонерство, въ послѣдствіи сдѣлавшееся язвой университетской жизни, противъ которой должны были вооружиться лучшіе представители профессорской коллегіи. Сами по себѣ частные уроки профессоровъ и пансіонерство еще не были предосудительны; въ нѣкоторыхъ случаяхъ они были сущимъ благодѣніемъ для студентовъ, но они могли сопровождаться (и дѣйствительно сопровождались) незаконными льготами и поблажками на экзаменахъ, что, конечно, деморализовало и учащихся, и учащихъ и набрасывало неблагопріятную тѣнь на весь университетъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда профессоръ былъ вполне добросовѣстенъ въ дѣлѣ пансіонерства, другіе завидовали его выгодамъ и могли распускать о немъ неблагопріятные слухи. Доказательство этого представляетъ автобіографія Т. Ѳ. Степанова. Разсказавъ о томъ, что товарищи старались выставить его въ дурномъ свѣтѣ передъ помощникомъ попечителя кн. Цертелевымъ, онъ прибавляетъ. „Къ этому присоединилась зависть профессоровъ къ нѣкоторымъ моимъ выгодамъ. При вступленіи въ университетъ (профессоромъ) два года я не имѣлъ у себя студентовъ и не хотѣлъ ихъ имѣть. Но потомъ былъ убѣжденъ совѣтами расположенныхъ ко мнѣ людей. Кузинъ первый далъ мнѣ своего сына подъ надзоръ съ платою по 2500 р. въ годъ. Затѣмъ поступили ко мнѣ другіе студенты; я получалъ отъ нихъ большею частью по 1500 р. Впрочемъ я былъ весьма остороженъ

¹⁾ Харьк. унив. Архив. Д. пом. № 529/27.

въ приемѣ ихъ. Какъ скоро я навѣрное зналъ, что кто-либо вель себя урно и худо занимался, я всегда отказывалъ такому, и черезъ это я лишень былъ многихъ выгодъ. Все таки случалось, что у меня бывали студенты и довольно лѣнныя и не слишкомъ одобрителной нравственности. Скромный образъ моей жизни заставлялъ многихъ думать, что я получалъ большія деньги, но мой капиталъ былъ далеко не тотъ, который былъ предполагаемъ посторонними. Я наблюдалъ очень плохо экономію и ничего не щадилъ какъ для себя, такъ и для студентовъ, это вело меня къ большимъ издержкамъ. Притомъ я дѣлалъ благодѣянія, никому не извѣстныя. Князь Цертелевъ много повредилъ моимъ выгодамъ, итѣсныя меня нѣкоторыми способами. Надзоръ мой за студентами былъ болѣе отчетливый, я не щадилъ для нихъ даже своего здоровья, я прожилъ каждымъ изъ нихъ, и употреблялъ къ пользѣ ихъ все, что могъ. Нѣкоторые доходы давала Т. Ѳ. Степанову опека надъ малолѣтними дѣтьми одного изъ его пріятелей. Вотъ что говорить онъ объ этомъ. 1838 годъ составилъ новую эпоху моей жизни. Передъ этимъ принялъ на себя новое тягостное бремя—это опеку надъ малолѣтними Кожевниковыми. Я былъ близкимъ пріятелемъ ихъ отца, я его любилъ, уважалъ искренно. Ласковые приемы его и его жены въ началѣ пріѣзда моего въ Петербургъ (они въ то время были тамъ) были для меня незабвенны. Никто не хотѣлъ быть опекуномъ, вѣроятно, боясь столкнуться съ непріятными отношеніями къ родственникамъ Кожевниковыхъ. Я пренебрегъ все, желая быть полезнымъ дѣтямъ-сиротамъ. Я далъ себѣ клятву вести опеку самымъ честнымъ, благороднымъ образомъ. И дѣйствительно былъ таковъ. Я рѣшительно ничѣмъ не пользовался, платилъ даже за наемъ дома дѣтей по 2000 р., а потомъ по 1500 р. въ годъ. Первымъ моимъ предметомъ было сохранить капиталы ихъ и доставить имъ возможно лучшее воспитаніе. Ни въ томъ, ни въ другомъ не можно обвинить меня, совѣсть моя чиста. По духовному завѣщанію, начальница, бывшая близко знакома съ покойнымъ Кожевниковымъ, могла имѣть вліяніе на воспитаніе дѣтей. Я, замѣтивъ ея нѣкоторыя самовластные и почти вредныя дѣйствія для опеки, разсорился съ нею и устранилъ ея вліяніе. Это мнѣ стоило многихъ непріятностей. Генералъ-губернаторъ Строгановъ хотѣлъ закрыть весь домъ Кожевниковыхъ, предложивъ удалить дѣтей на какую либо квартиру. Страшась разстройства и потерь въ пекѣ, которыя были бы неизбѣжны, и дорожа спокойствіемъ и здоровьемъ дѣтей, я возсталъ противъ этого намѣренія, успѣлъ отклонить его, но за то навлекъ на себя нерасположеніе генералъ губернатора. Тоже произошло и съ другимъ генераломъ губернаторомъ Кн. Долгоруковымъ. По взысканію долговъ опеки потомъ я нажилъ себѣ страхи и огорченія.

Съ гувернантками, большею частію не соответствовавшими моимъ намѣреніямъ и распоряженіямъ, я имѣлъ нерѣдко досады и непріятности. Къ этому надо присоединить разныя притязанія Сиротскаго суда. Все это много возмутило мой покой, сокрушая мое слабое здоровье“.

Изъ воспоминаній Н. И. Костомарова, бывшаго студентомъ Харьковскаго университета въ 33—35 г.г., мы узнаемъ, что имѣлъ пансіонеровъ и проф. П. Сокальскій, и проф. Гулакъ-Артемовскій. У Сокальскаго положеніе пансіонеровъ было превосходное.

„Меня помѣстили, пишетъ Н. И. Костомаровъ въ своей автобіографіи, у профессора латинскаго языка Петра Ивановича Сокальскаго. Я попалъ къ нему совершенно случайно. Не предполагая прежде помѣститься у этого профессора, я отправился къ нему вмѣстѣ со своимъ учителемъ поговорить на счетъ вступительнаго экзамена изъ латыни, въ которой я себя чувствовалъ недостаточно крѣпкимъ послѣ уроковъ Андрея Ивановича Бѣлинскаго. И мнѣ, и моему учителю Петръ Ивановичъ такъ понравился, что, выходя отъ него, мы рязсудили, что всего лучше мнѣ помѣститься у этого профессора. Передавши нашу мысль моей матери, мы снова отправились къ Сокальскому и договорились съ нимъ о квартирѣ. Окончивъ вступительный экзаменъ по всемъ предметамъ, я простился съ матерью и моимъ деревенскимъ учителемъ, уѣхавшими домой, а самъ остался въ домѣ Сокальскаго. Мнѣ дали отдѣльную комнату въ особомъ флигелѣ, въ которомъ кромѣ меня было четверо студентовъ, проживавшихъ у Сокальскаго также въ отдѣльныхъ комнатахъ. Содержаніе и обращеніе съ нами было очень хорошее; одно только нѣсколько беспокоило меня: Сокальскій не дозволялъ курить табакъ и это побуждало насъ курить въ печную трубу. Однажды я, всунувши для куренія трубку въ верхній душникъ печки, нечаянно зажегъ сажу и самъ испугался; едва потушили и не допустили до пожара; но послѣ того Сокальскій махнулъ рукою и сказалъ: „лучше курите, а то вы мнѣ и домъ сожжете!...“. Семейство Сокальскаго состояло тогда изъ жены, трехъ малолѣтнихъ сыновей и старой тещи, женщины, чрезвычайно доброй и любимой всеми студентами. Эта послѣдняя по имени Надежда Емельяновна, осталась у меня въ памяти, какъ типъ старой добродушной малороссіянки. Она говорила со всеми не иначе какъ по малорусски, очень заботилась о выгодахъ квартирантовъ и по воскресеньямъ сама пекла и приносила намъ на завтракъ превосходные пирожки. Уже много лѣтъ, еще до женитьбы Сокальскаго на ея дочери, она содержала у себя квартирантовъ студентовъ и хвалилась тѣмъ, что ее называли „студентска маты“. Въ числѣ ея бывшихъ нахлѣбниковъ былъ знаменитый Остроградскій, о которомъ она

охраняла благоговѣйное воспоминаніе, какъ о лучшемъ изъ юношей нея проживавшихъ¹⁾. Н. И. Костомаровъ и не нуждался въ про-
екции проф. П. И. Сокальского, и не пользовался ею. Съ августа 1835 г.
Н. И. Костомаровъ перешелъ на квартиру къ проф. П. П. Гулаку-Ар-
темовскому. „Дворъ Артемовскаго-Гулака, говоритъ онъ, помѣщался
очти при оконечности города на одной изъ улицъ, выходившихъ
въ поле. Проминувши нѣсколько дворовъ, можно было достигнуть ста-
го кладбища съ небольшою церковью... Самъ П. П. Гулакъ-Артемов-
скій помѣщался въ одноэтажномъ деревянномъ домѣ, выходившемъ
на улицу, а внутри довольно нарядно убранномъ. Студенты
или размѣщены въ двухъ флигеляхъ, стоявшихъ на дворѣ; въ одномъ
изъ нихъ, состоявшемъ изъ 2-хъ комнатъ, жило двое студентовъ: Де-
вицкій и я“²⁾.

Благодаря сравнительно льготнымъ условіямъ пенсіи, семьи про-
фессоровъ Харьковского университета получали нѣкоторое матеріальное
обеспеченіе. Такъ, напримѣръ, можно было получить пенсію за службу
отъ 5 до 15 лѣтъ: на основаніи утвердительной грамоты и дополни-
тельнаго Высочайшаго указа 31 марта 1811 года и вдова такого про-
фессора, и ея дѣти получали единовременно по полному окладу его
жалованья и въ пенсію по $\frac{1}{3}$ доли его. На этомъ основаніи вдова и
дѣти профессора Ванноти получили по 2.000 руб. единовременно и по
100 р. ежегоднаго пенсіона³⁾.

Проф. Шумлянскій въ 1817 году уволился отъ службы по сла-
бости здоровья и въ особенности зрѣнія и получилъ при увольненіи
за долговременную и безпорочную службу (48 лѣтъ) въ пенсію полный
окладъ жалованья, т. е. 2.000 р.⁴⁾.

16 декабря 1832 года былъ изданъ Высочайшій указъ Прави-
тельствующему Сенату, предоставившій новыя льготы на пенсію *заслу-*
женнымъ профессорамъ, каковыми признаны лица, прослужившіе 25 лѣтъ
о учебной службѣ въ университетѣ. Они могли поступать на новую
службу и получать на ней жалованье, сохраняя свою пенсію. Они не
могли только претендовать на вторую пенсію, если бы таковую выслу-
жили, но если бы она была больше первой, то могли просить о за-
вѣщаніи второю первой. Если бы заслуженный профессоръ пожелалъ занять
какую-нибудь кафедру въ университетѣ, то онъ долженъ былъ подвергнуться

¹⁾ Литературное наслѣдіе, стр. 18—19.

²⁾ Ibidem, стр. 23.

³⁾ Харьк. унив. архивъ, Д. сов. 1819 г. № 36.

⁴⁾ Ibid, 1817 г. № 16.